http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ЕВГЕНІЙ НЕДЗѢЛЬСКІЙ.

Очеркъ карпаторусской литературы

Изданіе Подкарпаторусскаго Народопросвѣтительнаго Союза
въ Ужгородѣ.

УЖГОРОДЪ, 1932.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ его смиренной.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Введеніе.

Задачей настоящаго очерка является краткое, популярное и соотвѣтствующее современнымъ научнымъ даннымъ обозрѣніе литературнаго творчества карпаторосовъ.

Вообще обозрѣнія карпаторусской литературы дѣлались неоднократно, однако, ввиду того, что наука о Подкарпатской (бывш. Угорской) Руси въ послѣднюю четверть XIX в. и въ XX столѣтіи сдѣлала огромный шагъ впередъ, какъ въ смыслѣ публикаціи новыхъ матерьяловъ, такъ и въ отношеніи углубленія самаго изслѣдованія, — всѣ обозрѣнія прошлаго, какъ общія, такъ и частныя, ограничивающіяся опредѣленными эпохами, въ настоящее время оказываются недостаточными, а подчасъ и невѣрными въ силу различныхъ причинъ.

Первыя попытки обозрѣній карпаторусской литературы относятся къ 80-мъ и 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія, какъ самостоятельныя[1]), такъ и въ связи съ другими, болѣе общими вопросами[2]) касательно Угорской Руси. Къ этому времени письменный періодъ литературы отъ ея зарожденія и до XVIII вѣка находился въ полномъ забвеніи, а эпоха послѣ 1848 года не была еще изжита для того, чтобы о ней могли быть сдѣланы окончательныя сужденія. Естественно, что наибольшее вниманіе удѣлялось такъ называемому латинско-мадьярскому періоду, все-же послѣдующее, а особенно предшествующее, было только неполно и неувѣренно преднамѣчено. Всѣ вышеупомянутыя попытки обозрѣній появились внѣ Угорской Руси, въ Россіи.

Только въ 900-хъ годахъ литературное развитіе обращаетъ на себя вниманіе карпаторусскихъ ученыхъ и патріотовъ, которые стремятся осознать значеніе своего литературнаго творчества.

Въ 1892—1893 годахъ Е. А. Фенцикъ публикуетъ въ своемъ журналѣ «Листокъ» анонимную статью: «Очеркъ угро-русской письменности»[3]), гдѣ древній періодъ только упомянутъ, а все вниманіе сосредоточено на эпохѣ

---

[1]) П. Феерчакъ: Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ, Одесса, 1888.

[2]) В. Терлецкій: Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи, Кіевъ, 1874 и Г. А. Деволанъ: Угорская Русь, Москва, 1878.

[3]) Унгваръ, 1892 г. — стр. 52, 63, 76, 87, 125, 162, 196; 1893 г. — 17, 28, 39, 54, 65, 78, 91, 100, 113, 124, 197, 209, 221, 233, 258.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

латинско-мадьярской и на возрожденіи послѣ 1848 года, при чемъ главное вниманіе обращено на дѣятельность отдѣльныхъ, наиболѣе выдающихся писателей, а сущность общественно-національнаго теченія упомянута только вскользь.

Е. И. Сабовъ.

Въ 1893 году выходитъ въ свѣтъ знаменитая «Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ» Евменія И. Сабова, гдѣ впервые сдѣлана попытка печатанія отрывковъ и систематизація матерьяловъ, относящихся къ древнему и среднему періоду карпато-русской литературы, а въ приложенномъ очеркѣ дается въ хронологическомъ порядкѣ богатѣйшій по своему времени матерьялъ касательно литературной и культурной жизни карпатороссовъ[1]). Съ точки зрѣнія современной, конечно, очеркъ Е. И. Сабова потребовалъ-бы значительныхъ измѣненій и исправленій, однако, съ методологической стороны онъ и понынѣ представляетъ научную цѣнность. Заслуги Сабова заключаются въ томъ, что онъ рѣшительно перешелъ отъ національно- публицистическаго обозрѣнія литературы къ научно-историческому, включивъ его въ общее понятіе національно-культурной жизни. Кромѣ того важно отмѣтить, что Сабовъ самъ обратился къ изслѣдованію отдѣльныхъ памятниковъ и авторовъ, а тѣмъ самымъ значительно расширилъ самое понятіе карпаторусской литературы и внесъ въ ея изслѣдованіе самостоятельное мнѣніе, взамѣнъ того общаго мнѣнія, которое сложилось благодаря національно-патріотической традиціи.

Въ «Церковномъ Мѣсяцословѣ» на 1894 и 1895 гг. находимъ новую попытку частнаго обозрѣнія, анонимную, подъ заглавіемъ: «Памятайте наставники ваши!», гдѣ данъ послѣдовательно рядъ критико-біографическихъ очерковъ, главнымъ образомъ дѣятелей національнаго возрожденія послѣ 1848 года.

Вся вышеупомянутая карпаторусская исторіографія ограничивалась исключительно своимъ мѣстнымъ научнымъ трудомъ. 80-ые и особенно 90-ые годы вносятъ въ изученіе Угорской Руси огромныя перемѣны: она становится предметомъ уже не случайныхъ впечатлѣній и сужденій, но спеціальныхъ изслѣдованій русскихъ и галицко-русскихъ ученыхъ. Если въ прошломъ русской науки о культурѣ и бытѣ Угорской Руси встрѣчаются только случайныя замѣчанія русскихъ офице-

[1]) «Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ» изъ «Христоматіи» былъ перепечатанъ въ видѣ отдѣльной книжечки, которая вышла въ изданіи О-ва им. А. В. Духновича въ Ужгородѣ за № 8 общаго списка его изданій.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ровъ изъ походовъ 1799 и 1849 гг. (Ѳ. Глинка, В. Броневскій, М. Лопухинъ), или отрывочныя впечатлѣнія «русскихъ ученыхъ путешественниковъ по славянскимъ землямъ» (П. И. Кеппенъ, Н. И. Надеждинъ, И. И. Срезневскій), то въ 80-хъ годахъ начинаются спеціальныя паломничества на Подкарпатскую (Угорскую) Русь, а въ связи съ этимъ о ней, а въ частности и объ ея литературныхъ памятникахъ, возникаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій. А. С. Будиловичъ, И. Верхратскій, В. Гнатюкъ, А. Л. Петровъ, И. С. Свѣнцицкій, С. Томашевскій, П. П. Филевичъ, И. Я. Франко, В. А. Францевъ и др. примѣняютъ къ карпаторусскому творчеству, въ широкомъ смыслѣ этого слова, научные методы изслѣдованія[1]). Въ области исторіи литературы особый интересъ вызываютъ памятники до середины XVIII вѣка, а именно — рукописные.

Изъ карпаторусскихъ ученыхъ, одновременно работающихъ въ этой-же области, слѣдуетъ отмѣтить Г. Н. Стрипскаго (Біленький)[2]), А. Ф. Кралицкаго и І. Дулишковича.

Одновременно въ различныхъ карпаторусскихъ изданіяхъ, а особенно въ «Мѣсяцословахъ», печатаются статьи І. Мондока, А. Кралицкаго, Е. Фенцика, И. Рошковича, А. Волошина, Ю. Жатковича и др., посвященныя характеристикѣ отдѣльныхъ писателей и условій культурнаго творчества.

Такимъ образомъ, къ 1914 году, къ послѣднему предвоенному рубежу, когда карпаторусская литература вообще должна была замолкнуть на нѣкоторое время, имѣлся уже достаточно обширный матерьялъ, чтобы при его систематизаціи возможно было составить цѣльное представленіе о литературныхъ трудахъ карпатороссовъ — по крайней мѣрѣ на протяженіи четырехъ вѣковъ (XVI—XIX). Къ сожалѣнію такого историко-литературнаго обозрѣнія спеціально для карпаторусской литературы сдѣлано не было. Зато слѣдуетъ отмѣтить рядъ попытокъ иного рода: включеніе карпаторусской литературы въ болѣе обширныя литературныя территоріи, въ рамки литературы славянской[3]), «карпато-русской»[4]) и украинской[5]).

---

[1]) Болѣе подробно см. Ю. А. Яворскій: Изъ исторіи научнаго изслѣдованія закарпатской Руси, изд. «Живое Слово», Прага, 1928. Особо важно отмѣтить труды А. Л. Петрова — «Матеріалы для исторіи Угорской (Закарпатской) Руси», 8 томовъ, 1905—1922; В. А. Францева — «Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси» въ Филологич. Вѣстникѣ, Варшава, 1901, I—II, 145—197; И. Я. Франко — «Карпаторуське письменство XVII—XVIII в.в.», Львовъ, 1900.

[2]) «Старша руська письменность на Угорщинѣ», Унгваръ, 1907.

[3]) А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ: Исторія славянскихъ литературъ, т. I. Здѣсь бѣгло и поверхностно разсказаны нѣкоторые литературные факты XVIII и XIX в. в.

[4]) Ѳ. Ѳ. Аристовъ въ своемъ трудѣ «Карпаторусскіе писатели» (Москва, 1915) намѣчаетъ разсмотрѣніе творчества исключительно писателей XIX вѣка, внося его въ рамки зарубежной Руси (съ точки зрѣнія Руси державной), т. е. Руси Галицкой, Буковинской и Угорской (Закарпатской, Прикарпатской).

[5]) Ив. Франко, О. Огоновскій, позднѣе М. Возняк.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Спеціальное приведеніе въ систему изслѣдованій о карпаторусскомъ литературномъ творчествѣ началось только послѣ войны и переворота, т. е. послѣ 1918 г.

Въ 1918 году «Товариство «Просвѣта» въ Ужгородѣ» выпустило книжку д-ра Володимира Бирчака: Литературнѣ стремлѣня Подкарпатской Руси», которая впервые дѣлаетъ попытку учесть отдѣльныя научныя изслѣдованія прошлаго, систематизировать ихъ въ исторію карпаторусской литературы, но, къ сожалѣнію, въ столь тенденціозной, а мѣстами и просто научно-безграмотной формѣ, что признать ее достиженіемъ исторической науки ни въ комъ случаѣ невозможно[1]).

Въ 1923 г. краткое обозрѣніе карпаторусской литературы дѣлаетъ д-ръ Франтишекъ Тихій[2]). Въ 1925 г. проф. Д. Н. Вергунъ публикуетъ статью «Карпаторусская литература», кото-

---

[1]) Д-ръ Володиміръ Бирчакъ самъ — въ особой «Увагѣ» — заявляетъ, что «книжку печатано пôв року. Друк в нѣй не є одинаковий, правопись не є консеквентна». Съ этимъ можно было-бы еще мириться, если-бы еще большей «неконсеквенціи» не было въ самомъ ея содержаніи. Авторъ книжки, пренебрегая фактами и матерьяломъ, изо всѣхъ силъ стремится доказать, что вся карпаторусская литература по своему существу развивалась въ духѣ идей галицко-украинскаго національнаго сепаратизма, возникшаго въ XIX вѣкѣ. Такая предвзятость ведетъ къ тому, что авторъ признаки такого сознательнаго сепаратизма находитъ уже въ памятникахъ XVI и XVIII в. в., когда вся русская литература, за исключеніемъ книгъ церковно-богослужебныхъ, переживала уклонъ къ діалектамъ, т. е. въ церковно-славянскій текстъ вплетала слова и выраженія живого народнаго языка. Въ это время вся русская литература преодолѣвала церквно-славянскую рутину въ поискахъ, не столько сознательныхъ, сколько вынужденныхъ, новой живой литературной рѣчи, соотвѣтствующей понятіямъ и условіямъ новой жизни. Яркимъ примѣромъ такого преодолѣнія является отнюдь не литература малорусскихъ («украинскихъ») областей, но письменные памятники московскихъ приказовъ и расширенныя редакціи житійной литературы самихъ «москалей».

Та-же предвзятость заставляетъ д-ра В. Бирчака, если не исключить изъ своего изслѣдованія, то только пренебрежительно упомянуть о наиболѣе содержательной, обширной и значимой во всей исторіи Подкарпатской Руси — эпохѣ національнаго возрожденія послѣ 1848 года во главѣ съ Духновичемъ, Добрянскимъ, Раковскимъ, Е. Фенцикомъ, Сильваемъ, Кралицкимъ и др., являющейся гордостью карпатороссовъ.

Языковый и національный сепаратизмъ въ украинскомъ духѣ д-ръ В. Бирчакъ приписываетъ даже тѣмъ писателямъ, которые въ корнѣ отрицали его, какъ напр. Духновичъ или М. Лучкай, А. Павловичъ и Ю. Жатковичъ. Даже «Мукачевскую псалтырь XV. в.» авторъ относитъ къ памятникамъ «цѣкавымъ своєю мовою», хотя она возникла не на карпаторусской почвѣ и написана правильнымъ церковно-славянскимъ языкомъ безъ діалектическаго уклона.

См. также: Ю. Русакъ — «Какъ дѣлается украинская литература» въ календарѣ О-ва им. А. В. Духновича на 1928 г., Ужгородъ, 1927, стр. 94; Валерій Погорѣловъ — «Михаилъ Лучкай и его грамматика «Slavo-Ruthena», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 82, Ужгородъ, 1930; Ю. Л. Яворскій — Ветхозавѣтныя библейскія сказанія въ карпаторусской церк.-учительной обработкѣ XVII в., Ужгородъ—Прага, 1927, стр. 15.

[2]) См. сборникъ «Podkarpatská Rus», Прага, 1923.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

рую, однако, научной признать нельзя, такъ какъ она вовсе не учитываетъ изслѣдовательскихъ работъ послѣдняго времени и вводитъ памятники сомнительнаго происхожденія[1]).

Начиная съ 1918 года, въ силу измѣнившихся политико-національныхъ условій, карпатовѣдѣніе вообще дѣлаетъ огромный шагъ впередъ. Разыскиваются и публикуются памятники рукописной литературы, подвергаются научной критикѣ прежнія сужденія объ отдѣльныхъ авторахъ и трудахъ, систематизируются матерьялы по исторіи церкви и т. д. Въ частности въ области изученія литературнаго движенія карпаторроссовъ слѣдуетъ особо упомянуть имена слѣдующихъ русскихъ, галицко-русскихъ и чешскихъ ученыхъ: А. Л. Петрова, В. А. Францева, Ю. А. Яворскаго, И. Панькевича, Е. Ю. Перфецкаго, Ѳ. Ѳ. Аристова, Г. Ю. Геровскаго, А. В. Флоровскаго, В. А. Погорѣлова, А. Н. Фатѣева, Фр. Тихаго, Ант. Гартла, А. В. Попова, О. Колессу, Д. Н. Вергуна и др. Крупный вкладъ въ родную науку сдѣлали и сами карпатороссы въ лицѣ д-ра Василія Гаджеги, д-ра Юлія Гаджеги, Евменія И. Сабова, Иринея Кондратовича, Ю. Русака, д-ра Н. Бескида, К. И. Стрипскаго. Я. Н. Стрипскаго, Павла Федора и др. Всѣ эти авторы по мѣрѣ силъ и возможностей обратились къ фактическому матерьялу, а тѣмъ самымъ къ медленному, но вѣрному установленію своего карпаторусскаго прошлаго.

Что касается обозрѣній послѣднихъ лѣтъ, то и понынѣ они имѣютъ частный характеръ. Въ 1929 г. вышелъ «Очеркъ карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія» Павла Федора, представляющій собою рядъ критико-біографическихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ авторамъ съ краткимъ введеніемъ, трактующимъ старшіе періоды[2]). Тотъ-же, приблизительно, періодъ включенъ проф. Я. Махаломъ въ его «Славянскія литературы»[3]). Особый интересъ вызвала литература послѣдняго, послѣвоеннаго, періода, отчасти затронутая въ «Очеркѣ» П. Федора и подробно разработанная въ статьяхъ д-ра Антонина Гартла — «Deset let podkarpatského písemnictví»[4]), а также Е. Л. Недзѣльскаго — «Десять лѣтъ карпаторусской литературы»[5]) и «Современная карпаторусская литература»[6]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время карпаторусская литература уже имѣетъ богатое, а по нѣкоторымъ вопросамъ и совершенно исключительное научное обслѣдованіе, которое, однако, еще не получило обработки, ввидѣ цѣльнаго и научно безпристрастнаго очерка. Попытки прошлаго въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, въ настоящее время удовлетворитель-

---

[1]) Сборникъ: «Восемь лекцій о Подкарпатской Руси», Прага, 1925.
[2]) Изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 56, Ужгородъ, 1929.
[3]) Slovanské literatury Прага, 1925. т. II. 1931.
[4]) Оттискъ изъ «Slovanského Přehledu», Прага, 1930.
[5]) Сборникъ «Карпаторусскія достиженія», Мукачево, 1930, стр. 117 121.
[6]) «Центральная Европа», Прага, № 4, стр. 201—212.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ными признаны быть не могутъ. Единственная работа, небольшая по размѣрамъ, но чрезвычайно цѣнная по собранному матерьялу, которая можетъ представить разнообразіе и несомнѣнное богатство литературной жизни Подкарпатской Руси, принадлежитъ Ю. А. Яворскому. Мы имѣемъ ввиду его очеркъ «Значеніе и мѣсто Закарпатья въ общей схемѣ русской письменности», гдѣ только перечислены важнѣйшіе памятники литературы вплоть до эпохи Духновича, но гдѣ собрана обширная библіографія, дающая ключъ къ систематическому учету литературной исторіи карпаторусскаго народа. На эту книжку мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи постоянно ссылаться, указывая въ примѣчаніяхъ только на важнѣйшія работы по тому или иному памятнику, или вопросу.

Принимая во вниманіе незначительную, сравнительно съ масштабомъ русскихъ пространствъ, территорію, занимаемую Подкарпатской Русью, а также тѣ условія, или чаще затрудненія, въ которыхъ должна была протекать культурно-національная жизнь карпаторосовъ, можно смѣло сказать, что карпаторусская литература отличается большой плодотворностью, національной устойчивостью и многообразіемъ. Слѣдуетъ всегда имѣть ввиду, что карпатороссы вѣками были лишены національной школы, русской книги, какъ проводника русской культуры, права на пользованіе роднымъ языкомъ въ общественной жизни, отличались матерьяльной бѣдностью и политическимъ безправіемъ, что сочеталось съ постоянной тенденціей со стороны правительства къ узаконенію «рутенскаго», «русинскаго» провинціализма и отрыва отъ общерусской культуры. Однако, несмотря на все это, даже при бѣгломъ учетѣ того, что вѣка сохранили для современности, карпаторусская литература имѣетъ полное право занять вполнѣ опредѣленное мѣсто въ обширномъ понятіи — русской литературы.

Прежде чѣмъ перейти къ фактамъ литературнаго творчества Подкарпатской Руси, слѣдуетъ условиться еще по двумъ вопросамъ, а именно:

1. Въ какомъ отношеніи стоитъ карпаторусская литература къ русской литературѣ вообще?

2. На какіе періоды удобнѣе разбить карпаторусскую литературу въ цѣляхъ удобства ея разсмотрѣнія?

1. Первый вопросъ важенъ потому, что на протяженіи всего литературнаго изслѣдованія карпаторусскаго творчества неоднократно повторялись ошибки въ томъ отношеніи, что изслѣдователи пытались включить его то въ рамки украинской литературы, минуя понятіе литературы малорусской съ ея территоріальными судьбами, далеко не тождественными съ позднѣйшей идеологіей украинства, то въ область всерусской литературы съ недостаточнымъ вниманіемъ къ его діалектическимъ качествамъ, то, наконецъ, сугубо-провинціальной —

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ни русской, ни украинской, а «русинской», въ духѣ того, какъ это внушалось австро-мадьярскимъ правительствомъ.

Всѣ эти точки зрѣнія являются ненаучными крайностями, такъ какъ онѣ оперируютъ не съ фактическимъ цѣлымъ, а только съ наборомъ фактовъ при полномъ пренебреженіи ко всему прочему.

Если-бы мы попытались факты русской литературы разсматривать по областямъ ихъ возникновенія (скажемъ по областямъ Новгорода Великаго, Кіева, Владиміра, Москвы и т. д.), то пришлось-бы неминуемо признать четыре фазиса ихъ развитія. 1) Въ древнѣйшій періодъ русская литература ограничивается главнымъ образомъ книгами церковнаго обихода и пишется на языкѣ, данномъ церковнымъ просвѣщеніемъ, а именно — на правильномъ церковно-славянскомъ. Въ настоящее время наивно думать, что въ XI—XII столѣтіи церковно-славянская однородность литературнаго языка обусловлена тѣмъ, что говоры русскихъ племенъ еще незначительно различались другъ отъ друга. Племенная и діалектическая жизнь существовала въ полной мѣрѣ и въ ту эпоху; объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники, правда немногочисленные, не церковнаго характера; можно, говорить о чувствѣ сродства между племенами въ силу близости и взаимной понятности говоровъ, но нельзя единство литературнаго, въ данномъ случаѣ церковно-славянскаго, языка разсматривать, какъ результатъ сложнаго и болѣе поздняго процесса культурно-національнаго самосознанія. Русскому народу первую школу грамоты дала Церковь, первыми рукописными книгами были книги церковныя, гдѣ каждое слово было свято. Относясь благоговѣйно къ священнымъ книгамъ, книжный человѣкъ чувство уваженія переносилъ и вообще на все, что написано, на литературный языкъ, правила котораго онъ внимательно усваивалъ по начёту. 2) Второй фазисъ русской литературы относится къ XIV—XVII вѣкамъ, когда русскіе писатели уже не ограничиваются переписываемъ книгъ церковныхъ, но пытаются истолковать ихъ («поученія»), а затѣмъ, пользуясь письмомъ, стараются вообще заносить на бумагу все то, что важно для потомства (лѣтописи, законы, грамоты и дѣла приказовъ), или вообще интересующее любознательнаго человѣка, будь то путешествія, повѣствованія или преданія. Естественно, что въ этомъ случаѣ писатель имѣлъ дѣло уже съ предметами, рожденными новой жизнью и не укладывающимися въ языкъ священныхъ книгъ. Поэтому, соблюдая грамматику языка церковно-славянскаго, писатель вносилъ въ него новыя слова и новыя формы изъ обихода своего времени. Отчасти подъ вліяніемъ запада, отчасти и по личнымъ соображеніямъ, нѣкоторые писатели начинаютъ стремиться писать «по простому», имѣя ввиду тѣхъ, кто будетъ слушать чтеніе, но самъ не грамотенъ и не привыченъ къ стилю церковно-славянскаго языка, живописующаго современный бытъ. Такимъ образомъ,

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

наступаетъ періодъ славяно-русскаго языка въ литературѣ, а поскольку этотъ русскій элементъ въ языкѣ еще не былъ установленъ грамматикой, онъ всегда являетъ признаки діалектичности. (3) Третій періодъ, начинающійся съ XVII вѣка, проходящій весь XVIII вѣкъ и заканчивающійся только на рубежѣ XIX-го, можно характеризовать, какъ время поисковъ и оформленія новаго литературнаго языка — русскаго. Возможно, что, если-бы въ это время не явились печатныя книги, предлагающія однообразный текстъ большому количеству образованныхъ, книжныхъ людей различныхъ округовъ, не было-бы и единаго русскаго литературнаго языка. Письменная литература, ввиду сложности переписки, не могла дать однообразныхъ примѣровъ для всѣхъ пишущихъ людей, она была ограничена въ тиражѣ, и естественно, что переходъ отъ церковно-славянскаго литературнаго языка къ русскому въ каждомъ округѣ получилъ бы свое діалектическое узаконеніе. Только литературно-языковое взаимообщеніе посредствомъ печатной книги въ состояніи было преодолѣть русскія неизмѣримыя пространства и установить то литературное единство, которымъ можетъ гордиться русская культура. Въ литературѣ славяно-русскій языкъ, представляющій случайную смѣсь церковно-славянскаго и «просторѣчія», т. е. живой русской рѣчи самыхъ различныхъ діалектовъ, въ зависимости отъ принадлежности писателя, стремится выдѣлить и удалить излишніе славянизмы, замѣнивъ ихъ словами живого языка. Процессъ этотъ идетъ сознательно, хотя лингвистическія науки еще недостаточно подготовлены къ узаконенію новаго, русскаго литературнаго языка[1]). 4) Наконецъ, четвертый

---

[1]) «Славяно-русскій» періодъ въ русской литературѣ ярко обозначается въ XVI вѣкѣ, когда писатели и ученые того времени начинаютъ различать церковно-славянскій языкъ книгъ церковныхъ отъ письменнаго языка вообще, изобилующаго словами живыхъ говоровъ, но еще не отказавшагося отъ славянизмовъ, въ силу отсутствія къ тому учебнаго руководства. Въ это время появляется цѣлый рядъ «азбуковниковъ», которые пытаются толковать иностранные слова, но при этомъ пользуются не только словами церковно-славянскаго языка, принятаго въ письменности, но и многочисленными русскими, особенно для обозначенія отвлеченныхъ понятій, а иногда и собственными новообрѣтеніями въ русскомъ духѣ. Въ 1627 году въ Кіевѣ выходитъ «Лексиконъ славено-росскій»; къ XVII вѣку относится лексическій сборникъ «Симптома славенороссkая». Въ 1694 году Каріонъ Истоминъ издалъ «Букварь славяно-россійскихъ письменъ». Въ 1748 году въ поискахъ новаго правописанія Тредьяковскій рекомендуетъ писать «по звонамъ», т. е. впервые указываетъ на фонетическое правописаніе. Первая не «славянороссійская» грамматика, но русская, хотя и весьма несовершенная, относится къ 1731 году; напечатана она по нѣмецки въ нѣмецкомъ словарѣ Вейсманна и практическаго значенія не имѣла.

Такая неустановленность грамматики и словаря, конечно, затрудняла писателей, вслѣдствіе чего уже съ XVII вѣка начинаются жалобы на отсутствіе однообразнаго руководства по языку. Ю. Крижаничъ (XVII в.) говоритъ, что писать трудно, ибо нѣтъ «доброй грамматики и лексикона». Посошковъ (начало XVIII в.) указываетъ, что въ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

и послѣдній періодъ русской литературы отличается тѣмъ, что языкъ литературы, узаконенный книгой и школой, съ устойчивымъ правописаніемъ, грамматикой и синтаксисомъ, усложняется богатствомъ словъ и выраженій, какъ за счетъ народнаго языка вообще, такъ и изъ обихода отдѣльныхъ областей русской земли и отдѣльныхъ сословій. Это обогащеніе придаетъ трудамъ писателя мѣстную красочность, вовлекаетъ въ общее русло русскаго творчества діалектическій словарь — слова, словечки и выраженія — не нарушая общаго закона русской литературной рѣчи. Гоголь и Нарѣжный, Данилевскій, Короленко, Гребенка, Станюковичъ привнесли въ языкъ литературы малорусскій колоритъ; Мельниковъ-Печерскій — языкъ старообрядческаго верхняго Поволжья; Гончаровъ, Боборыкинъ, Григоровичъ — языкъ средняго Поволжья; Наумовъ, Маминъ-Сибирякъ, Танъ и Гребенщиковъ — языкъ сибиряковъ и т. д.

Обратимся теперь къ фактамъ карпаторусской литературы.

Самые древніе литературные памятники на Подкарпатской Руси, если исключить фантастическіе домыслы и предположенія, относятся только къ XVI вѣку. Такимъ образомъ памятники церковно-славянскаго періода представлены въ ней скудно. Однако, принимая во вниманіе, что при всѣхъ обстоятельствахъ первыми книгами у русскихъ были книги церковно-богослужебныя и что эти книги и въ болѣе позднѣе время переписывались съ возможной точностью, можно безошибочно сказать, что церковно-славянскій періодъ письменности въ карпаторусской литературѣ былъ.

Начиная съ XIV вѣка и до середины XVIII-го карпаторусская литература, поскольку она открыта и изслѣдована, представляется ввидѣ книгъ учительныхъ и повѣствовательно-назидательныхъ. Естественно, что здѣсь въ полной мѣрѣ

цѣляхъ болѣе высокаго образованія духовенства «Его императорскому величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ». Въ 1735 г. при Академіи Наукъ учреждается особое «Россійское Собраніе», которое было обязано «радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ», а также составить «грамматику добрую и исправную» и «диксіонарій полный и довольный». «Россійская грамматика» Ломоносова (1755 г.) уже четко различаетъ «просторѣчіе» (т. е. русскій разговорный языкъ безъ различія его діалектической принадлежности) отъ «славянизмовъ», однако, на практикѣ различеніе и выдѣленіе обоихъ элементовъ оказалось гораздо сложнѣе. Въ 1789—1794 гг. выходитъ «Словарь Академіи Россійской», гдѣ смѣшаны русскіе и славянскіе элементы. Въ началѣ XIX вѣка лучшими грамматиками являются — И. Орнатовскаго (Харьковъ, 1810 г.) и И. Тимковскаго (Харьковъ, 1811 г.), но обѣ онѣ мѣшаютъ славянскія и русскія слова, устанавливая общій «славянорусскій» языкъ. Въ 40-хъ годахъ XIX в. выходитъ четырехтомный «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка», который также страдаетъ смѣшеніемъ языковъ церковно-славянскаго и русскаго.

Все это особенно важно имѣть ввиду при изученіи карпаторусской литературы, чтобы явленія, наблюдаемыя въ ней, не переоцѣнивать въ смыслѣ ихъ типично-карпаторусской оригинальности.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

должно было проявиться уже и личное творчество карпаторроссовъ, такъ какъ рѣчь шла не только о перепискѣ священныхъ книгъ, но о толкованіи, которое расчитано для бытового обихода. Этотъ бытъ и проявился ввидѣ широкаго внесенія въ письменный церковно-славянскій языкъ многочисленныхъ діалектическихъ формъ. Къ тому были у карпатороссовъ и особыя причины, а особенно слѣдуетъ учитывать идеологію протестантизма, который въ борьбѣ съ латынью проповѣдывалъ необходимость замѣны ея «народнымъ», т. е. національнымъ — нѣмецкимъ (а не простонароднымъ, какъ это неправильно теперь утверждаютъ нѣкоторые украинскіе историки) языкомъ. Галицкіе образцы, изобилующія полонизмами, а также и омадьяріценіе мѣстныхъ карпаторусскихъ говоровъ привело къ тому, что общерусскій уклонъ въ діалектичность въ Угорской Руси изобилуетъ еще и полонизмами, и мадьяризмами и словакизмами.

Начиная съ середины XVIII вѣка и, приблизительно, до середины XIX-го карпаторусская литература развивается въ двухъ плоскостяхъ. Съ одной стороны, образованіе заставило, ввиду полнаго отсутствія не только высшей, но и средней школы на родномъ языкѣ, обратиться къ языкамъ латинскому, а затѣмъ мадьярскому; однако, при этомъ вліяніе просвѣщенія на чужихъ языкахъ не только не вычеркнуло изъ памяти карпатороссовъ сознаніе своей русской національности, но, наоборотъ, дало поводъ углубиться въ изслѣдованіе своего историческаго бытія, хотя-бы и на чужомъ языкѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что чужеязычное просвѣщеніе и именно въ это время играетъ значительную роль и въ Россіи. Труды Академіи пишутся по нѣмецки и по латыни, въ учебникахъ и въ статьяхъ, претендующихъ на научность, встрѣчается изобиліе латинскихъ терминовъ. Одновременно съ нѣмецко-латинскимъ вліяніемъ въ ученой и спеціальной литературѣ во второй половинѣ XVIII в. ярко выражается вліяніе французскаго классицизма на творчествѣ русской изящной словесности, которое выработало и свой діалектъ «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ», напоминающій мадьярско-русскія тирады Ласлова Чопея.

Начиная съ 50-хъ годовъ и особенно послѣ 1848 года, карпаторусская литература стремится избавиться отъ иноязычныхъ вліяній, съ одной стороны, обращеніемъ къ простонародной рѣчи, какъ это было и въ Россіи, а, съ другой — къ общему для всѣхъ русскихъ племенъ — русскому литературному языку. Послѣднее для Угорской Руси оказывалось затруднительнымъ не въ силу того, что этотъ языкъ былъ непонятенъ для народа, а по тѣмъ условіямъ, при которыхъ приходилось его изучать. Въ школѣ подъ видомъ русскаго языка дозволялось преподавать любые діалекты, кромѣ оформившейся грамматики русскаго литературнаго языка, который по тактическимъ соображеніямъ получаетъ наименованіе

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

«великорусскаго», хотя его созданіе въ огромной долѣ связано именно съ трудами малорусскихъ ученыхъ, — «московскаго», «москальскаго» и даже «схизматическаго». Этотъ-же языкъ не допускался и въ литературѣ. Достаточно припомнить, что правительственныя репрессіи принудили И. И. Раковскаго перейти отъ русскаго языка «Церковной Газеты» на діалектъ «Церковнаго Вѣстника»; «Свѣтъ» стараніями еп. Панковича, ставленника мадьярскаго правительства, вынужденъ былъ перейти на діалектическій языкъ — сначала «Новаго Свѣта», а затѣмъ «Карпата». Немало гоненій испыталъ и Е. А. Фенцикъ за русскій языкъ своего «Листка». И, несмотря на это, все-же именно русскій литературный языкъ и русская литература были національной школой для карпаторусскаго національнаго самосознія. Авторы, въ минуту притѣсненій, дѣлали минимальныя уступки въ пользу діалекта, чтобы только оправдаться передъ правительствомъ въ томъ, что ихъ языкъ о т л и ч е н ъ отъ «великорусскаго», т. е. русскаго литературнаго, но ни на украинскій, ни даже на діалектическій мѣстный не переходили, ожидая лучшихъ временъ. Если, такимъ образомъ, языкъ твореній карпаторусскихъ писателей второй половины XIX и начала XX вѣковъ отличается отъ русскаго литературнаго и не достигаетъ его чистоты, то причину слѣдуетъ искать не въ симпатіяхъ къ діалектическому уклону со стороны карпаторусскихъ писателей, но въ вынужденномъ, хотя-бы минимальномъ, діалектизмѣ и въ отсутствіи школы и даже русской книги, какъ способа практическаго изученія. Русская книга, найденная у карпаторосса, неоднократно была истолкована правительствомъ, какъ признакъ государственной неблагонадежности и даже измѣны. И тѣмъ не менѣе она продолжала вліять и воспитывать, вплоть до переворота 1918 года, ею продолжали руководиться всѣ карпаторусскіе писатели, рѣшительно отмежевываясь отъ поощряемаго правительствомъ «русинскаго» или «галицко-украинскаго» діалектизма. Послѣдній въ рамкахъ карпаторусской литературы получаетъ значеніе только послѣ переворота 1918 г., но только какъ теченіе параллельное русскому, что имѣетъ полную аналогію и въ русской литературѣ вообще. Начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія австро-германская политика начинаетъ воспитывать «самостоятельный украинскій народъ» и поощрять самостійничество въ литературѣ. Воля народа, конечно, при этомъ никакой роли не имѣла, такъ какъ русскія школы были исключены административнымъ порядкомъ, и тѣмъ-же административнымъ порядкомъ введены украинскія школы и снабжены средствами украинскія издательства, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1922 году большевиками на территоріи Малороссіи, однако безъ замѣтнаго успѣха. Такимъ образомъ, литература малорусскаго народа, который вѣками участвовалъ въ созданіи обще-русской литературы и ея языка, ни въ коемъ случаѣ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

не можетъ быть ограничена украинской литературой съ ея особымъ правописаніемъ, словаремъ и грамматикой. Подобно тому, какъ нынѣ украинская литература является только частью литературы всего малорусскаго племени, а тѣмъ самымъ и всего русскаго народа, такой-же частью она является и въ современной карпаторусской литературѣ, не имѣя своей специфической традиціи въ прошломъ.

На основаніи этого можно сказать, что карпаторусская литература является законной и органической частью общей русской литературы, развивавшейся аналогично съ литературами прочихъ территоріальныхъ областей, заселенныхъ русскимъ народомъ. Поскольку карпатороссы принадлежатъ къ малорусскому племени, постольку ихъ литература является и областью малорусской литературы въ племенномъ и территоріальномъ значеніи, т. е. она проходитъ всѣ тѣ періоды развитія, которые нами были отмѣчены выше — общія всей русской литературѣ и литературѣ малорусскаго племени съ его позднѣйшимъ украинскимъ резервуаромъ. Но ни въ коемъ случаѣ нельзя считать карпаторусскую литературу частью украинской, такъ какъ въ этомъ случаѣ вплоть до 1900-хъ годовъ придется считать, какъ это и дѣлаютъ украинскіе историки, что она шла по «чужому руслу» и исключать изъ ея богатства самыя выдающіяся имена, или трактовать ихъ въ превратномъ смыслѣ.

На этомъ необходимо было остановиться подробно, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не дѣлать постоянныхъ отступленій въ связи съ отдѣльными періодами и явленіями.

Карпаторусская литература д о л ж н а изучаться въ рамкахъ обще-русской литературы, но она м о ж е т ъ и з а с л у ж и в а е т ъ того, чтобы ея исторія была разсмотрена и особо. Причинъ къ этому нѣсколько. Во первыхъ, ея изученіе значительно опоздало, а потому и изложеніе ея развитія можетъ быть сдѣлано, какъ особое дополненіе къ главамъ русской литературы. Во вторыхъ, развивалась она въ особыхъ условіяхъ, выясненіе которыхъ представляетъ значительный интересъ.

Державный рускій народъ имѣлъ права государственной, національной и религіозной свободы и самостоятельности, а поэтому ему з а щ и щ а т ь эти права не приходилось, въ то время какъ карпатороссы обречены были именно на защиту своихъ правъ, что и дало въ карпаторусской литературѣ рядъ живыхъ отраженій борьбы и чувствъ, присущихъ ей. Въ русской литературѣ есть теченія государственно-революціонныя, но они имѣютъ смыслъ правовой и соціальный, въ то время какъ въ карпаторусской литературѣ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ п а т р і о т и з м ъ, чувство любви къ русскому отечеству, краю, захватывающее все существо карпаторосса-писателя, чувство постоянное, а не періодическое. Въ русской литературѣ есть державная націо-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нальная гордость, вытекающая изъ ея сущности, въ то время какъ вся карпаторусская литература предопредѣляется общей окраской національнаго и словами говоритъ о своемъ національномъ чувствѣ, то прославляя его, то выступая въ его защиту. Въ русской литературѣ есть религіозно-полемическія сочиненія, но они или привнесены, или продиктованы желаніемъ научнаго обоснованія или опроверженія, въ то время какъ карпаторусская литература въ этомъ отношеніи выступаетъ въ защиту своего восточнаго «русскаго» обряда, отражаетъ борьбу, а не только полемику, протестуетъ, а не участвуетъ въ отвлеченномъ спорѣ. Патріотизмъ, живое національное чувство, въ его широкомъ значеніи, и страстность въ борьбѣ за религіозно-церковный обрядъ — вотъ тѣ элементы карпаторусской литературы, которыя вносятъ въ русскую литературу вообще, если не новыя формы творчества, то во всякомъ случаѣ новую и своеобразную остроту творческаго процесса. Въ частности, тема борьбы за русскій языкъ, несомнѣнно, представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію русской литературы, сдѣланный карпатороссами.

II. Дѣленіе карпаторусской литературы на періоды особыхъ затрудненій не представляетъ, такъ какъ изслѣдователи въ этомъ отношеніи во мнѣніи сходятся. Послѣднее дѣленіе, сдѣланное проф. Ю. А. Яворскимъ, является наиболѣе точнымъ и обоснованнымъ, его мы и примемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи[1]). Это дѣленіе таково:

[1]) Е. И. Сабовъ древнѣйшій и средній періоды объединяетъ, что обусловлено было малымъ количествомъ письменныхъ памятниковъ, извѣстныхъ во время написанія его «Христоматіи». Латинскій и мадьярскій-же періоды Сабовъ различаетъ, что справедливо при деталяхъ изученія, но не имѣетъ значенія при краткомъ обзорѣ всей литературы, такъ какъ по времени оба періода неразрывно связаны.

В. Бирчакъ въ своихъ «Литературных стремлѣнях» первый періодъ заканчиваетъ 1588 г., что совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ, но зато второй періодъ («друга доба») у него продолжается до 1798 г. — «коли то появилася Енеѣда Ивана Котляревського — перший русько-украинський твôр, написанный народною мовою». Абсурдность этого дѣленія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во-первыхъ, «Энеида» Котляревскаго вообще никакого отношенія къ карпаторусскому творчеству послѣдующаго періода не имѣла, а возможно, что и вовсе не была извѣстна слѣдующему поколѣнію карпаторусскихъ писателей, а, во-вторыхъ, г. Бирчакъ противорѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ всю письменность второго періода онъ считаетъ писанной въ «майже чистôй народнôй мовѣ», съ чѣмъ согласны и мы. Очевидно, что карпаторусско-малорусскій діалектъ, на которомъ писалась литература средняго періода, значительно отличается не только отъ нынѣшней украинской «мовы», но и отъ гораздо болѣе близкаго къ русскому — малорусскому — языка Ивана Котляревскаго.

Проф. Ю.А. Яворскій, какъ и Е. И. Сабовъ, границъ новаго періода не отмѣчаютъ, но наше обобщеніе не противорѣчитъ ихъ мнѣнію. Понятіе «новаго періода» мы вносимъ, какъ само собою разумѣющееся при наличіи періодовъ древняго и средняго. Указанные историки отмѣчаютъ эпоху латинско-мадьярскую (у Сабова — латинскую и мадьярскую), а затѣмъ намѣчаютъ «Вѣкъ Духновича». Признавая за Духновичемъ огромное значеніе въ дѣлѣ литературнаго развитія карпаторусскаго творчества въ XIX столѣтіи, мы все-же считаемъ не-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

1. Древнѣйшій періодъ или церковно-славянскій продолжается до конца XVI вѣка. Памятники, на которыхъ несомнѣнно можетъ быть установлена дата, относятся только къ XIV вѣку, хотя возможно, что нѣкоторые богослужебные тексты возникли и ранѣе. Впрочемъ, они представляютъ собою не столько литературное творчество, сколько фактъ наличія письменности.

2. Средній періодъ опредѣляется XVII и XVIII вѣками, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ народнаго нарѣчія, и по содержанію онъ представляетъ литературу религіозно-учительную, религіозно-полемическую и назидательно-повѣствовательную.

3. Новый періодъ, который, начинается съ половины XVIII столѣтія и продолжается до нынѣшняго времени, съ частными подраздѣленіями на:

а) Эпоху латинско-мадьярскую съ половины XVIII в. до 40-хъ годовъ XIX вв.

б) Эпоху національнаго возрожденія въ связи съ событіями 1848 г., продолжающуюся приблизительно до 1866 г.

в) Эпоу́у связанную съ дѣятельностью О-ва св. Василія Великаго до конца XIX в.

г) Эпоху національнаго угнетенія и войны до переворота 1918—1819 гг.

д) Эпоху современнаго карпаторусскаго творчества.

обходимымъ не пользоваться его именемъ въ опредѣленіи характера литературной эпохи послѣ 1848 года, такъ какъ одновременно съ Духновичемъ выступали и другія творческія силы, современныя ему, но независимыя отъ его трудовъ, какъ Добрянскій и Раковскій. Кромѣ того мы вносимъ и дальнѣйшее подраздѣленіе литературнаго движенія новаго времени съ цѣлью болѣе точно выявить общественно-національную обстановку этого творчества.

Д-ръ В. Бирчакъ въ дѣленіи новаго періода сохраняетъ свою оригинальность. Латинско-мадьярскій періодъ онъ вообще не отмѣчаетъ, считая его періодомъ «вôдроджења славянських народôв». Духновича онъ выдѣляетъ въ особую главу и, коверкая тексты, пытается его отстранить отъ дальнѣйшаго «зворота до москальофильства», которымъ онъ очень недоволенъ, а потому останавливается на немъ кратко и съ большой дозой желчи, забывая, что именно этотъ періодъ является наиболѣе плодотворнымъ и въ смыслѣ количества написаннаго и опубликованнаго и въ смыслѣ общественно-національнаго значенія.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

I. Древній періодъ.

1. Общія свѣдѣнія о древнемъ періодѣ карпаторусскаго (угро-русскаго) народа.

«Быть писателемъ — не шутка, и не всякому дано свыше. Въ писателѣ по преимуществу должны быть сосредоточены: и языкъ, и кровь, и плоть, и умъ, и сердце и душа народа»[1]).

Этотъ блестящій афоризмъ принадлежитъ одному изъ вдохновеннѣйшихъ представителей карпаторусской литературы И. А. Сильваю — Уріилу Метеору, который въ своей «Автобіографіи» даетъ не менѣе глубокое опредѣленіе значенія литературнаго творчества.

«Въ бытіи народовъ литература не меньше значитъ, какъ душа въ тѣлѣ. Безъ нея можетъ просуществовать извѣстный народъ и за долшее время, но никогда не выйдетъ изъ своего малолѣтства. Онъ можетъ даже дѣлать завоеванія сырой силой, но его вліяніе недолговѣчно; раньше или позже ему суждено исчезнуть съ лица земли, раздробиться по частямъ, слиться съ другими, обогатить собою составъ болѣе развитыхъ».

Эти мысли имѣютъ значеніе общечеловѣческое, но ихъ острота станетъ очевидной для того, кто пожелаетъ обратиться къ изученію литературнаго творчества карпатороссовъ, которое въ сущности и было тѣмъ единственнымъ началомъ, гдѣ сосредоточилась широкая народная душа и сквозь тьмы вѣковъ и дебри событій, то вдохновляясь, то отчаиваясь, то огрызаясь, то уходя, какъ мышь въ нору — протащила свое національное чувство и самосознаніе.

Литературные памятники достовѣрно карпаторусскаго происхожденія начинаются только съ XVI вѣка, отъ болѣе ранняго времени до сихъ поръ обнаружены лишь незначительные фрагменты, которые только даютъ право предполагать о существованіи литературнаго творчества у карпатороссовъ въ древнее время и открываютъ источники, питавшіе его. Однако, пренебречь древнимъ періодомъ и начать изложеніе культурной жизни карпатороссовъ только съ XVI вѣка было-бы непростительной ошибкой. Именно XVI вѣкъ для русскаго народа, волею или неволею оказавшагося за Карпатами, былъ наиболѣе безотраденъ; вокругъ него замкнулось кольцо чуж-

[1]) См. корреспонденцію въ «Листкѣ», Унгваръ, 1886, стр. 396.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дыхъ народовъ, интересовъ и религіозныхъ вѣрованій, создалась атмосфера удушья и началось пренебрежительное удушеніе. И, несмотря на это, именно отъ XVI вѣка мы можемъ прослѣдить вплоть до нашихъ дней возрастающую литературную дѣятельность карпатороссовъ и болѣе глубоко проникнуть въ ихъ національно-культурныя событія. Слѣдовательно, болѣе древній періодъ долженъ быть учтенъ, должно быть установлено, что слѣдуетъ отнести за счетъ скудости карпаторусскаго литературнаго творчества, а что возложить на разрушающую силу временъ-вѣковъ. Здѣсь на помощь приходитъ историческая наука въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ она пользуется не только тѣмъ, что русскими письменами было закрѣплено и сохранилось, но и всею областью вещественныхъ доказательствъ, будь то развалины замка, или названіе села, лѣтопись сосѣдняго народа, или одинокій въ полѣ курганъ. Слѣдуетъ припомнить, что литература каждаго народа начинается съ историческаго обозрѣнія, которое и выясняетъ условія жизни и быта народа, его воззрѣнія и вѣрованія, подготовляя тѣмъ самымъ къ воспріятію его души, — литературы, — какъ она сохранилась, запечатлѣнная въ письменнахъ.

Однако, ничего не можетъ быть болѣе затруднительнаго, какъ дать краткое и научно-достовѣрное изложеніе исторіи карпаторусскаго народа именно въ настоящее время! Не потому, что до настоящаго времени Подкарпатская (Угорская) Русь не останавливала на себѣ должнаго вниманія научныхъ изслѣдователей, — нѣтъ клочка земли, заселенной русскимъ народомъ, аналогичной по размѣрамъ, которая вызвала бы столько изслѣдованій, научныхъ утвержденій и опроверженій, какъ отечество карпатороссовъ, — но въ силу того, что самая исторія относительно карпаторусскаго народа и края, заселеннаго ими, имѣетъ свою, совершенно оригинальную сторону.

Историческая любознательность у карпаторосовъ въ силу извѣстныхъ условій, о которыхъ мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ болѣе подробно, родилась только въ XVIII вѣкѣ. Лишенный всяческихъ правъ, карпаторусскій народъ въ это время былъ объятъ «глубокимъ сномъ», національностью его никто не признавалъ, а рабскій видъ его давалъ поводъ принуждать его къ работѣ въ пользу многочисленныхъ хозяевъ. На внѣ онъ не существовалъ, а въ себѣ, въ своемъ снѣ, онъ по звѣриному чувствовалъ опасность отовсюду, затаивалъ и теплилъ свое народное самосознаніе, «по-русски» молился Богу. А сонъ карпатороссовъ охраняла священная китайская стѣна непросвѣщенности, ибо свѣтъ ученья неминуемо и немилосердно обезцвѣчивалъ и угашалъ русскую лампаду, возжженную невѣдомо когда въ народной душѣ и драгоцѣнную по памяти: по отцамъ, по дѣдамъ, по прадѣдамъ... Тотъ, кто выходилъ за китайскую стѣну для участія въ жизни — долженъ былъ пройти латинскую школу и служить мадьяр-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

скому народу. Искушенный внѣшнимъ блескомъ и карьерою, ушедшій отъ сна не только уже не возвращался къ своимъ братьямъ, но научался презирать ихъ, изъ Грабовчака ставился Дьертянфи и, какъ ренегатъ, конечно, изъ шкуры лѣзъ, доказывая свою лояльность новому отечеству. Счастливая случайность, что въ XVIII вѣкѣ всѣ народы начинаютъ интересоваться своимъ историческимъ прошлымъ; естественно, что и тотъ, кто даже проходилъ школу чуждую по національности, вовлекался въ водоворотъ моднаго изученія древности. И вотъ, находятся среди карпатороссовъ вдумчивые люди, которые, пройдя чуждую школу и на чужомъ языкѣ, дѣлаютъ попытки осознать свое смутно представленное карпаторусское прошлое. Къ этому побуждаетъ и то, что и на востокѣ отъ Карпатъ проживаетъ могущественный и духовно богатый русскій народъ, съ тѣмъ-же языкомъ и тою-же вѣрою. Является страстное желаніе возстановить свою исторію, а такъ какъ это связано съ чувствомъ широкаго патріотизма, то невольно обнаруживается намѣреніе представить эту исторію въ героическомъ освѣщеніи. Съ одной стороны, такого рода историческая ложь диктовалась безотраднымъ настоящимъ, чтобы народу въ его требованіяхъ было на что опереться, а съ другой — она была той соломинкой, за которую хватается утопающій. Поскольку все это диктовалось сердцемъ, и предварительной работы надъ изысканіемъ научныхъ правдъ не было, естественно, что первымъ карпаторусскимъ историкамъ и идеологамъ національности приходилось прибѣгать къ цѣлому ряду домысловъ и многіе историческіе документы трактовать въ духѣ собственнаго патріотизма, что, впрочемъ, присуще вообще всѣмъ порабощеннымъ народамъ, пробуждающимся къ національной жизни. Такъ подъ вліяніемъ чувства возникъ цѣлый рядъ гиперболическихъ преданій, легендъ и quasi — документарныхъ свѣдѣній, которыя, входя въ общую историческую перспективу, и создали чаемый — связный и до невѣроятія ясный разсказъ о карпаторусскомъ прошломъ.

Къ чуслу такихъ легендъ и quasi — документарныхъ домысловъ относятся: наивное представленіе о поселеніи русскихъ за Карпатами съ точнымъ указаніемъ датъ (882, 894 и 1360 гг.) и даже числа поселившихся (баснословные 40.000, пришедшіе съ кн. Ѳеодоромъ Коріатовичемъ); «паннонское» прошлое и принятіе христіанства отъ Кирилла и Меѳодія; Эмерихъ — «Dux Ruizorum» (1031); «Marchia Ruthenorum» (1131), истолкованная, какъ «русская краина» подъ властью «особаго маркграфа-воеводы»; трактовка «кенезя» («шолтыса») съ правами выборнаго князя-правителя области, хотя въ дѣйствительности это былъ только сельскій староста и «лѣкаторъ» поселенцевъ; русскій епископъ въ Бихорѣ (1184); многочисленность русскихъ въ Угріи и Трансильваніи со ссылкой на письмо папы Евгенія IV (1446), которое фактически утверждаетъ именно обратнос; «Dux Ruthenorum» 1299

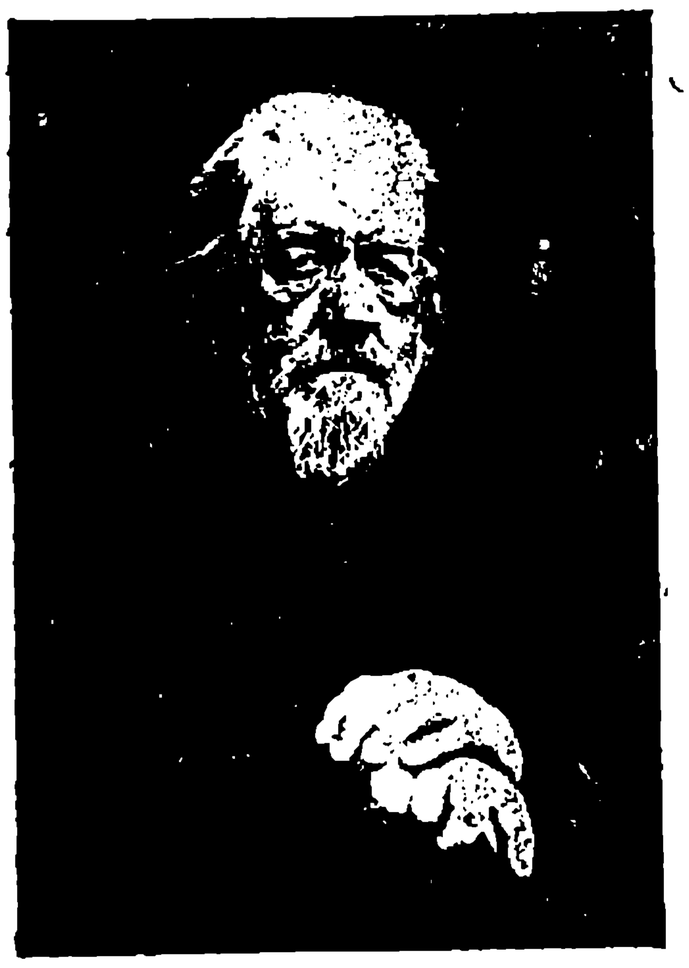
http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

года, фактически не воевода «русской краины», а Левъ Даниловичъ галицкій; «Петръ Петровичъ, русскій воевода», возставшій съ русскими «вельможами» на защиту православія (1320), оказавшійся не русскимъ, католикомъ и вовсе не главой возстанія; безмѣрно-гиперболическая личность князя Ѳсодора Коріатовича — «милостью Божьей князя мукачевскаго», хотя въ дѣйствительности онъ былъ «княземъ Подоліи» и только знатнымъ эмигрантомъ, получившимъ пожизненно мукачевскую доминію, которая и до него и послѣ него была въ рукахъ другихъ разноплеменныхъ вельможъ. И т. д.

Мы умышленно останавливаемся на подробномъ перечисленіи всѣхъ этихъ заблужденій сердца, а потомъ и ума, такъ какъ они вошли въ кровь и плоть не только карпаторусскихъ патріотовъ, но и иностранныхъ ученыхъ, захваченныхъ идеей возсозданія исторической перспективы русскихъ за Карпатами.

Слѣдовательно, въ поискахъ историческаго скелета ученые, пользуясь сначала «добросовѣстной ложью», въ концѣ концовъ запутались въ сѣтяхъ этой лжи и возсоздали разукрашенную мумію карпаторусскаго политическаго героя. Одинъ домыселъ держался на другомъ и предполагалъ третій.

И важно то, что сокрушилъ эту мумію, искусственно созданную и обомшѣлую новыми легендами, русскій ученый, избравъ къ тому благопріятное время.



А. Л. Петровъ.

Колоссальная работа критической провѣрки матерьяловъ о древнемъ періодѣ Подкарпатской Руси была произведена проф. д-ромъ А. Л. Петровымъ, и его книга «Древнѣйшія грамоты по исторіи карпаторусской церкви и іерархіи 1391—1498 г.», вышедшая въ 1930 году[1]), является одновременно и эпилогомъ вавилонской башни карпаторусскаго инертнаго патріотизма и прологомъ къ его новой жизни.

Безпощадно вычеркнувъ изъ исторіи карпаторусскаго народа миражъ политическихъ дѣяній и героевъ, А. Л. Петровъ призналъ единственнымъ героемъ матерьяльно-бѣдный и сословно-единообразный — угнетенный — карпаторусскій народъ, который былъ обреченъ судьбою «на своей шкурѣ терпѣть, испытывать и переносить «дѣянія», совершавшіяся въ Угріи». Такимъ образомъ, вмѣсто мнимо-обоснованной и чрезмѣрно ясной карпаторусской исторической перспективы въ прошлое, — остались только скудныя историческія правды о бытѣ, о церкви, о томъ, что народу суждено было перенести подъ вліяніемъ событій,

[1]) Изд. Sborn pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze; по русски.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

происходившихъ не по его волѣ. Сумма всѣхъ этихъ правдъ и можетъ дать намъ представленіе о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось развиваться карпаторусской письменности древняго періода, какъ мы его по времени опредѣлили — п р и б л и з и т е л ь н о до конца XVI столѣтія.

Остановимся кратко на томъ, что осталось отъ карпаторусской исторіи этого времени послѣ нашествія на нее научной критики, поскольку это важно для изученія литературы и учета души народной.

* * *

Относительно прихода за Карпаты предковъ карпаторусскаго народа можно предложить слѣдующую формулу: они пришли разновременно, разнопричинно, разноплеменно и разносословно. Во первыхъ, они проникали еще въ VII—VIII в., какъ «восточные славяне», или-же подъ давленіемъ извнѣ или въ поискахъ новыхъ, болѣе благопріятныхъ условій жизни; во вторыхъ, какъ группы отдѣльныхъ русскихъ племенъ они появлялись въ качествѣ бѣженцевъ, спасающихся отъ нашествія кочевыхъ ордъ, сначала аваровъ, затѣмъ мадьяръ, хозаръ и печенѣговъ. Такое разнородное пребываніе русскаго элемента за Карпаты можно отмѣтить вплоть до начала XVIII вѣка.

Дату прихода мадьяръ — 896 годъ — также слѣдуетъ считать условной. Начавъ свое кочевье съ уральской прародины черезъ Волгу и южно-русскую степь («Лебедію») въ началѣ IX вѣка, компактная мадьярская орда въ 80-хъ годахъ, тѣснимая печенѣгами, подошла къ Дунаю вмѣстѣ съ хозарской группой. Отсюда по призыву Византіи мадьяры направляются въ Болгарію и опустошаютъ ее, затѣмъ устремляются на западъ въ тисо-дунайскую равнину. Съ 899 года начинаются ихъ налеты на Паннонію и Моравію, восточную Марку и Баварію, вмѣшательство въ борьбу нѣмцевъ и славянъ — вплоть до 955 года. Отражаемые съ большими потерями, мадьяры принуждены были осѣдать, сперва въ Панноніи, а затѣмъ и въ областяхъ къ югу, востоку и сѣверу, устанавливая свою власть сначала оружіемъ, а затѣмъ входя въ мирныя сношенія съ туземцами, т. е. славянами, уже имѣвшими здѣсь свое прошлое въ видѣ Великой Моравіи, а также завязывая сношенія съ сосѣдними державами.

Принявъ это во вниманіе, можно поставить вопросъ — что-же представляли собою въ сословно-бытовомъ отношеніи тѣ «восточные славяне», а затѣмъ русскіе, которые проникали за Карпаты? Они — тоже были кочевниками, но въ иномъ смыслѣ. Они не представляли собою воинственной массы, но жили и передвигались небольшими группами, занимаясь охотой, рыбной ловлей, пчеловодствомъ, земледѣліемъ, а главнымъ образомъ скотоводствомъ. Они осѣдали на время, строили примитивныя жилища, а затѣмъ, благодаря различнымъ при-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

чинамъ, снимались и переходили на новыя мѣста. Такой полукочевой образъ жизни объясняется, во первыхъ, пастушескимъ ремесломъ, затѣмъ, набѣгами болѣе сильныхъ и многочисленныхъ народовъ (напр., татаръ, поляковъ), когда приходилось спасаться отъ гибели, и, наконецъ, стремленіемъ сохранить свободный образъ жизни, т. е., уходя отъ прикрѣпленія къ землѣ, а затѣмъ и крѣпостничества.

Въ XIII вѣкѣ угорскіе короли, въ цѣляхъ успѣшнаго заселенія лѣсныхъ пространствъ, даровали обширныя угодья отдѣльнымъ своимъ вельможамъ. Послѣдніе входили въ договорныя отношенія съ предпріимчивыми лицами — «кенезями» — «шолтысами», — чтобы тѣ на льготныхъ условіяхъ водворяли на ихъ земляхъ поселенцевъ, строили села, прикрѣпляли къ землѣ кочевниковъ и приводили новыхъ людей изъ сосѣднихъ областей. Льготныя условія заключались въ томъ, что новое поселеніе, село, были освобождены на 6—12 лѣтъ отъ барщины и податей. Послѣ этого времени, конечно, осѣвшіе переходили въ крѣпостную зависимость къ владѣльцу доминіи, а въ цѣляхъ выполненія своихъ крѣпостныхъ повинностей уже избирали кенезей (или шолтысовъ, въ зависимости отъ мѣстнаго термина) изъ своей среды. Это осаживаніе продолжалось до начала XVII вѣка, однако еще и въ XVIII и даже XIX вѣкѣ есть свѣдѣнія о кочевой жизни русскихъ. Если обратиться къ конскрипціямъ, то можно установить, что цѣлыя селенія, созданныя изъ русскихъ, освобожденныя на извѣстный срокъ отъ податей, по истеченіи этого срока снимались и уходили, чтобы, конечно, осѣсть въ другомъ мѣстѣ. Это происходило не только по соображеніямъ матерьяльнаго характера, но и во имя сохраненія своей свободы, изъ нежеланія добровольно принимать крѣпостной гнетъ. Переселенія русскихъ спеціально отмѣчены въ цѣломъ рядѣ документовъ вплоть до начала XIX вѣка съ тѣмъ объясненіемъ, что «весь свой домашній скарбъ они легко могутъ унести съ собою за плечами». Это бѣгство закарпатскихъ русскихъ отъ крѣпостничества чрезвычайно любопытно отмѣтить въ томъ отношеніи, что оно совершенно аналогично съ процессомъ въ державной Руси, гдѣ уже въ XVI вѣкѣ потребовалась отмѣна даже «Юрьева дня», т. е. единственнаго дня въ году, когда разрѣшался свободный переходъ. Разница-же въ томъ, что карпатороссы, приспособляясь къ природнымъ условіямъ, принуждены были оставлять земледѣльческій трудъ и переходить въ значительной мѣрѣ на скотоводство, что менѣе связывало ихъ съ землею и селомъ, нежели русскихъ на востокѣ.

Итакъ, въ періодъ до XVII вѣка карпатороссы представляли собою только одинъ сословный классъ — бѣдняковъ, спасающихъ свою свободу, чернорабочихъ, пастуховъ, осаживаемыхъ на мѣстахъ и прикрѣпляемыхъ къ мѣсту и доминіи. Такова была масса; что же касается тѣхъ русскихъ, которые

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

приходили, какъ придворная челядь и дружина, съ русскими княжнами, то, конечно, у нихъ временно было особое положеніе, но когда умирала ихъ госпожа, то и они переходили въ разрядъ того-же, трудового класса, въ лучшемъ случаѣ временно получали право на свободное, т. е. не прикрѣпленное къ доминіи, жительство (jobbágyones castri). Коріатовичъ-же лично можетъ разсматриваться, какъ явленіе единичное; онъ былъ знатнымъ эмигрантомъ, «гостемъ угорскаго короля», говоря по современному, и, конечно, пользовался, но только пожизненными, привилегіями, не составляя, впрочемъ, особаго сословнаго русскаго класса. О положеніи духовенства мы будемъ говорить ниже.

Въ попыткахъ обозрѣнія исторіи Подкарпатской Руси и карпаторусскаго народа обычно говорится о томъ, что въ X—XVI- вѣкахъ при королевскомъ дворѣ было чрезвычайно сильно славянское вліяніе, что славянскій языкъ примѣнялся въ администраціи и что даже на кошелькѣ Стефана I имѣется церковно-славянская надпись, каковая и можетъ быть принята, какъ первый памятникъ карпаторусской словесности. Такъ какъ русскіе получили грамотность отъ церкви и по вѣроисповѣданію были православными, то къ утвержденію о значеніи славянскаго вліянія вообще и церковно-славянскаго въ письменности обычно ставятся въ связь факты изъ области религіозной политики мадьярскихъ королей и жизни высшаго сословія.

Факты эти таковы, что уже въ 950 г. двое мадьярскихъ воеводъ, Булчу и Дюла, приняли православіе въ Византіи и тогда-же была прислана въ Угорщину православная миссія; что Шарольта, дочь одного изъ воеводъ, была женой кн. Гейзы, который крестился подъ ея вліяніемъ; что Стефанъ Святой (997—1038), будучи католикомъ, принялъ коронаціонную мантію византійскаго образца, вышитую въ Веспріемскомъ православномъ монастырѣ, имъ-же заложенномъ; что Ладиславъ Святой защищалъ независимость восточной Угорской церкви, не говоря уже о томъ, что Андрей I, Коломанъ и Гейза II, какъ женатые на русскихъ православныхъ княжнахъ, укрѣпляли восточный обрядъ; что Владиславъ I (Куманъ) явно перешелъ въ православіе и, наконецъ, самъ папа Иннокентій въ 1204 г. жалуется, что на множество греческихъ (т. е. православныхъ) монастырей приходится только одинъ латинскій.

Связавъ эти достовѣрныя свѣдѣнія о сильномъ славянскомъ вліяніи и о восточномъ обрядѣ, историки, и даже не только патріоты, приходили къ утвержденію, что карпаторосссы, какъ славяне и православные, проживающіе въ Угріи, культурно и религіозно вліяли на мадьяръ и жизнь мадьярскаго государства. Къ этому присоединялась, возникшая уже на карпаторусской почвѣ, патріотическая филологія; мадьярскія имена трактуются по созвучію, какъ русскія, а также

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

и несомнѣнный фактъ наличія въ мадьярскомъ языкѣ многихъ словъ славянскаго и русскаго корня. Если даже оставить въ сторонѣ соображенія филологовъ-патріотовъ, то остается достаточно обоснованная картина культурно-религіозной жизни древней Угорщины, свидѣтельствующая о вліяніи карпаторроссовъ, какъ болѣе культурнаго элемента. И эта картина только подкрѣпляетъ отвергнутыя А. Л. Петровымъ свѣдѣнія о наличіи политической жизни карпаторроссовъ въ Угріи и въ корнѣ противорѣчитъ представленію о карпатороссахъ-кочевникахъ и бѣднякахъ.

Ошибка въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что факты церковно-культурной жизни трактуются съ точки зрѣнія гораздо болѣе поздняго времени, когда въ Угорской Руси православными изъ славянъ остались только русскіе, и церковно-славянское письмо начало называться «русскимъ». Первобытный полукочевой бытъ карпаторроссовъ съ одной стороны и славянское и восточно-церковное вліяніе съ другой — факты совершенно различнаго порядка и нисколько не стоятъ въ противорѣчіи другъ къ другу.

Дѣло въ томъ, что древняя Венгрія вплоть до 1526 года была наводнена славянами вообще, а тѣмъ болѣе славянскими вліяніями. Короли женились на русскихъ, чешскихъ и сербскихъ княжнахъ, заключали оборонительные и наступательные союзы съ Русью, Чехіей и Сербіей, а при Людовикѣ I (1370) подъ мадьярской короной были объединены всѣ славянскія земли отъ Балканъ до Балтики, отъ Чернаго моря и до Адріатики. Естественно, что при такихъ условіяхъ рѣчь шла уже не только о славянскомъ вліяніи, но и объ ославянщеніи самаго мадьярскаго государства! Послѣ того какъ волжскіе болгары потонули въ славянскомъ морѣ, въ этомъ ничего удивительнаго не было, однако славянское море не слѣдуетъ отожествлять съ русскимъ, а ужъ тѣмъ болѣе съ карпаторусскимъ, такъ какъ послѣднее значило бы утопить народъ въ ложкѣ воды. Русскія вліянія несомнѣнно были, вѣдь мадьяры болѣе полувѣка «стояли» въ «Лебедіи», т. е. южнорусской степи, въ соприкосновеніи съ русскими — восточнославянскими племенами; чтобы питаться они должны были измѣнить свое привычное заволжское хозяйствованіе и, обучаясь новому хозяйству у русскихъ, воспринимали немало и хозяйственныхъ, а затѣмъ и бытовыхъ терминовъ. Значительное русское вліяніе было временами и при королевскомъ дворѣ въ силу родственныхъ, дипломатическихъ и военныхъ сношеній съ державной Русью и неудивительно, что Святославъ, сынъ Владиміра Святого, въ 1015 году нашелъ убѣжище у Стефана Святого, а сыновья послѣдняго — Андрей и Леонтій — бѣжали на Русь и пребывали тамъ, пока вельможи не призвали Андрея на королевскій тронъ. Коломанъ (1095—1114) вмѣшивается въ дѣла галицкихъ князей, а его сынъ Стефанъ былъ военнымъ союзникомъ князя Ярослава. И т. д.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

То-же слѣдуетъ сказать и о вліяніи восточнаго христіанства — «русской вѣры». Православіе, а позже восточный обрядъ каѳолической церкви, какъ «русская вѣра», опредѣлились на Подкарпатской Руси только въ XVII столѣтіи. Что-же касается того, что мадьяры принимали христіанство, ориентируясь на востокъ и на западъ одновременно, то это не было русскимъ вліяніемъ, а признакомъ борьбы Византіи и Рима. Воеводы Булчу и Дюла приняли христіанство въ Царьградѣ въ 950 г., т. е. уже по ихъ слѣдамъ направилась кн. Ольга (въ 955 г.). Стефанъ Святой, женатый на Шарольтѣ, дочери Дюлы, которая была «восточной вѣры» — самъ принимаетъ католичество и получаетъ изъ Рима королевскій титулъ. Это, однако, не мѣшаетъ ему принять самую корону и коронаціонную мантію греческо-византійскаго образца, учредить женскій монастырь восточнаго обряда и призвать въ него греческихъ василіанъ. Такое совмѣщеніе объясняется дипломатіей съ одной стороны, а съ другой — самое раздѣленіе церквей произошло только въ 1054 г. Въ дальнѣйшемъ угорскіе короли, склоняясь то къ восточному, то къ западному вліянію, дѣйствовали уже въ цѣляхъ международной и внутриполитической выгоды. Византія и Римъ, а не Русь, оказывали вліяніе, и тѣмъ болѣе не угро-россы, т. е. ни сословно, ни хозяйственно, ни политически неорганизованная масса. Конечно, когда вся Русь приняла «грецкую вѣру», и когда короли Угорщины роднились съ русскими князьями и заключали съ ними военные договоры, они должны были благосклонно и терпимо относиться къ вѣрѣ своего мощнаго союзника, но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о русскомъ политическомъ вліяніи, а не о религіозномъ и бытовомъ. Кромѣ того, слѣдуетъ учесть и то, что вѣдь не только Русь, и угро-россы въ частности, были православными, но и многіе народы, сосѣдящіе съ Угріей, вліяющіе на нее и проживающіе въ ней, имѣли восточный обрядъ, а въ частности вся полоса на югъ и юго-востокъ (сербы, болгары, греки, румыны) была связана религіозно съ Византіей.

Такимъ образомъ тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ исторія относительности вліяній — славянскихъ и русскихъ, а также восточно-религіозныхъ — къ карпатороссамъ не относятся, во всякомъ случаѣ спеціально. Возможно и несомнѣнно, что въ болѣе позднія времена карпатороссы вліяли на сосѣдящихъ съ ними мадьяръ въ религіозномъ отношеніи, но это явленіе имѣетъ частный характеръ. Вліяніе на мадьярскую государственную жизнь могла оказать или политическая мощь, или культурно-національное количество и качество; горсть карпатороссовъ этимъ обладать не могла.

Чѣмъ-же были карпатороссы въ культурномъ и религіозномъ смыслѣ?

Русскому народу грамотность и азбуку дала церковь. это

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что и карпатороссы въ этомъ отношеніи раздѣлили судьбу всѣхъ русскихъ.

О началѣ христіанства у карпаторосовъ А. Л. Петровъ говоритъ слѣдующее: «И внѣшній обликъ территоріи Карпатъ, и постепенность ея колонизаціи «восточно-славянскимъ» и «русскимъ» элементомъ, и рѣдкость населенія уже сами по себѣ исключаютъ вопросъ о началѣ христіанства въ Карпатской Руси. Что нельзя его связывать съ сомнительными Паннонскими епископствами, само собой ясно, но нельзя его относить и ко времени св. Меѳодія — не говоря уже объ отсутствіи какихъ либо на это доказательствъ. Такого, приблизительно единовременнаго, обращенія въ христіанство въ Закарпатьи не было. «Восточные Славяне» приходили туда еще язычниками и понемногу поддавались вліянію своихъ сосѣдей христіанъ. «Русскіе» приносили съ собой изъ за Карпатъ «русскую» православную вѣру, а, возможно, и русское духовенство. О какой нибудь іерархіи, центръ которой лежалъ-бы на территоріи Карпатской Руси, нѣтъ никакихъ извѣстій до конца XV в.».

Къ этому заключенію ничего нельзя прибавить, его можно только истолковать примѣнительно къ нашей темѣ — изученію карпаторусской литературы. Ничего нѣтъ удивительнаго, что «восточные славяне», придя въ Закарпатье язычниками, принимали со временемъ и постепенно восточную вѣру, такъ какъ она была въ Галиціи, у румынъ, у болгаръ, ихъ ближайшихъ сосѣдей и пользовалась церковно-славянскимъ языкомъ. Поскольку не было обязательнаго внушенія къ принятію католичества съ латинскимъ языкомъ, постольку оно, какъ чуждое по языку, и не оказывало на карпаторусскихъ предковъ вліянія. Русскія княжны, а впослѣдствіи мадьярскія королевы, вѣроятно привозили съ собою своихъ духовниковъ, но ихъ вліяніе было ограничено. Зато русскіе дружинники, осѣвъ на Угорской землѣ и будучи уже православными, могли вліять и на прочую русскую братію, приходящую иными путями. Какъ свободные и вполнѣ осѣдлые эти дружинники могли у себя имѣть и священниковъ, которые совершали обряды, но по положенію ничѣмъ не отличались отъ прочаго населенія ни въ правахъ, ни въ доходахъ, ни въ классовомъ отношеніи. Эти священники — «батьки» (batykones), какъ ихъ позднѣе называли урбары, — могли также случайно оказаться и среди русскихъ — бѣженцевъ, спасающихся отъ опасности, идущей съ востока. Своихъ священниковъ привелъ, несомнѣнно и бывшій подольскій князь, а затѣмъ крупный помѣщикъ Угріи и королевскій наджупанъ Ѳеодоръ Коріатовичъ. При королях, заинтересованныхъ въ процвѣтаніи восточной церкви (Сигизмундъ, Владиславъ, Матеей Корвинъ), возможно, что въ цѣляхъ упорядоченія дѣлъ парохій въ Угорской Руси приглашались православные священники изъ Галиціи, Молдавіи и Семиградья.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Вотъ рядъ правдоподобныхъ предположеній о церковной жизни у карпаторосовъ до второй половины XIV в. Съ этого времени и до конца XV в. есть нѣсколько документовъ частнаго порядка, а затѣмъ до 1551 г. — «полная тьма». Кто посвящалъ карпаторусскихъ священниковъ и кому были они подчинены — неизвѣстно. Что-же касается ихъ образовательнаго ценза, то объ этомъ можно судить только ретроспективно на основаніи позднѣйшихъ свѣдѣній. По установившемуся мнѣнію богослуженіе предполагаетъ книгу. Но мы имѣемъ рядъ свѣдѣній отъ XVII вѣка, что на Угорской Руси правили службы и просто неграмотные «батьки». Очевидно, что въ древнія времена такіе случаи были нормальны, тѣмъ болѣе, что по своей бѣдности и крѣпостному положенію поселяне и не могли посылать людей «въ науку». «Батьки» были крѣпостными, какъ и ихъ прихожане, но знали примитивно практическую сторону, какъ совершать службы, крестить, погребать и читать молитвы. Возможно, что такой священникъ-практикъ еще при жизни заботился воспитать, «натаскать» своего наслѣдника. Свѣдѣнія о постройкѣ деревянныхъ церквей имѣются съ первой четверти XIV в. — въ Спишѣ, а на востокѣ только съ XV в. (Шаркадъ, Макарьево, Бедевля, Угля). Въ это время, конечно, были и церковныя книги, а возможно, что при церквахъ велись и занятія въ смыслѣ примитивнаго обученія грамотѣ и письму.

Въ карпаторусской исторіи и исторіи литературы обычно первыми очагами просвѣщенія указываются Грушевскій и Мукачевскій монастыри. Съ этимъ необходимо согласиться, однако не слѣдуетъ и переоцѣнивать ихъ значенія. На основаніи документовъ XIV и XV в. можно установить, что въ одномъ Мараморошѣ было семь монастырей, основанныхъ, конечно, ранѣе[1]).

Монастырь св. архангела Михаила около села Драгова былъ основанъ или отцомъ или дѣдомъ воеводы Балицы и магистра Драга въ XIV или во второй половинѣ XIII вѣка. Ихъ отецъ былъ воевода Сасъ, румынъ по происхожденію; Балица и Драгъ позаботились о матеріальномъ положеніи монастыря, а кромѣ того — выхлопотали ему положеніе патріаршей ставропигіи. Существуетъ мнѣніе, что въ монастырѣ имѣлась въ XVII вѣкѣ типографія, однако документально это не доказано[2]). Съ 1556 года монастырь этотъ былъ подчиненъ мукачевскому епископу, а около 1670 г. онъ попалъ въ руки кальвинистовъ и былъ разрушенъ.

---

[1]) Въ Барсанѣ, въ Коньуа = Конуһа выше Розовли на р. Изѣ, въ Бѣлой Церкви, Сопункѣ, Сарвасовѣ, Зановѣ и Грушевѣ.

[2]) Существованіе типографіи обычно относятся ко времени князя Георгія Раковція, т. е. ко второй половинѣ XVII в. А. Кралицкій сообщаетъ, что тамъ печатались книги и на церковно-славянскомъ языкѣ, а въ частности были изданы «Букварь» для учащихся мальчиковъ, «Пентекостаріонъ» и «Антиминсъ» (1696 г.). А. Петрушевичъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

То, что этотъ монастырь былъ основанъ румыномъ, еще не показываетъ, что онъ былъ румынскимъ. Онъ, какъ и другіе, былъ вообще православнымъ монастыремъ и служилъ всѣмъ людямъ «греческой вѣры», пользуясь въ церковномъ обиходѣ церковно-славянскимъ языкомъ.

Монастырь св. Николая Чудотворца на Чернечей горѣ близъ Мукачева по преданію былъ основанъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, бывшимъ княземъ Подоліи, а затѣмъ пожизненнымъ владѣльцемъ мукачевской доминіи. Существовалъ-ли тамъ и ранѣе какой либо монастырь — достовѣрно сказать нельзя, но фактъ тотъ, что Ѳеодоръ Коріатовичъ позаботился о благосостояніи монастыря, хотя доходовъ письменно за нимъ и не закрѣпилъ. Послѣ смерти князя доминія перешла къ другимъ фамиліямъ (сначала къ Матвѣю Палочи, затѣмъ къ Стефану Лазаревичу и т. д.), и монахи оказались въ большомъ затрудненіи. Только ихъ личный трудъ и настойчивость дали возможность и дальнѣйшему, если не процвѣтанію, то существованію монастыря, который затѣмъ игралъ выдающуюся роль въ исторіи карпаторусской церкви и въ культурно-національномъ самосознаніи народа. Этотъ-же монастырь былъ и резиденціей первыхъ мукачевскихъ епископовъ, что также свидѣтельствуетъ объ устремленіи къ нему духовныхъ интересовъ[1]). Въ первой половинѣ XVI в., ввиду смутъ и борьбы, монастырь былъ разрушенъ, монахи разбѣжались, и только въ концѣ XVI в. онъ снова возстанавливаетъ свое значеніе.

Относительно прочихъ монастырей исторія литературы обычно и не упоминаетъ, хотя, ввиду отсутствія свѣдѣній о наличіи въ монастыряхъ школъ, слѣдовало-бы ихъ учитывать всѣ, такъ какъ уже въ силу самаго понятія о монашеской дѣятельности въ древнія времена, монастыри оказывались очагами просвѣщенія и центрами литературной дѣятельности.

Мукачевское епископство въ исторіи карпаторосовъ играетъ выдающуюся роль, однако о возникновеніи его точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Вѣроятнѣе всего, что тамъ были «странствующіе» епископы, т. е. посвященные, но не имѣющіе епархіи. Въ 1458 году упоминается п р е с в и т е р ъ Лука, который имѣетъ «чрезвычайныя права», а въ 1491 г. его наслѣдникъ Іоаннъ именуется уже епископомъ. Далѣе свѣдѣнія о епископахъ начинаются уже только съ 1551 года. Положеніе

утверждаетъ, что тамъ-же вышла «Тріодь постная и цвѣтная», печатанная яко-бы Швайпольдомъ Фіоль (Фѣоль), бѣжавшимъ отъ преслѣдованій краковскаго архіепископа за гуситскую ересь, т. е., что типографія была уже въ началѣ XVI в. Всѣ эти свѣдѣнія требуютъ доказательствъ, а въ частности и вопросъ о пребываніи тамъ III Фіоля, который по другимъ свѣдѣніямъ бѣжалъ въ районъ Барлѣва. См. А. Л. Петровъ, Матеріалы, V, экскурсъ I.

[1]) Относительно подложной грамоты Ѳеодора Коріатовича, датированной 1360 годомъ, мы не упоминаемъ, такъ какъ интересъ къ ней возникъ значительно позднѣе. См. А. Л. Петровъ: Древнѣйшія грамоты..., стр. 55–60, 179—203.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

этихъ первыхъ администраторовъ карпато-русской церкви было не завидно: они всецѣло находились во власти владѣльцевъ доминіи, которые могли заключать епископовъ, какъ своихъ рабовъ, въ тюрьму, а при случаѣ и вовсе изгонять. И, несмотря на это, епископы мукачевскіе непрерывно вели борьбу къ утвержденію своей духовно-административной власти, стремясь охватить всѣ парохіи края, а въ частности распространить свое административное право и на Грушевскій монастырь, т. е. и на территорію Мараморошa. Подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ.

Таково было положеніе карпаторусскаго народа и такова была его культурно-національная исторія до XVII вѣка. Что касается его политической исторіи, то она всецѣло исчерпывается условіями, въ которыхъ приходилось жить, селиться. бѣдовать и исполнять церковный обрядъ. Эти условія диктовались извнѣ и требовали приспособленія къ нимъ, а не отношенія.

Карпатороссы были вольными жителями природы, которыхъ пріучили къ домашнему быту, подчинили и которыми пользовались и распоряжались даже не власти, а владѣльцы; и они были той бытовой массой, которую политическія событія, не замѣчая, разметывали и сметали на своемъ пути. Перечислять эти событія, перечислять королей, князей и помѣщиковъ, которые верховодили событіями, нѣтъ смысла; важно только учитывать ихъ угнетающую и разрушающую силу. Вѣдь назвать карпаторосовъ подданными короля было нельзя, они были прежде всего рабами своего хозяина или властителя той земли, на которой проживали. Имѣетъ смыслъ отмѣтить только тѣ стихійныя дѣянія и происшествія, которыя имѣли общее разрушительное значеніе для края. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что въ 1241—1242 годахъ вторглись черезъ «русскія ворота» татары и предали все огню и мечу. Послѣ 1526 года Подкарпатская Русь была разорвана на двѣ части: западная часть оказалась въ рукахъ Фердинанда Австрійскаго, насаждавшаго католичество, а юго-восточная — подъ властью Яноша Запольи, седмиградскаго князя, пріемники котораго утверждали кальвинизмъ. А передъ этимъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ на территоріи русскаго края шла борьба двухъ сторонъ, не останавливающаяся передъ разрушеніемъ селъ и монастырей. Въ это время карпатороссы оказываются оторванными и отъ прочаго русскаго міра и отъ православныхъ центровъ. Событія разрушенія и религіозная борьба католиковъ и протестантовъ, конечно, не щадили случайно оказавшейся на пути горсти русскаго народа и религіозныхъ цѣнностей третьей вѣры, которая искоренялась въ обоихъ лагеряхъ.

Если, оцѣнивая условія, въ которыхъ пришлось творить карпатороссамъ, можно предполагать, что литература этого періода не была богата, то событія всяческаго разрушенія,

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

конечно, сократили и то немногое, что могло-бы свидѣтельствовать о духовной жизни русскихъ за Карпатами. И, тѣмъ не менѣе, благодаря усердію искателей карпаторусской древности, въ настоящее время все-же удается возстановить права и древняго періода карпаторусской письменности.

2. Литературные памятники древняго періода.

Рукописныхъ памятниковъ отъ древняго періода дошло немного, но и эти немногіе должны приниматься съ осторожностью. Во первыхъ, все то, что указано учеными, но печатно еще не изслѣдовано, не можетъ быть принято на вѣру, такъ какъ опредѣленіе карпаторусскихъ памятниковъ представляетъ собою весьма сложный процессъ. Мало того, что нужно опредѣлить діалектъ или діалектическія описки, указывающіе на составленіе или переписку памятника на территоріи малорусскаго племени, но нужно уловить и специфическіе оттѣнки этихъ діалектовъ именно для территоріи Подкарпатской Руси. А такъ какъ древнѣйшіе памятники, а тѣмъ болѣе церковныя книги, дошли до насъ только въ спискахъ, то это діалектическое пріурочиваніе представляетъ особо важныя затрудненія. Оказывается необходимымъ не только установить годъ или вѣкъ, когда написанъ памятникъ, но и доказать, что онъ переписанъ или составленъ не въ Кіевѣ, не въ Галиціи, Буковинѣ или Молдавіи, а именно на Подкарпатской Руси. Это затрудненіе приходится имѣть ввиду особенно послѣ цѣлаго ряда случаевъ, когда памятникъ, признаный карпаторусскимъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказывался привезеннымъ изъ другихъ странъ, заселенныхъ русскимъ народомъ[1]).

Такъ какъ въ этотъ періодъ до конца XVI вѣка Подкарпатская Русь не представляетъ въ отношеніи къ русскому населенію ни національнаго, ни тѣмъ болѣе государственнаго цѣлаго, то уже a пріорі можно предположить, что древнѣйшими ея литературными памятниками были книги церковнаго обихода. И, дѣйствительно, рядъ ученыхъ изслѣдователей указываетъ на наличіе такихъ книгъ или сохранившихся отрывковъ.

Сюда принадлежатъ: 1) Мукачевскіе и Имстическіе отрыв-

---

[1]) Такого рода ошибка произошла при опредѣленіи Мукачевской Псалтыри XV в., которая оказалась молдавскаго происхожденія. См. И. И. Соколовъ: Мукачевская Псалтырь XV в., «Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составл. и изд. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и литературной дѣятельности, Спб., 1883, стр. 450—468; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья въ общей схемѣ русской письменности, Прага, 1930, примѣчаніе — [16]). Сюда-же слѣдуетъ отнести и Скотарское Евангеліе 1588 г., обнаруженное на Подкарп. Руси, но имѣющее текстъ западно-русскій. См. А. Л. Петровъ: Матерьялы для исторіи Угорской Руси, т. IV, Спб., стр. 32—34; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [20]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ки XII—XIV вв., изъ а) евангелія и б) минеи[1]); 2) Ужгородская Праздничная Минея XV—XVI вв.[2]); 3) Поляно-Кобылецкая Тріодь 1561 г.[3]); эти памятники не напечатаны и не изслѣдованы, однако, если даже предположить, что не всѣ они окажутся карпаторусскаго происхожденія, ихъ важно отмѣтить вообще, какъ наличіе книгъ церковнаго обряда, а слѣдовательно и потребность въ нихъ у карпатороссовъ въ древнее время.

Особый интересъ представляетъ собою «Полуставъ», найденный въ Ужгородѣ и относящійся къ концу XIV в.[4]). Онъ имѣетъ 209 страницъ, писанныхъ нѣсколькими почерками, и по содержанію своему представляетъ собою «великій монастырскій молитвенникъ», указывающій порядокъ монастырскихъ службъ. Какъ говоритъ лѣтопись Нестора, св. Ѳеодосій Печерскій, желая дать своимъ инокамъ порядокъ жизни, воспользовался уставомъ греческаго Студійскаго монастыря и «исписа и устави въ монастыри своемъ, како пѣти пѣнья монастырская, и поклонъ како держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣданье и что ясти въ кыя дни...» Этотъ уставъ монастырскихъ правилъ впослѣдствіи перерабатывался, сокращался и распространялся уже подъ названіемъ «Полууустава» или «Полустава». Ужгородскій «Полуставъ» списанъ несомнѣнно съ одного изъ такихъ «полууставовъ» кіевскихъ, или возникшихъ вблизи Кіева и принятъ въ качествѣ руководства одного изъ монастырей Закарпатья. Ввиду того, что замѣтки на поляхъ отъ болѣе поздняго времени писаны по-румынски и безграмотно по-мадьярски, можно предполагать, что этотъ «Полуставъ» былъ принятъ въ Грушевскомъ монастырѣ, основанномъ румыномъ и лежавшемъ на линіи румынскаго разселенія, чему не противорѣчитъ и языковый анализъ текста, обнаруживающій, правда весьма скудно, черты мараморошскаго говора.

«Полуставъ» содержитъ: полунощницу повседневную, псалмы Давида, утреню, тропари воскресные и богородичные, молитвы для иноковъ, чинъ вечерній, воскресные стихири, календарные индексы, пасхальныя таблицы и ключи и т. д., т. е. все то, что нужно къ иноческому обиходу, вплоть до спо-

---

[2]) Д-ръ Олександръ Колесса: Причинки до історії угорсько-руської мови й лїтератури, Зап. Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1900, кн. III—IV (т. XXXVI), стр. 6; его-же: Рукописні і палеотипні книги Південного Підкарпаття, Прага, 1927, стр. 4. Памятники не изслѣдованы и не описаны.

[2]) Колесса: Рукоп. і палеот. книги, стр. 5; не описана и не изслѣдована.

[3]) Только упомянута въ статьѣ Я. Біленькаго (Г. Н. Стрипскаго): Угроруські лїтописні записки, Зап. наук. т-ва Шевченка, Львовъ, 1911, IV B (т. CIV), стр. 73.

[4]) Изслѣдованъ и описанъ О. Колессой въ статьѣ — Ужгородскій «Полуставъ» у пергаміновій рукописи XIV в., Зап. наук. т-ва Шевченка, Львовъ, 1925, т. CXLI—CXLIII, стр. 1—59. Рукопись хранится въ музеѣ т-ва «Просвѣта» въ Ужгородѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

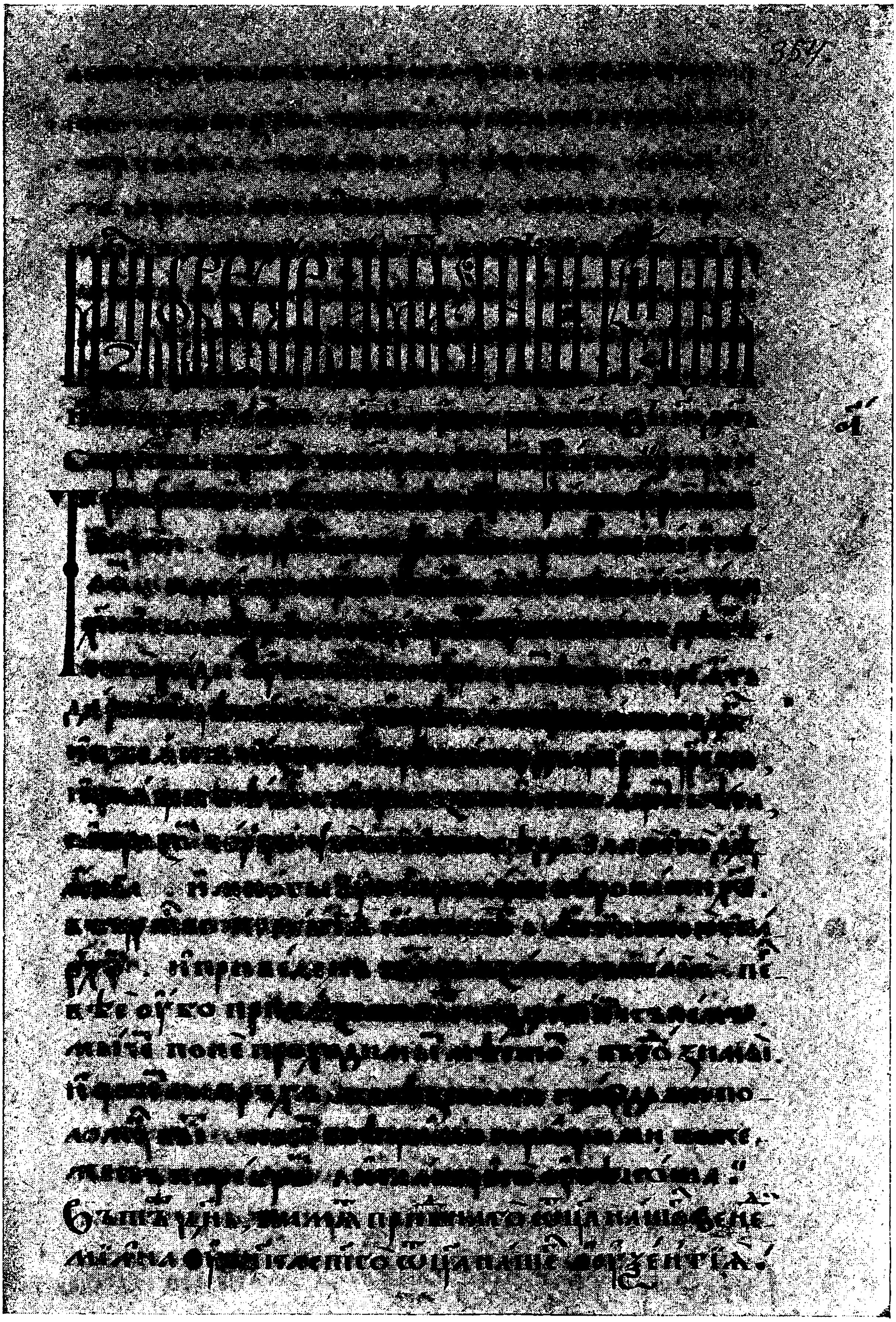
собовъ опредѣленія календарныхъ и астрономическихъ датъ, необходимыхъ въ практической жизни. Заканчивается «Полуставъ» помѣсячнымъ «индиктіономъ», который содержитъ синаксаръ и извлеченія изъ прологовъ и миней. Между прочимъ въ февралѣ мѣсяцѣ чтится память и «святого отца Кирила епископа катлонського, учителя словѣномъ и болгаромъ, иже преложи р у с к о у ю грамоту с грчкое і крсти словѣны и болгары».

Еще болѣе важенъ съ точки зрѣнія литературы Т е р е б л я н с к і й п р о л о г ъ, относящійся къ XVI вѣку, писанный среднимъ полууставомъ, языкомъ церковно-славянскимъ русскаго извода, но со многими чертами мѣстнаго, карпаторусскаго нарѣчія[1]). Изъ всего пролога сохранилась сентябрьская половина въ 416 листовъ, безъ начала и безъ конца.

Прологи принадлежатъ, въ сущности, уже не къ церковно-обрядовой литературѣ, а церковно-исторической; они содержатъ краткія житія святыхъ и особенно мучениковъ. Однако уже въ XIV ст., т. к. прологи были излюбленнымъ чтеніемъ книжныхъ людей и внѣ церкви, на дому, въ нихъ проникаетъ обильный учительный элементъ (притчи) и апокрифическій. Тереблянскій прологъ переписанъ именно съ такой поздней редакціи. Житійная литература въ немъ не составляетъ даже и половины (св. муч. Мелентія, св. муч. Вячеслава, князя чешскаго, св. Андрея и Епифанія, св. Флавіана, св. великом. Димитрія и др.), но зато въ изобиліи представлены отдѣльные эпизоды изъ жизни святыхъ, имѣющіе значеніе поученія, написаннаго въ занятной повѣствовательной формѣ: («Слово отъ Патерика о Агаѳонѣ, яко словомъ изгоняше бѣсы», «Честнаго поставленія Іоанна Златостаго попомъ», «Слово о Пафнотіи мнисѣ, како спасе розбойникы» и т. д.). Поучительное значеніе сборника еще болѣе очевидно въ многочисленныхъ спеціальныхъ поученіяхъ моральнаго характера («Слово о дерзости и ярости и опальствѣ», «Слово Антіохія о шептаніи і о клеветаніи», «Слово о лихоманіи», «Слово отъ Пандока о яденіи», «Слово, како подобаетъ жити христіанину» и др.). Эти поученія взяты изъ различныхъ сборниковъ поучительнаго чтенія (Лимонарій, Патерикъ), а также и изъ житійной литературы. Однако, въ Тереблянскій Прологъ включено и не мало изъ области легенд, повѣстей, притчъ и апокрифовъ («Слово о купцѣ христолюбивѣмъ», «Слово св. пр. Даніила», «Слово св. Василія о прельщенномъ отроцѣ», «Притча о тѣлѣ человѣчестѣ і о души і о воскресеніи мертвыхъ» и др.). Особымъ вниманіемъ пользуется св. Николай, чудеса котораго приведены по порядку,

[1]) Изслѣдованъ и описанъ Ю. А. Яворскимъ — «Новыя рукописныя находки въ области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вѣковъ», изд. «Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze», Прага, 1931, стр. 9—41. «Тереблянскимъ» прологъ названъ условно, по поздней интерполяціи 1738 года. Собственность Ю. А. Яворскаго.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015



«Тереблянскій Прологъ» XVI в., л. 354.

Клише собств. „Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze".

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

какъ они возникли въ рукописныхъ сказаніяхъ. Цѣлый рядъ отрывковъ посвященъ повѣсти о монахѣ Валаамѣ и индійскомъ царевичѣ Іосафѣ и т. д.

Болѣе подробно на повѣстяхъ и апокрифахъ въ карпаторусской обработкѣ мы остановимся ниже, здѣсь-же даемъ болѣе подробное перечисленіе темъ и сюжетовъ для того, чтобы характеризовать богатство содержанія этого старѣйшаго и несомнѣнно карпаторусскаго происхожденія — сборника.

Къ древнему періоду слѣдуетъ отнести и Герляховскій Толковый Апостолъ съ апостольскими чтеніями и учительными толкованіями на нихъ, написанными уже на карпаторусскомъ нарѣчіи[1]). Эта рукопись относится къ концу XVI в. и является первымъ памятникомъ учительной литературы, которая въ изобиліи появилась на Подкарпатской Руси въ XVII—XVIII вв. Что уже и ранѣе были здѣсь учительныя евангелія, можно заключить изъ того, что, во первыхъ, найдено нѣсколько текстовъ западно-русскаго и галицкаго происхожденія, а, во вторыхъ, Няговскія поученія на евангеліе, дошедшія въ спискѣ XVII в., предполагаютъ оригиналъ XVI в., составленный несомнѣнно за Карпатами и являющійся отзвукомъ реформаціи на карпаторусской почвѣ, съ явнымъ полемическимъ оттѣнкомъ.

Что касается спеціальной богословско-полемической литературы, то къ Подкарпатской Руси относятся: 1) «Посланіе объ исхожденіи св. Духа Василія пресвитера Никольскаго отъ Дольняя Руси»[2]), возникшее несомненно подъ вліяніемъ активной религіозной борьбы, возможно, что и въ Закарпатьи, но распространившееся и дошедшее до насъ главнымъ образомъ въ спискахъ западно-русскихъ; 2) «Богословіе» («Догматика») 1598 г., являющееся фактически сборникомъ богословскаго и полемическаго характера (особенно противъ антитринитаріевъ). Рукопись безъ начала и безъ конца, текстъ ея — западно-русскій[3]); наконецъ, 3) «Посланіе ко св. Отцемъ Горы Аѳонской отъ православныхъ вѣры Россійской и землѣ угорской христіанъ», которое, хотя и написано якобы несомнѣнно отъ лица угро-россовъ, но фактически относится ко всѣмъ православнымъ подъ владычествомъ Япопа I Запольи,

---

[1]) И. С. Свѣнцицкій. Нариси з іст. укр. мови, стр. 72, 77; Ю. А. Яворскій: Вѣтхозавѣтныя библейскія сказанія въ карпаторусской церковно-учительной обработкѣ конца XVII в., Ужгородъ—Прага, 1927, стр. 14. Рукопись находится въ собраніи Ю. А. Яворскаго въ Петербургской Публичн. Библіотекѣ. Изслѣдованіе и описаніе ея текста въ печати пока не появилось.

[2]) Ѳ. И. Покровскій: Посланіе Василія, Пресвитера Никольскаго изъ Дольней Руси, объ исхожденіи св. Духа, «Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ», Спб. 1908, XIII, 3, 86—126; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., стр. 6, 7 и прим.[7]).

[3]) А. Л. Петровъ: Матеріалы для исторіи Угорской Руси, т. IV, стр. 32; Ю. А. Яворскій: Знач. и мѣсто Закарпатья, прим. [17]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

т. е. и къ румынамъ[1]). Писалъ его фактически румынъ «Лацко отъ Моцещи, краля Угорскаго логоѳет», т. е. нотарь Яноша Запольи, по порученію короля, съ просьбой указать заблужденія ученія Лютера («Люѳтора»). Отвѣтъ на него далъ «Кир Гавріилъ протъ св. Горы Аѳонскія» и то въ томъ смыслѣ, что обличаетъ не только заблужденія «Люѳтора», но указываетъ и отступленія римской церкви. Смыслъ этой переписки таковъ, что Яношъ I Запольи, сочувствовавшій втайнѣ реформаціи и принужденный по дипломатическимъ соображеніямъ поддерживать католическую партію, желалъ достичь примиренія религіознаго спора своихъ подданныхъ, — католиковъ, лютеранъ и православныхъ, а потому и сдѣлалъ дважды попытку черезъ своего нотаря снестись съ православнымъ протомъ Горы Аѳонской, выясняя возможность уніи. Это посланіе относится къ 1534 г., но дошло оно въ спискахъ болѣе позднихъ и по языку западно-русскихъ.

Эти памятники полемической литературы могутъ быть включены въ рамки изученія карпаторусской литературы только косвенно, такъ какъ они, если и не написаны карпаторроссами, или дошли въ болѣе позднихъ западно-русскихъ спискахъ, фактически отражаютъ религіозную борьбу съ точки зрѣнія идейной и бытовой, происходившую также и на востокѣ Подкарпатской Руси, а также имѣвшую и значительныя послѣдствія въ дѣлахъ угро-русской церкви XVI и XVII вѣковъ.

Относительно древнѣйшихъ памятниковъ историческаго характера, а въ частности о Мукачевской лѣтописи XV в., въ наукѣ возникъ рядъ сомнѣній. Постараемся болѣе подробно изложить вопросъ о возникновеніи древнѣйшихъ карпаторусскихъ лѣтописныхъ памятниковъ, какъ ихъ допускаетъ историческая и историко-литературная критика.

Несомнѣнно, что князь Ѳеодоръ Коріатовичъ, умершій въ 1414 году, при жизни своей, подобно тому, какъ это дѣлали другіе князья и вельможи, смотрѣлъ на Мукачевскій монастырь, какъ на собственный и придворный и, несомнѣнно, далъ ему средства къ существованію въ видѣ селъ и десятины. Возможно, что оформленіе передачи доходовъ монастырю было закрѣплено имъ и на письмѣ въ видѣ частной донаціи. Послѣ смерти князя и за отсутствіемъ у него мужского потомства эта донація потеряла силу. Монастырь оказался въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ лишенный доходовъ, онъ не могъ существовать. И вотъ монашеская братія, пытаясь утвердить за монастыремъ доходы, въ промежутокъ отъ 1418 г. и до 1439 г., т. е. послѣ смерти жены кн. Ѳеодора и до смерти Юрія Бранковича, одного изъ новыхъ владѣльцевъ мукачевской доминіи, составляютъ подложную грамоту отъ имени «Ѳеодора, князя Подоліи», въ которой онъ передаетъ монастырю все то,

---

[1]) А. Л. Петровъ: Западно-русскія полемическія сочиненія XVI в., «Труды Кіев. Духов. Академіи», 1894, т. II, 172—183; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья, прим.[8]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

что и дѣйствительно ему принадлежало при его, Коріатовича, жизни. Съ точки зрѣнія юриспруденціи и исторіи эта грамота, конечно, была подложной, составлена неумѣло, и въ 1493 году она была оффиціально отвергнута герцогомъ Іоанномъ Корвинымъ Гуніади. Текстъ этой грамоты не сохранился. Такимъ образомъ, попытка монаховъ успѣхомъ не увѣнчалась, а въ XVI в. у нихъ было отобрано новыми господами мукачевской доминіи и то, что еще оставалось въ качествѣ доходной статьи. И вотъ, спустя два вѣка, можетъ быть и болѣе, со дня смерти Коріатовича, монахи снова прибѣгли къ подлогу, т. е. составили новую грамоту отъ имени «Ѳеодора Коріатовича, князя мукачевскаго», гдѣ просили возврата монастырю и того, что, возможно, никогда ему и не принадлежало: шли, говоря словами А. Л. Петрова, — на авось — «будь что будетъ», «монастырю все равно нечего было терять». Такъ какъ воспоминанія о донаціи Коріатовича и его личности были ограничены только монастыремъ, а послѣдній претерпѣлъ большія несчастья и былъ разрушенъ, то естественно, что въ этой новой грамотѣ было много ошибокъ, а прежде всего невѣрная дата — 1360 г., — въ то время какъ жилъ Коріатовичъ въ Мукачевѣ съ 1398 (1395?) и по 1414 г. Возникла эта грамота до 1597 г., когда она была предложена императору Рудольфу. Далѣе, вплоть до конца XVII в. эта грамота оставалась въ забвеніи, какъ и личность самого Ѳеодора Коріатовича, и только въ концѣ XVII в. она снова предлагается какъ подлинная и, возможно по дипломатическимъ соображеніямъ, съ цѣлью успѣха уніи и обезпеченія Мукачевскаго епископата, разсматривается какъ таковая. Въ дальнѣйшемъ установленіе подложности грамоты 1360 года принадлежитъ уже исторической критикѣ[1]).

Признавъ подложность съ исторической точки зрѣнія, мы должны согласиться, что съ точки зрѣнія историко-литературной эта подложность для насъ не имѣетъ основного значенія, а въ частности подложная грамота Ѳеодора Коріатовича, датированная 1360 годомъ, для насъ является только литературнымъ памятникомъ, возникшимъ до 1597 г., а по своему содержанію извѣстнымъ монастырю уже въ половинѣ XVI в.

Въ 1874 г. А. Ѳ. Кралицкій опубликовалъ въ «Словѣ» (Львовъ, № 69) небольшую записку «стариннаго почерка». которая представляла собою какъ-бы введеніе въ лѣтопись. Въ ней передавалась легендарная исторія объ основаніи Мукачевскаго монастыря, отнесенная также къ 1360 году, а затѣмъ говорилось о разореніи монастыря турками, о возстаніяхъ «еретиковъ на церковь святую и люди Божія, овыхъ паляху, камением побиша» и т. д., отчего «въ толикое запустѣніе мѣсто сіе прійде, что писанія жадно обретѣся». «Но, — продолжаетъ писавшій, — преданіе людское все научаше до лѣта 1155, отъ котораго хронологія сія начинается». Но, «самой-то хронологіи не сохранилось».

[1]) См. А. Л. Петровъ: Древнѣйшія грамоты..., стр. 91—102, 179—203.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ 1897—99 годахъ Матѳей Врабель, игуменъ монастыря въ Боронявѣ, опубликовалъ въ «Наукѣ» (Ужгородъ) «Краткое лѣтословіе о монастыри чина св. Василія Великаго на горѣ Чернецкой сущемъ — еже показуетъ въ котрое лѣто начался, кто въ немъ игуменомъ былъ, что достопамятнаго подъ каждымъ сталося, отъ лѣта 1458-го изобрѣтенное въ листохранилищи монастыря Мукачевскаго».

И «записка» и «краткое лѣтословіе» пропали неизвѣстно какъ и гдѣ. Никто ихъ, кромѣ публиковавшихъ, не видѣлъ. Изъ опубликованнаго текста «краткаго лѣтословія» явствуетъ, что онъ воспроизводился безъ палеографической точности, а слѣдовательно опредѣлить время его послѣдовательнаго написанія представляется затруднительнымъ[1]). Однако, оставивъ даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ спискѣ какого времени дошли до насъ и отрывокъ и лѣтописаніе, важно установить дѣйствительно-ли были на Подкарпатской Руси до конца XVI вѣка образцы лѣтописнаго творчества?

Несомнѣнно, что послѣ турецкаго нашествія и послѣ возникшихъ, въ связи съ раздѣленіемъ Венгріи и религіозной борьбой, войнъ, когда Мукачевскій монастырь былъ разрушенъ, — наступило время относительнаго спокойствія, и монашеская братія начала возвращаться къ своему очагу. Это было ранѣе 1551 г., такъ какъ въ этомъ году уже извѣстно, что епископъ мукачевскій — Василій I, а одновременно и архимандритъ монастыря, обращался къ Максимиліану съ просьбой возвратить ограбленное имущество монастырю. Прошеніе осталось безъ послѣдствій и о грамотѣ 1360 г. никакихъ упоминаній нѣтъ. Однако, уже въ это время монахи несомнѣнно должны были интересоваться прошлымъ монастыря и его имуществомъ; взамѣнъ писаній изъ которыхъ «жадно обрѣтеся» пользоваться преданіемъ, которое «все научаше до 1458 года», отъ котораго случайно сохранилась «хронологія»[2]).

Такъ какъ благополучіе, и прошлое и будущее, связывалось съ именемъ Коріатовича, то датой 1458 г. монахи удовлетвориться не могли. И вотъ то, что сохранило преданіе о личности князя, одновременно формулируется и въ предисловіи къ лѣтописи, конечно, съ соотвѣтствующими религіозными дополненіями, и въ грамотѣ 1360 года, составленной до 1597 г. Этимъ и возможно объяснить, почему предисловіе къ лѣтописи оказалось на отдѣльномъ «клочкѣ бумаги». Когда было написано предисловіе — вопросъ спеціальный и для насъ онъ

---

[1]) См. статью Д-ра О. Колессы въ «Хроникѣ Наук. Т-ва Шевченка», Львовъ, 1900, кн. 4, стр. 20. Намъ, къ сожалѣнію, удалось видѣть только незначительную часть опубликованнаго текста.

[2]) «Писаніе жадно обрѣтеся» не слѣдуетъ понимать буквально, вѣдь это нормальный гиперболизмъ описывающій разрушеніе, какъ и наши — «все пропало», «ничего не осталось». Что именно такъ слѣдуетъ понимать слова автора отрывка-предисловія видно изъ его-же словъ относительно сохранившейся «хронологіи».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ настоящее время не важенъ, важно то, что писавшій его зналъ о лѣтописи, которая начинается съ 1458 года, т. е., что уже въ XV вѣкѣ карпаторусская литература имѣла лѣтописное произведеніе, гдѣ центромъ событій былъ Мукачевскій монастырь, а слѣдовательно не чужого происхожденія.

Такимъ-же спеціальнымъ вопросомъ является и время составленія или только переписыванія «Краткаго лѣтословія»; важно то, что оно начинается съ того-же 1458 года, о которомъ сказано въ предисловіи, опубликованномъ Кралицкимъ. Что касается «Краткаго лѣтословія», то оно включаетъ въ себя событія съ 1399 года, а затѣмъ съ 1458 года начинается уже хронологическая запись, которая разсказываетъ событія монастырской жизни вплоть до 1871 г., т. е. до смерти игумена Александра Галичковича.

Списокъ лѣтословія болѣе поздняго времени найденъ О. Колессой, но онъ не описанъ[1]). Вѣроятно и тотъ списокъ, которымъ пользовался М. Врабель, возникъ уже въ болѣе позднее время, возможно, что въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ едва-ли можно допустить, чтобы хронологія XIX вѣка все еще приписывалась къ подлиннику.

Такимъ образомъ, наличіе лѣтописной литературы на Подкарпатской Руси, во всякомъ случаѣ въ XV вѣкѣ, несомнѣнно, т. к. хронологія отъ 1458 г. сохранилась со времени до разрушенія монастыря, и ея наличіе подтверждается изъ двухъ различныхъ источниковъ[2]).

На прочихъ памятникахъ, относимыхъ къ древнему періоду карпаторусской литературы, мы останавливаться не будемъ, такъ какъ всѣ они нуждаются въ провѣркѣ, а самое главное, въ спеціальномъ языковомъ и палеографическомъ изслѣдованіи.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, поиски ученыхъ въ области древней карпаторусской литературы, если не прямо, то косвенно увѣнчались успѣхомъ. Многое изъ того, на чемъ

---

[1]) О. Колесса: Рукописні і палеотипні книги, стр. 8.

[2]) Проф. Ф. Тихій въ статьѣ «Замѣтки до Мукачевскоѣ лѣтописи XV вѣку» (Наук. Збôрник т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1922, стр. 109—111) доказываетъ, что «Лѣтопись» — «не є памятка XV вѣку», что мы отказываемся здѣсь разбирать, и что «Лѣтопись очевидна мистификація» потому, что она пользуется данными грамоты 1360 года, подлогъ которой съ исторической и юридической точки зрѣнія доказанъ. Очевидное недоразумѣніе! Повторяемъ, и фальшивая грамота 1360 г. съ литературной точки зрѣнія является подлиннымъ творчествомъ карпатороссовъ до 1597 г. и то, что ошибки грамоты повторены и писавшимъ предисловіе къ лѣтописи, какъ разъ доказываетъ единство источника, т. е. Мукачевскій монастырь, гдѣ имѣлась лѣтопись отъ 1458 г. Если-бы М. Врабель или тотъ, кто писалъ «Краткое лѣтословіе», фальсифицировали его отъ даты указанной Кралицкимъ, которая въ этомъ случаѣ тоже должна разсматриваться, какъ фальшивая, то несомнѣнно между обоими фальсификатами можно было-бы установить непосредственную связь по содержанію. Въ дѣйствительности-же начало лѣтословія, кромѣ общности года (1458), является памятникомъ самостоятельнымъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

базировались старые историки литературы, въ настоящее время пришлось удалить, какъ не карпаторусское, но и самое наличіе на Подкарпатской Руси западно-русскихъ или молдавскихъ текстовъ указываетъ на несомнѣнное наличіе въ краѣ культурно-религіозной жизни, что и даетъ оправданіе слѣдующей эпохѣ, отъ которой мы имѣемъ не только достаточное, но и обильное количество памятниковъ литературы.

Слѣдуетъ также учитывать и то, что волна уничтоженія литературныхъ памятниковъ на Подкарпатской Руси продолжалась, принимая различныя формы, вплоть до переворота въ 1918 году. Разрушительная сила татаръ смѣнилась турецкимъ вторженіемъ, борьбой между Трансильванскими князьями и Габсбургами, гдѣ значительную роль играла религіозная распря. Дальнѣйшій споръ между православными и уніатами, продолжавшійся съ перемѣннымъ успѣхомъ болѣе столѣтія, систематически уничтожалъ памятники письменности, которая носила сплошь церковно-религіозный характеръ. «Уніаты не довѣряли несоединеннымъ, а церковныя книги сжигались взаимно»[1]), а «съ торжествомъ уніи рукописныя книги по большей части пропали безъ вѣсти, были уничтожены ревностными уніатами»[2]). Это происходило и не только вслѣдствіе темной фанатичности массы, но и съ благословенія свыше. Слѣдуетъ учесть и то, что, начиная съ конца XIX вѣка, въ началѣ XX-го и особенно во время войны, русскія книги начали разсматриваться, какъ элементъ противогосударственный и ихъ при случаѣ оптомъ отбирали у владѣльцевъ (обыскъ у А. А. Митрака), а слухъ объ этомъ принудилъ многихъ и къ самоличному сожженію того, что могло навлечь опасность.

Мы не склонны этимъ подчеркивать, что истребленіе памятниковъ литературы является основной причиной скудости наличія карпаторусскаго творчества древняго періода. Богатства его даже и предполагать невозможно, однако, вмѣстѣ съ памятниками карпаторусскаго творчества погибло немало и тѣхъ рукописныхъ книгъ, которыя были привезены сюда изъ Кіевской и Галицкой Руси, изъ Молдавіи, Болгаріи и Сербіи. Этотъ ввозъ можно установить для древняго періода и этотъ ввозъ существовалъ, какъ увидимъ, и въ XVII—XVIII вѣкахъ.

---

[1]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..:, стр. 9.

[2]) Ириней Кондратовичъ: Ист. Подк. Руси для народа. Ужгородъ, 1924, стр. 70.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Средній періодъ.

3. Положеніе карпаторосовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Если объ отсутствіи политической жизни у карпаторосовъ до конца XVI вѣка мы говорили на томъ основаніи, что о ней не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній, а тѣ документы, которые приводились въ доказательство ея наличія, сплошь являются превратно истолкованными, то по отношенію къ XVII и XVIII вѣкамъ это отсутствіе можно установить уже документально. Правда, въ этотъ періодъ въ исторіи карпатороссы проявляютъ себя активно, и то, что имъ суждено было пережить, представляетъ сложный процессъ религіозной и соціально-экономической борьбы, вмѣщенный въ политическій резервуаръ борьбы другихъ, болѣе сильныхъ народовъ, однако не слѣдуетъ переоцѣнивать героичности процесса: побѣды и пораженія устанавливались не карпаторусской волей и доблестью, но общей ситуаціей борьбы сильныхъ, сначала Яноша Запольи съ Габсбургами, а потомъ мадьяръ и нѣмцевъ.

Чтобы понять сложность процесса борьбы, въ которомъ участвовали карпатороссы, слѣдуетъ возвратиться къ предшествующему вѣку. Еще до вторженія турокъ опредѣлилось двѣ партіи: одна въ силу договора 1491 года признавала по смерти Людовика II, не имѣвшаго мужского потомства, прямыми наслѣдниками его престола австрійскихъ Габсбурговъ, другая, во главѣ которой стоялъ Яношъ (Янъ) Заполья, склонялась въ пользу своего вождя. Внутренняя распря была закончена битвой съ турками при Могачѣ въ 1526 году, послѣ чего Фердинандъ I получилъ западную и сѣверо-западную (словацкую) часть Венгріи, Яношу Запольи досталась восточная часть, Затисская и Трансильванія, а средняя часть досталась туркамъ. Въ то время какъ Габсбурги, стремясь къ абсолютной власти и одновременно являясь представителями католичества съ его религіозной нетерпимостью, смотрѣли на турокъ, какъ на враговъ, Яношъ Заполья и его наслѣдники, седмиградскіе князья, желая только сохранить свою независимость, держали себя въ отношеніи къ туркамъ, какъ вѣрные вассалы и тѣмъ самымъ находили въ ихъ лицѣ союзниковъ въ борьбѣ съ Габсбургами. Важно и то, что турки, вообще отнесшіеся терпимо къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, видѣли въ католичествѣ организованную силу, въ то время

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

какъ протестанты и реформаты, боровшіеся съ католиками, одновременно представлялись имъ союзниками противъ угрозы со стороны католической Австріи. Въ XVI вѣкѣ Седмиградье наводняется представителями реформатовъ разныхъ толковъ, которые входятъ въ соприкосновеніе и съ православными, какъ румынами, такъ и русскими, которые никакой религіозной узурпаціи не проявляли и не могли проявлять, а кромѣ того въ борьбѣ съ католичествомъ уже были искушены. Такъ какъ на Подкарпатской Руси православіе оформлено не было, то оказывалось, что, будучи реформатскимъ, Седмиградье утверждало и назначало православныхъ епископовъ, не затрагивая догмы той т р е т ь е й религіи, представители которой были ихъ союзниками въ борьбѣ съ Габсбургами и католичествомъ. Конечно, сосѣдство реформатовъ и православныхъ не осталось безъ послѣдствій; въ литературѣ послѣднихъ, а въ частности карпаторусской, можно отмѣтить отзвуки реформаціи, однако, спеціально противореформатское теченіе и борьба съ нимъ ограничивались только идейной, догматической областью.

XVII вѣкъ и половину XVIII-го въ отношеніи къ мадьярамъ можно охарактеризовать, какъ борьбу за свои политическія права, а косвенно и за религіозную терпимость, такъ какъ большинство знатныхъ мадьярскихъ фамилій, а вслѣдъ за тѣмъ и ихъ подчиненные, приняли кальвинизмъ. Эта борьба выражалась въ цѣломъ рядѣ возстаній, идущихъ главнымъ образомъ изъ Седмиградья, протекающихъ внѣ территоріи Подкарпатской Руси, но косвенно отражающихся и на жизни карпаторосовъ. Единственнымъ духовнымъ достояніемъ карпаторосовъ въ это время была религія, т. е. православіе. Въ отношеніи своихъ помѣщиковъ-мадьяръ они были полными рабами. Давать права рабамъ мадьяры не собирались, но симпатіи ихъ обрѣли только тѣмъ, что не посягали на единственное достояніе — «старую вѣру». Габсбурги желали отнять и это послѣднее сокровище — вотъ почему, когда національное мадьярское возстаніе во главѣ съ Францемъ II Ракоціемъ поднялось въ 1703 году и на территоріи Подкарпатской Руси, — карпатороссы были на сторонѣ своихъ поработителей-мадьяръ. Въ этомъ движеніи играла роль и не только идейная сторона; дѣло въ томъ, что католичество для православныхъ связывалось епце и съ экономическими послѣдствіями, такъ какъ, кромѣ государственныхъ налоговъ и даней помѣщику, имъ приходилось уплачивать еще и церковную дань... въ пользу католическаго духовенства.

Мы не будемъ излагать подробно исторію борьбы между мадьярами и Габсбургами, но остановимся только на той области карпаторусской жизни, гдѣ эта борьба отражалась и гдѣ она имѣла свои послѣдствія въ ихъ культурно-религіозной жизни. Другими словами, остановимся на борьбѣ «старой вѣры» съ уніей, а затѣмъ на защитѣ правъ мукачевскихъ епископовъ отъ посягновеній латинянъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Послѣ смерти Яноша Запольи мукачевская плебанія переходитъ въ руки Фердинанда I, а его наслѣдникъ Максиміліанъ II (1564—1576) передаетъ ее въ руки своихъ вельможъ — Гаспара Маговчи, Сигизмунда Раковція и графа Эстергази. Въ это время мукачевскіе епископы оказались въ полномъ рабствѣ у своихъ помѣщиковъ, а въ защитѣ монастырскаго имущества и обращеніи къ королю съ просьбами о возвратѣ имущества, отобраннаго помѣщиками, они неизмѣнно вызывали гнѣвъ своихъ прямыхъ владѣльцевъ. Василій II, осмѣлившійся обратиться лично съ жалобой на Сигизмунда Раковція, по возвращеніи изъ Праги былъ заключенъ въ тюрьму, а затѣмъ былъ освобожденъ подъ залогъ и изгнанъ. Маговчи держалъ въ тюрьмѣ еп. Гавріила (1599), а Эстергази — еп. Софронія (1614). Немудрено, что при создавшемся положеніи епископы начали помышлять объ уніи, какъ единственномъ средствѣ снискать вниманіе короля и избавиться отъ издѣвательствъ и произвола помѣщика. Это встрѣчало сочувствіе у католическихъ помѣщиковъ, и въ 1612 году графъ Другетъ вызвалъ въ Гуменное уніатскаго епископа изъ Перемышля съ цѣлью ввести у себя унію. Но иначе, чѣмъ епископъ мукачевскій, смотрѣлъ на дѣло народъ. Онъ свыкся съ рабскимъ положеніемъ и отъ православія отступать не намѣревался. Крупецкій былъ избитъ разъяренной толпой камнями и, раненый, вырванъ изъ ея рукъ подоспѣвшими войсками. Нѣсколько лучше было епископамъ жить при недолговременномъ владычествѣ седмиградскихъ князей — Гавріила Бетлена и Георгія Раковція. Іоанну II Григоровичу, человѣку несомнѣнно образованному, князь Бетленъ даетъ право учреждать новыя церкви и школы, однако его наслѣдникъ, еп. Тарасовичъ (1634—1648) при первой-же попыткѣ возвратить имущество монастыря и занять болѣе независимое положеніе, принявъ унію, снова оказывается въ тюрьмѣ. Въ данномъ случаѣ уже не народъ, а само духовенство предало своего архіерея, желавшаго оставить «старую вѣру». Послѣ усиленныхъ просьбъ Фердинанда и папы, еп. Тарасовичъ былъ выпущенъ на свободу и на скромную пенсію отъ короля проживалъ въ Великомъ Калловѣ, считаясь епископомъ тѣхъ карпаторосовъ, которые находились въ католическихъ доминіяхъ — гр. Другета, Чакія, Карольи и др. Однако, изгнавъ еп. Тарасовича, Раковцій немедленно назначилъ мукачевскимъ епископомъ православнаго священника Софронія Юско, который и поселился въ Мукачевѣ. Такимъ образомъ, у карпаторосовъ оказалось уже два епископа. Помирившись съ Раковціемъ, еп. Тарасовичъ снова принимаетъ схизму и возвращается въ Мукачево и объ уніи уже не заикается, хотя несомнѣнно, что правовыя выгоды уніи, которыя ему выяснилъ ягерскій епископъ Липпай, интересуютъ его. Осознается необходимость подготовки къ принятію уніи самого духовенства, а такъ какъ Ужгородомъ въ это время владѣлъ графъ Другетъ, жена кото-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

раго была сестрою ягерскаго епископа Георгія Якушича, тодѣло значительно облегчалось. Въ 1646 году, подъ вліяніемъ агитаціи уніатскихъ ученыхъ монаховъ Гавріила Кошовича и Петра Ростошинскаго, 63 священника-карпаторосса приняли унію, но ея условія были заключены въ присутствіи ягерскаго епископа только словесно. Они заключались въ томъ, что 1) всѣ обряды православія должны быть полностью сохранены, 2) епископы должны избираться самимъ духовенствомъ и папами только утверждаться и 3) уніатскіе священники въ своихъ правахъ уравниваются съ латинскимъ священствомъ.

Будучи при смерти, еп. Василій Тарасовичъ призвалъ къ себѣ неожиданно Петра Партенія (Ростошинскаго), избраннаго уже уніатскимъ епископомъ, но еще не утвержденнаго и, видя, что ему уже нечего терять, назначилъ его своимъ пріемникомъ по епископству Мукачевскому. Видя такое хитросплетеніе, вдова Раковція — Анна Лоранфій, пользуясь тѣмъ, что новый епископъ еще не получилъ утвержденія, назначила епископомъ мукачевскимъ православнаго — Іоанникія Зейканя, который жилъ сначала въ Мукачевѣ, а затѣмъ, ввиду измѣнившагося политическаго положенія, въ Имстичевѣ.

Послѣ смерти еп. Петра Партенія (1670) народъ, который фактически въ принятіи уніи не участвовалъ, принялся жечь уніатскія книги, изгонять уніатскихъ священниковъ и возвратился къ православію. Дѣло въ томъ, что унія еще не успѣла дать своему священству школы, по своему образованію оно ничѣмъ не отличалось отъ православныхъ крѣпостныхъ «батекъ», а потому и шло за массой. Въ періодъ отъ 1670 и по 1690 гг. религіозная борьба продолжалась въ верхахъ, и были годы, когда у карпатороссовъ оказывалось одновременно 3—4 епископа, фактически только съ титуломъ, но безъ власти и епархіи.

Въ 1690 г. митрополитъ остригомскій Колоничъ назначилъ апостольскимъ викаріемъ въ Мукачево, съ титуломъ епископа Севастійскаго, ученаго и дѣятельнаго грека Іосифа де-Камелиса, который впервые началъ приводить въ порядокъ свою паству и заботиться о самомъ главномъ — о просвѣщеніи духовенства. Въ это время у православныхъ, задержавшихся въ Мараморошѣ, былъ епископомъ монахъ угольскаго монастыря Іосифъ Стойка. Когда-же возставшій Францъ II Раковцій завладѣлъ мукачевскимъ замкомъ, то въ качествѣ епископа мукачевскаго былъ назначенъ православный іеромонахъ Петроній Каминскій, человѣкъ энергичный и безъ затрудненія вернувшій паству къ православію. Успѣхамъ «старой вѣры» содѣйствовало и то обстоятельство, что послѣ смерти де-Камелиса (1705) въ правѣ назначенія уніатскаго епископа состязались папа и король, а тѣмъ самымъ въ теченіи восьми лѣтъ не оказывалось дѣйствительно полномощнаго руководителя епархіей.

«Можно себѣ представить, — говоритъ историкъ, — какъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

обстояло въ такихъ условіяхъ дѣло уніи. Лишенное пастыря стадо распускалось и разбѣгалось во всѣ стороны. Уніатскихъ церквей не было почти совсѣмъ. Духовенство погрязло во тьмѣ и во всевозможныхъ порокахъ. Часть монаховъ-василіанъ переженилась. Православіе снова распространилось повсемѣстно и, казалось, окончательно вытѣснило унію. Въ Мараморошѣ 16 селъ вмѣстѣ со священниками перешли въ кальвинскую вѣру. Въ Сатмарской столицѣ населеніе уничтожало и сожигало иконы, кресты и жертвенники. Умирающихъ сами причащали простой водой, а если кто умеръ безъ крещенія или исповѣди, то только поливали могилу водою и разрѣшали покойника крестнымъ знаменіемъ»[1]).

Конечно, не слѣдуетъ думать, что у православныхъ все обстояло благополучно; тьма была общая, но привилегія «старой вѣры» была закрѣплена традиціей, а народъ и священники-практики впредь до начала дѣйствительнаго школьнаго образованія жили именно этимъ преданіемъ отцовъ, которое имѣло и положительное и отрицательное значеніе.

Уніи помогли случайныя обстоятельства. Послѣ смерти Петронія Каминскаго, Раковцій назначилъ епископомъ мукачевскимъ Георгія Бизанція, котораго одновременно призналъ апостольскимъ викаріемъ съ титуломъ епископа Севастійскаго и римскій престолъ, а въ частности ягерскій епископъ. Положеніе, казалось, было улучшено, однако съ этого времени начинается иная борьба — борьба уніатскаго духовенства за свои права и противъ притязаній ягерскихъ епископовъ. Послѣдніе, разсматривая унію только какъ переходную ступень къ латинству, не желали считаться съ ими же даннымъ, правда изустнымъ, обѣщаніемъ соблюдать права избранія епископа мукачевскаго. Фактически мукачевское епископство канонизировано не было, назначеніе происходило съ благоволенія Ягра, который видѣлъ въ мукачевскихъ епископахъ только своихъ викаріевъ. Безъ согласія ягерскаго епископа нельзя было созывать соборы духовенства, посѣщать приходы, посвящать священниковъ и назначать ихъ на приходы.

Въ дальнѣйшемъ это повело къ негласному подчиненію уніатскаго священства римокатолическимъ плебанамъ, что фактически возвращало все къ старому рабству, но въ иныхъ условіяхъ. Уже де-Камелисъ пытался протестовать противъ такого положенія, Бизанцій-же и его наслѣдники, какъ каторроссы, видѣли въ притязаніяхъ Ягра и прямое оскорбленіе. Если слабовольный Симеонъ-Стефанъ Ольшавскій ягерскому епископу не противился, то его братъ и наслѣдникъ Михаилъ Мануилъ Ольшавскій (1738—1767), не желая играть роль замѣстителя римо-католическаго плебана, обратился за помощью непосредственно къ папѣ, а затѣмъ воспользовался

[1]) И. М. Кондратовичъ: Очерки изъ исторіи мукачевской епархіи. Епископы Ольшавскіе. Отгискъ изъ «Карпаторусскаго Сборника», Ужгородъ, 1930, стр. 5—6.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

расположеніемъ императрицы Маріи Терезіи, которая, хотя и высказывала мысль, что «греки (т. е. приверженцы греко-восточнаго обряда) вообще не могутъ пользоваться ея расположеніемъ», однако, вникнувъ въ сущность дѣла, стала на сторону карпаторусскаго уніатскаго духовенства и потребовала отъ ягерскаго епископа Эстергази прекратить притѣсненія и оскорбленія.

Конечно, это выступленіе императрицы имѣло въ основѣ политическую подоплеку, а особенно когда въ Подкарпатской Руси и въ Семиградьѣ начались религіозныя волненія на почвѣ соціально-экономической, а именно противъ церковной десятины и податей, а затѣмъ и переходъ въ православіе, который неожиданнымъ образомъ началъ связываться съ русской національной идеей вплоть до того, что даже въ мадьярскихъ селахъ, какъ Гайду-Дорогъ, Токай и Бесерменъ, молились за русскую православную императрицу, — Марія Терезія рѣшила съ цѣлью координаціи этой «заразы» добиваться выдѣленія мукачевскаго епископства, какъ самостоятельнаго. Такимъ образомъ мукачевскіе апостольскіе викаріи съ титулами епископовъ Севастійскихъ, Пелленскихъ и проч. получили неожиданную поддержку въ своихъ стремленіяхъ со стороны самой императрицы. Въ 1771 году, т. е. за годъ до своей смерти Іоаннъ Брадачъ получилъ титулъ епископа Мукачевскаго, самое епископство было канонизовано и подчинено непосредственно архіепископу Остригомскому.

И въ эту эпоху, какъ и въ древнее время, сословіемъ, которое могло сѣять просвѣщеніе и развивать литературное движеніе, были дѣятели церкви — священники и монахи. Какова была степень ихъ образованности и каково ихъ было положеніе — свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ прямыхъ и косвенныхъ документовъ. Мы имѣемъ рядъ характеристикъ, высказанныхъ тѣми, кто прямо былъ заинтересованъ въ истребленіи православія: она высокомѣрна и говоритъ о «попахъ» съ полнымъ презрѣніемъ; къ ней слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Однако и то, что научно и безпристрастно установлено вообще относительно карпаторускаго духовенства XVII и начала XVIII вв., не оставляетъ отраднаго впечатлѣнія. Точную характеристическую сводку даетъ намъ современный карпаторусскій историкъ И. М. Кондратовичъ, которую мы и приведемъ полностью.

«Бурное время, частыя возстанія седмиградскихъ князей и мадьярскихъ дворянъ, особенно-же постоянныя внутреннія церковныя неурядицы и смуты вообще — не споспѣшествовали наукамъ и просвѣщенію. Кандидатъ въ священники, обыкновенно — сынъ священника-же (поповичъ), учился дома читать и писать, усваивалъ кое-какія основы катехизиса и церковнаго служенія, и съ этими скудными знаніями тутъ-же самъ становился священникомъ, благо, что для посвященія

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

не требовалось никакого ценза или особой духовно образовательной подготовки.

Да и вообще положеніе угро-русскаго духовенства въ ту эпоху было крайне тяжелое и безотрадное. Приниженное и убогое, оно, наравнѣ со своей крѣпостной паствой, отъ которой оно мало чѣмъ отличалось, должно было нести всѣ повинности и налоги, а нерѣдко подвергалось даже тѣлеснымъ наказаніямъ. При нѣкоторыхъ церквахъ ютились со своими семьями иногда по 4, 5 и даже 10 священниковъ, при чемъ они не получали, подобно католическому духовенству, опредѣленныхъ доходовъ съ требъ, а только случайныя и — впослѣдствіи естественной конкурренціи — весьма небольшія подаянія съ эпатрахильщины (штолы), такъ что должны были пробиваться, главнымъ образомъ, тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ. Такой, натруженный и изможденный, въ простой крестьянской одеждѣ «батько» (такъ ихъ тогда называли и свои и чужіе) совершенно былъ похожъ на крестьянина, съ которымъ онъ и работалъ вмѣстѣ въ полѣ, и вмѣстѣ ходилъ въ корчму, пилъ и дрался, вмѣстѣ гулялъ на свадьбахъ и работалъ на барщинѣ, на которую его иногда помѣщичьи слуги приводили прямо отъ церковнаго престола. Неудивительно, поэтому, что, въ такихъ невозможныхъ условіяхъ сплошной необразованности, рабства и нужды, и нравственное состояніе духовенства было очень низко, и нерѣдки были въ его средѣ случаи моральной распущенности, суевѣрій, пьянства, дракъ, кражъ и т. п.»[1]).

Ожидать помощь со стороны православнаго ближайшаго востока — не приходилось; тамъ дѣло обстояло не лучше. Католическій западъ обѣщалъ и матерьяльно-правовое улучшеніе и не только гарантировалъ, но и требовалъ повышенія образовательнаго ценза. Впослѣдствіи это просвѣщеніе съ запада сыграло въ культурной жизни Подкарпатской Руси выдающуюся роль, но въ разсматриваемый нами періодъ оно рѣшительно ни въ чемъ себя не проявило: вся литература этого времени создана была православными, т. е. всей массой карпатороссовъ, отстаивавшихъ «старую вѣру».

Въ 1704 году получили возможность обучаться въ семинаріи въ Трнавѣ три карпаторусскихъ юноши на средства изъ фундаціи Франциска Янія; эту семинарію окончили епископы Византій, Симеонъ и Мануилъ Ольшавскіе, Блажовскій, Брадачъ и Бачинскій. Но это была капля въ морѣ и только начало къ просвѣщенію епархіи. Школа при монастырѣ въ Мукачевѣ существовала кратковременно и находилась въ полномъ матерьяльномъ убожествѣ. Парохіальную школу въ Мукачевѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, организуетъ Симеонъ Ольшавскій. Въ 1754 году правительство дало субсидію для шести учениковъ при семинаріи въ Ягрѣ, но, ввиду борьбы съ ягерскими епископами, русскіе уніаты ее посѣщали крайне

[1]) «Очерки изъ исторіи Мукачевской Епархіи», стр. 8—9.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

неохотно. Такимъ образомъ, вплоть до второй половины XVIII столѣтія можно говорить только о попыткахъ и началахъ просвѣтительной дѣятельности для карпаторосовъ; это просвѣщеніе принесло плоды только въ слѣдующемъ періодѣ, и оно не могло повліять на литературную дѣятельность до 1772 года. Литература карпаторосовъ въ это время — послѣдняя волна старой традиціи, о школахъ которой можно только дѣлать предположенія. А. Л. Петровъ указываетъ на цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о наличіи у карпаторосовъ школъ въ періодъ до 1627 г., о наличіи отдѣльныхъ ученыхъ по тому времени людей, однако установить общій характеръ образованности по этимъ даннымъ невозможно[1]). Самый фактъ наличія памятниковъ литературы и ихъ жизненно-творческаго характера требуетъ признанія наличія просвѣтительныхъ и культурныхъ очаговъ, связанныхъ еще съ общимъ православіемъ. Возможно, что немногіе лица обучались въ школахъ Седмиградья и Молдавіи, подобно тому, какъ и уніатамъ давались стипендіи въ Трнавѣ и Ягрѣ, но это можно отнести только къ немногимъ лицамъ, въ то время какъ прочіе грамотные люди проходили свою школу въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ: кто учился у священника, кто у дьяка, а кто и просто отъ селянина-начетчика. Въ памятникахъ встрѣчаемъ такія выраженія: «У кого есть ухо, тотъ слухай, а кто умѣетъ писати, книгу сію перепиши». Это говоритъ объ интересѣ къ книгѣ и о наличіи любителей-переписчиковъ.

Что касается сословно-правового положенія карпаторосовъ этого времени, то оно мало чѣмъ отличалось отъ прошлаго, XVI вѣка. Карпатороссы были крѣпостными, включая сюда и духовенство. Правда, въ 1692 г. былъ изданъ особый дипломъ (Diploma Leopoldinum), по которому уніатскому духовенству давались привиллегіи, а въ частности и то, что, какъ сами священники, такъ и ихъ потомки освобождались отъ крѣпостной зависимости и отъ податей въ пользу помѣщика, — однако въ жизнь онъ проведенъ не былъ. Карлъ III и Марія Терезія этотъ дипломъ подтвердили, но только при еп. Андреѣ Бачинскомъ духовенство дѣйствительно почувствовало свою свободу.

А народъ пребывалъ въ крѣпостной зависимости, былъ вѣрнымъ рабомъ помѣщика и, случайно, оказался и его политическимъ единомышленникомъ. Въ борьбѣ куруцовъ, т. е. сторонниковъ мадьярской независимости и непримиримыхъ враговъ нѣмецкаго владычества, и лабанцевъ, сторонниковъ Австріи и императора, карпатороссы рѣшительно оказывались на сторонѣ первыхъ. И въ возстаніи Текели и особенно въ мятежѣ Франца II Раковція они шли вмѣстѣ со своими панами и заслужили наименованіе — «gens fidelissima». Не потому, что они были омадьярены, — мадьярское національное само-

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, VIII, стр. 21—26.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

сознаніе въ то время только слагалось, какъ и ихъ литературный языкъ, — но въ силу самой идеи возстанія противъ тѣхъ, кто посягалъ на ихъ «старую вѣру» и облагалъ налогами въ пользу ненавистныхъ «латинянъ». Возстаніе подымалось за свободу, и не вина карпаторосовъ въ томъ, что они надѣялись получить крохи отъ этой свободы и въ свою пользу. Что-же касается дальнѣйшихъ симпатій карпаторусскаго, уже уніатскаго, духовенства, а въ частности и епископовъ мукачевскихъ къ австрійскому императору, то эту симпатію слѣдуетъ понимать какъ классовую. Это былъ уже новый этапъ жизни карпаторусскаго духовенства въ борьбѣ съ латинскими, ягерскими епископами, когда православное движеніе было удушено послѣ длительной и ожесточенной борьбы. Народъ особыхъ симпатій къ Австріи не имѣлъ, да и не могъ имѣть: къ тому не было причины. Привиллегіи духовенства во многомъ ложились и на его плечи.

4. Памятники XVII—XVIII вѣковъ. Учительныя Евангелія. Учительные сборники. Легенды и апокрифы. Суевѣрно-магическія сочиненія (заклинанія, толкованія сновъ, гадательныя книги). Духовные пѣсенники.

Разбирая литературные памятники XVII и XVIII вѣковъ, ввиду наличія обильнаго матерьяла, мы можемъ уже не останавливаться на церковно-обрядовыхъ книгахъ, гдѣ вся творческая роль ограничивалась тщательной перепиской, а иногда и художественной орнаментировкой. Эти книги и понынѣ находятся еще въ церквахъ и хранятся, какъ древность. Средній періодъ, поскольку онъ открытъ и изслѣдованъ за послѣднее полустолѣтіе, даетъ уже и образцы подлиннаго литературнаго творчества Подкарпатской Руси, какъ оригинальнаго, такъ и въ зависимости отъ источника, который переписывался, измѣнялся и дополнялся въ соотвѣтствіи съ интересами и убѣжденіями переписчика.

Такъ какъ и въ этотъ періодъ источникомъ письменности была церковь, и ею вдохновлялось литературное творчество, то и самый характеръ этого творчества, если и не всецѣло, то въ преобладающемъ смыслѣ — былъ религіозный или религіозно-суевѣрный.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить рядъ памятниковъ церковно-учительнаго характера, а именно: 1) учительныя евангелія и 2) сборники поученій.

Толковыя или учительныя евангелія предназначались для чтенія въ церкви въ качествѣ проповѣди и состояли изъ зачала — текста, выписаннаго изъ евангелія, и толкованія къ нему. Поскольку это толкованіе предназначалось «къ разумѣнію простыхъ и некнижныхъ мірянъ», конечно, ихъ языкъ допускалъ обиліе живыхъ діалектическихъ словъ и выраженій, а иногда даже и самые евангельскіе тексты

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

передавались не совсѣмъ точно — въ перефразировкѣ. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣлъ не только авторъ, но и всѣ послѣдующіе переписчики, которые считали себя вправѣ приближать языкъ и стиль толкованій къ народному языку. Впрочемъ, и здѣсь, конечно, была своя неписанная мѣра; такъ, напримѣръ, наиболѣе радикальный въ этомъ отношеніи переписчикъ «Няговскихъ поученій» — «Михаилъ, Степана Горбянскаго сынъ», который нѣсколько разъ подчеркиваетъ, что языкъ толкованій долженъ быть тотъ «которымъ мовлятъ люди, што бы могли розумѣти убогы», замѣчаетъ: «Благыи читателіе, аще обрящете иншее прегрешеніе во книгѣ сей албо, просто рещи, помылки, не клените, но исправляйте, да и вы сподобите ся отъ Бога прощенія. Гдѣ братя, тамъ чти братія, гдѣ мовитъ людскій, тамъ чл̄вческій чти, понеже дуже спроста вытолковано было въ той книзѣ, съ которой сія писана»[1]). Очевидно, уже въ то время было инстинктивное отличіе разговорнаго языка отъ литературнаго, которымъ предпочитали писать книги, а тѣмъ болѣе религіозно-церковныя.

Г. Н. Стрипскій (Біленькій) возникновеніе толковыхъ евангелій связываетъ непосредственно съ вліяніемъ реформаціи: «для защиты православной вѣры придумали старшіе духовники (попы) эти учительныя евангелія»[2]). Формулировка не совсѣмъ правильная. Дѣйствительно, реформація, признающая основой вѣры единственную книгу — евангеліе, — конечно, всю религіозную обрядность свела къ толкованію евангельскихъ текстовъ, и эти толкованія въ XVI вѣкѣ наводнили всю западно-русскую и южно-русскую территорію. Русскіе, какъ и прочіе православные этихъ мѣстъ, охотно восприняли форму толковыхъ евангелій, ими были составлены толкованія въ духѣ православной церкви, но такъ какъ образцы были реформатскіе, то попутно въ тексты толкованія или проникли вліянія ихъ, или были внесены полемическія указанія, чтобы православный читатель или слушатель попутно знакомился съ толкованіями «еретиковъ» и самъ не впадалъ въ «ересь». Но, такъ какъ въ это время Подкарпатская Русь испытывала и притязанія латинянъ и «унѣватовъ», то невольно приходилось вносить полемическій элементъ и противъ уніи. Вліяніе реформаціи выразилось и въ томъ, что толковыя евангелія, являясь книгой священной, написаны были почти сплошь діалектомъ. Реформація возстала противъ мертвой и для простонародья непонятной латыни Рима и требовала внесенія въ религію «народнаго языка», т. е. того, на которомъ говоритъ народъ въ смыслѣ націи, т. е. для нѣмцевъ — нѣмецкій, для чеховъ — чешскій и т. д. Церковно-славянскій языкъ, ко-

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы для изученія Закарпатской Руси, т. VIII, Прага 1923, стр. 42 и 7.

[2]) Біленькій: Старша руська письменность на Угорщинѣ, Унгваръ, 1907, стр. 12.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нечно, не былъ такимъ чужимъ языкомъ, какъ латынь, онъ былъ понятенъ всѣмъ русскимъ, но авторы толковыхъ евангелій и его стремились приблизить къ «народному языку», но уже въ смыслѣ приближенія къ простонародному говору, слѣдя, однако, чтобѣ толкованія не писались «дуже спроста».

Толковалось, конечно, не полное евангеліе, а только тексты на недѣльныя и праздничныя службы («апрокосъ»), и были эти толкованія готовой церковной проповѣдью. Въ виду простоты ихъ стиля и доступности по идеямъ, учительныя евангелія вскорѣ сдѣлались излюбленной, а для Подкарпатской Руси XVII вѣка пожалуй и единственной, книгой для чтенія на дому. Ихъ начали переписывать и вообще книжные міряне, оцѣнивая уже, какъ душеполезное чтеніе. «Тутъ кождий май уха слушати, а хто умѣетъ писати, а ти собѣ переписи». Вслѣдствіе этого въ учительныхъ евангеліяхъ появляется и обильный матерьялъ легендарнаго, повѣствовательнаго и апокрифическаго характера. «Почти ни одна копія не передаетъ въ точности оригиналъ, говоритъ Ив. Франко, — а въ рукописяхъ учительныхъ евангелій, даже тамъ, гдѣ въ заглавіи указано имя какого либо святого отца, можно обнаружить вставки самого переписчика, черпаемыя изъ самыхъ различныхъ источниковъ, не исключая народныхъ традицій и вѣрованій...»[1]).

Изъ числа учительныхъ евангелій, найденныхъ на Подкарпатской Руси и на Пряшевщинѣ, относящихся къ XVII—XVIII вв. и обнаруживающихъ свое карпаторусское происхожденіе или по содержанію текста или по языку, — укажемъ слѣдующія:

1) Даниловское, написанное до 1646 г., найденное въ церкви с. Данилова въ Мараморошѣ, нынѣ въ собраніи И. Я. Франка въ Библ. Т-ва им. Шевченка во Львовѣ. Содержитъ 233 листа, конецъ и начало утрачены. Содержитъ много бытовыхъ чертъ и повѣрій, характеръ противореформатскій[2]).

2) Пряшевское, въ XVII в. принадлежало Іоанну Капишовскому, священнику изъ Ортутова и Шашова въ Шаришѣ, нынѣ въ Епарх. Библіотекѣ въ Пряшевѣ. Носитъ противореформатскій характеръ. Въ текстъ внесенъ рядъ апокрифовъ[3]).

3) Ладомировское, XVII вѣка, найденное въ с. Ладомировѣ въ Шаришѣ, нынѣ находящееся въ музеѣ Т-ва «Просвѣта» въ Ужгородѣ. Начало и конецъ утрачены, всего со-

---

[1]) Др. Іван Франко: Карпато-Руське письменство XVII—XVIII вв., изд. Наук. Т-ва ім. Шевченка, Львовъ; 1900, стр. 6.

[2]) Описано И. Я. Франкомъ, см. И. Франко: Карпато-Руське письменство XVII—XVIII вв., Львовъ, 1900, стр. 27—37; Ю. А: Яворскій: Ветхозавѣтныя библейскія сказанія..., стр. 11.

[3]) J. Vašica: Slavica Kovačovy diecésní knihovny v Prešově — «Slovanský Sborník : věnovaný ...Fr. Pastrnkoví... k 70 narozeninám», Прага, 1923, стр. 10—18. Приведены отрывки изъ текста, сдѣлано краткое описаніе. Ю. А. Яворскій. Ветх. Библейск. сказанія, стр. 11.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

хранилось 242 листа. Раздѣляется на двѣ части; первая содержитъ толкованія на недѣльныя евангельскія чтенія, а вторая — на праздники Господни. Содержаніе направлено противъ реформаціи, а особенно противъ «пана Лютра». Порядокъ и содержаніе поученій текстуально совпадаютъ съ Пряшевскимъ учит. евангеліемъ. Писано несомнѣнно до принятія уніи. Имѣется рядъ апокрифовъ, внесенныхъ въ толкованія[1]).

4) Грабское, XVII вѣка, найденное въ с. Грабское въ Шаришѣ, находящееся въ собр. Ю. А. Яворскаго въ Спб. Публ. Библіотекѣ[2]).

5) Угляньское, XVII в., нѣкогда принадлежавшее монастырю въ Углѣ, пріобрѣтенное въ с. Сокирница въ Мараморошѣ и находящееся въ собр. Ю. А. Яворскаго въ Прагѣ. Состоитъ изъ двухъ различныхъ рукописей разныхъ почерковъ, изъ которыхъ первая изобилуетъ карпаторусскими діалектизмами и мадьяризмами, во второй-же ихъ менѣе. Листовъ — 188. Содержаніе его обнаруживаетъ рядъ матеріаловъ, которые отличаютъ его отъ всѣхъ прочихъ учительныхъ евангелій, найденныхъ на Подкарп. Руси. Имѣется рядъ выпадовъ противъ реформаціи и «латинянъ»[3]).

6) Колочавское, начала XVIII вѣка, изъ с. Колочава въ Мараморошѣ, нынѣ находится въ собраніи В. Гнатюка въ Библ. Т-ва Шевченка въ Львовѣ. Содержитъ 23 проповѣди съ апокрифическимъ матеріаломъ, начала и конца не имѣетъ. Является переходомъ къ типу учительныхъ сборниковъ, т. к. въ немъ фактически имѣются только проповѣди («казаня») на соотвѣтствующія евангельскіе тексты, но нѣтъ самихъ текстовъ[4]).

7) Няговское, которое А. Л. Петровъ назвалъ, ввиду отсутствія евангельскихъ зачалъ, «поученіями на евангеліе». Писано Михаиломъ Горбянскимъ въ Няговѣ въ 1757—1758 гг. съ болѣе древняго оригинала, восходящаго къ XVI в. Находится въ монастырѣ на Чернечей горѣ близъ Мукачева. Сохранилось 248 листовъ. Содержитъ цѣлый рядъ матеріаловъ, обнаруживающихъ глубокую терпимость автора къ инаковѣрующимъ. Онъ возражаетъ противъ заблужденій, но въ тоже время понятіе «старой вѣры» замѣняетъ понятіемъ «правой вѣры», смыслъ которой овѣянъ идеалами реформаціи. Онъ

---

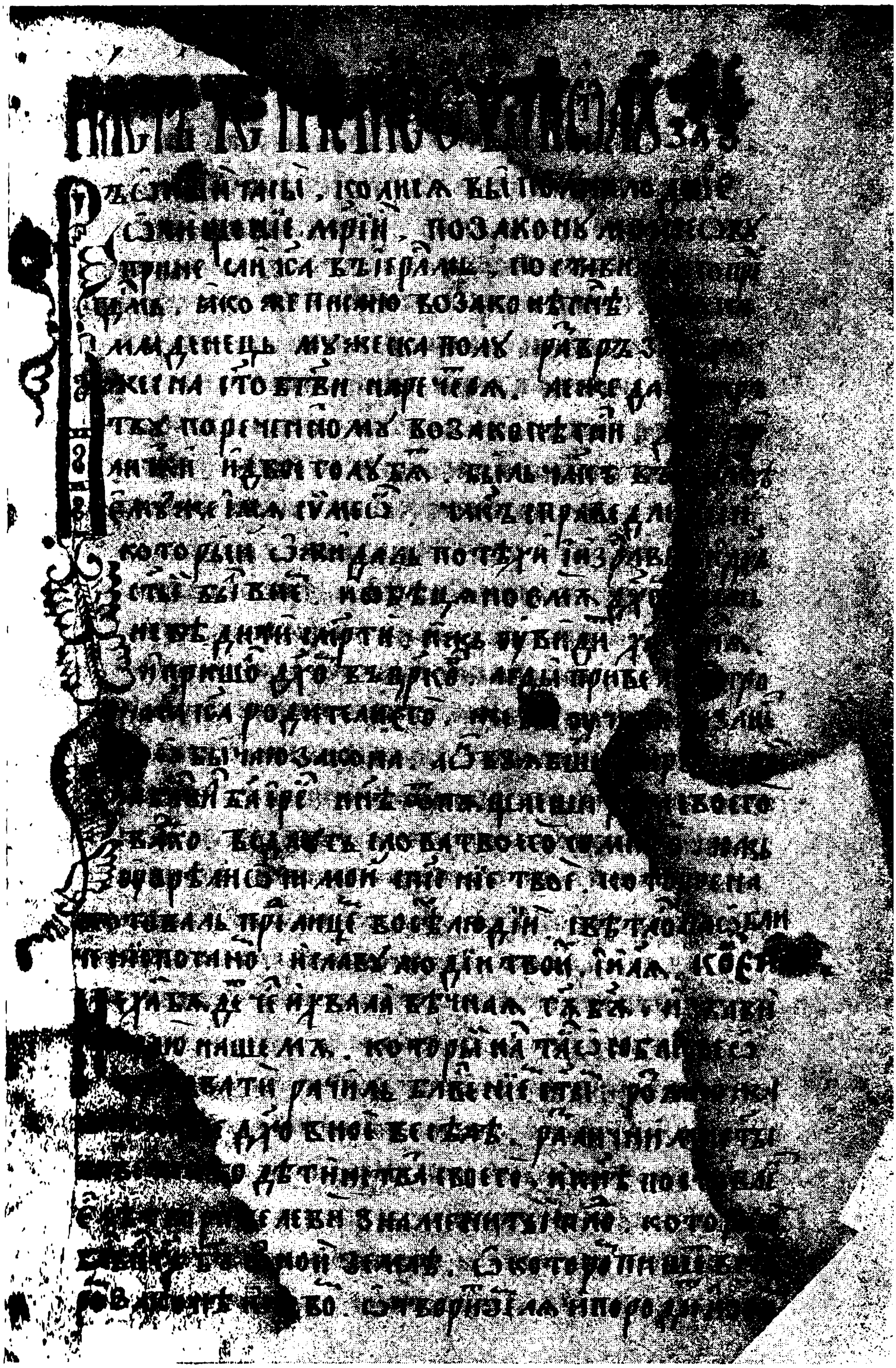
[1]) Кратко описано и подробно изслѣдовано въ отношеніи языка Д-ромъ Иваномъ Панькевичемъ; см. его статью «Ладомирівске Учительне Евангеліе въ «Наук. Зборникѣ», изд. Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1923, стр. 93—107.

[2]) Кратко описано, см. Ю. А. Яворскій: Два замѣчательныхъ памятника XVIII в., принадл. Университету св. Владиміра, Кіевъ, 1909, стр. 56—59.

[3]) Подробно описанъ Ю. А. Яворскимъ; см. его — «Новыя рукописныя находки...», стр. 41—55.

[4]) Описано Володиміромъ Гнатюкомъ; см. его статью «Зборник Петра Колочавского», Науковый Зборник Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1922, стр. 229—236.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015



Угличское Учительное Евангелие XVII в. л. 165.

Ближе собств. „Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatskė Rusi při Slovenském ústavu v Praze“.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нигдѣ не упоминаетъ вѣроисповѣданія (православнаго, католическаго и проч.), которое лежитъ въ основѣ его ученія, но пользуется формой «святая церковь», подобно тому, какъ и слушателей именуетъ не обычнымъ «православные христіане», а «братя мои, хрестяне Божіи» и т. д. Это обнаруживаетъ его склонность къ реформатско-протестантскимъ ученіямъ; однако въ вопросахъ вѣроученія онъ стоитъ на почвѣ православной. Это цѣннѣйшій памятникъ вліянія реформаціи на православнаго священника, вдумчиваго и философа своего времени[1]).

8) Мѣдяницкое, конца XVII или начала XVIII в., въ 1789 г. принадлежало пароху с. Мѣдяницы, нынѣ въ Епископской Библіотекѣ въ Ужгородѣ. Тоже является переходомъ къ типу учительныхъ сборниковъ. Содержитъ «выклады» и «поученія» на праздничные и недѣльные евангельскіе тексты, писано различными полууставными почерками, переходящими иногда въ скоропись. Писано православнымъ съ выраженіями противъ социніанъ и лютеранъ[2]).

Къ числу этихъ изслѣдованныхъ и въ своемъ карпаторусскомъ происхожденіи установленныхъ учительныхъ евангелій, имѣется цѣлый рядъ рукописей этого рода, обнаруженныхъ на Подкарпатской Руси и, или относимыхъ къ карпаторускому творчеству (Стефана Плавянскаго 1688 г.[3]), или сомнительныхъ въ ихъ карпаторусской принадлежности, уже въ готовомъ видѣ принесенныхъ изъ Галиціи, или вовсе не изслѣдованныхъ (Изское — Стефана Дулишковича — до 1673 г.[4]), Мало-Березнянское XVI—XVII в.[5]) и др.[6]).

Фактъ тотъ, что форма учительныхъ евангелій, распространившаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформаціи и протестантизма въ южной и юго-западной Руси, въ XVI—XVII вв. была воспринята православными, получила широкое распространеніе, но въ то-же время и оригинальную редакцію, а именно въ смыслѣ защиты православной вѣры противъ инаковѣрящихъ и привнесенія цѣлаго ряда литературныхъ памятниковъ — повѣствовательныхъ, легендарныхъ и апокрифическихъ. Здѣсь-же обнаруживается впервые и подлинная творческая мысль карпатороссовъ въ видѣ отступленій отъ оригиналовъ въ формѣ внесенія своего обычая, быта и фольклора.

---

[1]) Подробно изслѣдовано А. Л. Петровымъ въ книгѣ: Отзвукъ Реформаціи въ русскомъ Закарпатьи XVI в. Няговскія поученія на евангеліе, Прага, 1923 (Матеріалы, т. VIII) стр. 1—121; Ю. А. Яворскій: Ветхозав. библ. сказанія, стр. 12.

[2]) Кратко описано Юліемъ П. Гаджегой, см. его статью «Мѣдяницкое (Medenziensis) Толковое Евангеліе», Карпатскій Свѣтъ, Ужгородъ, 1929, № 1, стр. 422—425.

[3]) М. Возняк: Історія украин. літер., т. III, Львовъ, 1924, стр. 116.

[4]) Ю. А. Яворскій: Ветхозав. библ. сказанія, стр. 13.

[5]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, т. IV, стр. 33.

[6]) О. Колесса: Рукописні і палеотипні книги, стр. 6 и 8.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Мы уже указывали, что многія учительныя евангелія по своему характеру приближаются къ типу учительныхъ сборниковъ, т. е. не совсѣмъ точно соблюдаютъ послѣдовательность чтеній или въ толкованія привносятъ и несоотвѣтствующій темѣ матеріалъ забавно-поучительнаго характера. Типы учительныхъ сборниковъ не имѣли церковно-обрядоваго значенія, а если и служили подсобнымъ средствомъ для проповѣдниковъ въ церкви, то не въ этомъ ихъ основное назначеніе. Сборники служили духовной пищей на дому, составлялись не по строго опредѣленному плану, а съ единственной цѣлью высокаго духовно-моральнаго воздѣйствія на читающихъ и особенно слушающихъ. Такъ какъ при этомъ приходилось учитывать уже не только узко-религіозное чувство слушателей, но и ихъ эстетическія потребности, то вскорѣ наряду съ художественными словами св. отцовъ Церкви появились и вольныя, художественно-обработанныя и въ силу этого отступающія отъ правды, изложенія библейскихъ, евангельскихъ и житійныхъ событій, а затѣмъ и легенды свѣтскаго характера. Такіе сборники, какъ «Златоустъ», «Маргаритъ», «Діоптра» и др., принедшіе къ русскимъ, по своимъ матеріаламъ, извнѣ, дали поводъ къ собственнымъ редакціямъ учительныхъ сборниковъ, какъ въ смыслѣ отступленій отъ текста переписываемаго образца, такъ и въ отношеніи подбора матеріала. Благодаря этому къ темамъ церковно-учительнымъ присоединяются разсказы, повѣсти и легенды, поучительныя въ обще-житейскомъ смыслѣ и, наконецъ, свѣдѣнія вообще полезныя по мнѣнію писца (напр., изъ «Физіолога», изъ суевѣрныхъ лечебниковъ, сонниковъ и т. д.). Такимъ образомъ понятіе сборника отожествляется съ понятіемъ оригинальной энциклопедіи философіи и мудрости жизни, овѣянной религіозно-суевѣрнымъ авторитетомъ священной исторіи, какъ она понималась въ простонародномъ быту.

Именно въ такомъ энциклопедическомъ видѣ сборники и перешли на Подкарпатскую Русь — отъ юго-западныхъ русскихъ, пройдя польское вліяніе, или непосредственно заимствованные изъ польской среды, на что указываетъ языковый анализъ.

Подробно останавливаться на отдѣльныхъ сборникахъ мы не будемъ, укажемъ только важнѣйшіе изъ нихъ, кратко охарактеризовавъ ихъ составъ. Эти сборники слѣдующіе:

1) Торунскій XVI—XVII в., пріобрѣтенъ въ с. Торунь въ Мараморошѣ, нынѣ въ собр. Ю. А. Яворскаго; 300 листовъ, писанныхъ полууставомъ разныхъ почерковъ. Имѣются выпады противъ католиковъ.

2) Сокирницкій, XVII в., пріобрѣтенъ въ с. Сокирница въ Мараморошѣ, нынѣ въ собр. Ю. А. Яворскаго; 180 ли-

[1]) Ю. А. Яворскій: Новыя рукописныя находки..., стр. 55—64.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

стовъ, писанныхъ полууставомъ разныхъ почерковъ. Имѣются выпады противъ католиковъ[1]).

3) Ракошинскій, XVII в., пріобрѣтенъ въ с. Ракошинѣ близъ Мукачева, нынѣ въ собр. Ю. А. Яворскаго; 32 листа, писанныхъ мелкой скорописью[2]).

4) Угляньскій, подъ названіемъ «Ключъ», очевидно принадлежалъ, судя по интерполяціи, монастырю въ Углѣ, нынѣ въ собраніи Ю. А. Яворскаго; 111 стр., писанныхъ полууставомъ, мѣстами переходящимъ въ скоропись, — XVII или начала XVIII вѣка. Содержитъ выпады противъ католиковъ, уніатовъ и протестантовъ. По формѣ приближается къ учительнымъ евангеліямъ, но съ обиліемъ легендарно-апокрифическаго и повѣстного матеріала. Писанъ почти на чистомъ мараморошскомъ — «лышацкомъ» — говорѣ[3]).

5) «Теслевцьового попа Стефана», XVII или нач. XVIII вѣка, нынѣ въ Библ. Т-ва Шевченка во Львовѣ; 329 листовъ, писанныхъ мелкимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. По формѣ, содержанію и языку аналогиченъ Угляньскому «Ключу»[4]).

6) Литмановскій А., XVIII в. нѣкогда былъ въ с. Литманова на Спишѣ, нынѣ въ Библ. Т-ва Шевченка во Львовѣ»[5]).

7) Литмановскій Б., XVIII в., также съ помѣткой изъ с. Литмановой, нынѣ въ Библ. Т-ва Шевченка во Львовѣ; писанъ на діалектѣ, сохранилось 36 листовъ[6]).

8) Ужгородскій («Унгварскій»), XVIII в., принадлежитъ библ. монастыря оо. василіанъ въ Ужгородѣ; 205 листовъ. По формѣ близокъ къ учительнымъ евангеліямъ[7]).

9) Григорія Куйбѣды «зе Стрія», 1652 г., представляющій толкованіе апокалипсиса со многочисленными апокрифическими дополненіями. Вѣроятнѣе всего, однако, что этотъ памятникъ былъ на Подкарпатской Руси только переписанъ, и то безъ какихъ либо измѣненій, такъ какъ по языку онъ долженъ быть отнесенъ къ западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, правда, при наличіи немногочисленныхъ карпато-русскихъ діалектизмовъ[8]).

Сюда слѣдуетъ отнести и нѣкоторые сборники духовныхъ пѣсенъ изъ Срѣма и Бачки, о которыхъ подробно мы говоримъ

---

[1]) Ю. А. Яворскій: Новыя рукописныя находки, стр. 64—71.
[2]) Тамъ-же, стр. 95—98.
[3]) Тамъ-же, стр. 71—95.
[4]) И. Франко: Карпато-Руське письменство, стр. 44—55.
[5]) Тамъ-же, стр. 61—64.
[6]) Тамъ-же, стр. 64—66.
[7]) Тамъ-же, стр. 55—61.
[8]) M. Weingart: Manuálnik Grigorija Kujbědy. Karpatoruský rukopis z roku 1652, Братислава, 1926, I, стр. 5—46. Высказывая мнѣніе о галицко-русскомъ происхожденіи подлинника, мы только соглашаемся съ мнѣніемъ Ю. А. Яворскаго (см. его «Ветхозав. Библейскія сказанія, стр. 15).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ниже, гдѣ наряду съ пѣснопѣніями встрѣчаются толкованія или просто сказанія на темы Новаго Завѣта; напр., сборники Михаила Проця (8), М. Туринскаго Б (14) и Г (16).

Всѣ вышеуказанные сборники научно изслѣдованы и могутъ быть безошибочно внесены въ область карпаторусской литературы. Кромѣ того есть еще цѣлый рядъ указаній на сборники, обнаруженные на Подкарпатской Руси, но по происхожденію своему они еще точно не опредѣлены, а потому мы ихъ можемъ только разсматривать, какъ доказательство широкаго интереса къ подобнаго рода учительно-повѣствовательнымъ альманахамъ.

Говоря о Тереблянскомъ «Прологѣ» XVI ст., мы указывали на то многообразіе темъ и матеріаловъ, которые путемъ многократныхъ редакцій проникли въ сборники. Здѣсь мы находимъ и толкованія на недѣльныя и праздничныя евангелія, и вообще поученія св. отцевъ Церкви, а особенно Іоанна Златоустаго, и житія святыхъ, и отдѣльныя чудеса ихъ, и вольное, переданное въ художественно-народной формѣ изложеніе ветхозавѣтныхъ событій, и описаніе страшнаго суда, и разсужденія на темы церковной и бытовой жизни, и попытки научнаго осознанія міра и, наконецъ, начала свѣтской повѣсти. Всѣ эти темы въ большей или меньшей мѣрѣ привносятъ въ свое содержаніе или апокрифическій, или мистико-легендарный характеръ.

Подробно излагать апокрифическую литературу сборниковъ мы не будемъ, но на важнѣйшія темы укажемъ.

Апокрифы — сочиненія, изъятыя изъ церковнаго употребленія; они — противоположность книгамъ каноническимъ; однако во II и III вв. послѣ Р. Х. отцы церкви пользовались ими наравнѣ съ книгами каноническими. Особенно это относится къ апокрифамъ ветхозавѣтнымъ. Если цероквь вплоть до 1546 года не въ состояніи была отказаться отъ пользованія апокрифами, то книжные люди, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, въ силу художественно-литературнаго чутья, широко пользовались ими, не подозрѣвая ихъ подложности. Сказка, сказаніе — вотъ первичная форма народнаго творчества, а апокрифы во многомъ аналогичны имъ: они составлены въ видѣ повѣствованій, изобилуютъ фантастикой и увлекательны по своему содержанію. Къ апокрифамъ древнимъ вскорѣ были присоединены новѣйшія легенды, и въ результатѣ русскіе, получивъ письменность отъ христіанской церкви, вмѣстѣ съ нею получили и богатѣйшія собранія апокрифической литературы, внесенной въ толковые сборники. Все это перешло и къ карпатороссамъ и не только въ русскихъ редакціяхъ, но и изъ польскихъ источниковъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ на Подкарпатской Руси слѣдуетъ отмѣтить сказаніе о сотвореніи міра и объ отпаденіи Люцифера («Луцѣфера»); объ Адамѣ и о томъ, изъ сколькихъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

частей онъ былъ созданъ; о Лотѣ «прадѣдѣ нашемъ»; «о развращеніи Содому»; о пророкѣ Моисеѣ и т. д. Самое важное то, что, избирая ветхозавѣтную тему, авторъ, а затѣмъ и переписчикъ, желая придать ей болѣе зажигательности, конечно, многое дополняли и измѣняли по своему вкусу. Въ результатѣ въ карпаторусскихъ сборникахъ, конечно послѣ ряда иноземныхъ редакцій, оказалась вся ветхозавѣтная исторія въ освѣщеніи апокрифическо-легендарномъ или легендарно-повѣствовательномъ[1]).

То-же самое случилось и съ новозавѣтной исторіей; она тоже истолкована и написана со многочисленными легендарными и апокрифическими подробностями. Сюда относятся темы Благовѣщенія, Рождества Христова, прихода волхвовъ на поклоненіе, хожденія Богородицы по мукамъ, воскресеніе Лазаря, вопросы трехъ святителей и т. д. Особый интересъ вызвали чудеса святыхъ — благодарная тема для фантазіи, — а особенно часто встрѣчаются чудеса св. Николая Мирликійскаго. Если загадкой было сотвореніе міра, то такимъ-же загадочнымъ вопросомъ, требующимъ разрѣшенія, оказывалась и посмертная жизнь. Въ этомъ отношеніи пришли на помощь апокрифы — о приходѣ антихриста и о страшномъ судѣ, какъ отзвуки сочиненій Ипполита, Кирилла Іерусалимскаго и Меѳодія Патарскаго — «книга о послѣднихъ дняхъ», «видѣніе Макарія о загробныхъ мытарствахъ и о раѣ» съ самымъ подробнымъ толкованіемъ событій послѣднихъ дней міра: «о запалѣню землѣ и згореню всѣхъ стихій и елементовъ свѣта сего дочаснаго», «о свѣтѣ яковъ будетъ нижный и земля и що на ней за люди будутъ жити» и т. д.[2]).

Кромѣ этихъ легендарныхъ толкованій о мірѣ есть попытки и его научнаго осознанія. Здѣсь авторы заимствуютъ матеріалъ изъ «Физіолога» — «Слово о звѣри оленю, како живетъ сто лѣтъ, егда испіетъ не живую воду, а простую», или изъ другихъ сборниковъ аналогичнаго характера, — «Слово за индропа, иже въ мори живетъ». Есть попытки и космографическаго осознанія — «О дивныхъ народѣхъ людій».

Въ сборникахъ-же находимъ цѣлый рядъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ «Луцидарія», «Великаго Зерцала», рядъ отдѣльныхъ легендъ и сказаній («О происхожденіи павликіанъ», «Повѣсть о Шемирамиши», «Сказаніе о приходѣ ап. Андрея на Русь» и др.) и, наконецъ, главы и цѣлые отдѣлы повѣствовательныхъ цикловъ.

Уже въ учительныхъ евангеліяхъ мы отмѣчали главы изъ повѣсти «Варлаамъ и Іосафъ», разсказывающей о томъ, какъ

---

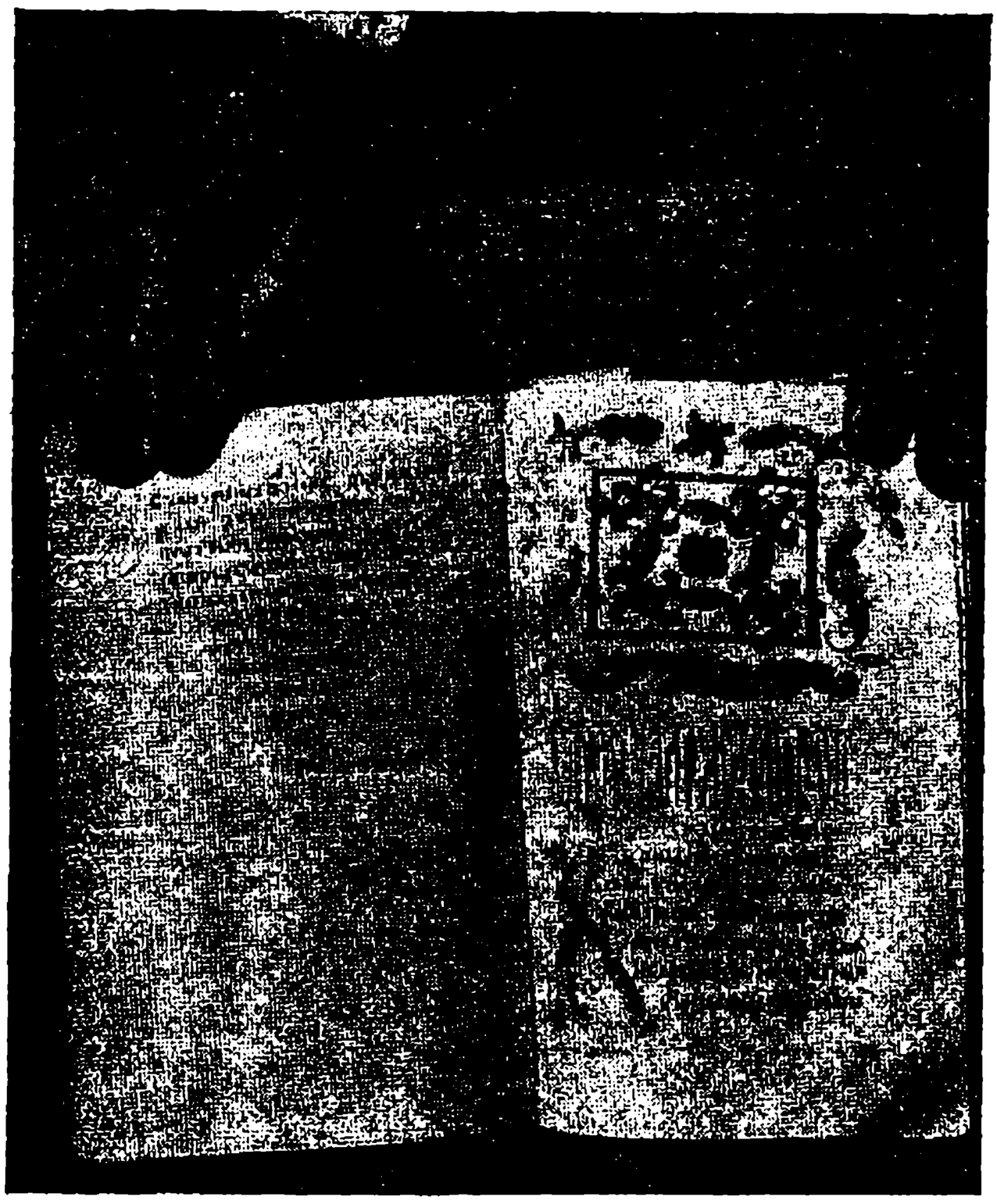
[1]) Объ этомъ см. подробно — Ю. А. Яворскій: Ветхозавѣтныя библейскія сказанія...

[2]) См. И. Франко: Апокріфи і легенди з украинських рукописів, Львовъ, 1896—1910, I—V. Литература объ отдѣльныхъ легендахъ указана непосредственно въ описаніяхъ рукописей Ю. А. Яворскаго, И. Франка, В. Гнатюка и др.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

пустынникъ Варлаамъ по приказу Господню приходитъ ко двору индійскаго царя Авенира, которому кудесникъ предсказалъ, что сынъ его Іосафъ не будетъ царствовать, но войдетъ въ высшее царство — христіанское. Авениръ противится этому, но въ результатѣ и самъ принимаетъ вѣру Христову. Послѣ смерти отца Іосафъ, вѣрный наущенію Варлаама, несмотря на слезныя мольбы своихъ подданныхъ, покидаетъ царство и удаляется въ пустыню, гдѣ и проживаетъ тридцать пять лѣтъ. Въ сборникахъ, кромѣ отдѣльныхъ эпизодовъ самой повѣсти, приводится и цѣлый рядъ поученій старца Варлаама своему царственному послѣдователю.

Обширно представлена другая повѣсть — «Александрія», возникшая еще во II вѣкѣ послѣ Р. Х. и черезъ Византію проникшая въ славянскія, а затѣмъ и русскую, литературы. Въ ней разсказывается дѣтство національнаго греческаго ге-



Рукописное Евангеліе изъ церкви Колочава-Негровецъ XVIII—XIX в.
Фот. В. В. Саханева.

роя — Александра Македонскаго, затѣмъ его война съ персидскимъ царемъ Даріемъ и, наконецъ, походъ въ Индію съ цѣлымъ рядомъ фантастическихъ эпизодовъ. Въ Индіи онъ одерживаетъ побѣду надъ царемъ Поромъ, надъ амазонками, укрощаетъ безбожные народы Гогъ и Магогъ, доходитъ до рѣки Океана, гдѣ кончается сей свѣтъ и видитъ мученія грѣшниковъ. Онъ умираетъ пронзенный стрѣлой, а его вѣрная жена Роксана убиваетъ себя сама, скорбя надъ его трупомъ.

Карпаторусская литература насчитываетъ въ настоящее время пять списковъ «Александріи»:

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

1) Въ Хитарскомъ сборникѣ на 94 листахъ, въ 20 главахъ, начало XVIII в. Рукопись была обнаружена въ с. Хитарѣ, Стрыйскаго окр. въ Галиціи, но по происхожденію своему относится къ Закарпатью. Сравнительно съ другими списками эта «Александрія» является особой редакціей, какъ по порядку главъ, такъ и эпизодовъ[1]).

2) Ужгородскій списокъ, обнаруженный Ю. Жатковичемъ, XVIII в., 180 листовъ, безъ начала, имѣетъ 20 главъ, но отличныхъ отъ Хитарскаго списка. Сборникъ содержитъ только эту повѣсть[2]).

3) Тишавскій списокъ, нач. XVIII в., 288 листовъ разныхъ почерковъ. Найденъ въ с. Тишава на Верховинѣ. Писанъ съ русскаго оригинала. Имѣются выпады противъ «ляхов и папѣшаков». Любопытно отмѣтить, что послѣ смерти Александра его владѣнія раздѣляются между воеводами — московскимъ, татарскимъ, нѣмецкимъ и угорскимъ[3]).

4) Пистряловскій списокъ отъ 1774 г., сохранилось только начало рукописи, 53 листа. Очевидно былъ списанъ съ того-же оригинала, что и Тишавскій. Имѣетъ и полное заглавіе: «Александрія то естъ Гисторій о славномъ цари македонском' Александрѣ, како родися и како звитяжилъ былъ на свѣтѣ всѣ царѣ й королѣ въ тое время царствующій за помощью небеснаго Бога Саваоѳа»[4]).

5) Списокъ О. Колессы, XVIII в.[5]).

Кромѣ того, отдѣльные эпизоды изъ «Александріи» находимъ и въ цѣломъ рядѣ толковыхъ сборниковъ. Въ тѣхъ-же сборникахъ имѣются главы и изъ другого памятника, изъ собранія псевдоисторическихъ повѣстей — «Римскія Дѣянія» (Gesta Romanorum), который въ XVII вѣкѣ распространился на Руси. Наиболѣе обильно повѣсти представлены въ Углянскомъ сборникѣ «Ключъ», при чемъ они играютъ здѣсь роль зачала, къ которому дальше имѣются и толкованія, правда, съ весьма случайной аллегоріей. Эти повѣсти въ «Ключѣ», очевидно, были взяты изъ польской редакціи, на что указываетъ и порядокъ повѣстей и языкъ перевода, изобилующій полонизмами. Писаны онѣ были, очевидно, въ Мараморошѣ, такъ какъ имѣются выпады противъ «рімлянъ» и «унѣтовъ», а за-

---

[1]) См. «Записки Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1896, Miscellanca стр. 7—13. Рукопись находится въ Библ. Т-ва Шевченка въ Львовѣ.

[2]) И. Франко: Карпато-Руське письменство..., стр. 80—91. Рукопись находится въ Библ. Т-ва Шевченка въ Львовѣ.

[3]) Иванъ Панькевичъ: Тишовска «Александрія» из початку XVIII в.», Наук. Зборникъ Т-ва «Просвѣта» въ Ужгородѣ, 1922, стр. 7—106. Рукопись въ музеѣ Т-ва «Просвѣта» въ Ужгородѣ.

[4]) Иванъ Панькевичъ: Пѣстряловскій рукопис Александріѣ из року 1774, Науков. Зборник Т-ва «Просвѣта» въ Ужгородѣ, 1925. IV, 177—187.

[5]) О. Колесса: Рукописні і палеотипні книги..., стр. 9. Не изслѣдованъ и не опубликованъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

тѣмъ упоминаютъ и возстаніе куруцовъ[1]). Всѣхъ повѣстей въ сборникѣ восемь: «Три истукана царя Льва», «Три мудрости проданіе», «Памятай на смерть», «Золотое яблоко», «Дочь царя Веспазіана и рыцарь», «О злодѣи поученіе», «Три задачи» и «Волшебное зеркало».

Въ Торунскомъ сборникѣ на стр. 217—257, на лицевыхъ верхнихъ и нижнихъ поляхъ почеркомъ XVIII в., по одному на каждой страницѣ написаны гадательные отвѣты, вродѣ: «Отъ печали въ радость взыйдешь», «Орудуй, еже требуешь», «Молися Богу, исцѣлѣеши» и т. д. Слѣдовательно, эта книга, конечно въ болѣе позднее время, употреблялась какъ гадательная.

Въ Ракошинскомъ сборникѣ имѣется сонникъ — «Снов'ь выкладаня Даніила, пророка святого», гдѣ приведено 128 толкованій на сны, напр., — «Чловѣка забити — фальшива присяга», «Шапку крадену мати — смерть», «Дощ видѣти — битку знаменуе», «Попа убраного видѣти — нещастя» и т. д.

Въ сборникѣ «Ключъ» въ «Поученіи въ Недѣлю по Рождествѣ Іисусовѣ Христовѣ» имѣется цѣлый трактатъ о томъ, какимъ снамъ можно вѣрить. Одни сны — «отъ діавола мечтаніе и льщеніе», вѣрить въ эти сны — «безбожность барзо лютая». Ежели-же «отъ Бога бываетъ сонъ», то вѣритъ ему и толковать его «не возбраняетъ писаніе богодухновеное». Далѣе слѣдуетъ дѣленіе сновъ на шесть категорій въ зависимости отъ ихъ причинъ — «отъ полноты тѣла зъ обяденія и пянства», «зъ великыхъ постовъ», «зъ мимошедшей мысли и печали», «зъ бѣсовскаго навѣта», «отъ божія откровенія» и «зъ мысли людской». Смыслъ сновъ тотъ, что «въ ночи, коли уснетъ человѣкъ, тогды мысли его земныи упражняются, точію видитъ душа внутреными очима своима». Это толкованіе является компиляціей цѣлаго ряда поученій о снахъ, созданной на русской почвѣ и перешедшей въ Закарпатье[2]).

Въ Торунскомъ сборникѣ имѣется двѣ молитвы противъ діавола и колядникъ — «Твореніе Езрома пророка о лѣтахъ», гдѣ въ зависимости отъ того, на какой день недѣли приходится Рождество, дѣлаются предсказанія о состояніи погоды и урожая въ году. «Аще прилучится Рождество Х-во въ суботу, будетъ зима вѣтрена и пролѣтіе и лѣто мокро, плодомъ скудость» и т. д. Въ Ракошинскомъ сборникѣ есть «Слова св. Амвросія отъ моруу». Подобнаго рода магически-суевѣрный матеріалъ имѣлъ на Подкарпатской Руси самое широкое распространеніе. Особый интересъ представляетъ сборникъ начала XVIII в.,

---

[1]) Ю. А. Яворскій: Повѣсти изъ «Gesta Romanorum» въ карпаторусской обработкѣ конца XVII в, Прага, 1929, стр. 1—41. Тамъ-же приведены тексты 8-ми повѣстей съ соотвѣтствующими «толками». Кромѣ того къ этому-же циклу отнесенъ и сюжетъ — «Кающійся рыцарь въ церкви».

[2]) Ю. А. Яворскій: Карпаторусское поученіе о снахъ, изд. О-ва им. А. Духновича, № 51, Ужгородъ, 1928.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

найденный А. Л. Петровымъ съ позднѣйшей припиской въ качествѣ заглавія: «Raznia molitvi», гдѣ собраны главнымъ образомъ заговоры и заклинанія («молитвы»)[1]).

Въ русской литературѣ сохранилось немало этого рода магической поэзіи, гдѣ языческая традиція получила право бытованія въ рамкахъ христіанства. Вмѣсто невѣдомыхъ силъ, часто олицетвореній природныхъ явленій, суевѣрный селянинъ и хозяинъ началъ пользоваться мощью Христовой, Богородицы или пророковъ и святыхъ, какъ силой, отгоняющей злое, но по старой формулѣ. Такъ создались апокрифическія молитвы, которыя и записаны въ карпаторусскомъ сборникѣ: «Молитва отъ полуканя», «Молитва, егда хощеши обратити тучу», «Молитва идучи до пана, албо до права», «Молитва аще хощеши доиво свое власное заварувати», «Молитва становити кровь», «Лѣкъ отъ хробаковъ (червяковъ), аще у свини или у добычати или въ якомъ имѣню» и т. д. Какъ видимъ, заговору и заклинанію подверженъ весь кругъ бытовой жизни; они созданы не только противъ злыхъ силъ (лихорадка, бѣльмо), но и какъ магическая помощь хозяину, который заботится о томъ, чтобы пчелы сѣли на цвѣты, чтобы звѣрь не подходилъ къ скоту и т. д. Силы языческія (чаровницы, вѣтерницы, лѣсный) противополагаются силамъ христіанскимъ, которыя ихъ должны преодолѣть.

Въ тѣсную связь съ магической литературой слѣдуетъ поставить и сочиненіе «Помощникъ оу домувствѣ и между людьми зложенъ Ніколаемъ Ѳеодоровичъ 1791 оу Мигаловцохъ»[2]), — «сирѣчъ якъ про себе самого, такъ и протебѣ оу Газдувствѣ потребный статокъ, якъ такій дозирати и оу хоротахъ ратовати маешь». Хотя авторъ въ своей краткой автобіографіи и указываетъ, что въ своемъ трудѣ онъ использовалъ «латинскихъ» писателей (Веберъ, Шрегеръ, Масеній, Тайна натуры — Сентиванѣ) и нѣмецкихъ (Віегандъ, Ердманъ, Бекеръ), однако всѣ они теряются или преломляются черезъ полу-суевѣрное міровоззрѣніе автора. Указываетъ еще Ѳеодоровичъ имъ-же «изъ оугорскаго языка на рускій переведенный» — «Врачъ Домашный» и рекомендуетъ его читателямъ. Однако, это сочиненіе пока не обнаружено.

Кромѣ прозаическихъ сборниковъ карпаторусская литература имѣетъ еще цѣлый рядъ духовныхъ пѣсенниковъ — карпаторусскихъ «Богогласниковъ», аналогичныхъ тѣмъ, которые широко бытовали въ южной и западной Руси, Галиціи и Польшѣ. Въ 1790 г. былъ изданъ почаевскій «Богогласникъ», гдѣ былъ собранъ богатый матеріалъ религіозныхъ пѣснопѣній, который указываетъ, что духовные пѣсен-

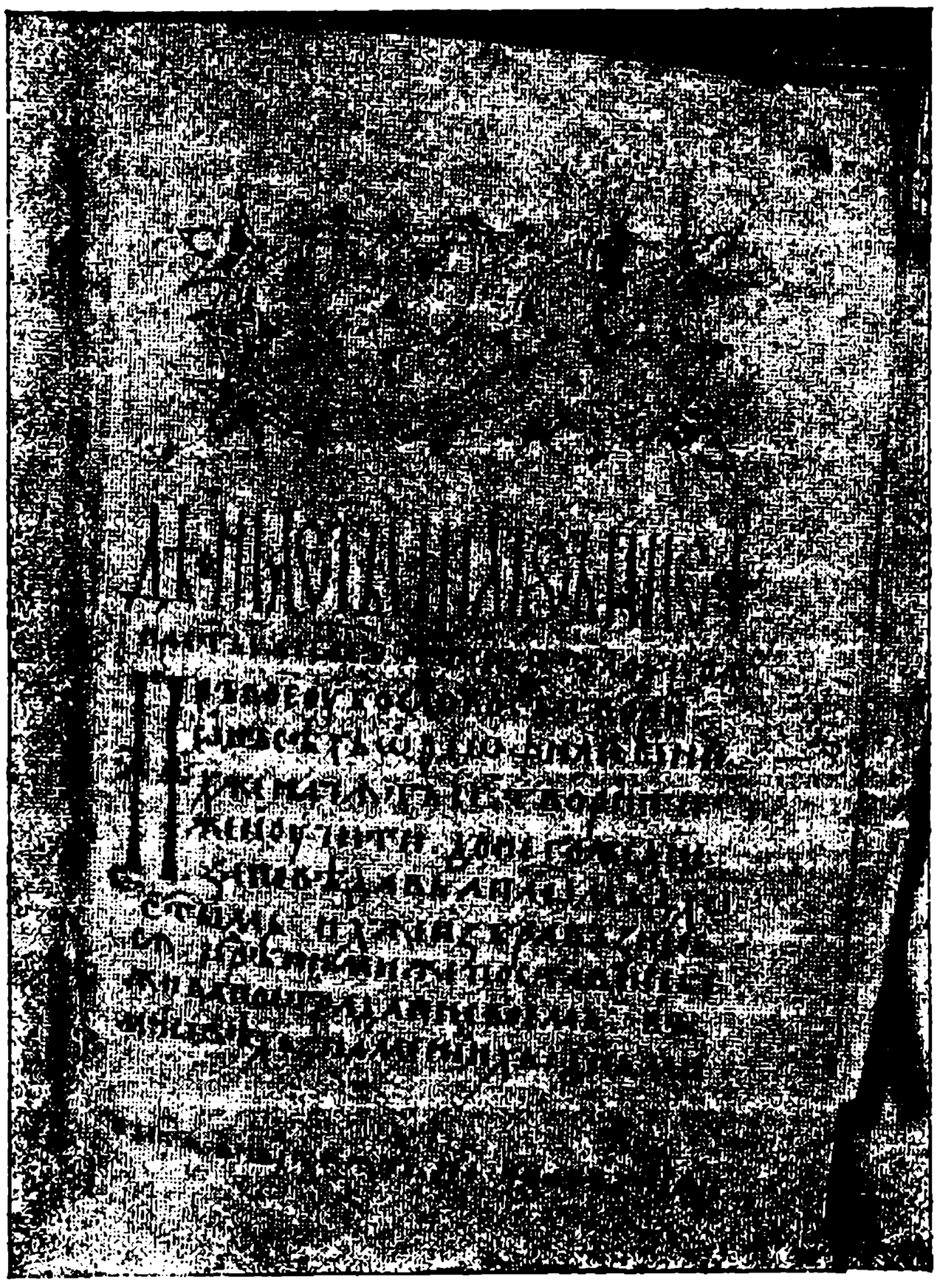
---

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, IV, стр. 51—64.

[2]) Напечатана только часть этого сборника. См. Гіадоръ Стрипскій. Памятки русько-краïнськоï мови и литератури, Будапештъ, 1919, стр. 1—16.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ники Подкарпатской Руси стоятъ въ непосредственной связи съ творчествомъ у восточныхъ братьевъ. Въ этихъ карпато-русскихъ духовно-поэтическихъ сборникахъ находимъ пѣснопѣнія на всѣ двунадесятые праздники, а отчасти и церковные. Особенно излюбленными темами были Рождество и страсти Христовы. Особый богатый циклъ составляютъ пѣснопѣнія Богородичныя. Изъ святыхъ воспѣваются Іоаннъ Предтеча, апостолы Петръ и Павелъ, Николай, Юрій, Илія — пророкъ и др. Всѣ они не отличаются оригинальностью, писаны на церковно-славяно-русскомъ языкѣ, иногда съ уклономъ въ



Рукописныя Дѣянія св. Апостоловъ XVIII—XIX в. изъ села Венеція.
Фот. В. В. Саханева.

діалектъ (особенно изъ областей Спиша, Шариша, Бачки и Срѣма).

Оригинальной областью творчества этого рода являются пѣснопѣнія при умершихъ. Какъ извѣстно, у карпаторосовъ обрядъ погребенія въ самомъ недавнемъ прошломъ (а кое-гдѣ и понынѣ) сопровождался особыми играми, конечно, еще языческаго происхожденія[1]). Христіанство, какъ оно осознавалось въ быту, не вытѣснило похороннаго обычая, но проникло въ

[1]) См. объ этомъ. — Листокъ, 1892, стр. 184—185, 209—211, 220—221, 234 235; В. Гнатюкъ: Угроруські духовні вірші, Записки Науков. Т-ва Шевченка, т. XLVI—XLVII и XLIX (или оттискъ), Львовъ, 1902, стр. 112 118; P. Bogatyrev: Actes magiques rites et croyances en Russie ubcarpatique, ed. l'Institut d'études slaves (XI), Paris, 1929, стр. 112—123.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

него ввидѣ пѣснопѣній, которыя вплетались между играми и чтеніемъ псалтыри.

Эти пѣснопѣнія нельзя смѣшивать съ причётомъ (голосінем), который на Подкарпатской Руси не имѣетъ спеціальнаго культа[1]), такъ какъ самая форма пѣснопѣнія является искусственной, съ опредѣленной метрикой и рифмой (аа вв сс...). Обычно это — обращеніе къ смерти или обращеніе къ роднымъ и близкимъ отъ имени покойнаго, говорящее о смерти «тѣлесныхъ очей» и о переходѣ въ иную жизнь, гдѣ ждетъ правый судъ; къ этому присоединяется также и просьба молить передъ Богомъ о прощеніи грѣховъ. Пѣснопѣнія эти и по идеологіи ничего общаго не имѣютъ съ причётомъ; они — заранѣе примирены съ неумолимымъ закономъ смерти и по христіански встрѣчаютъ ее. Самый стиль ихъ говоритъ о книжномъ вліяніи, и мы склонны предполагать, что созданы они были или самими-же священствующими, или богомольными книжными людьми, по образцамъ прочихъ пѣснопѣній, съ діалектизмами въ словарѣ и только незначительными отступленіями отъ книжнаго «славено-русскаго» языка въ смыслѣ грамматическомъ.

Въ этихъ-же сборникахъ, какъ рѣдкія исключенія, встрѣчаются и свѣтскіе вирши; о нихъ мы будемъ говорить особо.

Изъ числа сборниковъ духовныхъ пѣснопѣній, карпаторусское происхожденіе которыхъ установлено, слѣдуетъ указать:

1) Камёнскій, 1734 г., написанъ въ с. Камёнка на Спишѣ. А. Петрушевичъ видѣлъ его въ церкви с. Малый Липникъ[2]).

2) Московскаго Университета, XVIII в., 206 листовъ[3]).

3) Кушницкій А., рубежъ XVII—XVIII вв., 12 листовъ, найденъ въ с. Кушница въ Мараморошѣ[4]).

4) Купницкій Б., Митра Дочинца, нач. XIX в., 66 листовъ[5]).

5) Колопанскій, XVIII в., 87 листовъ, найденъ въ с. Стройно[6]).

---

[1]) Сравнительно съ обязательными культами, общими у сербовъ и болгаръ, спорадическими у русскихъ, изжитыми у чеховъ, словаковъ и поляковъ.

[2]) А. Петрушевичъ: Историческая пѣснь карпаторуссовъ 1683 г., «Лит. Сборн. Галиц.-русск. Матицы, 1886, стр. 190—198; И. Франко: Карпато-руське письм., стр. 8—9, 16, 77.

[3]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, IV, 44—46.

[4]) И. Франко: Карпато-руське письменство, стр. 137—139.

[5]) Тамъ-же, стр. 139—147.

[6]) Володимир Гнатюк: Угроруські духовні вірші, Львовъ, 1902, стр. 12—16.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

6) Михайла Годи, XIX в., 16 пис. л., с. Кушница[1]).

7) Ивана Леманинца XIX в., 48 пис. листовъ, с. Кушница[2]).

8) Николая Проця, XIX в., 11 лист., былъ въ с. Бронька[3]).

9) Александра Ладыжинскаго, XIX в., изъ Вел. Липника[4]).

10) Мальцовскій, вѣкъ не указанъ, найденъ въ Мальцовѣ на Шаришѣ[5]).

11) Лѣкара, нач. XIX в., 36 л., найденъ въ Керестурѣ[6]).

12) Михаила Мункачія (Ѳ. Шовгора), XIX в., 150 л., найденъ въ Керестурѣ[7]).

13) Михаила Туринскаго А., XIX в., 224 л., найденъ въ Бачинцахъ (Срѣмъ[8]).

14) Мих. Туринскаго Б., XIX в., 208 л., найденъ въ Бачинцахъ[9]).

15) Мих. Туринскаго В., 1888 г., 187 л., найденъ въ Бачинцахъ[10]).

16) Мих. Туринскаго Г., 1888 г., 358 л., писанъ въ Керестурѣ[11]).

17) Ив. Грядделевича, XVIII—XIX в.[12]).

18) Корытнянскій, 1809 г., 121 л., найденъ въ Корытнянахъ[13]).

19) Ивана Грядделевича, XVIII в., изъ с. Репенное въ Мараморошѣ[14]).

5. Полемическія сочиненія. Михаилъ Андрелла Оросвиговскій. Лѣтописи. Интерполяціи. Путешествія. Стихотворенія. Грамоты, циркуляры и облеченки. Печатныя книги.

Все то, о чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ, творчествомъ можетъ быть названо условно; въ сущности говоря, это была только переписка готовыхъ образцовъ съ отступленіями, редакціонными сокращеніями или дополненіями — не больше.

Однако, XVII и XVIII вѣка дали карпаторусской литературѣ и цѣлый рядъ памятниковъ подлиннаго творчества, гдѣ церковно-религіозная жизнь также имѣла превалирующее значеніе.

---

[1]) Володимир Гнатюк: Угроруські духовні вірші, Львовъ, 1902, стр. 17—18; [2]) стр. 18—19; [3]) стр. 19—20; [4]) стр. 20—21; [5]) стр. 21; [6]) стр. 119—122; [7]) стр. 122—124; [8]) стр. 124—131; [9]) стр. 131—132; [10]) стр. 132—136; [11]) стр. 136—137.

[12]) В. Гнатюк: Угроруський співаник Ів. Гряделевича, «Зап. Наук. Т-ва Шевченко, 1909, т. 88, стр. 151—157.

[13]) М. Лелекачъ: Корытнянский збôрник церковных и свѣцих пѣсень, «Подкарпатска Русь», 1929, № 7 и 8—9.

[14]) В. Гнатюк: Угроруський співанник Ів. Гряделевича, Записки Н. Т-ва Шевченко, 1909, LXXXVIII, стр. 151—157.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Е. И. Сабовъ въ своей «Христоматіи» приводитъ образецъ текста «Богословія» 1778 года. Въ послѣсловіи авторъ дѣлаетъ приписку: «Симъ писаніемъ потрудился мало тружденіемъ Рабъ Бжій, димитрій Попа Ѳоминъ Снъ вакѣю: Оу селѣ оу кривумъ; оу митрихи вакѣйки; и оу ей хижѣ. Року Гдня, отъ Рожества Іс: Хва: 1778. Мца марта; дня 2: посемъ спасайтеся о гдѣ: и прочая»[1]). Къ сожалѣнію рукопись этого «Богословія» исчезла, но Г. Н. Стрипскій указываетъ, что напласъ копія, и содержаніе самаго «Богословія» относитъ къ «магическимъ наукамъ»[2]). Это мнѣніе подтверждаетъ и приведенный въ «Христоматіи» текстъ. Выше мы говорили уже о «Помощникѣ у домувствѣ» Николая Ѳедоровича, гдѣ авторъ неумѣло сочетаетъ «латинскую» и «нѣмецкую» науку съ бытовымъ суевѣріемъ. Авторъ «Богословія» съ тѣмъ-же апломбомъ подозрительной учености и весьма откровеннаго суевѣрія подходитъ къ осознанію міра и Бога, широко пользуясь научной терминологіей далекаго средневѣковья. По мнѣнію «Димитрія попа» при твореніи видимаго міра Богъ «най перве закладає фундамента з чотырохъ елементовъ», изъ которыхъ два «легкаго и суптелнаго естества» (огонь и воздухъ), «другіи-же тяжкы и грубы» (вода и земля). Такъ какъ двѣ стихіи, а именно огонь и вода «между собою Вражду имѣютъ: и валку (чсл. — войну) ведутъ», то «премудрый Содѣтель ихъ «розсадилъ нарозны мѣста далеко отъ себе: вода ниско, огонь высоко, а воздухъ посередѣ нихъ: яко перегородъ и миротворецъ» и т. д.[3]). И Николай Ѳедоровичъ и Димитрій — попъ, очевидно, стоятъ уже на рубежѣ новаго періода культурнаго развитія, они оба вкусили латинской науки, но еще не претворили ее и по своему міровоззрѣнію всецѣло принадлежатъ еще къ карпаторусскому средневѣковью, которое достигаетъ конца XVIII вѣка. Другихъ самостоятельныхъ философско-богословскихъ разсужденій, относящихся къ этому періоду, въ рукописномъ видѣ нѣтъ. Но зато есть обширная область полемической литературы, гдѣ ярко опредѣлился не только умственный, но и душевный складъ человѣка «старой вѣры».

Е. И. Сабовъ въ «Очеркѣ» указываетъ на «сочиненіе Михаила Oroszvégessy въ 3-хъ томахъ, 1672—1681 гг., бросающее яркій свѣтъ на время принятія уніи»[4]). Эти три книги, по свидѣтельству А. Л. Петрова отъ 1890 г., въ каталогѣ ужгородской епископской библіотеки записаны, но самыхъ книгъ

---

[1]) Е. И. Сабовъ: Христоматія, стр. 55—56.

[2]) Я. Біленький (Г. Н. Стрипскій): Угроруські лїтописні записки, Записки Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1911., т. CIV., стр. 74.

[3]) Относительно языка этой книги А. Л. Петровъ замѣчаетъ: «Авторъ писалъ по церковно-славянски съ примѣсью школьной учености и по возможности избѣгалъ діалектическихъ примѣсей». См. «Матеріалы», т. IV, стр. 32.

[4]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 8.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

найти уже не удалось[1]). Но зато вскорѣ были обнаружены два другія сочиненія, а именно — «Оборона вѣрному чловеку», написанная «іереемъ Михайломъ Ѳеодуломъ и Христодуломъ»[2]) и направленная противъ «рімлянъ» и уніатовъ, и «Пять словесъ», содержащія молитвы и размышленія о православной вѣрѣ[3]). На основаніи научнаго анализа удалось точно установить, что эти два послѣднія сочиненія также, какъ и утраченныя рукописи, принадлежатъ Михаилу Андреллѣ Оросвиговскому, личность котораго можетъ быть символомъ той борьбы и защиты «старой вѣры», которая продолжалась болѣе столѣтія и которая характеризуетъ весь средній періодъ карпаторусской литературы.

Судя по опредѣленію автора — «Oroszvégessy», «Оросвиговскій», можно предполагать, что родомъ онъ былъ изъ с. Росвигова. Въ молодости, «іюношей» онъ былъ уніатомъ и нѣкоторое время священствовалъ въ Сатмарѣ, но затѣмъ перешелъ въ православіе и въ періодъ съ 1669 г. и по 1701 написалъ свою «Оборону вѣрному чловеку», гдѣ имѣется немало біографическихъ данныхъ и характеристическихъ чертъ для религіозной борьбы между православными и уніатами въ періодъ XVII вѣка. Воспитывался Михаилъ Андрелла не на родной землѣ — судя по даннымъ «Обороны» онъ пребывалъ въ Вѣнѣ, Братиславѣ (Пресбургѣ) и Трнавѣ; вѣроятно тамъ онъ и прошелъ школу. Судя по сочиненіямъ, Михаилъ Андрелла систематическаго богословскаго образованія не получилъ; скорѣе онъ былъ начетчикомъ и для своего времени дѣйствительно былъ человѣкомъ свѣдущимъ. Онъ былъ знакомъ съ книгой іезуита Матвѣя Жамбера, «патра проклятаго», — «Три вопроса о вѣрѣ» (Három kérdés), написанной противъ Лютера и Кальвина, вспоминаетъ «Лексиконъ славено-росскій именъ толкованіе» Памвы Берынды, «Маргаритъ», «Діоптру», «Камень» Петра Могилы. Онъ хвастается тѣмъ, что «римлянове не могутъ мое прочитати письмо, могу я, *δοξὰ Θεῷ*, слава Богу! и римское, угорское, греческое, еще и польского троха мало».

Переходъ въ православіе тяжело отразился на судьбѣ Михаила Андреллы. Въ 1669 г. его дважды вмѣстѣ съ братьями, закованнаго, держали въ тюрьмѣ подъ Мукачевомъ, сперва семь недѣль, затѣмъ пять. Народъ-же сочувствовалъ братьямъ; имъ приносили въ заключеніе не только ѣду, но и подушки и все необходимое. Изъ тюрьмы Михаила Андреллу вызвали къ

---

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, IV, стр. 28. Въ каталогъ записаны слѣдующія книги: № 68. Oroszvégessy Michaël, Tractatus contra latinos. Ruthenice. 1672. in 8° compactum; N 75. Tractatus contra Latinos et graecocatholicos in 4°. 1681 и № 76 и 78 Tractatus contra Latinos et graecocatholicos sine anno. Послѣдній трактатъ, очевидно, и имѣлъ ввиду Е. И. Сабовъ.

[2]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, т. IV, стр. 37—40 и т. VII, стр. 227—295.

[3]) И. Панкевичъ: Михаил Оросвегувскій чи Михаил Ѳеодул., Науковый Зборник Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1925, т. IV, стр. 5—16.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

двумъ латинскимъ епископамъ, съ цѣлью убѣдить его оставить православіе. Сперва епископъ, окруженный «патрами діаволами и панами», хотѣлъ воздѣйствовать убѣжденіями: «Ото видиши красныхъ, чесныхъ патровъ и пановъ пред собою! Что-же ты гадаш, мыслиш, на свѣтѣ живучи? Цезар нѣмецкій, кроль польскій, иншіи монархи, великіи панове все тут папежници и мы с ними южъ. Дай ми руку свою на тое, жебы с нами у едности зоставал и ты». Когда-же Андрелла «не изволилъ на то», схватили его «панове», подвели къ столу, дали въ руки епископа «стригольню свою, ножницѣ», говоря: «Обстризи ему власы вся, браду и главу; еще же не лиши и уса, да будетъ простаком хлопом па(н)щину робити, а не поповати». Когда-же и на это «не изволила душа временной славы», Андрелла заплакалъ («але не зналъ прошто»), а «римскій панове» устыдились «рекоша: Дайте ему покой...». Послѣ этого ему было воспрещено ходить въ Мукачево и въ Лучки, а также писать туда письма.

Послѣ этого, однако, снова видимъ Михаила Андреллу православнымъ священникомъ въ цѣломъ рядѣ селъ: въ 1670 году въ Сасфалу и Севлюшѣ, затѣмъ въ Угочѣ, Бедевлѣ и Урмезіевѣ, въ 1701 г. въ Унѣговѣ, а затѣмъ въ Изѣ, гдѣ въ 1710 г. и умеръ «священноіерей михаил, званий народомъ Миговк»[1]).

Языкъ сочиненій Михаила Андреллы — церковно-славянскій съ примѣсью угрорусскаго нарѣчія и со вставками по мадьярски. Иногда онъ любитъ щегольнуть знаніемъ языковъ, вставляетъ греческія и латинскія слова и, обычно, тутъ-же ихъ и переводитъ. Однако, и эта смѣсь не случайна, авторъ отличаетъ литературный языкъ отъ «простого» языка, на которомъ писать не подобаетъ — «писалъ быхъ вамъ простымъ языкомъ, а вы бы на тое мыслили, что ся подобало ему, Миговцѣ, тото пишетъ»[2]). Самое сочиненіе дошло въ болѣе позднемъ спискѣ, такъ что о грамматикѣ и стилѣ автора судить трудно. Въ спискѣ есть много путанныхъ фразъ и недомолвокъ. Что касается самаго тона сочиненія, то онъ рѣзокъ, порою озлобленъ, что и можно ожидать отъ столь много претерпѣвшаго человѣка, но въ самой рѣзкости заключается и немало остроумія и сатиричности. Обличая уніатовъ, онъ говоритъ: «Самъ вашъ отецъ лжи папѣжъ, той, который у старомъ Риму покойне до часу сѣдитъ, яко медвезвѣрь». Не лучше охарактеризованъ и мукачевскій епископъ: «Одеждами различными одѣтый Іожефусь (т. е. Іосифъ де Камелисъ) тотъ бѣсовскій вашъ бѣскупъ, властелинъ, владыка мукач. унѣятомъ вамъ, давнѣе нечистымъ чловекомъ; еще въ нечистоту ту упалъ, егда ся тѣло его вроди(л)о на краткій сей міръ». О Матвѣѣ Жамберѣ онъ говоритъ, что тотъ «лжетъ, брешетъ, яко каніусъ филіусъ» — «брешетъ, яко латько оный, котрый

---

[1]) Миговкъ — уменьшительное отъ Михаилъ.
[2]) Срав. это мнѣніе съ мнѣніемъ переписчика Няговскихъ поученій — М. Горбянскаго!

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

мнишьцѣ еднои дитя, чадо, именемъ, nomine, Петра гугнива; мнишка сплодила отъ ѱа, зачася въ ней песъ, пса Петра гугниваго уробиль; тои изъ нихъ на православныхъ щекатъ, не можетъ сыновъ своихъ лютровъ и кальвиновъ обратити къ себѣ; давно силуются извести ихъ, але тоты боронятся, моцною ихъ лжею спротивляются писмомъ хочь не своимъ»[1]). Переводчику «Катехизиса» І. де-Камелиса — Яну Корницкому Андрелла задаетъ вопросъ: «Янъ ляше, ктось въ тобѣ бреше?», а самый «Катехизисъ» оцѣнивается, какъ «брехайлова книга Корницкого». Вообще авторъ убѣжденъ, что Господь явится «не Римови, бо Римъ міръ, а не миръ, ниже мѵро Римъ, но міролюбцы они, а не миролюбцы». «Литера разная наша, з едно имя имутъ: і, и, ѵ» — добавляетъ Андрелла, любуясь игрой словъ. Есть у писателя и національное самосознаніе, онъ видитъ въ какомъ безправьи томится «дѵрнячокъ-руснячокъ» — «велика голова у русина, мозгу въ ней мало». И несмотря на такой неутѣшительный взглядъ на родной народъ, Андрелла искренне любитъ его, считая его такимъ-же мученикомъ, какъ и онъ самъ, страдальцемъ за «старую вѣру», за правую церковь. «Чему-жъ волокутъ, тягнутъ нашу церковь; и рады бы они мнѣ погибнути скоро, барзо, просятъ, молятъ мя обратитися. На що? На унѣю ихъ! Пге! плюю на ню! не хощетъ ниже одежда моя, а ни кость, а ни прахъ одежды моея; немъ келъ некемъ машъ Иштенъ, сирѣчь: не потребно минѣ Бога ихъ».

Къ полемической литературѣ слѣдуетъ отнести и всѣ тѣ выпады противъ католиковъ, реформатовъ и уніи, на которые мы указывали при анализѣ толковыхъ евангелій и сборниковъ. Рядъ противопротестантскихъ статей имѣется въ Марія Повчанскомъ сборникѣ XVIII в.[2]). Какъ полемическія сочиненія слѣдуетъ разсматривать рукописи «О пресвятой Тройцѣ (XVI—XVII в.) и «О пресвѣтломъ Сіонѣ» (XVII в.[3]).

Особый интересъ для историка литературы представляютъ карпаторусскія лѣтописныя работы. Въ сущности говоря, лѣтописи историко-національной, въ смыслѣ, скажемъ, лѣтописи Нестора, въ формѣ сознательной обработки (свода) отдѣльныхъ лѣтописныхъ записей или западныхъ хронографовъ — Подкарпатская Русь не знаетъ. То, что дошло до насъ изъ лѣтописныхъ матеріаловъ, созданныхъ на Подкарпатской Руси, носитъ характеръ случайныхъ записей, хронологіей личныхъ впечатлѣній авторовъ во всемъ ихъ необъятномъ масштабѣ. На поляхъ книгъ, на переплетахъ старыхъ печатныхъ или

[1]) Курсивъ нашъ. Е. Н.

[2]) О. Колесса: «Хроника Н. Т-ва Шевченка», 1900, IV, 21. Подробно не изслѣдованъ.

[3]) Обѣ рукописи въ собр. Ю. А. Яворскаго. Упомянуты въ его брошюрѣ «Значеніе и мѣсто Закарпатья...», прим.[43]), подробно не изслѣдованы.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

рукописныхъ книгъ ихъ владѣльцы зачастую дѣлали записи, которыя можно раздѣлить на нѣсколько видовъ[1]).

1) Вкладныя и личныя записи касаются, главнымъ образомъ, той книги, на которой онѣ написаны. Это чаще всего приписки (заключенія) переписчиковъ съ указаніемъ, когда былъ сдѣланъ списокъ, гдѣ и кѣмъ. Далѣе, или переписчикъ, или очередной владѣлецъ книги дѣлалъ приписку, кому настоящая книга принадлежитъ, или отъ кого пріобрѣтена, или наконецъ, какой церкви она подарена. Въ послѣднемъ случаѣ вкладная запись содержитъ указаніе во имя чего (или кого) сдѣланъ вкладъ, напр. во имя поминанія себя и тѣхъ или другихъ лицъ, близкихъ дарователю («А который священникъ з неи (т. е. по книгѣ) отправляти службу Божію, повиненъ просити Господа Бга за Грицю Варадского и за его манжелку Марушку и за его потомство вѣчными часы»), при чемъ указывается и то, за сколько куплена эта даруемая книга («за золотыхъ двадцать и два на старую личбу», «дали за ню три коровы», «за 5 злотыхъ» и т. д.). Къ этому обычно присоединяется слѣдующая формула: «А хто бы тую книгу узялъ отъ тои церъкве середъней, алъбо дякъ, або дияконъ, або попъ, або громада, а хотъ котрый чловекъ, таковый будетъ проклятъ, анаѳема и маранаѳа, до семого поколѣнія на семъ свѣтѣ и на будущемъ и во вѣки вѣковъ амѣнъ».

2) Метеорологически-хозяйственныя записи, къ которымъ примыкали и случайныя впечатлѣнія пишущаго о современныхъ ему событіяхъ мѣстнаго значенія. При этомъ, конечно, обязательно указывался и годъ. Это и будетъ лѣтописный первообразъ. Напр.: «Тогъды было Рожъдество во понеделокъ. Зима была студена и западна, и пашѣ мало, и марга (скотъ) издыхала из голоду, и не можъ было пашѣ купити, аж бы дукатъ давъ бы за еденъ вѣзъ, и овесъ бывъ по два маряшѣ вѣко, або не можъ было достати»; или: «Громи били дуже оу Чумалехъ; 4 марги разомъ оубило оу Жида оу Гершкы, тай инди много побило, оусягды чути»; или «Земля тряслася подчасъ литургіи стой. Страшное и грозное трясѣня землѣ было; црковъ велми порушилася. І на небѣ било веліе знаменіе: облакъ изъ Русе ишол червленый и заря ясная, яко зорѣ утренїи, стояла презъ нощъ».

3) Если въ записи проникали событія мѣстнаго значенія, то одновременно въ нихъ могли запечатлѣться и болѣе важ-

---

[1]) См. обширную сводку такихъ записей, составленную Д-ромъ Иваномъ Панькевичемъ: Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах, Науковый Зборник Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1928/29, т. VI, стр. 129—196; цѣннымъ дополненіемъ къ ней является статья Ю. А. Яворскаго: Историческія, личныя, вкладныя и другія записи въ карпаторусскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ XVI—XIX вѣковъ, Науковый Зборникъ Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1931, т. VII—VIII, стр. 116—216. 2 записи приведены въ статьѣ Я. Бѣленькаго (Г. Н. Стрипскаго): Угроруські лїтописні записки, Записки Н. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1911, (кн. IV) т. CIV, стр. 81—82.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ныя историческія событія, поскольку они вліяли на мѣстную жизнь, или поскольку они до мѣстъ доходили. Напр.: «Поляци одъ Грекувъ одлучилися и свята одмѣнили», «Бетлеемъ (т. е. Бетленъ) Гавріилъ кнѣжа Седм(и) градское до нѣмецкои замлѣ притягъ з великимъ вуйскомъ подъ Прешпорокъ» и т. д.

Всѣ эти записи ограничиваются обычно однимъ, двумя или тремя годами.

Однако, интересъ къ составленію уже болѣе полныхъ лѣтописаній проявился и на Подкарпатской Руси, но не въ видѣ историческаго осознанія, не съ единствомъ темы, а все въ томъ же духѣ сводокъ различныхъ событій (метеорологическихъ, хозяйственныхъ и историческихъ), какъ это было и въ отношеніи отдѣльныхъ годовъ.

Примѣромъ такой сводки событій и является Гукливая лѣтопись, писанная на послѣднихъ трехъ листахъ въ I томѣ метрики объ умершихъ въ с. Гукливомъ. Чрезвычайно характерно самое названіе этой лѣтописи: «Новѣйшая, яже, когда случишася», т. е., въ сущности говоря, хроника новостей, не больше. Она начинается съ 1660 г. До 1783 г. писана однимъ почеркомъ съ пропускомъ ряда годовъ, а затѣмъ почти ежегодно вплоть до 1820 г., т. е. почти до смерти ея автора, Михаила Григашія († 1823 г.), приходскаго священника въ Гукливомъ. Очевидно, что записи до 1783 г. были переписаны съ другого оригинала (или собраны), а только съ этого года начинается трудъ самого М. Григашія. Далѣе слѣдуетъ запись другимъ почеркомъ, вплоть до 1830 г.[1]).

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ о погодѣ, о состояніи урожая, каковыя свѣдѣнія находятся здѣсь въ изобиліи, но отмѣтимъ только рядъ записей историческаго значенія. Они свидѣтельствуютъ не только о наблюдательности автора, но и о его любознательности.

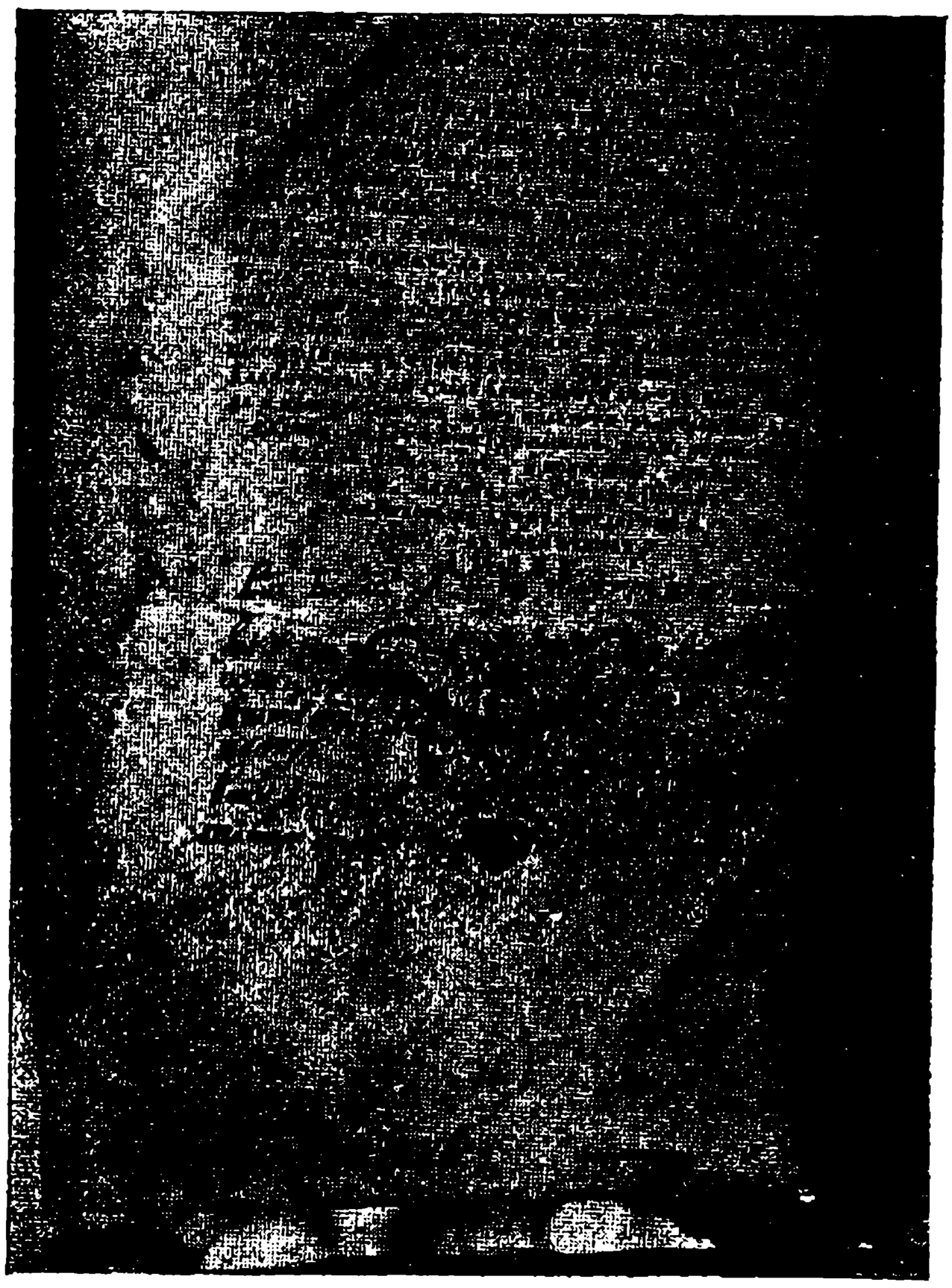
Тутъ отмѣченъ рядъ историческихъ событій, имѣвшихъ прямое отношеніе къ краю, пережитыхъ непосредственно, но кромѣ того и факты политической жизни Европы вообще. Такъ напр., авторъ интересуется судьбою возстанія Франца II Ракоція; въ 1102 г. онъ отмѣчаетъ, что «пріишовъ бывъ Раковціи Ференцъ изъ Полщѣ, куда утѣкъ бывъ предъ нѣмеціимъ царемъ», а въ 1708 г. сказано о зимовлѣ «Ердѣльцевъ» на Верховинѣ. Въ 1770 г. сообщается, что «конфедераки предъ Москалѣ утѣкали черезъ Бескѣдъ». Въ 1787 г. сказано: «Того року у свою діецесію пріявъ владыка Андрей Бачинскій Спѣшъ и двинадцать варищѣвъ». Въ 1797 г. отмѣчено, что «изъ французухомъ супокои ся изробився. Того року царица московска померла», а въ 1813 г. — «Москаль француха голодомъ и зимовъ у полякъ при Москви цѣлу армадію заморозивъ и такъ ся нагналъ до французкои землѣ» и т. д.

---

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, IV, стр. 34—37; Я. Бѣленькій: Угр. лѣтоп. записки, стр. 74—81.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Ряромъ съ подобными сообщеніями стоятъ свѣдѣнія о томъ, когда почали «яровати», или что «вѣвцѣ на хромоту выгиблы». На протяженіи всей лѣтописи семь разъ упоминается голодъ, съ типическимъ, очевидно, замѣчаніемъ о томъ, что «люде въ недостатку соломы, хыжѣ, стодолы геть подерли марзѣ»[1]). Авторъ отмѣчаетъ дважды катастральную реформу и то, что «мѣряльники перші разъ (а затѣмъ — «и второе») помѣряли Верховину». Онъ считаетъ, что Іосифъ II издалъ много полезныхъ декретовъ для простого народа («прощавѣ») и неодобрительно отзывается о томъ, что послѣ его смерти «Оугорска земля всѣ его декрета... попалила, нумера изъ хижъ поспѣсовала, книги мѣрялскѣ попалила». Такимъ образомъ,



Печатная Тріодь изъ села Тюшка съ припиской лѣтописнаго характера.
Фот. В. В. Саханева.

Гукливская лѣтопись, преодолѣваетъ узко мѣстныя рамки и даетъ нѣкоторый матеріалъ политическаго, экономическаго и религіознаго смысла для края.

Слѣдуетъ указать и на другой лѣтописный памятникъ карпаторосовъ, возникшій уже на территоріи переселенія — въ Керестурѣ (окр. Бачка, нынѣ Югославія[2]). Начинается она 1746 г., т. е. когда началось поселеніе («Кетъ пачали селѣцъ»), а затѣмъ хронологія слѣдуетъ съ перерывами въ 2—4 года

---

[1]) Мад. marha — скотъ.

[2]) В. Гнатюкъ: Керестурська хронїка, Записки Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1903 (кн. III), т. LIII, Miscelanea, стр. 5—9.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вплоть до 1895 г. Въ сущности говоря эта лѣтопись не является даже «хроникой новостей», а только опредѣленіемъ года съ точки зрѣнія мѣстной жизни: «1772. Кетъ почали церкву правицъ», «1811. Кетъ вода велька була», «1861. Кетъ новтароша выгнали, Салая» и т. д. Изрѣдка только находимъ въ ней событія политическаго значенія; такъ напр., 1848 г. отмѣченъ, какъ время революціи въ Мадьяріи, 1878 — «нашъ царъ Босну отнялъ», 1889 г. упоминаетъ о смерти Рудольфа, «царового сина». Автору, несомнѣнно, было присуще и чувство національности; такъ 1891 годъ онъ опредѣляетъ такъ: «Кетъ положили владику першого Руснака (т. е. Юлія Дрогобецкаго); вше булъ Горватъ».

Языкъ этой хроники — ославоченный карпаторусскій діалектъ Шариша, вслѣдствіи съ обильными заимствованіями изъ хорватскаго языка. Называется эта лѣтопись — «Споменъ вични Ке(ре)стурски».

Къ числу историческихъ памятниковъ слѣдуетъ отнести «Списаніе обителей Мараморoскыхъ древле бывшыхъ», составленное послѣ ревизіи монастырей, произведенной Манассіей Пухачемъ, игуменомъ монастыря въ Бедевлѣ и іеромонахомъ Макаріемъ Шугайдой въ 1749 г.[1]). «Списаніе» это сохранилось въ двухъ спискахъ; полный списокъ написанъ въ 1788 г., содержитъ 43 листа и находится въ библіотекѣ Мукачевскаго монастыря. Здѣсь кратко описана исторія тринадцати монастырей[2]), а именно — кѣмъ они были заложены, какого они чина, какія чудеса и преданія связаны съ ними, а также имѣется и точная опись монастырскаго имущества и замѣчанія ревизоровъ.

Этотъ болѣе обширный списокъ сдѣланъ, очевидно, съ болѣе краткаго, гдѣ находится только часть, относящаяся къ исторіи монастырей, и возникшаго въ половинѣ XVIII в.[3]). Возможно, что обширная редакція возникла какъ оффиціальный докладъ правительству о состояніи монастырей на основѣ краткой редакціи, откуда была заимствована историческая часть.

Въ письмѣ Ивана Бережанина къ И. С. Орлаю отъ 1827 г. приведено оригинальное поученіе карпаторусскаго «боярина» Горзова къ своему сыну, отправляющемуся на войну съ турками. Точно установить дату этого поученія невозможно, однако, скорѣе всего она относится къ XVIII вѣку[4]).

[1]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, IV, 44; Глѣбъ Кинахъ: Посіщенне мараморoських монастирів 1749 р. — «Записки Чина св. Василія Великого», 1926, II—1/2, 105—122.

[2]) Описаны монастыри въ Боронявѣ, Драговѣ, Кричовѣ, Углѣ, Вульховцахъ, Бедевлѣ, Грушовѣ, Бѣлой Церкви, Барсановѣ, Тишавѣ и др.

[3]) А. Л. Петровъ: Матеріалы, I, стр. 16—17. Краткое «Списаніе» находится въ собр. Ю. А. Яворскаго.

[4]) И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы по ист. возрожд. Карп. Руси, Львовъ, 1906, I, стр. 52.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ Мукачевскомъ монастырѣ имѣется небольшой сборникъ подъ заглавіемъ «Книга Бесѣды. Року 1595. О п у т и І е р у с а л и м с к о и, и о всѣх мистах святых, по которых Іисусъ Христосъ Сынъ божыи походити рачил, нашего ради спасенія. Такожде и о гроби Господнемъ, что азъ смиренный рабъ божій священный Іерей Даніилъ Архимандрита Монастыря Корсунскаго на билой руси понудихся списати»[1]). Далѣе на 24 листахъ слѣдуетъ извѣстное всей русской письменности «Путешествіе игумена Даніила», возникшее въ XII в. Карпаторусскій списокъ относится къ 1777 г. и сдѣланъ монахомъ Иваномъ Брадачемъ, при чемъ въ основу его легъ списокъ путешествія 1595 года. Содержаніе распадается на 29 главъ и представляетъ собою болѣе сокращенную редакцію, чѣмъ въ другихъ спискахъ, а кромѣ того и самое путешествіе обрывается на описаніи утра недѣли св. Воскресенія и не говоритъ о возвратномъ пути игумена Даніила въ Кіево-Печерскій монастырь. Языкъ списка Брадача обнаруживаетъ цѣлый рядъ діалектическихъ особенностей и даже орѳографическихъ нововведеній, которыя, впрочемъ, объясняются писаніемъ «по слуху», и недостаточнымъ знаніемъ грамматики.

Фактъ наличія этого путешествія въ карпаторусскомъ спискѣ свидѣтельствуетъ о культурно-религіозной связи Подкарпатской Руси съ восточной Русью.

Кромѣ всей перечисленной литературы XVII—XVIII вв. въ качествѣ литературныхъ памятниковъ, а особенно при изученія языка, слѣдуетъ разсматривать и цѣлый рядъ ставленническихъ грамотъ[2]), епархіальныхъ распоряженій[3]), частныхъ грамотъ и писемъ[4]), приведенныхъ въ «Христоматіи» Е. И. Сабова, опубликованныхъ А. И. Кралицкимъ въ «Свѣтѣ» и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что русскій языкъ и не только въ узко церковной жизни имѣлъ живое значеніе, но былъ средствомъ общенія съ мірянами, оффиціальнымъ языкомъ карпаторусскаго быта, поскольку у него не требовали иноязычія.

Къ этому-же времени относятся и первые стихотворные опыты карпатороссовъ. Если духовныя пѣснопѣнія на Подкарпатскую Русь приходили уже въ готовомъ видѣ и только переписывались, или въ крайнемъ случаѣ только варіирова-

---

[1]) Иванъ Панькевичъ: О пути Ерусалимской... Даніила архимандрита монастыря Корсунского» в списку кôнця XVIII ст., Науков. Зборникъ Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1925, стр. 188—194.

[2]) Е. И. Сабовъ: Христоматія, стр. 3 (Облеченка еп. Волошин(ов)-скаго, 1740 г.); стр. 5 (Облеченка еп. М. Ольшавскаго, 1760 г.).

[3]) Тамъ-же, стр. 6, (Опредѣленіе платы духовнымъ лицамъ, XVII ст.).

[4]) Тамъ-же, стр. 49 (Жалоба Мстичевскаго немеша пана Зейканя); стр. 51 (Дарственная грамота Улашина для Мстичевской обители, 1654); стр. 52 (Актъ обозрѣнія земель Угольскаго монастыря); стр. 53 (Письмо протоигумена Макарія Шугайды къ земледѣльцамъ Угольскимъ; 1763 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

лись, то слѣдуетъ предположить, что и свѣтская поэзія тоже находилась подъ вліяніемъ западно-русскихъ, или и вообще русскихъ образцовъ, если и не по содержанію, то во всякомъ случаѣ по формѣ. Сюда слѣдуетъ отнести акростихи и чистую лирику, гдѣ фабулы не играли роли чисто мѣстнаго значенія. Однако, дошло въ записяхъ и нѣсколько такихъ стихотвореній, гдѣ карпаторусская поэзія проявилась болѣе непосредственно. Сюда прежде всего относится «Пѣснь объ образѣ Клочковскомъ»[1]), повѣствующая о томъ, какъ «плакалъ образъ Пречистой въ Клокочевѣ, котры взяты, поставлены въ Мукачеве». Плачетъ онъ надъ тѣмъ, что во время борьбы лабанцевъ и куруцевъ, послѣдними «въ Клокочевѣ церковь спалена, а угорска вшитка земля испустошена». Авторъ пѣсни не сочувствуетъ братоубійственной бойнѣ, въ которой обѣ стороны «лютцкіе орсаги квалтомъ отбираютъ», но примѣчаетъ — «хотяй кто изъ боку прійде, муситъ признати, же угерская земля добра была мати». И все-же онъ не сочувствуетъ куруцамъ, которые возстали на «цесаря» и «хотятъ Турчиновѣ пріятельми стати». Эта дружба съ нехристями и рѣшаетъ симпатію поэта. Онъ подробно описываетъ наступленіе Турокъ на Вѣну («Вѣдень»), а затѣмъ ихъ пораженіе и бѣгство на Варадъ, чему Варадскій баша — «былъ барзо не радъ». Воспѣвается «преславни Ганзеръ», «еднораль (т. е. генералъ) нѣмецкій», который разбилъ Турокъ подъ Варадомъ и заставилъ ихъ бѣжать на югъ: «Юже Турци отступуютъ, а христіяне тріумфуютъ». Въ заключеній поэтъ высказываетъ пожеланіе, чтобы турки ушли не только изъ Варада, но и изъ Цареграда и молитъ Бога успокоить угорскую корону и дать радость и многолѣтіе «цесару».

Писана эта пѣснь не столько явнымъ сторонникомъ лабанцевъ, сколько христіаниномъ и вѣрноподданнымъ, которому братоубійственная война вообще представляется зломъ. Мы указывали на то, что въ борьбѣ карпатороссы всецѣло были на сторонѣ повстанцевъ («куруцовъ») противъ нѣмцевъ, такъ что мнѣніе автора пѣсни является единичнымъ. Скорѣе всего пѣсня писана священникомъ той территоріи, которая принадлежала католическимъ плебанамъ, сторонникамъ Габсбурговъ.

Въ пѣснѣ «погребанію Вѣзантъія» т. е. еп. Византія[2]) кратко разсказывается о печали, которая охватила «Мукачъ осирощеный», Семиграды и Влахію при извѣстіи о смерти епископа.

«Пѣснь о должности пастыря душевнаго[3]) упрекаетъ священника въ томъ, что онъ «очищаетъ» другихъ, а самъ «вотьмѣ ходитъ», нарушая правила церковнаго порядка, чревоугодствуетъ, пьетъ «стравы дорогыі» и т. д. Стро-

[1]) См. И. Франко: Карпато-руське письменство, стр. 77—80.
[2]) И. Франко: Карпато-руське письменство, стр. 144.
[3]) Тамъ-же стр. 144—145.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

фы оканчиваются рефреномъ — «о, попе, покайся!». Эта пѣсня является неполнымъ варіантомъ пѣсни Пастелія, мукачевскаго каноника конца XVIII в., опубликованной А. Кралицкимъ[1]).

«Пѣснь свѣцка»[2]) описываетъ печаль на чужбинѣ. Поэтъ нѣкогда самъ «змагался въ чужину», но теперь, услышавъ о смерти отца и матери, груститъ по родному краю и съ горечью думаетъ, что ему суждено и умереть на чужбинѣ, гдѣ «ани чести, ни похвали, только досытъ изневаги».

Въ пѣснѣ «Мизеріяна семъ свѣтѣ мене понудила»[3]) говорится о несчастной судьбѣ человѣка, обреченнаго скитаться по свѣту, не зная пристанища. Счастье не было ему суждено, и будетъ онъ бродить съ мѣста на мѣсто, пока не сляжетъ въ могилу, на которой будетъ написано:

«Тутъ лежитъ тотои человѣкъ, що го сїротовъ звано,
Ахъ люде мимоидучи, хто ту спочиваетъ?
Туто лежитъ той человѣкъ, що роду не маетъ!».

Въ карпаторусскомъ происхожденіи двухъ послѣднихъ стихотвореній, впрочемъ, можно и сомнѣваться, такъ какъ въ ихъ содержаніи ничего типично мѣстнаго нѣтъ, что-же касается языка, то онъ указываетъ только на карпаторусскій варіантъ болѣе общихъ сюжетовъ, въ частности темы близкой къ пѣснѣ о «Горе-злосчастіи». По всей вѣроятности такимъ-же варіантомъ являются и тѣ бурсацкія стихотворенія, которые были найдены въ сборничкѣ «Кнїшка вкотрой неяки потребны вещи суть понотованны. Чрез мене Георгія Тарасовича на сеи часъ въ банском мѣстѣ Гелніци пребываюцаго. Лѣта отъ Рождества Хва 1751... декемриа[4]). Здѣсь, наряду съ медицинскими совѣтами и нѣсколькими латинскими стихотвореніями — пожеланіями (Benedictio), имѣется и двѣ русскихъ вирши на шаришскомъ жаргонѣ. Въ первой говорится о томъ, что когда авторъ начнетъ «дашто проповѣдати», то съ него «вшыткы будете смѣяти». Чтобы лучше говорить, онъ согласенъ, чтобы ему и языкъ подрѣзали. Знаетъ онъ и по латыни, ибо «хыбался с паном жаком»[5]). Впрочемъ, не желая утомлять слушателей, поэтъ убѣгаетъ за столъ, чтобы «кошка колбасу не стащила». Это типичная бурсацкая поэзія, «прословъ» при входѣ бродячихъ студентовъ въ хату съ просьбой накормить. Чтобы не встрѣтить отказа, бурсаки-семинаристы имѣли особый стихотворный репертуаръ съ цѣлью развеселить хозяевъ и снискать ихъ вниманіе своимъ вершевымъ шутовствомъ. Аналогична и другая вирша,

---

[1]) Житє і Слово, Львовъ, I т., стр. 452—453.
[2]) Тамъ-же стр. 143—144.
[3]) В. Гнатюкъ: Угроруський співанник Ів. Гряделевича, — Записки Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, т. 88, стр. 151—157.
[4]) Иванъ Панькевичъ: Пôдкарпатська Записка студентських вѣрш из 1751 року, «Подкарпатска Русь», Ужгородъ, 1928, №№ 3—4.
[5]) Жак, чеш. žak — ученикъ; вѣроятно ученики старшихъ классовъ натаскивали свою младшую братію по латыни.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ которой имѣется обращеніе автора-чтеца къ своему товарищу по бродяжничеству: «Добру новину брате звѣстуешъ, же зубы на кніши готуешъ, вѣщиряешъ зубы на колбасу» и т. д. Это тоже извѣстный пріемъ выпросить у случайнаго хозяина покушать и въ знакъ благодарности развеселить присутствующихъ.

Эти стихотворенія какъ по типовому своему сюжету, такъ и по языку слѣдуетъ признать только карпаторусскими варіантами той бурсацкой поэзіи, которая въ XVIII вѣкѣ широко была распространена, какъ въ западной Малороссіи, такъ и въ Галиціи.

Многочисленныя свѣтскія пѣсни, имѣющіеся въ сборникѣ, принадлежащемъ Московскому Университету, въ настоящее время изслѣдованы Фр. Тихимъ, при чемъ оказывается, что они являются не только перепѣвами, но и простопереводами пѣсенъ чехословацкихъ. Эта традиція заимствованія пѣсенъ имѣется въ народномъ обиходѣ карпатороссовъ, проживающихъ въ пограничной полосѣ со словаками, и въ настоящее время[1]).

Такимъ образомъ, карпаторусская литература средняго періода даетъ уже наглядное представленіе о культурно-національной жизни края. Вся она — продуктъ старой церковно-бытовой традиціи, воспринятой съ востока и сопротивляющейся вмѣшательству католическаго запада. Заключительнымъ этапомъ этого періода можно считать творчество Арсенія Коцака, который, тоже по примѣру востока, пытался дать правила литературному языку своего народа, но невольно принужденъ былъ воспользоваться и научными достиженіями, шедшими съ запада, а впослѣдствіи и окрасившими временно литературу Подкарпатской Руси своими не русскими вліяніями.

Арсеній Коцакъ[2]) родился въ 1734 году въ Буковцѣ на Шаришѣ и былъ сыномъ священника. Обучался онъ въ монастырской школѣ въ Краснобродѣ, а затѣмъ прослушалъ курсъ теологіи въ богословской іезуитской семинаріи въ Трнавѣ и получилъ степень доктора. Послѣ этого онъ былъ магистромъ новиціата въ Краснобродѣ (1788—1771), затѣмъ профессоромъ въ Имстичевскомъ и Марія-Повчанскомъ монастыряхъ и, наконецъ, дважды (1787 и 1796 гг.) игуменомъ монастыря въ Буковцѣ. Скончался онъ въ монастырѣ въ Мукачевѣ въ 1800 году.

---

1) Fr. Tichý: Československé písné v moskevském zpěvníku, „Prace společnosti Šafaříka, Bratislava, т. VI, 1931. Ив. Андр. Поливка собралъ 34 пѣсни изъ Шариша и указалъ имъ параллели въ словацкомъ репертуарѣ. Къ сожалѣнію эта статья и понынѣ не напечатана.

2) Д-ръ Иванъ Панькевичъ: Славеноруська граматика Арсенія Коцака другоѣ половины XVIII вѣка, Наук. Зборникъ Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1927, т. V, стр. 232—259; Г. Кинахъ: Записка Чина св. Василія Великаго, 1927, II, кн. 3—4, стр. 336—353; Ю. А. Яворскій: Значеніе имѣетъ Закарпатья..., прим. 42).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Будучи профессоромъ А. Коцакъ читалъ лекціи по славено-русской грамматикѣ, поэтикѣ и реторикѣ, хронологіи и философіи. Поскольку всѣ предметы могли быть удовлетворены познаніями А. Коцака, почерпнутыми имъ въ Трнавѣ, постольку свѣдѣнія о «славено-русскомъ» языкѣ приходилось заимствовать изъ восточныхъ источниковъ, а въ частности изъ популярной въ свое время грамматики Мелетія Смотрицкаго. Однако, простымъ заимствованіемъ Коцакъ не удовлетворился и попытался самъ написать грамматику. Эта грамматика сохранилась въ монастырской библіотекѣ въ Мукачевѣ въ видѣ двухъ небольшихъ тетрадочекъ, писанныхъ скорописью, изъ которыхъ одна содержала грамматическія свѣдѣнія для начинающихъ, а другая для «юношов». Послѣдняя носитъ названіе: Грамматика роусская сирѣчь правила извѣщательная и наставительная о слово-сложеніи слова языка славенскаго или русскаго во пользу общую, и утвержденіе всѣмъ свойственнаго языка своего братіямъ не точію къ чтенію и писанію; найпаче-же чтеній и писаній разумѣнію, но такожде и латинскаго языка, обще воспріятаго удобнѣйшему понятію, и изученію всеполезнѣйшая и благопотребнѣйшая ново-сложишася, и списашася трудолюбіемъ единаго найменшаго отъ братіи чина С Васил: Вел: во стои обители Марія Повчанской». Написана эта грамматика въ періодъ 1768—1788 гг.

И. Панькевичъ справедливо указываетъ, что одной изъ важныхъ причинъ написанія грамматики было постановленіе собора греко-каѳолическихъ (уніатскихъ) епископовъ въ Вѣнѣ (1773 г.), указывающее на необходимость воспрепятствовать распространенію православныхъ богослужебныхъ книгъ, привозимыхъ съ востока, — переводомъ на церковно-славянскій языкъ («русскій») книгъ латинскихъ, что само по себѣ, конечно, требовало и не только навыка писать, но и наличія систематической грамматики. Впрочемъ, это постановленіе собора только формулировало то, что назрѣло ранѣе, что мы и видимъ на примѣрѣ грамматики Коцака, начатой еще въ 1768 г. Конечно, у автора была и иная, психологически-національная причина, которую онъ и высказываетъ во вступленіи, написанномъ стихами («Правила и наставленія»). Онъ говоритъ, что научился грамматикѣ латинской, нѣчто познал ъ изъ греческой, въ богословской школѣ вкусилъ кое-что и отъ еврейской, а затѣмъ «межи розличными язычниками будущи» познакомился и съ оугорскимъ» (т. е. мадьярскимъ) языкомъ и съ нѣмецкимъ. Въ результатѣ для него стало ясно, что

Всѣ оубо языки въ Европѣ сущія
Оувидѣхъ зѣло любомудрствующія,
Едины точію едины мѣзерны Руснакы
Мняху ся мнѣ быти, аки спростакы.

Мы указывали, что ни Михаилъ Горбянскій, ни Михаилъ Андрелла Оросвиговскій не принимали языка, излагающаго

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

«дуже спроста», но у нихъ было только чувство «славено-русской» письменной рѣчи. А. Коцакъ попытался это чувство перевести въ науку о литературномъ языкѣ,

Дабы и насъ мѣзерныхъ Руснаковъ
Не судили аки спростаковъ.

«Русскій» языкъ Коцака фактически является языкомъ церковно-славянскимъ, но въ него приняты и нѣкоторыя формы живого русскаго языка, уже утвердившіяся въ письменности. При составленіи своей грамматики онъ, несомнѣнно, пользовался и грамматикой Мелетія Смотрицкаго и латинскими грамматиками, что обнаруживаетъ у него научную критичность и творческую оригинальность.

Грамматика А. Коцака дѣлится на четыре отдѣла:

1) на «орѳографію», «яже учитъ чинному письменъ или литеръ именованію, писанію и слаганію»; 2) на «просодію», «яже учитъ чинному словъ произношенію»; 3) на «етимологію», «яже вся реченія по части словосложенія розлучаетъ, и изслѣдуетъ и тѣхъ припадки изъясняетъ» и 4) на «синтаксисъ», «яже учитъ правому и чинному частей слова между собою сложенію и роздѣленію».

Для своего времени и при учетѣ условій работы, Арсеній Коцакъ является несомнѣнно крупной величиной. Онъ не рветъ съ традиціей прошлаго, но пытается примѣнить къ ней опытъ, почерпнутый въ школѣ Запада.

Въ XVIII вѣкѣ были напечатаны и первыя книги для карпаторосовъ: Принятіе уніи требовало, если не для народа, то для священниковъ извѣстныхъ руководствъ въ новомъ вѣроисповѣданіи. Уже де-Камелисъ обращался съ просьбой къ кардиналу Колоничу дать разрѣшеніе на открытіе славяно-русской типографіи въ Мукачевѣ, но прошеніе это удовлетворено не было и де-Камелисъ напечаталъ свою «Казуистику» (1692 г.[1]). въ Трнавѣ. Въ 1698 г. тамъ-же былъ напечатанъ и «Катехисисъ», переведенный съ латинскаго священникомъ-галичаниномъ Іоанномъ Корницкимъ. Языкъ этого «Катехисиса» представляетъ смѣсь церковно-славянскаго и русскаго съ обильными полонизмами. Въ предисловіи де-Камелисъ призываетъ: «Будте наостатокъ пріятелями правдывои и правовѣрнои науки, и людей ученых, нетых, котріи суть свѣтовою надути мудростію, и хотятся показовати ученьшими нѣжь суть; але тыхъ, котріи правдивои и здоровои науки Евангельскои и Церкве Каѳолическои добре наполнены, могутъ вывами неумѣстныхъ безъ небезпеченства научити». Съ цѣлью открыть эту «правовѣрную науку» авторъ (де-Камелисъ) — «сію книжку зложылемъ, въкотрой коротко и простымъ діялектомъ ведлугъ понятія народу всѣ артыкулы Вѣ-

[1]) Е. И. Сабовъ: Христоматія, стр. 13 и 187; И. М. Кондратовичъ: Очерки изъ ист. Мукач. епархіи, стр. 19.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ры, Прыказаня Божіи и Церковніи, Сакраменты новаго Тестаменту, Молитвы господня, и иншіи рѣчы знатя годніи, и трудности нѣкоторіи, звлаща котріи грецы звыкли прыводити противно Рымлянъ, розвязуются».

Въ 1727 г. еп. Бизанцій печатаетъ новую казуистику — «Краткое припадковъ моральныхъ или нравныхъ собраніе»[1]). Книга состоитъ изъ ряда вопросовъ и отвѣтовъ, напр.: «Чи были Сакрамента въ Раю? — Отвѣтъ: Не были, бо Сакраментъ есть постановленный отъ Бога, для повстаня отъ грѣховъ, поневажъ теды Адамъ въ Раи будучи, жадного хрѣху не мѣлъ, прето Сакраменту не потребовалъ». Языкъ изобилуетъ словакизмами и діалектизмами. Кѣмъ фактически написана (или переведена?) эта «Казуистика» — точно пока не установлено.

Въ 1770 г. сдѣлалъ попытку напечатать «Азбуку» и «Сборникъ» (Молитвенникъ) еп. Брадачъ[2]), но уже въ Вѣнѣ, въ типографіи Курцбека; крижевацкій епископъ Божичкевичъ обнаружилъ въ нихъ выраженія, противорѣчащія каѳолическому вѣроисповѣданію, и все изданіе было уничтожено.

А въ это-же самое время происходитъ въ изобиліи ввозъ православныхъ богослужебныхъ книгъ, не изъ Галиціи, а непосредственно изъ Россіи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. Годинкой[3]), можетъ быть установленъ рядъ конфискацій книгъ у русскихъ продавцовъ, которые, конечно презирая всяческія права въѣзда и законы таможенъ, проѣзжали Галицію и случайно попадались въ руки пограничной стражи на границѣ Венгріи. Въ 1727 г. здѣсь оказываются задержанными владимірскіе книготорговцы Иванъ Шаляпинъ и Михаилъ Вакуровъ съ 530 псалтырями; въ 1759 г. въ Ужкѣ были задержаны 9 возовъ книгъ кіевскихъ книгопродавцевъ; въ 1762 г. тамъ-же былъ задержанъ транспортъ съ 733 книгами (въ числѣ которыхъ было 400 букварей), при чемъ, въ результатѣ переговоровъ, Ужанскій поджупанъ разрѣшилъ ихъ продавать; въ 1770 г. у книготорговцевъ Степана Григоровича, Ивана Ивановича и Игнатія Тимофеева было отобрано въ Мараморошскомъ Сиготѣ 448 литургическихъ книгъ, книготорговцамъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ Венгрію, но за книги, очевидно во избѣжаніе конфликта съ русскими властями, было выплачено 4.000 гульденовъ.

Въ дальнѣйшемъ о контрабандномъ провозѣ книгъ изъ

---

[1]) Е. И. Сабовъ: Христоматія, стр. 14 и 188: И. М. Кондратовичъ: Очерки изъ ист. Мукач. епархіи, стр. 19.

[2]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 11. Единственный экземпляръ этого изданія уцѣлѣлъ въ Національномъ музеѣ въ Будапештѣ.

[3]) Hodinka Antal: A Munkácsi görögkatholikus püspökség története, Budapest, 1910, стр. 797—810; И. М. Кондратовичъ: Очерки по ист. Мукач. епархіи, стр. 20. А. Л. Петровъ: Къ исторіи «русскихъ интригъ» въ Угріи въ XVIII в., Карпаторусскій Сборникъ, изд. П. Н. С., Ужгородъ, 1931, стр. 126—133.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Россіи свѣдѣній не имѣется. Если такъ обстояло въ XVIII вѣкѣ, когда потребовалась извѣстная охрана молодого и ненадежнаго уніатскаго движенія и были приняты мѣры, то естественно предположить, что подобныя явленія были и въ XVI—XVII вѣкахъ. Очевидно, что пріѣзжавшіе не были новичками дѣла и знали, что поѣздка, при извѣстномъ рискѣ, сулитъ выгоду. Намъ извѣстны сотни книгъ, которыя были конфискованы; очевидно, что тысячи ихъ провозились незамѣченными, такъ какъ въ противномъ случаѣ едва-ли бы рисковали предприниматели и шли за тысячи верстъ только рискуя, но не вѣря въ успѣхъ и не имѣя опыта выгоды путешествія.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Новый періодъ.

6. Латинско-мадьярская эпоха (переходное время). Еп. Андрей Бачинскій. Іоанникій Базиловичъ. Василій Довговичъ. Іоаннъ Чурговичъ. Михаилъ Лучкай. Иванъ Фогарашій (Иванъ Бережанинъ). Александръ Михаличъ.

Время латинско-мадьярской эпохи обычно опредѢляется со времени еп. Мануила Ольшавскаго и до 1848 года; однако, не слѢдуетъ думать, что въ это-же время не продолжается тотъ процессъ традиціи, который выразился въ письменности всего средняго періода. Въ число памятниковъ средняго періода мы сознательно отнесли нѢкоторыя произведенія, возникшія во вторую половину XVIII вѢка и даже XIX. Учительныя евангелія, сборники, лѢтописи, пѢсенники, даже и XIX вѢка (или переписанныя въ это время), по своей идеѢ, конечно, относятся еще къ понятію средняго періода и, вслѢдствіи сугубой бытовой традиціи, переходятъ его условную временную границу. Особенность латинско-мадьярскаго періода заключается въ томъ, что онъ не выросъ изъ традиціи быта, но только пробилъ брешь въ китайской стѢнѢ карпато-русской замкнутости, далъ доступъ къ западному просвѢщенію, не проявляя, однако, стремленій къ денаціонализаціи всѢхъ въ административномъ порядкѢ. Денаціонализировались только тѢ, кто вступалъ въ чужеязычную, сначала латинскую, а затѢмъ мадьярскую школу; онъ получалъ систему знаній на чужомъ языкѢ и, желая проявить себя на поприщѢ науки и литературы, пользовался тѢмъ-же чуждымъ народу, но общимъ для интеллигенціи, языкомъ, сначала латинскимъ, а затѢмъ мадьярскимъ. Конечно, въ національномъ отношеніи такая постановка дѢла не сулила ничего благопріятнаго, если-бы самое просвѢщеніе на чужомъ языкѢ не оказалось обоюдоострымъ.

Дѣло въ томъ, что конецъ XVIII в. и начало XIX-го совпадаютъ съ цѢлымъ рядомъ европейскихъ событій, связанныхъ съ обостреніемъ національнаго чувства. НѢмецкій романтизмъ вольно и невольно обращалъ взоры къ народному прошлому; съ легкой руки братьевъ Гриммъ начинаются поиски не только миѳовъ, но и прамиѳовъ національной сущности; интересъ къ языку, какъ признаку національности, вызвалъ развитіе лингвистики и придалъ ей національную значимость. Съ другой стороны, соціальная французская рево-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

люція вскорѣ обратилась въ національный процессъ для многихъ европейскихъ народовъ. Наполеонъ охотно раздавалъ титулы королей и герцоговъ не только національнаго, но и мѣстно-національнаго значенія. Въ борьбѣ съ нимъ правители многонародныхъ державъ, а въ частности и австрійскій императоръ, должны были снискать довѣріе порабощенныхъ и предвидящихъ свое освобожденіе народовъ, и шли имъ на уступки. Бѣгство «непобѣдимыхъ» французовъ изъ Москвы, слава русскаго оружія и Александръ-побѣдитель въ Парижѣ, конечно, не могли не пробудить сердецъ русскаго народа, а въ частности и въ Закарпатьи. Если Гукливская лѣтопись отмѣчаетъ неоднократно русскія побѣды, то, естественно, что тѣ карпатороссы, которые въ это время были въ культурныхъ и политическихъ центрахъ, читали газету и вникали въ международную ситуацію, еще въ большей мѣрѣ ощущали мощь русскаго народа, своего кровнаго брата. И вотъ на чужомъ языкѣ возникаютъ первыя карпаторусскія сочиненія національнаго значенія.

Что касается самаго призыва къ просвѣщенію, то онъ носилъ совершенно опредѣленный характеръ: онъ былъ сдѣланъ въ рамкахъ уніи. Новое вѣроисповѣданіе требовало кадра образованныхъ священниковъ, которые-бы могли во всеоружіи знаній противостать привычной традиціи православія. Конечно, съ точки зрѣнія Рима и Вѣны, это былъ только переходный этапъ полнаго перехода къ католичеству и отрыва отъ востока въ религіозномъ значеніи. Вотъ почему австрійское правительство не замедлило дать уніатскимъ священникамъ сословныя привилегіи, а за мукачевскимъ викарнымъ епископомъ признать то, что значилось въ подложной грамотѣ Коріатовича 1860 г. Не видя исхода, священство, конечно, рѣшалось на переходъ въ унію, но съ этимъ не былъ согласенъ народъ, положеніе котораго отъ этого не только не улучшалось, но связывалось съ новыми налогами. Наконецъ, когда и это было преодолѣно, латинизація и окатоличиваніе встрѣтилось съ другимъ препятствіемъ: видя свою выгоду въ правахъ своего епископа, духовенство рѣшительно противилось притязаніемъ Ягра, и въ этомъ тоже немалую роль играло то-же простонародье, безъ котораго, несмотря на все презрѣніе къ нему, обойтись было невозможно.

Въ это время дѣятели церкви и учителя воспитывались въ семинаріяхъ Трнавы и Ягра, гдѣ они въ совершенствѣ овладѣвали латинскимъ языкомъ и, возвратившись домой, оказывались въ затруднительномъ положеніи. «Неодолга Тирнавскіе богословы настолько наводнили латинщиною Угорскую Русь, что въ домахъ священниковъ и въ повседневной жизни начала употреблятися латынь. Находились даже попади, которы говорили по латыни. Тотъ считался идіотомъ, необразованнымъ человѣкомъ, кто не умѣлъ говорити по ла-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

тыни. Все домашнее, все русское считалося варварскимъ, а чужое — латынь — просвѣщеніемъ».

Эти священники и учителя должны были вести церковныя школы, гдѣ о латыни не могло быть и рѣчи, и вотъ, вмѣсто того, чтобы сообщать знанія на родномъ языкѣ, понятномъ народу, олатынщенные руководители — «въ родѣ аристократіи» — начали съ грѣхомъ пополамъ дѣлать переводы и «немилосердно портить и коверкать родную рѣчь». Немудрено, что и рѣчь простонародья, окончившаго такую школу, наводняется «чужими варваризмами», сначала латинщиною, а вскорѣ и мадьярщиною. Возможно, что это не противорѣчило тайнымъ намѣреніямъ и Рима и Вѣны, однако, это оказалось невыгоднымъ самому священству и особенно епископу мукачевскому, которые видѣли, что «простой народъ началъ отдѣлятися отъ своихъ пастырей»[1]). Это и создало то положеніе, которое затѣмъ и легло въ основу дѣятельности мукачевскихъ епископовъ и наиболѣе сознательнаго карпаторусскаго духовенства: они принимали унію, какъ западную юрисдикцію, но защищали свой обрядъ; они посылали своихъ дѣтей въ школы Трнавы, Ягра, Вѣны (семинарія при монастырѣ св. Варвары — Barbareum) и Будапешта, но отстаивали права роднаго языка.

Какъ мы уже указывали, Марія Терезія, въ силу политическихъ причинъ, чтобы помѣшать усиленію мадьярскихъ домогательствъ за счетъ карпатороссовъ, рѣшила признать самостоятельное мукачевское епископство, и эта благосклонность императрицы сыграла крупную роль въ національной жизни карпатороссовъ.

Крупныя реформы въ культурно-національной и церковной жизни обычно связываются съ именемъ еп. Андрея Бачинскаго[2]). Это былъ человѣкъ дѣйствительно исключительныхъ дарованій. Онъ родился въ 1732 году въ селѣ Бенятино, ужанской жупы, и былъ сыномъ священника. Окончивъ въ Ужгородѣ гимназію, онъ прослушалъ въ Трнавѣ курсъ богословія и философіи, выказавъ свои дипломатическіе таланты и обративъ на себя вниманіе. Рукоположенный въ 1756 г., онъ былъ назначенъ сначала сотрудникомъ, а затѣмъ приходскимъ священникомъ въ Гайду-Дорогѣ, гдѣ и служилъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, постоянно находясь въ тѣснѣйшей связи съ епископами — Мануиломъ Ольшавскимъ и Брадачемъ и будучи ихъ совѣтникомъ въ дѣлѣ канонизаціи мукачевскаго епископства. Послѣ смерти Іоанна Брадача въ 1772 г. онъ получаетъ епископскій санъ и съ особымъ торжествомъ

---

[1]) См. Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1892, стр. 53 и 63.

[2]) Епископъ Андрей Бачинскій, «Мѣсяцословъ», 1864; Андрей Бачинскій, «Листокъ», 1889, стр. 63—64; И. Кондратовичъ: Исторія Подк. Руси для народа, Ужгородъ, изд. «Уніо», 1925, стр. 81—84; Е. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 11—12; П. Федоръ: Очеркъ..., стр. 12.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

принимаетъ посвященіе въ вѣнской королевской часовнѣ въ присутствіи королевской семьи. Мукачевское епископство было канонизовано въ послѣдній годъ жизни еп. І. Брадача, но устройство его всецѣло легло на плечи А. Бачинскаго. Прежде всего, конечно, слѣдовало озаботиться средствами къ существованію епископства и епархіи съ тремя викаріатами (Пряшевъ-Кошицы, Мараморошъ и Сатмаръ). Въ этомъ отношеніи старанія Бачинскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ: по выраженію историка «въ его правленіе въ изобиліи начали сыпаться царскія милости на нашу епархію». Одновременно въ Ужгородѣ былъ учрежденъ капитулъ изъ семи членовъ, іезуитскій монастырь былъ объявленъ резиденціей епископа и тѣмъ самымъ административная власть была перенесена изъ Мукачева въ Ужгородъ. Ужгородскій замокъ былъ использованъ для русской духовной семинаріи, которая стала наслѣдницей бѣдствовавшей мукачевской школы. Были исхлопотаны стипендіи для 36 студентовъ въ Вѣнѣ, Пештѣ и Трнавѣ. Предстояло упорядочить взаимоотношенія между духовенствомъ и народомъ, и въ этомъ отношеніи Бачинскій рѣшительно и смѣло сталъ на сторону послѣдняго. Въ окружномъ письмѣ отъ 4. IX. 1798 г. онъ обращается къ священству съ нижеслѣдующимъ требованіемъ, которое мы приведемъ полностью:

«Съ болѣзнію сердца вижду: же многихъ родителей сынове по больше рокахъ изъ латинскихъ школъ — сѣмо на

А. Бачинскій.

ексаменъ приходящіи, и до сану клирического вступити желающіи въ своей рускої науцѣ такъ барзъ занедбаліи, и глупіи невѣжды приходятъ: ани читати, ани самое еще имя свое написати — изъ напѣву же, или изъ уставу церковнаго ани уста растворити отнюдь не знаютъ; зане еще шесторочніи нѣкіи руское свое набоженство оставиша, безъ которыя однакожъ науки — аки нуждныя нуждою средствія — до сана клирическаго вступити не могутъ, отсюду же бываетъ: яко таковіи невѣжды потребуютъ въ семинаріи отъ початку рускія наукы съ кривдою Богословской науки, и фундаціи зачинатися учити — иніи же въ парохіи приходящіи про тоеже невѣжество сами своего набоженства бываютъ посмѣхъ, и злочестивіе и губителіе и ругателіе. Того ради извѣстно всѣмъ Возлюбленностямъ вашимъ да будетъ соборно: абы ани еденъ жаденъ сына своего — хотяй бы якъ либо въ чужихъ наукахъ выучимаго школяря сѣмо до клиру не засылаетъ, аще въ своей первоначальной руской не будетъ обученый, и призвычаеный»[1]).

Проходитъ два года, и Бачинскій снова обращается съ

[1]) «Свѣтъ», 1868, № 18; Е. И. Сабовъ: Христоматія, стр. 57.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

окружнымъ письмомъ, въ которомъ констатируетъ, что «въ самое умаленіе день отъ дне приходитъ Рущизна наша и отечество наше, русское набоженство». Онъ призываетъ изучать и пропагандировать русскій языкъ, стремиться къ правильности грамматическихъ формъ, къ очищенію языка отъ чужихъ вліяній и указываетъ, что «готовая есть и Библія русскимъ языкомъ нашимъ (т. е. церковно славянскимъ) — имасте книги тыя на русскомъ языкѣ, яже чтуще, народу толкующе купно и матерный языкъ, письмо и народъ и набоженство содержати и подкрѣпити возможете»[1]). Съ цѣлью установить порядокъ монастырской жизни и для общаго ознакомленія съ церковной жизнью вообще — онъ посылаетъ въ Россію двухъ монаховъ, а именно въ Кіево-Печерскій монастырь. По свѣдѣніямъ историковъ Бачинскій собралъ обширнѣйшую библіотеку, приблизительно до 9.000 томовъ. Однако, будучи человѣкомъ широко образованнымъ, Бачинскій все свое образованіе употребилъ къ осуществленію цѣли національно-патріотической. Его настойчивость въ этомъ отношеніи перешла въ преданіе. Такъ, напримѣръ, имя свое онъ любилъ подписывать только символическими иниціалами — А. Б. В., что обозначало и первыя три буквы русскаго алфавита, какъ символъ патріотизма, и подпись — *А*ндрей *Б*ачинскій *В*ладыка. Въ разговорѣ со своими подчиненными о преимуществахъ латыни, какъ средства къ просвѣщенію, Бачинскій протестовалъ противъ латинизаціи церкви и школы — «Докля буде — азъ, буки, вѣди, сего не буди!» — восклицалъ онъ.

Самого Бачинскаго, конечно, какъ писателя, разсматривать нельзя; по его настоянію была издана пятитомная Библія и отъ него остался рядъ окружныхъ посланій, свидѣтельствующихъ о его патріотизмѣ, широкой образованности и о стремленіи въ новыхъ условіяхъ сохранить національность своего народа[2]). Однако, Бачинскій своимъ патріотическимъ примѣромъ вліялъ на карпаторусскую интелигентскую массу своего времени, а потому мы и въ правѣ не отказываться отъ опредѣленія рубежа XVIII и XIX вѣковъ, какъ «золотого вѣка Бачинскаго». Если священническая масса, дѣйствительно, получивъ права и просвѣщеніе на чужомъ языкѣ, нѣсколько зазнавалась, то одновременно тѣ-же причины на передовыхъ карпаторусскихъ интеллигентовъ новой формаціи оказали самое благодѣтельное вліяніе: пользуясь запасомъ научныхъ знаній, они поставили впервые національный вопросъ, т. е. денаціонализацію претворили въ великое національное дѣло, которое и дало основу къ систематическоему развитію національной идеи, которое достигло кульминаціоннаго пункта въ 50—60 годахъ XIX вѣка.

---

[1]) Проф. К. И. Стрипскій: Языкъ литературной традиціи Подк. Руси, изд. О-ва им. А. В. Духновича, Ужгородъ, 1930, стр. 3.

[2]) Нѣсколько окружныхъ посланій имѣется у проф. К. И. Стрипскаго въ Мукачевѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Что касается школьнаго дѣла этого времени, то его степени не слѣдуетъ переоцѣнивать. Обычно указывается, что визитаціи Мануила Ольшавскаго, а затѣмъ Макарія Шугайды, показываютъ на успѣшное развитіе школьнаго дѣла и на наличіе высокообразованныхъ учителей, знающихъ 3 и 4 языка. Этотъ выводъ сдѣланъ неправильно, такъ какъ по отдѣльнымъ случаямъ нельзя говорить о школьномъ дѣлѣ вообще. Школы, конечно, были, но примитивныя и далеко не удовлетворительныя въ національномъ и просвѣтительномъ отношеніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ не приходилось-бы Бачинскому такъ скорбѣть о состояніи «Рущизны» и о безграмотности тѣхъ, кто приходилъ на экзаменъ въ ужгородскую семинарію, конечно, со свидѣтельствомъ объ окончаніи школы. А, съ другой стороны, и воспоминанія А. Кралицкаго, описывающія систему образованія уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, тоже говорятъ не въ пользу процвѣтанія низшей школы въ той мѣрѣ, какъ это заключали нѣкоторые старшіе историки, чаявшіе видѣть просвѣтъ въ своемъ тяжеломъ прошломъ. Рядъ школъ организовалъ М. Ольшавскій, затѣмъ Брадачъ и, наконецъ, при Бачинскомъ, кромѣ низшихъ школъ, учреждается духовная семинарія въ Ужгородѣ и философская школа въ монастырѣ въ Красномъ-Бродѣ; послѣдняя была создана трудами протоигумена Макарія Шугайды. Въ это время дѣломъ просвѣщенія завѣдуютъ уже лица образованныя, съ докторскимъ титуломъ, или, во всякомъ случаѣ, со спеціальнымъ образованіемъ. Таковы были проинспекторы Димитрій Поповичъ и Георгій Кричфалуши. Въ 1831 г. проинспекторатъ закрывается, и, въ связи съ возрожденіемъ мадьярскаго національнаго самосознанія, начинается тенденція латинскій языкъ въ среднихъ и высшихъ школахъ замѣнить мадьярскимъ. Конечно, это имѣло огромное значеніе для русскаго дѣла на Подкарпатской Руси, такъ какъ бороться уже приходилось не съ мертвой латынью, а съ живымъ языкомъ, получавшимъ права полнаго гражданства уже въ административномъ порядкѣ.

Какъ и слѣдовало-бы предполагать, важнѣйшія сочиненія конца XVIII вѣка посвящены почти исключительно вопросамъ церкви.

Уже М. Ольшавскій долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы въ школахъ была организована подготовка къ латинскому образованію и въ 1746 году издалъ въ Клужѣ латинско-русскій учебникъ: „Elementa puerilis institutionis in lingua latina“ («Начало письменъ дѣтемъ къ наставленію въ латинскомъ языкѣ»[1]). Когда началось возстаніе въ Сатмарѣ, М. Ольшавскій напечаталъ «Sermo de sacra in occidentalem et orientalem ecclesiam unione», которая впослѣдствіи была переведена

[1]) І. Стрипскій: З старшої письменности Угорської Руси, «Записки Т-ва Шевченка», Львовъ, 1914, CXVII—CXVIII, 185—188.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

на нѣмецкій и русскій языки («Слово о святомъ между восточною и западною церковью соединеніи»[1]).

Въ 1778 г. въ Вѣнѣ вышла книга Щавницкаго «Positiones ex universa Theologia»[2]). Въ 1779 г. написана книга Іоанномъ Висаникомъ — «Кормило вѣры христіанскаго корабля», однако, въ печати она не вышла[3]). Нужно сказать, что кромѣ отдаленности типографій въ это время большія препятствія къ печатанію ставилъ строгій и придирчивый цензоръ Григорій Тарковичъ, впослѣдствіи епископъ пряшевскій.. Впрочемъ, въ національномъ отношеніи Тарковичъ былъ несомнѣннымъ патріотомъ — «всерусомъ», — какъ его называетъ В. А. Францевъ. Ему, между прочимъ, принадлежитъ многозначительное стихотвореніе «Русскія Музы! Съ Карпатскихъ снидите горъ...», въ которомъ онъ оплакиваетъ смерть императрицы Екатерины II — «невской Нимфы», которая «при Невѣ престолъ положила», но, къ сожалѣнію, «Ужокъ, Латурцу забыла»,

Карпатъ Славянамъ есть истинный отецъ, мати,
Но Россіаны дѣти то не ищутъ знати.

Реминисценціи на это стихотвореніе находимъ у Духновича и Павловича[4]).

Рукописныя сочиненія послѣ себя оставили М. Бабили и Іоаннъ Пастелій, написавшій изслѣдованіе «Animadversio critica», гдѣ имѣется немало матеріаловъ по вопросу о борьбѣ мукачевской епархіи за свою независимость[5]). Пастелію принадлежитъ также и сатирическая «Пѣснь о долъжности пастыря душевнаго»,», гдѣ онъ обращается къ «пастырю душевному, попу избранному» съ упреками, что вмѣсто наставленія на путь истины другихъ — онъ самъ «живетъ блудно», не соблюдаетъ постовъ, чревоугодничаетъ, пьянствуетъ и т. д. Каждая строфа заканчивается рефреномъ: «О, попе, покайся!» Что это стихотвореніе попало не въ бровь, а въ глазъ, свидѣтельствуетъ то, что оно перешло и въ поучительные сборники[6]).

Третій поэтъ этого времени — молодой студентъ Андрей Валъковскій[7]), который вдохновился личностью патріота, стоящаго во главѣ церкви — еп. Андрея Бачинскаго.

---

[1]) Вышло въ Трнавѣ въ 1764 г.; русскій текстъ въ Почаевской Лаврѣ въ 1769 г. И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы по ист. возр. Карп. Руси, Львовъ, 1909, II, стр. 83.

[2]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 14.

[3]) Тамъ-же, стр. 14.

[4]) См. К. Кустодіевъ: Церковь угорскихъ русскихъ и сербовъ, въ ихъ взаимоотношеніи, Москва, 1873, стр. 20—21; «Григорій Тарковичъ», Мѣсяцословъ на 1902 г., Унгваръ, 1901.

[5]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 10.

[6]) И. Франко: Карпато-руське письменство, стр. 144—145; Fr. Tichý: «Prva vlna západnictví v písemnictví podkarpatském; «Sborník prace věnovan ých... J. Máchalovi», Прага, 1925, стр. 273—276; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [49]).

[7]) В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII - XIX ст., изд. О-ва им. А. Духновича, № 61, Ужгородъ, 1929.

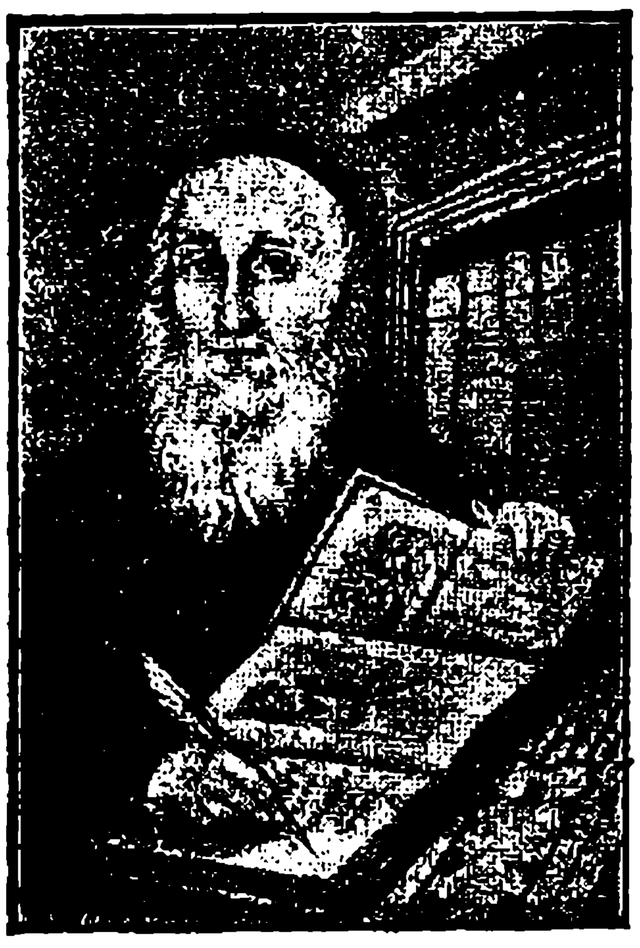
http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Будучи студентомъ въ Трнавѣ въ 1807 г., онъ написалъ отъ имени карпаторосовъ, питомцевъ семинаріи, — поздравленіе поднесенное А. Бачинскому «въ великій для угрорусовъ день его именинъ». Это — превыспренная ода, написанная тяжелымъ, но русскимъ («о, язык росскій!») языкомъ съ обиліемъ гиперболизмовъ, заимствованныхъ изъ классической поэтики. Между прочимъ поэтъ обращается къ Бачинскому («Угро-Россовъ Корнь...») —

Твой Вѣк есть схожій съ Сатурна вѣком, — — —
И какъ оный былъ золотый Латином,
Твой так есть Россом, и Потомству
Росскому будет.

Другое стихотвореніе представляетъ собою пастораль — «Дойникъ, Козликъ, Сыродавъ», гдѣ эти — три пастуха ведутъ разговоръ о болѣзни Духодана, которому вручена паства духовная, а также вспоминаютъ и свои школьные годы, когда Духоданъ былъ ихъ руководителемъ. Вѣроятно, что и здѣсь подъ именемъ Духодана [«Верховный Пастырь Духодан Пастыря на земли Добраго (тако удостоил Спас зваться) Намѣстник»] имѣется ввиду еп. Андрей Бачинскій.

Совершенно исключительное значеніе имѣютъ труды перваго карпаторусскаго историка — Іоанникія Базиловича[1]). Родился Базиловичъ въ 1742 г. въ Гливищахъ, ужгородской столицы, отъ бѣдныхъ родителей, но, преодолѣвая недостатокъ матеріальныхъ средствъ и питая любовь къ наукѣ, онъ окончилъ школы въ Ужгородѣ и Кошицахъ, послѣ чего принялъ иночество въ Мукачевскомъ монастырѣ, гдѣ въ теченіи 38 лѣтъ былъ избираемъ протоигуменомъ. Скончался Базиловичъ въ 1821 году.



I. Базиловичъ.

Пребывая въ монастырѣ на Чернечей горѣ близъ Мукачева, который, какъ мы неоднократно уже указывали, былъ обдаренъ княземъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ и жилъ преданіемъ о немъ, Базиловичъ, конечно, заинтересовался прошлымъ монастыря и личностью его благодѣтеля. Въ результатѣ этого и была имъ написана обширная работа — «Краткія свѣдѣнія объ учрежденіяхъ Ѳеодора Коріатовича», конечно по латыни, а затѣмъ и вышла въ печати въ 1799

---

[1]) Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1892, стр. 63—64; А. К(ралицкій): Іоанникій Базиловичъ, «Листокъ», 1890, стр. 97—98; «Поминайте наставники ваша», «Мѣсяцословъ», на 1894 г., Ужгородъ, 1893, стр. 72—74; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 12; И. Е. Левицкій: Прикарп. Русь въ XIX в. въ біографіяхъ и портретахъ, Львовъ, 1899, II, стр. 111—112; библіографію литературы о Базиловичѣ см. Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья, прим. [50]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

и 1804 годахъ[1]). Написанъ этотъ трудъ на основаніи многочисленныхъ документовъ, собранныхъ Базиловичемъ, какъ относительно самого князя Коріатовича и его семьи, такъ и въ доказательство того, что Мукачевскій монастырь былъ основанъ Коріатовичемъ и что ему принадлежатъ доходы отъ селъ Бобовище, Лавки и Росвигово, какъ это указано и въ грамотѣ 1360 г., написанной, по его мнѣнію, самимъ дарователемъ. Доказавъ это, авторъ излагаетъ исторію церкви на Подкарпатской Руси, начиная съ древнѣйшихъ временъ, поскольку, конечно, сохранились документы. Подробно излагается жизнь Мукачевскаго монастыря, при чемъ первымъ игуменомъ его называется Лука, который былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ королемъ Матвѣемъ въ 1459 г. Первымъ епископомъ Базиловичъ называетъ Іоанна, котораго утверждаетъ въ этомъ званіи грамота короля Владислава отъ 1491 года. Исторія Мукачевской епархіи доведена до 1789 года, т. е. до положенія основного камня новой монастырской церкви во время еп. А. Бачинскаго.

Съ современной точки зрѣнія далеко не всѣ утвержденія, а равно и документы Базиловича можно признать имѣющими историческую цѣнность. Въ частности и грамота Коріатовича въ томъ видѣ, какъ ею пользуется Базиловичъ, признана подложной, однако его работа не была напрасной. Во первыхъ, это вообще первый историческій памятникъ карпаторусской литературы научнаго значенія, а, во вторыхъ, въ немъ ярко проявляется чувство русскаго человѣка, защищающаго свое прошлое. Излагая исторію епархіи авторъ пользуется случаемъ и вообще разсказать о карпаторусскомъ народѣ, указывая его родство съ восточными русскими племенами.

Второй изданный трудъ І. Базиловича посвященъ спеціальной темѣ и называется «Образъ монашеской жизни» («Imago vitae monasticae»); онъ также написанъ по латыни и вышелъ въ Кошицахъ въ 1802 году.

Въ рукописи сохранилось его сочиненіе, писанное по церковно-славянски — «Объясненіе Литургіи»; не было оно напечатано тоже вслѣдствіи придирки цензора Г. Тарковича, который, по мѣткой характеристикѣ Е. И. Сабова, «въ цензорскомъ званіи былъ боязливъ и вслѣдствіи сего строгъ».

Если священники пользовались катехизисами, изданными де-Камелисомъ и Бизанціемъ, то для простонародья эти книги не были доступны. Требовалось спеціальное изданіе, на-

---

[1]) Полное заглавіе труда: Brevis notitia Fundationis Theodori Koriatovits, olim ducis de Munkács, pro Religiosis Ruthenis ordinis G. Basilii Magni in monte Csernek ad Munkács anno MCCCLX factae. Exhibens seriem episkoporum graeco-catholicorum Munkácsiensium, cum praecipius eorundem aliarumque Illustrium virorum gestis e variis Diplomatibus decretisque regiis, ac aliis documentis autheticis potissimum concinnatam. Autore R. P. Ioannicio Basilovics, ordinis s. Basilii Magni, in vener. monasterio de monte Csernek ad Munkács Proto Hegumeno. Cassoviae ex typographia Ellingeriana. 1799.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

писанное понятнымъ слогомъ и безъ латинизированной терминологіи. Этотъ пробѣлъ съ успѣхомъ восполнилъ Іоаннъ Кутка[1]) (1750—1814), бывшій сначала профессоромъ богословской школы въ Мукачевѣ, затѣмъ каноникомъ и, наконецъ, титулярнымъ викаріемъ. Его «Катехисисъ или наука православно-христіанская» въ теченіи всего XIX вѣка былъ единственной догматической книгой для народа. Критики позднѣйшаго времени замѣчаютъ, что слогъ Катехисиса «не можно приняти исправнымъ», такъ какъ онъ представляетъ собою смѣсь церковно-славянскаго языка съ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Мы должны рѣшительно выступить въ защиту І. Кутки, который несомнѣнно зналъ русскій литературный языкъ и вполнѣ сознательно не воспользовался имъ. Во первыхъ, слѣдуетъ помнить, что въ самомъ началѣ XIX вѣка и въ державной Руси господствовалъ языкъ славяно-русскій, какъ переходъ къ позднѣйшему русскому литературному, такъ что упрекать лично Кутку въ смѣси двухъ языковъ не приходится. Во вторыхъ, самая тема его сочиненія и предполагала эту смѣсь во имя сохраненія ея смысла, тѣсно связаннаго съ церковно-богослужебными книгами; эти же явленія мы наблюдаемъ и въ катехизисахъ, изданныхъ въ Россіи вплоть до самаго конца XIX вѣка. Въ третьихъ, Кутка отнесся къ своей работѣ, какъ педагогъ и, не искажая грамматики, ввелъ въ нее отчасти и мѣстный словарь, отлично понимая, что его будутъ читать не только проходившіе школу и хотябы минимально знакомые съ церковно-славянской и русской грамматикой, но и случайно научившіеся грамотѣ, простолюдины-начётники, а для нихъ и слѣдовало дать привычный словарь. А самое главное, что слогъ Кутки, вызвавшій столько замѣчаній, откровенно говоря, гораздо грамматичнѣе и правильнѣе съ точки зрѣнія русскаго языка, нежели слогъ посланій самаго Бачинскаго и позднѣйшихъ новаторовъ, вродѣ Игнатія Рошковича, не говоря уже о Ласло Чопеѣ. Е. И. Сабовъ отмѣчаетъ, что къ катехизису Кутки «народъ привыкъ, и тяжело было ему навязать другой». Это само свидѣтельствуетъ, что Кутка, несмотря на введенный имъ языкъ, все-же успѣшно справился со своей задачей и ничѣмъ не погрѣшилъ противъ русскости.

Совершенно исключительной личностью своего времени былъ Василій Довговичъ[2]). Фамилія его отца была собственно Дорганичъ, а псевдонимъ Довговичъ возникъ отъ села Долгое (діал. Довгое), гдѣ онъ былъ продолжительное время священникомъ и благочиннымъ. Отецъ его былъ простой земле-

---

[1]) Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1892, стр. 76; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 12—13.

[2]) Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1892, стр. 76—78; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 14—15; В. Бирчакъ: Литер. стремлѣня, стр. 53—56; библ. сочиненій о Довговичѣ см. Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья, прим. [51]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дѣлецъ въ Золотаревѣ на Мараморошѣ. Грамотѣ молодой человѣкъ научился отъ мѣстнаго дьячка и такъ пристрастился къ ученью, что отправился въ школу въ Драгово, а затѣмъ поступилъ въ услуженіе къ римо-католическому священнику въ Хустѣ, чтобы только имѣть возможность посѣщать тамошнюю школу. Гимназію Довговичъ прошелъ въ Мараморошскомъ Сиготѣ, философію (т. е. VII и VIII кл.) въ Великомъ Варадинѣ, а богословіе въ Трнавѣ и Ужгородѣ. Въ 1811 году принялъ священническій санъ и былъ назначенъ въ Долгое, откуда въ 1824 г. былъ переведенъ въ Вéликіе Лучки, затѣмъ въ Мукачево и, наконецъ въ Хустъ, гдѣ и скончался въ 1849 году.

По подсчету самого Довговича имъ написано было 1694 писчихъ листа; болѣе всего — на мадьярскомъ языкѣ, который въ то время получилъ права гражданства въ высшей школѣ и наукѣ, частью — на латинскомъ и частью — на русскомъ. Темы сочиненій его необычайно широки; онъ касается вопросовъ богословія, философіи, астрономіи и естествознанія. Особо слѣдуетъ отмѣтить его статью «О міровой конституціи однимъ шагомъ выше (дословно: «вверхъ») Картезія и Ньютона» («A világ alkotmányáról egy lépéssel feljebb, mint Cartésy és Newton»), гдѣ онъ предлагаетъ вниманію читателей свою собственную систему міровъ и астрономическія познанія сочетаетъ съ философской системой.[1]) Философскія статьи печаталъ онъ въ «Научныхъ Сборникахъ» (Tudományos Gyüjtemény). Однако, большинство его сочиненій осталось въ рукописи. За свои научные труды въ 1831 году Довговичъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Мадьярской Академіи Наукъ.

Изъ русскихъ сочиненій слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: 1) Катехисисы большой, средній и малый, написанные въ 1835—1837 годахъ, оставшіеся въ рукописи и 2) его стихотворенія.

Изъ числа послѣднихъ напечатано немного. Въ концѣ катехизиса І. Кутки находимъ особую часть «Катехисисъ въ стихословіи», гдѣ важнѣйшія истины вѣры Довговичемъ написаны въ стихахъ, правда весьма неуклюжихъ. Особо вышла его поэма «Союз Любве»[2]) и нѣсколько стихотвореній приведено въ грамматикѣ М. Лучкая, какъ примѣры стихосложенія и образовъ. Кромѣ того сохранился большой рукописный сборникъ писателя подъ заглавіемъ: «Poemata Basilii Dóhovits... in Manuscriptis edita Muncascimi. Anno 1832»,[3]) гдѣ имѣет-

---

[1]) Напечатано въ «Верхне-Угорской Минервѣ» («Felső magyarországi Minerva»), 1825 г.

[2]) Будапештъ, 1807 (?)

[3]) Самой рукописью воспользоваться мы не имѣли возможности; краткое описаніе заимствуемъ у В. Бирчака, который личностью Довговича занимался спеціально.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ся предисловіе («Praefatio»), автобіографія Довговича, перечень его произведеній и 190 стихотвореній, а именно 131 латинское, 41 мадьярское и 18 русскихъ. Въ числѣ послѣднихъ имѣются религіозныя темы («Пѣснь Храму Церкве Должанскія», «Пѣснь на Великій пятокъ» и «Пѣснь пастырская на Рождество Христово»), двѣ траурныя оды (на смерть еп. Андрея Бачинскаго и на смерть Іоанны Ковачичъ — «Союзъ Любве»), оды-привѣтствія («На тизоименитый день Андрея Бачинскаго», «Радость дѣтей на день отца») и 12 свѣтскихъ, главнымъ образомъ юмористическихъ, пѣсенокъ. («Моя Гусочка», «Дурень бем я журитися», «Чортова жона», «Баба пѣпашка», «Привилегія Блысѣ», «Дѣвка на яри спѣват: Заспѣвай ми зозуленько — ку!», «Пѣснь жабам», «Г..... и ей сусѣда», «Коханка тай Гунтай», «Лучкай зѣлярь и пчоларь безжонный», «Пяниця и его корчаниця», «Чому я и теперь музикант»). Относительно двухъ пѣсенъ Довговичъ замѣчаетъ, что они заимствованы изъ народнаго пѣсеннаго репертуара («Чортова жена не моя» и «Коханка тай Гунтай»); судя по другимъ напечатаннымъ примѣрамъ, можно сказать, что и вообще въ этихъ пѣсенкахъ Довговичъ или подражалъ, или перефразировалъ народную пѣсню, что слѣдуетъ признать его поэтическимъ достоинствомъ, такъ какъ, будучи воспитанъ въ латинско-мадьярскомъ духѣ, онъ не потерялъ чувства эстетическаго воспріятія къ подлинно-родному, къ народной пѣснѣ. Если въ религіозныхъ пѣсняхъ и одахъ онъ старается сохранить «высокой штиль», пользуясь примѣрами религіозныхъ пѣснопѣній, о которыхъ мы говорили выше въ связи со сборниками духовныхъ пѣснопѣній, то въ свѣтскихъ пѣсенкахъ у него обнаруживается почти сплошной діалектизмъ. Ритмъ ихъ значительно болѣе выдержанъ, что тоже говоритъ о прямой связи ихъ съ народной поэтикой. М. Лучкай печатаетъ «Заспѣвай ми зозуленько — ку», какъ народную пѣсню, не указывая Довговича, какъ ея автора, а самая помѣтка къ этой пѣсни у Довговича — «Дѣвка на яри спѣват» — типична для обозначенія именно народной пѣсни, что сохранилось еще и понынѣ, какъ на Подкарпатской Руси, такъ и вообще у русскихъ, а также и на Словакіи. Къ сожалѣнію пѣсни Довговича въ цѣломъ еще не изучены и не опубликованы, такъ что приходится ограничиваться только догадками.

Другой замѣчательной личностью своего времени въ смы-

[1]) Напр., свадебный пѣсенный репертуаръ иныхъ обозначеній и не имѣетъ, какъ «сваха поетъ», «дружки поютъ»; I. Плица издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ на Словакіи подъ типическимъ заглавіемъ: «Eva Studeničova zpieva», (изд. Матицы Словенской, Турч. св. Мартинъ, 1929).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

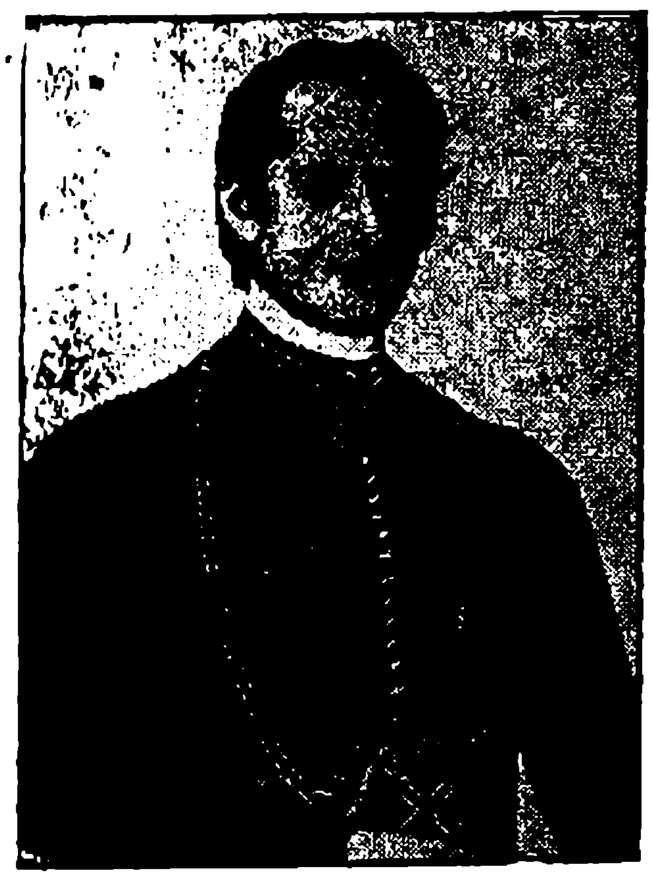
слѣ широты образованія былъ Іоаннъ Чурговичъ (1791—1862).[1]) Онъ тоже происходилъ изъ бѣдной семьи; отецъ его былъ приходскимъ священникомъ въ Новоселицѣ, и здѣсь-же талантливый мальчикъ окончилъ школу. Въ гимназіи въ Ужгородѣ Чурговичъ отличался исключительными успѣхами въ наукѣ, вслѣдствіи чего родители отправили его въ «пештянское всеучилище» для изученія любомудреческихъ наукъ». Затѣмъ онъ прошелъ курсъ богословія въ ужгородскомъ лицеѣ, въ 1817 г. принялъ священническій санъ и одновременно былъ назначенъ преподавателемъ въ ужгородскую гимназію. Два года Чурговичъ учительствовалъ, а затѣмъ былъ отправленъ для продолженія образованія во Фринтанеумъ въ Вѣнѣ. Здѣсь въ 1823 г. онъ получилъ степень доктора богословія, нѣкоторое время былъ приходскимъ священникомъ въ Бессерменѣ, а въ 1837 г. мы видимъ его въ Ужгородѣ въ санѣ каноника и на отвѣтственномъ мѣстѣ директора ужгородской гимназіи. Послѣ смерти еп. А. Повчія въ 1831 г. Чурговичъ былъ избранъ капитулярнымъ викаріемъ. Какъ директоръ гимназіи и какъ викарій, онъ проявилъ большую энергію въ смыслѣ упорядоченія дѣла, согласно требованіямъ вѣка. Онъ возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній учениковъ, которыя въ то время доходили буквально до издѣвательствъ, и пытался ввести мѣры педагогическаго воздѣйствія. Какъ начальникъ, онъ былъ строгъ и требователенъ, но въ гимназіи это не повлекло печальныхъ для него послѣдствій. Иначе обстояло дѣло въ капитулѣ. Здѣсь вскорѣ противъ Чурговича образовалась особая партія, которая начала дѣйствовать интригами; на него посыпались доносы — «мирное до тѣхъ поръ теченіе епархіальной жизни превратилося въ шумное и гнусное поприще борьбы». Семилѣтнее мѣстоблюстительство Чурговича окончилось тѣмъ, что его авторитетъ совмѣстными силами противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Довговичъ, былъ подорванъ. Въ 1848—49 гг. онъ избѣгаетъ всяческаго участія въ гражданскихъ и національныхъ дѣлахъ. Единственно ему были поручены хлопоты объ организаціи русской типографіи въ Ужгородѣ, но и здѣсь онъ особаго рвенія не проявилъ. Въ 1850 г. онъ снова оказывается у кормила епархіальной власти, но и пора народнаго вдохновенія не пробудила въ немъ былой энер-

---

[1]) Іоаннъ Мондокъ: Память Іоанна Чурговича, «Мѣсяцословъ на 1865 г.», Ужгородъ, 1864, стр. 82—102; «Поминайте наставники ваша», «Мѣсяцословъ на 1895 г.», стр. 89—90; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 16; П. Федоръ: Очерки..., стр. 22—25; Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [53]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

гіи: «зоркое око на днѣ сердца его родъ нѣкій равнодушія и унылости могло замѣтити». Умеръ Чурговичъ въ 1862 г., проведя послѣдніе годы въ полномъ затворничествѣ вслѣдствіе болѣзни легкихъ, перешедшей въ чахотку.



I. Чурговичъ.

Какъ писатель, онъ себя особенно широко не проявилъ. Писалъ онъ по мадьярски, по латыни, и только проповѣди его были написаны по русски. Изданы онѣ были въ 1888 г. В. Каминскимъ подъ заглавіемъ: «Проповѣды Іоанна Чургговича» и обнаруживаютъ у автора ихъ хорошее, по тѣмъ временамъ, знаніе церковно-славянскаго языка, въ который онъ допускаетъ и литературный русскій словарь. Будучи человѣкомъ ученымъ, Чурговичъ въ своихъ проповѣдяхъ сохраняетъ мѣру витійства и не впадаетъ въ излишнее философствованіе. Стиль ихъ возвышенъ и, что самое главное — грамотенъ. Въ «Листкѣ» за 1880 г. было напечатано его спеціальное богословско-каноническое сочиненіе «О разводѣ брака по причинѣ чужеложства». Послѣднее было написано по латыни и печаталось въ переводѣ Юрія Жатковича. Кромѣ того въ рукописи имѣются его юридическія и историко-богословскія статьи, между ними нѣсколько и по русски, при чемъ написаны онѣ подъ вліяніемъ не мѣстныхъ діалектовъ, а литературнаго языка. Послѣднее легко объяснить, такъ какъ Чурговичъ послѣ себя оставилъ богатѣйшую библіотеку, часть которой намъ удалось просмотрѣть. Въ ней имѣется до 35 русскихъ книгъ не только церковныхъ, но и по вопросамъ языка (грамматика и риторика М. Ломоносова), юридическія, изданія Н. И. Новикова, историческія и т. д. Вообще-же имѣются книги на греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, мадьярскомъ, итальянскомъ, сербскомъ и болгарскомъ языкахъ. Книги — богословскія, философскія, историческія, юридическія, по естествованію, филологіи и педагогикѣ. Все это показываетъ, что Чурговичъ былъ дѣйствительно «карпаторусскимъ Плутархомъ», какъ о немъ выражается біографъ, и яркимъ примѣромъ того, какъ успѣшно просвѣщеніе воспринималось карпатороссами.

Но если Довговичъ и Чурговичъ, принявъ западное образованіе, такъ сказать, потонули въ немъ и только изрѣдка пытались его примѣнить къ развитію родной культуры, то были и такія лица, которыя всѣ свои силы направили къ тому, чтобы содѣйствовать просвѣщенію родного народа и чтобы ознакомить съ его судьбами просвѣщенный міръ.

Мы говорили объ Іонникіи Базиловичѣ; еще въ большей мѣрѣ это относится къ Іоанну Фогарашію и Михаилу Лучкаю.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Михаилъ Ивановичъ Лучкай[1]), подлинное имя котораго по однимъ даннымъ было Матяцковъ, а по другимъ даннымъ Попъ, родился въ 1789 году въ Великихъ Лучкахъ, гдѣ его отецъ былъ пѣвцоучителемъ, и по имени родного села онъ и назвалъ себя, и не только въ литературѣ, но и вообще перемѣнивъ фамилію. Гимназію онъ окончилъ въ Ужгородѣ (по другимъ даннымъ въ В. Варадѣ), а затѣмъ въ 1812 г. былъ посланъ въ Вѣну, гдѣ пробылъ четыре года и окончилъ семинарію св. Варвары (Barbareum). Въ 1816 году принялъ санъ священника и на нѣкоторое время былъ опредѣленъ въ В. Лучки, какъ сотрудникъ. Въ 1818 г. находимъ Лучкая въ Ужгородѣ въ качествѣ архиваріуса и библіотекаря при епископской канцеляріи, а затѣмъ и епископскимъ секретаремъ. Ввиду старческихъ лѣтъ еп. Алексѣя Повчія, фактически вся работа по епархіи перешла къ Лучкаю, которую онъ и велъ въ теченіи десяти лѣтъ. Въ 1829 г. князь Карлъ Людовикъ Бурбонъ, испанскій инфантъ, проживающій въ Луккѣ въ Италіи, надѣясь получить греческій престолъ, рѣшилъ завести у себя при дворѣ церковь греческаго обряда и обратился къ приходскому священнику церкви св. Варвары въ Вѣнѣ — Фогарашію съ просьбой прислать ему священника, діакона и двухъ пѣвцовъ. Послѣдній написалъ о томъ еп. Повчію, и въ результатѣ Лучкаю было предписано отпускать волоса и бороду, чтобы удовлетворить категорическому о томъ требованію князя, и ѣхать въ Лукку. Здѣсь Лучкай пробылъ три года и, имѣя достаточно свободнаго времени, продолжалъ свое образованіе, написалъ, а затѣмъ и издалъ свою грамматику и проповѣди. Надежды князя получить греческую корону не сбылись, Лучкай былъ обдаренъ и отосланъ въ Ужгородъ. Въ 1831 г. скончался еп. А. Повчій, и капитулярный викарій І. Чурговичъ, цѣня просвѣщенность и заслуги Лучкая, назначилъ его приходскимъ священникомъ въ Ужгородѣ въ церковь на Цегольнѣ. Скончался Лучкай въ 1843 г.

«Grammatica Slavo-Ruthena: seu Vetero-Slavicae, actu in montibus Carpathicis Parvo-Russicae, seu dialecti vigentis linguae» за послѣднее время вызвала цѣлую литературу[2]). Издана она была въ Вѣнѣ въ 1830 г. и обнаруживаетъ у автора глубокія

---

[1]) «Очеркъ угро-русской письменности», «Листокъ», 1892, стр. 87—88; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 15—16; Михаилъ Лучкай, «Мѣсяцословъ на 1910 г.», Ужгородъ, 1909, стр. 101—102; А. Л. Петровъ: Матеріалы, т. I, стр. 18—21; Василій Гаджега: Михаилъ Лучкай, «Науковый Зборник Т-ва «Просвѣта», т. VI, 1928/29, Ужгородъ, стр. 1—129; В. А. Погорѣловъ: М. Лучкай и его «Grammatica Slavo-Ruthena», изд. О-ва им. А. Духновича, № 82, Ужгородъ, 1930, стр. 1—11.

[2]) В. А. Погорѣловъ: Михаилъ Лучкай и его «Grammatica Slavo-Ruthena», изд. О-ва им. А. В. Духновича, Ужгородъ, 1930, № 82, стр. 1—11; Г. Ю. Геровскій: Русскій языкъ по церковно-славянско-русской грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая, «Карпаторусскій Сборникъ», Ужгородъ, 1930, стр. 259—318; Василь Сімович Gramatica Slavo-Ruthena М. Лучкая, Науков. Зборник Т-ва «Просвѣта», 1931, т. VII-VIII, стр. 217—306. Написана грамматика по латыни.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

лингвистическія познанія: Онъ зналъ грамматики Смотрицкаго и Мразовича, слушалъ въ Вѣнѣ лекціи Копитара, а въ эпилогѣ къ своей грамматикѣ указываетъ, что руководствомъ своимъ онъ избралъ «Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris (1822)» І. Добровскаго. Въ обширномъ предисловіи Лучкай излагаетъ цѣль написанія своей грамматики и взглядъ на литературный языкъ.

По мнѣнію Лучкая ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать языка литературнаго съ языками разговорными. «Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ дѣленіе (языка) на діалекты, одинъ изъ нихъ первенствуетъ, какъ на письменныхъ столахъ ученыхъ, такъ и въ судебныхъ залахъ, являясь законодателемъ для прочихъ родственныхъ языковъ и нарѣчій». И это вполнѣ справедливо, такъ какъ, «если-бы кто нибудь пожелалъ, чтобы всѣ діалекты были одинаково усовершенствованы, то это значило-бы, что всѣ они одинаково несовершенны, и взамѣнъ ихъ получилъ бы господство какой либо чужой языкъ». «Нѣтъ ни одного литературнаго языка, — продолжаетъ Лучкай, — тождественнаго съ простонароднымъ, потому что это могло бы произойти только въ томъ случаѣ, если бы поселянину были уже врождены тѣ идеи и понятія, которыя образованный человѣкъ пріобрѣтаетъ путемъ ученія и чтенія». Языкомъ міровой литературы и науки, по мнѣнію Лучкая, является языкъ латинскій, а потому онъ съ грустью смотритъ на то, что за послѣднее время его начинаютъ вытѣснять частные языки, какъ французскій, нѣмецкій, итальянскій и др. Общимъ литературнымъ языкомъ для славянъ является церковно-славянскій языкъ («старо-славянскій»), но, къ сожалѣнію, «Славяне болѣзненно стремились и стремятся уподобить свою литературную рѣчь рѣчи народной», полагая, что тѣмъ самымъ языкъ литературы будетъ болѣе понятнымъ для широкаго круга лицъ и болѣе легкимъ для изученія. «Но вѣдь тотъ кто хочетъ владѣть литературнымъ языкомъ, долженъ же изучить его грамматику, а безграмотному такъ же трудно усвоить себѣ болѣе усовершенствованный слогъ, какъ и научиться старо-славянскому языку». И, предчувствуя языковый сепаратизмъ у славянъ, онъ говоритъ: «боюсь, какъ бы такое разъединеніе не привело къ тому, что многіе изъ діалектовъ исчезнутъ, поглощенные чужими языками». Говоря о карпаторусскомъ діалектѣ, Лучкай указываетъ, что спеціальной грамматики его не существуетъ, да въ ней и нѣтъ «особой нужды», такъ какъ онъ ближе всего стоитъ къ языку «старо-славянскому». И вотъ, указывая цѣль своей грамматики, Лучкай говоритъ, что «карпаторусскія формы я присоединилъ для того, чтобы было нагляднѣе, насколько отступилъ этотъ языкъ отъ своей матери». Такимъ образомъ цѣлью грамматики Лучкая являлось облегчить карпатороссамъ усвоеніе «старо-славянскаго» (т. е. церковно-славянскаго) литературнаго языка и удержать отъ введенія въ него діалектизмовъ, а кромѣ того

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дать лингвистамъ научное представленіе о карпатороссахъ и ихъ разговорномъ діалектѣ.[1]) Изъ боязни, чтобы кто нибудь не подумалъ, что своей грамматикой онъ хочетъ способствовать возвышенію карпаторусскаго діалекта на степень литературнаго языка, Лучкай неоднократно оговаривается, что языкомъ литературы у славянъ долженъ быть только языкъ Библіи, т. е. церковно-славянскій.

Анализируя самую грамматику, проф. В. А. Погорѣловъ заключаетъ: «Конечно, съ теперешной нашей точки зрѣнія иные факты мы представляли бы нѣсколько иначе, нѣкоторыя объясненія и толкованія Лучкая насъ теперь не могутъ удовлетворить, но въ этомъ большею частью повиненъ не Лучкай, но состояніе науки славянскаго языкознанія въ его время.»

Въ 1831 году въ Будинѣ вышло двѣ книги Лучкая подъ заглавіемъ: «Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное». Съ точки зрѣнія темъ проповѣдей и ихъ содержанія они не представляютъ особой оригинальности. Построены они по правиламъ тогдашняго витійнаго искусства и являются какъ бы модернизированнымъ толковымъ евангеліемъ. Что-же касается слога ихъ, то Е. И. Сабовъ замѣчаетъ, что онъ находился «подъ троякимъ вліяніемъ, т. е. формы церковно-славянскаго, литературнаго и мѣстнаго русскаго языка въ немъ смѣшаны и подверглись вліянію греческо-латинской синтактики.» Другими словами языкъ проповѣдей противорѣчитъ принципамъ о литературномъ языкѣ, высказаннымъ Лучкаемъ въ его грамматикѣ. Дѣло-же объясняется тѣмъ, что, составляя грамматику «старославянскаго» языка, Лучкай допустилъ въ него и рядъ русскихъ формъ, а кромѣ того и самый «старо-славянскій» языкъ въ пониманіи Лучкая, по справедливому замѣчанію В. А. Погорѣлова, «безъ вѣдома и безъ желанія Лучкая являлся скорѣе русскимъ, чѣмъ церковно-славянскимъ.» Лучкай допускалъ жизнь и развитіе языка литературы, но былъ противникомъ діалектическихъ его дѣленій. Что-же касается греческихъ и латинскихъ конструкцій, то упрекъ въ отношеніи ихъ слѣдуетъ, во первыхъ, смягчить, во вторыхъ — отнести къ недостатку всѣхъ писателей этого періода, воспитанныхъ въ чуждой школѣ.

Важнѣйшимъ трудомъ Лучкая является его пятитомная «Historia Carpato-Ruthenorum» («Исторія Карпато-Россовъ»). Если Базиловичъ ограничилъ свой историческій трудъ свѣдѣніями о Мукачевскомъ монастырѣ и только случайно ка-

---

[1]) До самаго послѣдняго времени о грамматикѣ Лучкая были самыя ложныя представленія и цѣль ея не была понята. И. Срезневскій и П. Шафарикъ упрекали Лучкая въ смѣшеніи церковно-славянскаго языка съ діалектомъ, т. е. именно въ томъ, чего опасался самъ Лучкай. В. Бирчакъ и Ю. Ревай увѣряютъ, что Лучкай «хотѣв дати грамматику мовы», а именно «русько-украинскоѣ», т. е. то, что Лучкай считалъ совершенно излишнимъ. Болѣе подробно объ этомъ см. въ указанной выше статьѣ В. А. Погорѣлова.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

сался общей исторіи карпатороссовъ, то Лучкай поставилъ своей цѣлью систематически изложить исторію своего народа. Имъ было собрано огромное количество документовъ, сдѣланы выписки, касающіяся карпатороссовъ, изъ историческихъ документовъ сосѣднихъ народовъ и сдѣлана попытка осознанія политической, церковной и національной жизни русскаго народа за Карпатами. Незначительныя отрывки изъ этого колоссальнаго труда были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ; многими документами изъ него воспользовался впослѣдствіи І. Дулишковичъ въ своей работѣ «Историческія черты Угро-русскихъ», но въ цѣломъ видѣ онъ и понынѣ и не опубликованъ и не изслѣдованъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ научно-историческомъ отношеніи онъ устарѣлъ, но и его публикація и его изслѣдованіе и въ настоящее время представляютъ прямую задачу историіографовъ и историковъ литературы.

Патріотическій интересъ къ родной исторіи, проявившійся у Базиловича въ первую половину XVIII вѣка, пріобрѣтаетъ болѣе широкій и научный уклонъ. Къ этому времени относится дѣятельность двухъ выдающихся ученыхъ, одновременно и лингвистовъ и историковъ — Ивана Фогарашія и Михаила Лучкая. Поскольку интересъ къ историческому прошлому у каждаго изъ нихъ могъ возникнуть въ связи съ вѣяніемъ эпохи и пробужденіемъ національнаго чувства въ Европѣ вообще, постольку ихъ интересъ къ изученію роднаго діалекта былъ вліяніемъ не только одного источника, но и одного и того-же лица. Въ это время въ Вѣнѣ, гдѣ проживали нѣкоторое время и Фогарашій и Лучкай, состоитъ въ качествѣ цензора славянскихъ книгъ знаменитый лингвистъ В. Копитаръ, который одновременно читалъ и лекціи по языковѣдѣнію. Въ это время славянское студенчество въ Вѣнѣ подъ вліяніемъ лекцій В. Копитара, который особое вниманіе обращалъ на славянскіе языки и на исторію научнаго языкознанія у славянъ, организуются кружки для изученія родного языка. Въ частности, однимъ изъ такихъ центровъ оказывается Barbareum, гдѣ въ это время состоялъ на службѣ Фогарашій, а въ 1721 г. былъ въ качествѣ студента и Лучкай.

Личность и труды Фогарашія до сихъ поръ еще не получили полной оцѣнки. Это произошло не столько по нерадѣнію изслѣдователей, сколько благодаря роковому и загадачному случаю. Одну изъ важнѣйшихъ своихъ работъ Фогарашій подписалъ псевдонимомъ — «Иванъ Бережанинъ», но вслѣдствіе того, что направленіе научной мысли Фогарашія было во многомъ аналогично съ уклономъ творческой дѣятельности Лучкая, а труды и личность послѣдняго были общеизвѣстны, или вѣрнѣе болѣе популярны въ патріотическомъ мірѣ карпатороссовъ, то оказалось, что первое научное грамматическое изслѣдованіе карпаторусскаго языка и первый историческій трудъ о карпатороссахъ приписывались Лучкаю. Въ дѣйстви-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

тельности-же Лучкай имѣлъ въ этихъ двухъ областяхъ науки вдумчиваго и трудолюбиваго предшественника въ лицѣ Фогарашія. Въ настоящее время, благодаря трудамъ И. Панькевича, загадка «Ивана Бережанина» рѣшена и личность Фогарашія предстаетъ въ новомъ свѣтѣ[1]).

Іоаннъ Фогарашій[2]) родился въ Вел. Комятахъ, близъ Севлюша, въ 1786 году. Гдѣ онъ окончилъ гимназію — неизвѣстно, но богословскія науки проходилъ въ Ужгородѣ, а затѣмъ въ Трнавѣ. Въ 1813 г. Фогарашій былъ назначенъ сначала сотрудникомъ, а затѣмъ приходскимъ священникомъ въ с. Ракосово, а черезъ годъ находимъ его уже ректоромъ богословской семинаріи въ Ужгородѣ; въ томъ-же году, какъ человѣкъ выдающихся способностей, онъ получаетъ назначеніе въ Вѣну въ качествѣ сотрудника при церкви св. Варвары (Barbareum), а съ 1818 г. настоятелемъ прихода. Умеръ И. Фогарашій въ 1834 г.

По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ о Фогарашіи, можно съ убѣжденіемъ сказать, что это былъ человѣкъ высокаго ума и стойкій патріотъ. Вѣнскій приходъ св. Варвары фактически относился къ львовской митрополіи, но Фогарашій, оставивъ свою родную землю, идейно до самой смерти былъ въ тѣсной связи съ нею, а въ частности и всѣ его литературные труды

---

[1]) «Иванъ Бережанинъ» до сихъ поръ трактовался или какъ особое лицо (В. Бирчакъ, Я. Махалъ), или отождествлялся то съ Фогарашіемъ, то съ Лучкаемъ безъ особыхъ къ тому обоснованій (Д. Н. Вергунъ, Фр. Тихій). Такъ какъ Бережанинъ обнаруживалъ большую эрудицію въ области языкознанія и упоминалъ о своей топографическо-исторической работѣ о карпатороссахъ, естественно, что его имя почиталось псевдонимомъ, ибо въ противномъ случаѣ было-бы невѣроятнымъ, чтобы о столь ученомъ человѣкѣ наука не сохранила свѣдѣній. Фр. Тихій, познакомившись съ грамматикой угорскаго (мадьярскаго) языка Фогарашія, высказалъ мнѣніе о тождественности Бережанина и Фогарашія. Однако, вскорѣ онъ отказался отъ своего мнѣнія въ пользу Лучкая, исключительно по соображеніямъ внѣшнихъ совпаденій. И. Панькевичъ впервые обратился къ сравнительному изученію лингвистическихъ взглядовъ Бережанина, съ одной стороны, и Фогарашія и Лучкая съ другой, и пришелъ къ выводу, что взгляды на карпаторусское нарѣчіе Бережанина ближе къ утвержденіямъ Фогарашія, нежели Лучкая. Впрочемъ, разница эта не столь существенна, чтобы на основаніи ея можно было-бы сдѣлать окончательное рѣшеніе. Тождество Бережанина и Фогарашія И. Панькевичу удалось безошибочно установить только благодаря палеографическому анализу письма Бережанина и почерка Фогарашія. См. Д-ръ Иванъ Панькевичъ: Хто був Іван Бережанин — Михайло Лучкай чи Іван Фогарашій? Науков. Зборникъ Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, т. VII—VIII, 1931, стр. 168—188; тамъ-же указана и библіографія касательно спора.

[2]) П. Полянскій: Церковь и приходъ св. Варвары въ Вѣнѣ, Львовъ, 1891, стр. 94; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 15; Христоматія, стр. 72, и 193; В. Бирчакъ: Литер. стремлѣня, стр. 50—51; Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 74, Ужгородъ, 1930, стр. 24; Василій Гаджега: Іоан Фогарашій, «Подкарпатска Русь», Ужгородъ, 1928, стр. 207—223. Что касается имени Фогарашія, то по мадьярски оно имѣетъ начертаніе Fogarassy, а въ письмѣ герцога Карла онъ именуется „Joannes quippe Feodorovicz de Fogoross".

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ѳтносятся непосредственно къ карпатороссамъ. Самый приходъ обслуживалъ духовные интересы греко-католиковъ, проживающихъ въ Вѣнѣ, а въ частности галицкихъ и угро-русскихъ солдатъ и студентовъ. При церкви имѣлось небольшое общежитіе для греко-католическихъ студентовъ, а въ 1821 г. тамъ проживалъ и М. Лучкай. Такъ какъ и предшественникъ Фогарашія — Д-ръ І. Снѣгурскій, впослѣдствіи епископъ Перемышльскій, отличался любовью къ наукамъ, то неудивительно, что въ средѣ студенчества Barbareum-a процвѣтала кружковщина, а въ частности былъ кружокъ лингвистовъ, восхищенныхъ лекціями Копитара. Склонный къ научнымъ занятіямъ, Фогарашій несомнѣнно увлекался научными собраніями своихъ питомцевъ и, по всей вѣроятности, и самъ посѣщалъ лекціи знаменитаго лингвиста, которыя не были связаны опредѣленнымъ учебнымъ планомъ, происходили частнымъ порядкомъ и у слушателей-славянъ возбуждали къ прошлому языка, а затѣмъ и къ національному прошлому, самый живой интересъ. Фогарашій зналъ о томъ, что въ первую четверть XIX в. въ Россію выѣхало немало соотечественниковъ и тамъ не только заняли выдающіяся мѣста въ университетахъ, но и знакомили россіянъ съ ихъ забытыми братьями. Между прочимъ одинъ изъ карпатороссовъ-переселенцевъ И. С. Орлай въ 1804 г. опубликовалъ статью подъ заглавіемъ — «Краткая исторія о Карпато-Россахъ», гдѣ высказался въ томъ смыслѣ, что карпатороссы сохранили «языкъ русскій съ такимъ нарѣчіемъ, которое гораздо чище кіевскаго». Эта статья, какъ увидимъ, сдѣлалась извѣстной на Угорской Руси, вызвала живые отклики, а въ частности въ 1827 г. Орлай получилъ отъ одного изъ своихъ соотечественниковъ обширное письмо, датированное въ Вѣнѣ, подписанное псевдонимомъ — «Иванъ Бережанинъ», гдѣ предлагалась вниманію Орлая часть болѣе обширнаго сочиненія — подъ заглавіемъ: «Въобще о розличіи славянских нарѣчій, собственно же о мало й карпато или Угрорусскихъ»[1]).

Основная мысль письма-статьи такова.

Все на свѣтѣ подвержено смѣнѣ, а въ томъ числѣ и жизнь языка. За послѣднее время намѣчается дѣленіе славянскаго языка на рядъ нарѣчій. Изучать свое нарѣчіе и его законы — обязанность каждаго славянскаго племени, однако возвоздить свое нарѣчіе на степень литературнаго языка народъ не долженъ, а тѣмъ болѣе племена русскаго народа должны остерегаться этого, такъ какъ у нихъ есть русскій литературный языкъ — «того славянскаго народа бесѣда, или нарѣчіе паче инныхъ совершеннѣйшим, лучшим и наряднѣйшим и церковному яко корени и основанію своему сходнѣйшим ска-

[1]) И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1906, кн. I., стр. 46—56; общая библіографія по этому вопросу у Ю. А. Яворскаго: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [55]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

зати можно, его же бесѣда въ церкви или благопочитаніи, в гражданском и воинском правительствѣ, въ преподаваніи наук въ общих училищах народных въ употребленіи, слѣдовательно: его-же языкъ дипломатическій есть». Далѣе авторъ переходитъ къ особенностямъ карпаторусскаго нарѣчія, указываетъ, что оно является «по большей части смѣсью мало-русскаго и церковнаго языков» и о томъ, что на этомъ нарѣчіи говоритъ — «простой или неукій народъ», «зане якъ въ мало такъ и въ Угро-россіи учена и просвѣщенна его часть, юже чин духовный, благородны земляне (немеши), дяки и учители составляетъ, пишетъ и говоритъ чистым старинным славянским или русским языком, такъ совершенно и чисто, как и сами великороссіяне»[1]). Составлять грамматики нарѣчій — это значитъ только содѣйствовать раздѣленію, вѣдь «русскіе народы взаим себе еще менѣе, как днесь разумѣют, пишут же яко глаголюще ниже русски, ниже славянски, но французско-англиски, нѣмецко-китайски, татаро-козатски, польско- и угорско-цыгански».

Иванъ Бережанинъ указываетъ далѣе на 9 отличій великорусскаго нарѣчія отъ малорусскаго и особенности родного ему карпаторусскаго діалекта.

Какъ видимъ, это не была грамматика въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, т. е. предназначенная для школъ или для нововведеній въ литературный языкъ, но сравнительный экскурсъ въ область русской и славянской діалектологіи для своего времени въ достаточной мѣрѣ обоснованный. Авторъ его, какъ теперь установлено — Иванъ Фогарашій, дѣлаетъ ссылки на цѣлый рядъ славяновѣдовъ — лингвистовъ (Богоричъ, Бальбинъ, Линде, Добровскій, Шафарикъ, Геркель), будучи, фактически, диллентантомъ, прекрасно усваиваетъ спеціальную терминологію, а, будучи патріотомъ, заботится о томъ, чтобы русскіе не впадали въ выработкѣ своего общаго литературнаго — «дипломатическаго» — языка въ заблужденіе и не увлекались діалектизмами.

Въ своемъ письмѣ Бережанинъ-Фогарашій упоминаетъ о своемъ обширномъ «Историческо-Топографическомъ Карпато или Угро-россіанъ описаніи», но, къ сожалѣнію, объ этомъ трудѣ до сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ для полной характеристики Фогарашія самое существованіе его слѣдуетъ имѣть ввиду.

Проживая въ Вѣнѣ, Фогарашій замѣтилъ, что большинство русскихъ, какъ изъ Угорской Руси, такъ и изъ Галиціи, было военное. Солдаты греко-каѳолики посѣщали и церковь прихода св. Варвары. Для этихъ русскихъ въ 1831 г. Фогарашій составилъ и издалъ «Молітвеннік, содержащій благо-

---

[1]) Самъ авторъ письма, считая ъ, какъ и Лучкай, излишней буквой, въ дѣйствительности не всегда отъ нея отказывается, пишетъ ее въ нѣкоторыхъ словахъ, или по привычкѣ или, возможно, имѣя ввиду адресата, И. С. Орлая, не посвященнаго въ его научныя идеи.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

потребныя моленїя... ко стану и званїю благовѣрных Славено-руских или греко-каѳолїческїх австрїйской армѣи воїнов приспособленныя»[1]).

Въ томъ-же 1831 году въ протоколѣ засѣданія ужгородской консисторіи читаемъ, что М. Лучкай, возвратившійся изъ Вѣны, передаетъ для цензуры праздничныя пѣснопѣнія («cantiones festivales») И. Фогарашія. Цензоромъ былъ назначенъ каноникъ Ѳеодоръ Чопей. Однако, о дальнѣйшей судьбѣ рукописи ничего не извѣстно.

Въ 1833 году И. Фогарашій выпускаетъ книжку: «Руськоугорска їлї мадярска Граматїка. Для скораго и легкаго языка обученія...»[2]). Какъ указываетъ авторъ въ предисловіи — это былъ «маловажный, но в родѣ и видѣ своем первый ревности и долговременнаго труда... плодъ». «Граммат їка» эта написана на русскомъ языкѣ, который, по правильному опредѣленію К. И. Стрипскаго, «отличается славяно-русскимъ словаремъ, русской, въ общемъ, морфологіей и для Фогарашія только характернымъ правописаніемъ». Особенности этого правописанія заключаются въ томъ, что Фогарашій, какъ и Лучкай, исключалъ *ъ*, какъ мертвую букву, признавая ее только въ предлогахъ и внутри слова; *и* писалъ только въ концѣ или началѣ слова (изданіе, Высокости); «и» въ качествѣ соединительнаго союза, какъ *й*; въ прочихъ случаяхъ пользовался *ї* (кнїгохранїлїсче); вмѣсто *щ* пользовался *сч* (посвясчу, счїрый).

Сравнительно съ письмомъ 1827 г. («Ивана Бережанина»), и въ молитвинникѣ и въ грамматикѣ находимъ значительно большее количество орфографическихъ нововведеній, но все это относится не къ уклону въ діалектъ и даже не къ языку, а только къ внѣшнему факту правописанія, конечно, на основаніи особыхъ, чисто научныхъ соображеній. Въ письмѣ 1827 г. Бережанинъ-Фогарашій писалъ, что «угорскій язык по большей части съ русским имен и слов состоит и сплетен есть», а потому онъ и легокъ для изученія русскимъ. Эта-же мысль проходитъ и черезъ всю его грамматику, гдѣ онъ все время дѣлаетъ сопоставленія мадьярскихъ словъ съ русскими, показывая зависимость мадьярскаго языка отъ русскаго.

Это мнѣніе, очевидно, вызвало замѣчанія со стороны мадьярскихъ ученыхъ, и вотъ, желая высказаться до конца по этому поводу, въ томъ-же 1833 г. Фогарашій выпустилъ спеціальную работу, написанную по латыни, подъ заглавіемъ: «Origo et formatio Linguae Ugoricae-Ungaricae, rectius Magyaricae, lictae Historicae, Philo — et Ethimologicae»[3]). Это былъ

[1]) І. Ф. гр. оун. парох въ Вїеннѣ. Тїснен во Боудїнѣ, 1831.

[2]) «...Orosz magyar gramatika. Rutheno Ungarica grammatica. Для скораго и легкаго языка обученїя. Сложена й тїснена у Вїдню-Вїеннѣ. Року ⱥ҃ѱⱥ҃ѓ. Тупом Арменскїх Отец. 1833».

[3]) „...deducta Viennae. Anno 1833. Typis Congregationis Mechitaristicae.“

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ученый трактатъ, излагаемый весьма прямолинейно на тему о происхожденіи и формаціи мадьярскаго языка съ точки зрѣнія исторической, этимологической и филологической, конечно, въ отношеніи къ языку русскому. Подробно излагать мнѣнія Фогарашія на мадьярскій языкъ мы не будемъ, такъ какъ это вопросъ спеціальный, но отмѣтимъ, что эта диссертація была встрѣчена мадьярской прессой не только неодобрительно, но и просто съ возмущеніемъ. Высказывалось мнѣніе, что авторъ ея распространяетъ вообще еретическіе взгляды, а этого было уже достаточно для того, чтобы ужгородская консисторія заволновалась, какъ-бы гнѣвъ, направленный на ея бывшаго члена, не обрушился на нее и на карпаторроссовъ вообще. Въ засѣданіи консисторіи отъ 29 XI 1833 г. было рѣшено, въ цѣляхъ того, чтобы отъ взглядовъ, высказанныхъ Фогарашіемъ, не пострадалъ бѣдный карпаторусскій народъ, и безъ того мучимый эпидеміей холеры, высказаться по сему поводу, и одновременно былъ составленъ въ спѣшномъ порядкѣ и самый текстъ путаннаго, мало говорящаго по существу, но категорическаго заявленія. Въ немъ указывалось, что де «со способомъ мышленія автора (т. е. Фогарашія) ни св. Консисторія, ни подчиненные ей вѣрующіе русскаго языка» не согласны; далѣе подчеркивалось, что «въ сей уніатской епархіи метрическія книги у ж е пишутся по мадьярски и отъ пѣвцовъ и сельскихъ учителей требуется знаніе мадьярскаго языка и обученіе мадьярскому языку въ сельскихъ школахъ»[1]).

Изъ всего этого достаточно очевидно, что и самая грамматика и послѣдующее дополненіе ея были отнюдь не трафаретнымъ учебникомъ, но совершенно оригинальнымъ, а съ національной точки зрѣнія и просто революціоннымъ выступленіемъ.

Въ 1830 г. Фогарашій написалъ по латыни краткую исторію проникновенія «восточно-славянскаго обряда или Русской церкви» въ княжество Лукка въ Италіи, но эта работа была напечатана уже послѣ его смерти[2]).

Оцѣнивая творчество М. Лучкая и И. Фогарашія, слѣдуетъ обратить вниманіе на аналогію ихъ національно-идеологическихъ уклоновъ съ тѣмъ, что непосредственно передъ тѣмъ обозначилось и на востокѣ, у державнаго русскаго народа.

---

[1]) Постановленія ужгородской консисторіи приведены у В. Гаджеги въ его статьѣ «Іоан Фогарашій», стр. 223, примѣчанія [44]) и [45]). В. Гаджега, однако не различаетъ грамматики отъ послѣдующей диссертаціи, полагая, что консисторія высказалась противъ первой. Въ дѣйствительности это были два различныхъ изданія и въ заблужденіе вводилъ только одинъ и тотъ-же (1833) годъ ихъ печатанія. Заявленіе консисторіи было напечатано въ мадьярскихъ газетахъ — „Jelenkor“ (Pest, 11. XII. 1833) и „Hazai és külföldi Tudósitások“.

[2]) „Inductio Slavo-orientalis ritus, seu Ruthene Ecclesiae in ducatu Luccensi in Italia“ Напечатано въ статьѣ Ярослава Городинського: Основаня гр. кат. церкви въ княжествi Люкка, Записки Наук. Т-ва Шевченка, т. CXXV, Львовъ, 1918, стр. 78—79.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

М. В. Ломоносовъ и Н. М. Карамзинъ послѣдовательно изучали русское прошлое, въ широкомъ смыслѣ слова, и смотрѣли на него съ точки зрѣнія не только сухого матеріала, но и съ огромнымъ патріотическимъ вдохновеніемъ. Тѣмъ-же глубокимъ патріотическимъ чувствомъ проникнуты и историческіе труды Фогарашія-Бережанина и Лучкая, какъ-бы являющіеся откликомъ на пробужденіе востока.

И Ломоносовъ и Карамзинъ приняли дѣятельное участіе въ оформленіи новаго русскаго литературнаго языка, развившагося органически изъ языка церковно-славянскаго (теорія трехъ стилей), какъ основанія новой литературной рѣчи, созидаемой трудами племенъ и столѣтій. Ту-же идею находимъ послѣдовательно и на крайнемъ западѣ русскаго разселенія, у карпатороссовъ, у Фогарашія, Бережанина тожъ, и Лучкая, которые также русскимъ литературнымъ («дипломатическимъ») языкомъ называли «древне-славянскій», «библейскій» языкъ въ его органическомъ развитіи и протестовали противъ отрыва отъ него въ сторону неисчислимыхъ діалектовъ[1]).

Что-же касается нѣкоторыхъ нововведеній обоихъ авторовъ, главнымъ образомъ въ орфографіи, то они расчитаны были не на уклонъ въ діалектъ, а являлись научной попыткой реформы въ отношеніи общаго, еще оформляющагося, русскаго языка письменности. Иной вопросъ — поскольку ихъ предложенія были удачны. Во всякомъ случаѣ оба реформатора стремились быть во всеоружіи знаній, не только изучали труды предшествующихъ и современныхъ имъ лингвистовъ, а въ частности Добровскаго («Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris», 1822), но и критически относились къ нимъ, внося исправленія и дополненія. Нечего и говорить, что научная работа этихъ карпаторусскихъ языковѣдовъ ничего общаго не имѣетъ съ позднѣйшими языковыми экспериментами въ школьныхъ учебникахъ (съ 80-хъ годовъ XIX ст.), производимыми изъ доводовъ оппортунизма или искусственно привнесенными извнѣ.

Въ этомъ смыслѣ любопытно отмѣтить еще одного писателя этого времени, пароха и намѣстника севлюшскаго Александра Мигалича, издавшаго въ 1847 году сборникъ — «Лѣствица къ блаженному животу или наука спаси-

---

[1]) В. Бирчакъ этотъ сложный и глубокаго національнаго такта процессъ трактуетъ совершенно превратно. По его мнѣнію «Москалѣ (Русскѣ), Украинцѣ (Русины), Сербы, Болгары кидаютъ церковнославянщину будьто вже при кôнци XVIII вѣку, будьто з початком XIX и стаютъ писати своею народною мовою». Въ томъ-то и дѣло, что ни одинъ изъ перечисленныхъ г. Бирчакомъ народовъ не кинулъ церковнославянщины, но исходилъ изъ нея, и не къ народнымъ говорамъ, а къ новому общенаціональному языковому организму. Противъ «церковнославянщины», но уже въ XIX вѣкѣ, возсталъ украинскій литературный языкъ и закончилъ путь своего развитія по предвидѣнію Лучкая: малорусскій діалектъ въ немъ былъ поглощенъ чужимъ (польскимъ) языкомъ. Ср. стр. VII—VIII «Грамматики» Лучкая...

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

тельная на свята всего лѣта». Въ предисловіи авторъ указываетъ, что онъ «отъ многихъ лѣтъ искусивше самъ: коль тяжко, и трудно есть Пастыремъ душевнымъ со приличнымъ поученіемъ без' казательныхъ, найпачеже во странахъ нашихъ мало находящихся рускихъ книгъ приготовитися». Съ этой цѣлью онъ и составилъ 28 проповѣдей на всѣ праздники года и каждую проповѣдь раздѣлилъ на 3 части. Въ началѣ — вступленіи — онъ обращается къ слушателямъ съ вопросами, касательно вѣры и морали, призываетъ ихъ призадуматься и дать отвѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ «часть первая», гдѣ излагается евангельское событіе, относящееся ко дню праздника и — «часть вторая», гдѣ дается поученіе и отвѣтъ на вопросы, поставленные во введеніи.

Стиль проповѣдей легокъ, изобилуетъ обращеніями къ слушателямъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе — «точію да читатель скоро научитися, слышатель о истинѣ написанныхъ легко оувѣритися можетъ». Книга, конечно, была расчитана на простонародную паству, но тѣмъ не менѣе Мигаличъ не обратился къ діалекту, но писалъ на типичномъ славяно-русскомъ языкѣ, который въ проповѣднической литературѣ живъ еще и въ наши дни. Отмѣтивъ, что «до сего дне сами между собою писателіе Грамматикъ согласитися не могутъ», Мигаличъ фактически прекрасно по своему времени и условіямъ овладѣлъ именно грамматической рѣчью и вполнѣ осмысленно употреблялъ «Грамматическая склоненія словесъ во многихъ діалекту простому противная», понимая, что въ иномъ случаѣ книга приняла-бы слишкомъ мѣстный характеръ, а не общецерковный — «рускій».

И сдѣлалъ онъ это изъ тѣхъ соображеній, что самъ проповѣдникъ всегда съ людьми «паствѣ врученными» проживаетъ: «вѣси, говоритъ онъ, потребы оныхъ реченія, оудобно возможеши тако, яко тебѣ мнѣтися будетъ, ко понятію ихъ полезнѣе, и спасительнѣе повѣствовати».

Такимъ образомъ, то что высказано было въ предисловіи «Грамматики» Лучкая научно, то Мигаличъ инстинктивно осуществилъ въ своей книгѣ, «для наставленія Спасительнаго найпаче простыхъ людей сложенну», т. е. рѣзко отличилъ рѣчь литературы отъ возможности діалектическихъ изустныхъ толкованій.

7. Латинско-мадьярскій періодъ: денаціонализація интеллигенціи и національный протестъ. Эмиграція въ Россію. И. С. Орлай. М. А. Балудянскій. П. Д. Лодій. В. Г. Кукольникъ. Ю. И. Венелинъ-Гуца и др.

Если сравнить труды писателей той эпохи, которую мы назвали латинско-мадьярской, съ литературнымъ творчествомъ предшествующаго періода, то уже съ чисто формальной стороны окажется огромная разница. Во первыхъ, лите-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ратура отъ національной защиты доводами традиціи и сердца переходитъ къ національному утвержденію на основаніи научныхъ данныхъ этнографіи, топографіи, исторіи политической, соціальной, національной и церковной, лингвистики и сравнительнаго языковѣдѣнія, какъ ея особой отрасли. Во вторыхъ, впервые выступаетъ самодовлѣющая личность писателя и ученаго, который желаетъ смутное — звѣриное — чувство національно-религіозной принадлежности массы узаконить доводами критическаго ума во всеоружіи научныхъ знаній. Въ третьихъ, литература этого времени только случайно пополняетъ творенія на русскомъ языкѣ, но главныя свои силы сосредоточиваетъ на доказательствѣ міру національныхъ и культурно-религіозныхъ правъ своего народа. Отсюда и необходимость писать на латинскомъ, а впослѣдствіи на мадьярскомъ языкѣ. Однако, если латынь была въ бытv мертвымъ языкомъ и только средствомъ мірового научнаго общенія, то мадьярскій языкъ угрожалъ русской національности. Онъ посредствомъ школы и службы денаціонализировалъ интеллигенцію, а при исполненіи внутригосударственныхъ гражданскихъ обязанностей проникалъ и въ языкъ массы. Кромѣ того, какъ мы видѣли, и сама интеллигенція, возгордившись перемѣной своего соціальнаго положенія, начала на родной языкъ смотрѣть, какъ на «подлый» и стремилась «мондокати» тамъ, гдѣ этого и вовсе не требовалось, а въ частности и въ народныхъ школахъ, гдѣ было особое затрудненіе въ томъ отношеніи, что учителю приходилось свои чужеязычныя знанія, при отсутствіи спеціальныхъ пособій, кое-какъ перетаскивать на народію «народнаго языка». Отсюда вполнѣ естественно волненіе Андрея Бачинскаго за судьбы священства и церковныхъ школъ и его категорическое требованіе изученія русскаго языка. Отсюда и понятно обращеніе наиболѣе сознательныхъ карпаторосовъ къ вопросамъ о языкѣ и взаимоотношеніяхъ родного нарѣчія и русскаго литературнаго языка.

Всѣ писатели, которые трудились на родной почвѣ въ это время, были лицами духовнаго званія, т. е. предназначенными дѣйствовать въ кругу интересовъ карпаторусскаго народа и на его родномъ языкѣ. Но просвѣщеніе одновременно открыло доступъ карпатороссамъ и вообще на интеллигентскія мѣста въ государствѣ, а въ частности на профессорскія — въ среднія и высшія школы. Здѣсь, конечно, карпатороссы были совершенно оторваны отъ національнаго дѣла, и русскимъ языкомъ пользоваться имъ не приходилось. Многіе съ этимъ положеніемъ примирялись, но многіе и чувствовали, что приходится во имя интеллигентскаго труда жертвовать своей національностью и незамѣтно обращаться въ мадьяръ. Поскольку-же высшая школа на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ, по причинамъ указаннымъ выше, была склонна къ національной идеологіи. карпаторусская интеллигенція съ денаціонализаціей примириться не могла: лица духовнаго званія остаются

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

съ народомъ, лица свѣтскихъ профессій начинаютъ искать исхода, который въ результатѣ и былъ найденъ. Въ 1809 году по личному почину уѣзжаетъ въ Россію И. С. Орлай. Его труды и способности были замѣчены русскимъ правительствомъ и по его вызову отправляются въ новое отечество М. А. Балудянскій и П. Д. Лодій. Такъ какъ и эти два лица сразу-же заняли выдающееся положеніе, то уходъ въ Россію принялъ массовой характеръ и періодически продолжался въ теченіи всего XIX вѣка. Насколько было высоко мнѣніе русскихъ ученыхъ и правительственныхъ круговъ о карпаторосcахъ, прибывшихъ въ Россію, свидѣтельствуетъ отношеніе министра народнаго просвѣщенія кн. Голицина къ императору Николаю I. Когда былъ открытъ Казанскій университетъ и возникъ вопросъ о замѣщеніи кафедръ, кн. Голицынъ подалъ нижеслѣдующую докладную записку: «Для замѣщеніи кафедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи. Одинъ народъ, отъ котораго намъ можно желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ... Намъ извѣстно, что правительство австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ карпатороссовъ съ нами... Одинъ, слѣдовательно, остается для сего способъ — непосредственное сношеніе правительствъ. По сему пріемлю смѣлость испрашивать, не благоугодно-ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы министерство наше иностранныхъ дѣлъ вошло въ сношенія съ австрійскимъ правительствомъ для пріобрѣтенія ученыхъ изъ карпато-россовъ къ занятію въ Казанскомъ Университетѣ праздныхъ кафедръ.»[1])

Этотъ интересъ къ ученымъ карпатороссамъ со стороны русскаго правительства далеко не носитъ случайнаго характера; въ первую четверть XIX столѣтія карпатороссы составили цѣлую эпоху въ жизни русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній; достаточно сказать, что во главѣ Петербургскаго университета въ это время стоятъ М. А. Балудянскій и П. Д. Лодій, во главѣ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко — И. С. Орлай и В. Г. Кукольникъ, затѣмъ Орлая видимъ въ качествѣ директора Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ; въ Харьковскомъ университетѣ видную роль играютъ профессора А. И. Дудровичъ, К. П. Павловичъ и М. И. Бѣлевичъ; выдающуюся роль въ дѣлѣ славянскаго освобожденія принимаетъ на себя Ю. И. Венелинъ-Гуца. Одновременно въ Галиціи въ университетѣ во Львовѣ работаютъ Иванъ Земанчикъ и М. Щавницкій. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, эмигрантская волна возобновляется уже въ 70—80 годахъ.

Къ какой культурно-національной исторіи и къ какой литературѣ отнести дѣятельность вышеуказанныхъ карпаторус-

[1]) Сборникъ постановленій по М. Н. Пр., СПБ., т. I, стр. 1357—1358.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ихъ ителлигентовъ? До сихъ поръ въ карпаторусскихъ обозрѣніяхъ они только упоминались, иногда замѣчанія о нихъ относились только въ примѣчаніе съ указаніемъ, что дѣятельность ихъ протекала не на родинѣ, а въ Россіи.

Конечно, ихъ дѣятельность принадлежитъ къ обще-русской культурѣ, но если мы нашли умѣстнымъ выдѣлить въ цѣляхъ систематическаго обозрѣнія областную культуру и литературу карпаторусскую, то умѣстно и необходимо остановиться на русскихъ писателяхъ и ученыхъ, карпатороссахъ по происхожденію, въ рамкахъ областной литературы. Тѣмъ болѣе, что карпатороссы не ѣхали въ Россію, какъ «варварскую» страну въ цѣляхъ наживы, какъ это было со многими нѣмецкими академиками[1]); имъ не приходилось работать въ чужой странѣ и на чужомъ языкѣ — напротивъ, именно карпатороссы играли крупную роль въ развитіи русской научной терминологіи,[2]) — а самое главное, они пріѣзжали въ Россію уже съ законченнымъ образованіемъ и идеологіей, выработанной въ условіяхъ родного края. Дѣятельность карпатороссовъ, выѣхавшихъ въ Россію, наглядно показываетъ, что могли они совершить и чѣмъ могли стать при условіи свободнаго національнаго труда. Ихъ судьба настолько поучительна, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на ней болѣе подробно.

Иванъ Семеновичъ Орлай родился на Подкарпатской Руси въ 1771 году, обучался въ Львовскомъ и Пештскомъ университетахъ, а затѣмъ былъ назначенъ преподавателемъ въ гимназію въ Великомъ Варадинѣ. Въ 1791 году онъ по личному почину отправляется въ С.-Петербургъ и поступаетъ въ Медико-Хирургичное Училище, по окончаніи котораго въ 1793 г. Орлай въ качествѣ русскаго стипендіата оказывается въ Вѣнскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, въ 1797 г. получаетъ дипломъ, возвращается въ Россію, состоитъ помощникомъ ученаго секретаря Медицинской Коллегіи въ С.-Петербургѣ и собираетъ въ Россіи матеріалы касательно медицины, которые коллегія нашла полезнымъ напечатать подъ названіемъ: «Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii.» Въ 1800 г. Орлай состоитъ придворнымъ хирургомъ, въ 1810 г. — придворнымъ медикомъ.

---

[1]) Одновременно съ подлинно ученными людьми въ Академію, а затѣмъ и въ Университеты, прибыло немало и такихъ лицъ, которые занимали мѣста, получали содержаніе, но пользы отъ нихъ для русской науки было мало. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и жалобы Ломоносова на «нѣмецкое засилье». Позже анекдотическую роль культурныхъ работниковъ играли случайные французскіе «куаферы». Во всякомъ случаѣ, тяга въ Россію за наживой и встрѣча въ Россіи иностранцевъ «по платью» — это несомнѣнный фактъ до самаго конца XIX вѣка.

[2]) М. А. Балудянскій принималъ дѣятельное участіе въ установленіи русской юридической терминологіи; П. Д. Лодій — философской; А. С. Орлай — медицинской; В. Г. Кукольникъ — по химіи, агрономіи и политической экономіи.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ 1808 г. назначается ученымъ секретаремъ Медицинской Коллегіи, а одновременно и сотрудничаетъ съ баронетомъ Вилліе по составленію и изданію «Россійской Полевой Фармакопеи» (Pharmacopoea Castrensis Ruthenica). Въ 1806 г. онъ получаетъ званіе магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, а въ 1807 — степень доктора медицины въ Юрьевскомъ университетѣ. За свои научныя работы онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Россійской Императорской Академіи Наукъ, а въ 1815 г. дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1821 г. онъ назначается директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Въ 1826 г. Орлай является директоромъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ и мѣстнымъ цензоромъ. Умеръ Орлай въ 1829 г.

Посвятивъ себя научной и педагогической дѣятельности въ Россіи, И. С. Орлай не забылъ о своихъ братьяхъ — карпатороссахъ. Въ сущности говоря онъ и былъ первымъ, кто далъ болѣе точныя и обширныя свѣдѣнія о русскихъ, проживающихъ въ Закарпатьи. Въ 1804 г. онъ напечаталъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (кн. I и III) статью «Краткая исторія о Карпато-Россахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ съ ними случившихся», которая получила извѣстность и въ Россіи и на Подкарпатской Руси. На нее ссылается Н. М. Карамзинъ въ знаменитой «Исторіи Государства Россійскаго», на нее-же указываетъ въ своей «Правдивой исторіи о Карпато-Россахъ» А. В. Духновичъ, а кромѣ того она уже въ 1827 г. была извѣстна, какъ мы видѣли, Ивану Бережанину-Фогарашію. Въ 1822 г. Орлай даетъ планъ организаціи въ Харьковѣ ученаго общества со спеціальной цѣлью изученія южно-россовъ, а въ своей запискѣ говоритъ также о необходимости заняться судьбами и своихъ юго-западныхъ братьевъ. «Сіи Карпатороссы, удержавшіе и до днесь имя Русскихъ, или русиновъ, древнѣйшее названіе Русскаго народа, какъ сіе видно изъ лѣтописи Нестора и договора Олегова съ греками, равно какъ и изъ Русской Правды Ярослава, гдѣ вмѣсто названія Россіянъ, употребляется имя Русинъ». Онъ подчеркиваетъ, что, несмотря на продолжительную зависимость карпатороссовъ отъ венгерскаго правительства, они сохранили «и до днесь приверженность къ православной греко-каѳолической вѣрѣ» и русскій языкъ «съ такимъ нарѣчіемъ, которое гораздо чище нынѣшняго Кіевскаго».

Въ 1826 г. Орлай напечаталъ и вторую статью, въ которой

---

[1]) Ив. Курбасовъ: Орлай И. С., «Русскій Біографическій Словарь, СБП., 1905, томъ «Обезъяниновъ-Очкинъ», стр. 309—312; И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы, I, стр. 22—83; Н. В. Кукольникъ и Н. Д. Лавровскій: Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей кн. Безбородко, 2-е изд. СПБ., 1881, 189—205, библіогр. объ Орлаѣ — Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья, прим. [60]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

занимается судьбами русскихъ внѣ державной Руси, а именно — «О Юго-Западной Руссіи»[1]). Въ бытность свою цензоромъ въ Одессѣ, Орлай рецензировалъ «Новый универсальный географическій словарь» Макъ-Карти[2]) и при этомъ возмущался весьма слабой освѣдомленностью автора въ дѣлахъ славянъ, а въ частности подробно останавливался на ошибкахъ относительно карпаторроссовъ. Онъ исправляетъ сужденіе Макъ-Карти о томъ, что карпатороссы называются Русняками и пришли изъ Червоной Руси: «это, конечно, онъ пишетъ о Карпаторуссахъ, кои не изъ Червоной Руси, а изъ окресностей Кіева туда переселились вмѣстѣ съ Уграми, а потомъ во время нападеній Литвы на Кіевъ; они составляютъ нынѣ 700.000 жителей, управляемыхъ тремя Епископами, говорятъ чистымъ Русскимъ Кіевскимъ нарѣчіемъ и не мало не находятся въ столь грубомъ невѣжествѣ, какъ полагаетъ Г-нъ писатель; ибо они пользуются всѣми выгодами ученія на равнѣ съ господствующимъ народомъ — Венгерцами и были и бываютъ столь просвѣщенны, что изъ сей многочисленной русской колоніи уже при Петрѣ II-омъ находился въ качествѣ его наставника одинъ изъ Карпато-Россіянъ, именемъ Зейканъ»[3]). Далѣе Орлай указываетъ на Балудянскаго и Кукольника, какъ воспитателей русскихъ великихъ князей и Димитрія Черегу, учителя Іосифа, эрцъ-герцога австрійскаго.

Слѣдуетъ помнить въ дѣятельности Орлая и еще одно событіе. Впервые открывъ для русской науки и общественности подлинный ликъ карпаторроссовъ, онъ оказалъ непосредственное вліяніе на своего воспитанника въ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ наукъ, а впослѣдствіи знаменитаго русскаго писателя — Н. В. Гоголя. Послѣдній впервые въ русской литературѣ заговорилъ о карпатороссахъ («Страшная месть») и съ большимъ вдохновеніемъ и пониманіемъ сущности разсказалъ о религіозно-національной борьбѣ западно-русскихъ («Тарасъ Бульба»). Кромѣ статей и, вѣроятно, воспоминаній о разсказахъ Орлая, у Гоголя и не могло быть матеріаловъ къ познанію подъяремной Руси.

И. С. Орлай писалъ также и латинскіе стихи; въ частности извѣстна его траурная ода на смерть императора Александра I.

Уже изъ краткаго обозрѣнія дѣятельности Орлая мы видимъ, что одновременно, какъ на Подкарпатской Руси, такъ и

---

[1]) См. «Труды и записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», Москва, т. I, стр. 220—228.

[2]) Mac Carthy, Nouveau dictionnaire géographique universelle, Paris, 1824.

[3]) Ант. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о Карпатской Руси, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 47, Ужгородъ, 1928, стр. 1—10; его-же: Карпаторосс Ъ А. И. Зейканъ — наставникъ императора Петра II-го», «Карпаторусскій Сборникъ», Ужгородъ, 1931, стр. 112—122.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ Россіи писались и издавались ученыя сочиненія на латинскомъ языкѣ, такъ что латинскій періодъ карпаторусской литературы отнюдь не противорѣчитъ тому, что происходило подъ вліяніемъ запада и въ русской культурной жизни.

И. С. Орлай, будучи въ Россіи, переписывался съ М. А. Балудянскимъ[1]) и В. Г. Кукольникомъ и, видя широкое и свободное поле дѣятельности, которое Россія могла предоставить карпатороссамъ, приложилъ усилія къ тому, чтобы и оба собрата пріѣхали въ свое національное отечество.

Михаилъ Андреевичъ Балудянскій[2]) родился въ 1769 году въ с. Ольшавѣ, Земплинской столицы, воспитывался въ гимназіи въ Уйгелѣ, философію прошелъ въ Кошицахъ и послѣ окончанія юридическаго факультета въ Вѣнѣ былъ назначенъ въ 1789 году профессоромъ Юридической Академіи въ Вел. Варадинѣ, а въ 1796 г. переведенъ на кафедру политическихъ наукъ въ Будапештскомъ университетѣ. Юридическое дарованіе Балудянскаго было отмѣчено и на родинѣ, но въ 1804 г. онъ не задумываясь уѣзжаетъ въ Россію.

Въ это время Россія переживаетъ пору блестящихъ реформъ, во главѣ которыхъ стоитъ императоръ Александръ I. Въ Санктъ-Петербургѣ учреждается Главный Педагогическій Институтъ, въ Харьковѣ и Казани университеты. Недостатокъ своихъ ученыхъ силъ и симпатіи къ И. С. Орлаю повели къ тому, что на многія кафедры были приглашены карпатороссы.

По пріѣздѣ въ Россію, Балудянскій получаетъ кафедру политической экономіи въ Педагогическомъ Институтѣ. Вскорѣ способности Балудянскаго въ области политическихъ наукъ настолько стали извѣстны, что реформаторы приглашаютъ его принять участіе въ работахъ комиссіи по составленію законовъ. Новосильцевъ, Сперанскій и графъ Гурьевъ, сошедшіе во главѣ работъ, вскорѣ оцѣнили своего сотрудника и въ 1809 г. онъ назначается начальникомъ 4-го отдѣленія комиссіи.

«Можно безошибочно сказать, — говоритъ русскій историкъ, — что всѣ важнѣйшія записки по политиче-

---

[1]) Въ Россіи фамилія Балудянскаго (Balugyanszky) была внесена въ паспортъ механически прочитанная, какъ «Балугьянскій». Владѣлецъ паспорта не протестовалъ, принялъ эту «русскую ошибку» и въ исторіи Россіи онъ извѣстенъ, какъ Балугьянскій. Мы будемъ пользоваться правильнымъ начертаніемъ, вслѣдствіе того, что на Подкарпатской Руси подобная ошибка недопустима, а кромѣ того и самъ Мих. Андр. еще до отъѣзда въ Россію былъ тутъ извѣстенъ и находился въ родствѣ съ цѣлымъ родомъ Балудянскихъ, дѣйствовавшихъ въ области культуры нѣсколько позднѣе.

[2]) П. Барановъ: М. А. Балугьянскій, СПБ., 1882; А. Н. Фатѣевъ: Академическая и государственная дѣятельность М. А. Балугьянскаго (Балудянскаго) въ Россіи, «Карпаторусскій Сборникъ», Ужгородъ, изд. Подк. Народопросвѣт. Союза, Ужгородъ, 1931, стр. 146—208; то-же: изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 76, 1931; его-же: М. А. Балугьянскій, «Юный Другъ», Ужгородъ, 1929, № 3; перечень литературы о Балудянскомъ, см. у Ю. А. Яворскаго: «Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [59]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

скимъ вопросамъ, выходившія изъ этой комиссіи, главнымъ образомъ по финансовымъ вопросамъ и крестьянскому дѣлу, — записки, имѣвшія непосредственное вліяніе на законодательныя мѣропріятія императора Александра I, принадлежали перу Балудянскаго». Съ 1813 г. и по 1817 Балудянскій одновременно состоитъ на должности домашняго учителя великихъ князей Михаила и Николая, впослѣдствіи императора Россіи. Николай I считалъ своего бывшаго учителя незамѣнимымъ сотрудникомъ при кодификаціи законовъ и назначилъ его начальникомъ II отдѣленія. Въ 1816 г. онъ

М. А. Балудянскій.

состоялъ, сохраняя профессорскую кафедру, первымъ деканомъ философско-юридическаго факультета Главнаго Педагогическаго Института, а въ 1819 г., послѣ преобразованія послѣдняго въ С.-Петербургскій Императорскій Университетъ — былъ назначенъ его первымъ ректоромъ.

Занимая столь высокія должности, Балудянскій не былъ придворнымъ, падкимъ на лесть и лавры, не былъ онъ и сухимъ чиновникомъ. «Онъ былъ и остался независимымъ чело-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вѣкомъ, который поставилъ цѣлью своей жизни проникновеніе въ истину и проведеніе ея въ жизнь, во чтобы то ни стало», — говоритъ о немъ А. Н. Фатѣевъ.

Ректорское мѣсто въ Императорскомъ Университетѣ онъ оставилъ самъ, не соглашаясь съ темной реакціей Магницкаго, Уварова и Рунича и защищая безъ вины виноватыхъ профессоровъ.

Умеръ Балудянскій въ 1847 г., какъ россійскій дворянинъ съ гербомъ, на которомъ красовалась римская цифра «XV», начертанная рукою императора, какъ воспоминаніе его работъ по составленію пятнадцати томовъ «Свода Законовъ Россійской Имперіи», въ должности государственнаго секретаря и сенатора.

Любопытно отмѣтить, что, будучи уніатомъ, Балудянскій и не думалъ измѣнять своему вѣроисповѣданію, тѣмъ самымъ подчеркивая тождественность обряда съ православнымъ и уваженіе къ той вѣрѣ, которая вплоть до послѣдняго десятилѣтія передъ войной 1914 года упорно хранила святыню русской національности.

Литературная дѣятельность Балудянскаго была необычайно плодотворна, хотя она представляетъ спеціальную отрасль государственнаго права и почти не опубликована. «Большая часть его труда, — говоритъ А. Н. Фатѣевъ, — проходила подъ покровомъ государственной тайны. Онъ подготавливалъ проэкты законовъ. Ихъ обращали или необращали въ законы, имена которыхъ мы знаемъ. А самые проэкты? Немедленно по использованіи они отправлялись на пыльныя полки архивовъ».

Однако, нельзя полагать, что тѣмъ самымъ забывались труды даровитаго карпаторосса! Въ исторіи науки и русскаго государства Балудянскій оставилъ неисчезающій слѣдъ, воспиталъ не одно поколѣніе государственныхъ дѣятелей и самъ предсталъ въ свѣтѣ исторіи, какъ образецъ неутомимаго труженика, скромности и правдолюбія. Напечатано было только его изслѣдованіе «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ», которое высоко ставилось его учениками.

Въ томъ-же 1804 году пріѣхалъ въ Россію и П. Д. Лодій, уже испытавшій на себѣ реакцію противъ всего русскаго, возглавляемую императоромъ Францемъ I австрійскимъ.

Петръ Димитріевичъ Лодій[1]) родился въ 1764 г. въ Мукачевѣ, обучался сначала въ Вел. Варадинѣ, а затѣмъ въ генеральной семинаріи во Львовѣ. Уже 23-лѣтнимъ юношей и до полученія диплома, ввиду своихъ выдающихся способ-

[1]) Мих. Вознякъ: До характеристики Петра Лодія, «Зап. Наук. Т-ва Шевченка», CXIII, Львовъ, 1913, стр. 148—155; «Русскій Біографическій Словарь» (Лабзина-Ляшенко), СПБ., 1914, стр. 583; О. Огоновскій: Исторія литературы русской, 1889, т. II, 49—52. Подробно литературу о Лодіи см. у Ю. А. Яворскаго: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [57]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

постей, онъ былъ назначенъ въ той-же семинаріи профессоромъ логики, метафизики и нравственной философіи, а съ 1797 г. и математики. Лекціи свои Лодій читалъ частью по-латыни, а частью на славяно-русскомъ языкѣ того времени. Послѣднее, конечно, было не по вкусу правительству, а потому въ 1801 г. онъ былъ удаленъ отъ русскихъ и переведенъ въ краковскій университетъ, гдѣ и оставался до отъѣзда въ Россію. Въ С.-Петербургѣ онъ читалъ въ Педагогическомъ Институтѣ лекціи по теоретической и практической философіи, а послѣ преобразованія его въ университетъ получилъ кафедру общаго права и былъ избранъ первымъ деканомъ юридическаго факультета. Параллельно Лодій читалъ лекціи въ высшемъ Училищѣ Правовѣдѣнія по естественному, публичному и государственному праву, а нѣсколько позже былъ назначенъ инспекторомъ надъ классами О-ва Благородныхъ Дѣвицъ и инспекторомъ Коммерческаго Училища. Умеръ Лодій въ 1829 г.

Литературная дѣятельность Лодія ограничивалась почти исключительно областью философскихъ и политическихъ наукъ. Въ Спб. были изданы его сочиненія: въ 1815 г. — «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различѣнію истиннаго отъ ложнаго», а въ 1827 г. — «Теорія общихъ правъ, содержащая въ себѣ философское ученіе о естественномъ, всеобщемъ и государственномъ правѣ». Въ рукописи сохранились: «Естественное право народовъ» и «Полный курсъ философіи». Видя недостатокъ учебныхъ руководствъ на русскомъ языкѣ, Лодій обратился къ переводной дѣятельности и издалъ: «Наставленія любомудрія» Хр. Баумейстера (Львовъ, 1790), «Естественное право» Цейлера (Спб., 1810).

Въ бытность свою во Львовѣ Лодій выступалъ также и на поприщѣ художественной литературы. Въ этой области извѣстны его стихотворные панегирики: «Ономастиконъ... Николаю Скородынскому» (Львовъ, 1790) и «Ономастиконъ... Антонію Ангеловичу» (Львовъ, 1791). Это — похвальныя оды, построенныя по типическому латинскому образцу, перечисляющія заслуги воспѣваемыхъ лицъ, въ данномъ случаѣ коллегъ Лодія по профессурѣ, съ обиліемъ троповъ, написанныя по русски и дышащія національнымъ патріотизмомъ[1]).

Одновременно съ Балудянскимъ и Лодіемъ прибылъ въ Россію и Василій Григорьевичъ Кукольникъ[2]), родившійся въ 1765 г. близъ Мукачева и обучавшійся въ академіи во Львовѣ. До пріѣзда онъ былъ профессоромъ академіи въ За-

[1]) См. Михайло Возняк: До характристики Петра Лодія, стр. 150- 155.

[2]) Н. В. Кукольникъ и Н. А. Лавровскій: Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко, 2-е изд. СПБ., 1881; А. И. Шверубовичъ: Братья Кукольники, Вильно, 1885.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

мостьѣ, гдѣ читалъ лекціи по физикѣ, естественной исторіи и сельскому хозяйству. Въ это время онъ особенно увлекался агрономіей и издавалъ журналъ «Dziennik Ekonomiczny», а кромѣ того выпустилъ и общій трудъ «Dzieło Ekonomiczne». Хотя Кукольникъ былъ приглашенъ въ Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ на кафедру римскаго права, но фактически лекціи онъ читалъ по технологіи, химіи и агрономіи. Параллельно онъ выступалъ съ публичными лекціями по физикѣ, римскому и русскому праву и читалъ римское право въ новоорганизованномъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Одновременно съ Балудянскимъ онъ состоялъ и домашнимъ преподавателемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ 1816 г. Кукольникъ въ преобразованномъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ занялъ кафедру римскаго и отечественнаго права. Въ 1820 г., по предложенію своего бывшаго воспитанника по институту кн. Безбородко, онъ уѣзжаетъ въ Нѣжинъ и здѣсь организовываетъ Гимназію Высшихъ Наукъ, причемъ первое время в с ѣ предметы преподаетъ самъ! Здѣсь-же у Кукольника начинается болѣзненная меланхолія и онъ внезапно въ 1821 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Какъ и Лодій, Кукольникъ видѣлъ недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ для высшихъ школъ, а потому и выпустилъ цѣлый рядъ трудовъ по вопросамъ права и экономики. Сюда относятся: «Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній» (1805), «Экономическій журналъ» (1807), «Начальныя основанія римскаго гражданскаго права» (1810), «Начальныя основанія сельскаго домоводства» (1810), «Начальныя основанія Россійскаго частнаго гражданскаго права» (1813), «Частное гражданское право» (1815—1816) и «Руководство къ преподаванію римскаго права» (1821). Всѣ эти книги вышли въ С.-Петербургѣ.

Въ 1804 г. былъ открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 1805 г. и сюда были приглашены карпатороссы, какъ ученые, въ достаточной мѣрѣ уже доказавшіе свою работоспособность.

Въ 1806 г. пріѣзжаетъ въ Харьковъ Андрей Ивановичъ Дудровичъ; онъ былъ профессоромъ философіи, а въ 1829/30 г. и ректоромъ Харьковскаго университета. Имъ написаны были слѣдующія работы: «De philosophiae genuino conceptu nec non necessitate ejus absoluta» (1814) и «De studii academici natura» (1814); послѣднее сочиненіе было произнесено, какъ академическая рѣчь.

Одновременно съ нимъ въ Харьковѣ заняли университетскія профессорскія каѳедры Михаилъ Васильевичъ Билевичъ и Константинъ Павловичъ Павловичъ. Два года спустя переселился въ Россію и братъ М. В. Билевича — Иванъ Васильевичъ Билевичъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Не только въ Россіи, но и въ Галиціи карпаторусскіе ученые имѣли значеніе. Мы говорили о П. Д. Лодіѣ, слѣдуетъ упомянуть еще Ивана Земанчика, который былъ въ Львовѣ съ 1789 г. профессоромъ физики и математики.

Совершенно исключительный интересъ представляетъ жизнь и дѣятельность Ю. И. Гуцы-Венелина, въ которомъ сочеталась изумительная любовь къ исторической наукѣ съ поэтическимъ вдохновеніемъ, заражавшимъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и чувства и умы цѣлаго народа — болгарскаго, который и понынѣ славитъ его имя, какъ національнаго возродителя. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему карпатороссъ, такъ страстно стремившійся къ свободѣ національнаго творчества, по пріѣздѣ въ Россію обратился не къ своему русскому народу, а къ болгарамъ и сдѣлался апостоломъ ихъ возрожденія. Однако, въ этомъ ничего случайнаго и непослѣдовательнаго нѣтъ; вѣдь Венелинъ былъ убѣжденъ, что болгары были славянами и «волго-россами» и, возрождая ихъ, онъ полагалъ, что служитъ всему русскому народу. Цѣльность и послѣдовательность Венелина въ его трудахъ можно объяснить особымъ его дарованіемъ, которое, и спустя почти сто лѣтъ со дня смерти молодого ученаго (онъ умеръ 37 лѣтъ), поражаетъ мощностью и вдохновеніемъ. Только пресловутая русская скромность привела къ тому, что имя Венелина недостаточно было популяризовано въ Россіи. Впрочемъ, поставленные имъ вопросы и понынѣ не изжиты Русью и не получили окончательнаго рѣшенія въ наукѣ, и, возможно, что нѣкоторыя его указанія будутъ снова извлечены изъ праха забвенія и получатъ свое историческое оправданіе.

Юрій Ивановичъ Венелинъ, первоначально Юрій Гуца[1]), родился въ селѣ Великая Тибава на Подкарпатской Руси въ 1802 году въ семьѣ священника Гуцы, который скончался въ 1812 г., какъ архидіаконъ въ Синевирѣ. Первоначально Юрій Гуца обучался въ Ужгородской гимназіи, при чемъ обнаружилъ столь блестящія способности, что его убѣдили поступить въ ужгородскую духовную семинарію. Въ 1821 г. онъ обучался философскимъ наукамъ въ Сатмарскомъ лицеѣ, а въ 1822 г. во всеучилищѣ во Львовѣ. Здѣсь, въ Львовѣ. Гуца, числящійся въ качествѣ стипендіата духовной семинаріи, не желая принимать священническій санъ,

[1]) И. Молнаръ: Черты частной и ученой жизни Ю. И. Венелина, предисловіе ко II тому книги Венелина «Древніе и нынѣшніе Словене», Москва, 1844, стр. VII—LXXIX; Д-ръ Юлій Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы), изд. О-ва им. А. Духновича, № 29, Ужгородъ, 1927, стр. 1—41; В. Н. Златарскій: Ю. И. Венелинъ (Гуца) и значението му за българитъ, Софія 1903 (оттискъ изъ «Лѣтописъ на българското книжовно дружество», 1903. т. III); И. Свѣнцицкій: Матеріалы по ист. возр. Карп. Руси, т. I, стр. 84—120; прочая библіографія сочиненій о Ю. И. Венелинѣ указана у Ю. А. Яворскаго: Значеніе и мѣсто Закарпатья..., прим. [61]).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

перемѣнилъ свою фамилію на Венеловичъ-Венелинъ, чтобы окончательно скрыть свое пребываніе. Здѣсь-же впервые обнаруживается страсть Венелина къ исторіи, а затѣмъ и желаніе «поселиться среди самобытнаго народа, къ которому принадлежалъ самъ», т. е. уѣхать въ Россію по слѣдамъ Орлая и Лодія, дѣятельность которыхъ ему была извѣстна. Съ этой цѣлью онъ и отправился въ Сегединъ, чтобы затѣмъ сѣсть на пароходъ въ Трієстѣ и пристать къ русскому берегу въ Одессѣ. Ожидая удобнаго случая осуществить свою мечту, Венелинъ не терялъ даромъ времени и посѣщалъ мѣстную академію.

Ю. И. Венелинъ.

Когда-же въ 1823 г. началась греческая рѣволюція, онъ измѣнилъ свой планъ поѣздки и со своимъ соотечественникомъ И. И. Молнаромъ отправился черезъ Карпаты въ Галицію, дальше въ Хотинъ, а затѣмъ въ Кишеневъ. Генералъ-губернаторъ Инзовъ, архіепископъ Димитрій и ректоръ мѣстной духовной семинаріи приняли молодого энтузіаста радушно и помѣстили его въ семинарію въ качествѣ надзирателя и учителя.

Здѣсь Венелинъ продолжалъ собираніе историческихъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

матеріаловъ, а въ частности познакомился съ болгарскими эмигрантами, разсказы и чувства которыхъ захватили его существо. Въ 1825 г. Венелинъ отправляется въ Москву и, по совѣту И. С. Орлая, своего земляка, занимающаго столь высокіе посты, рѣшилъ поступить на медицинскій факультетъ, а тѣмъ самымъ и посвятить себя «наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ исторія и метафизика». Однако, иначе судила натура Венелина: онъ выдержалъ испытаніе на званіе лѣкаря, но внѣшнее довольство его не привлекало, и онъ предпочелъ быть домашнимъ учителемъ, чтобы весь свой досугъ посвящать исторической наукѣ.

Личность Венелина прекрасно характеризуетъ И. И. Молнаръ.

«Еще въ первыхъ лѣтахъ молодости онъ обнаружилъ пламенную любовь ко всему славянскому и съ увлеченьемъ предавался разысканіямъ по спорнымъ вопросамъ исторической критики. При крѣпкомъ тѣлесномъ сложеніи, онъ отличался и атлетическимъ сложеніемъ духа; мощный умъ, глубина соображеній, возвышающаяся до сильныхъ поэтическихъ восторговъ, рѣдкая способность сосредоточивать всѣ силы духа на одинъ предметъ и отвлекаться отъ всего окружающаго, составляетъ внутреннюю его физіономію. Его трудолюбіе и напряженное размышленіе были удивительны. Онъ чувствовалъ въ себѣ раннее призваніе къ исторіи, и какъ ни старался уклониться отъ сего пути, но внутренній голосъ возвратилъ его къ нему, и возвратилъ навсегда».

Въ 1829 г. вышла первая историческая работа Венелина: «Древніе и нынѣшніе болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи къ Россіянамъ»[1]). Въ ней авторъ стремится доказать, что болгары, нѣкогда жившіе на Волгѣ, являются отнюдь не тюрко-татарскимъ, но первобытнымъ славянскимъ народомъ, а болгарскій языкъ ихъ «составляетъ собственно Волжскую отрасль обширнаго Русскаго языка». Какъ могли болгары, если они были татарскимъ племенемъ, въ теченіи 183 лѣтъ (680—863) не только превратиться въ славянъ, но и стать во главѣ всего славянскаго просвѣщенія? Срокъ слишкомъ короткій для такой перемѣны, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ и значительно болѣе мелкія народныя колоніи, которыя все-же оставили для исторіи свой національный слѣдъ. Для того, чтобы объяснить, почему болгары не могли исчезнуть въ безконечной толчеѣ кочевыхъ народовъ, Венелинъ прибѣгаетъ къ доказательству тождественности гунновъ и болгаръ. Какъ ни гипотетичны основныя утвержденія Венелина, все-же его трудъ обнаруживаетъ огромную начитанность автора, остроуміе и необычайную настойчивость. Эта книга Венелина заинтересовала Академію Наукъ и въ 1830 г. онъ получаетъ научную коман-

[1]) Историко-критическія изысканія Юрія Венелина, т. I, Москва, 1829.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дировку въ Молдавію, Валахію, Болгарію и Румелію съ цѣлью изслѣдованія старинныхъ рукописей. Венелинъ, несмотря на рядъ затрудненій, какъ со стороны самихъ болгаръ, такъ и турокъ, не только исполнилъ свое ученое заданіе, но и сумѣлъ склонить въ свою пользу еще уцѣлѣвшіе слои болгарской интеллигенціи, заставилъ повѣрить ее въ славное прошлое болгарскаго народа и вызвалъ культурно-національное, а затѣмъ и политическое движеніе среди болгаръ, какъ на самой ихъ территоріи, такъ и въ Россіи. По возвращеніи въ Россію Венелинъ передалъ Академіи Наукъ 66 грамотъ и 20 снимковъ, которыя впослѣдствіи были опубликованы подъ заглавіемъ: «Влахо-Болгарскія и Дако-Славянскія грамоты» (Спб., 1840), а кромѣ того предложилъ «Грамматику нынѣшняго болгарскаго языка» и написалъ поощрительную статью: «О зародышѣ новой болгарской литературы» (Москва, 1838). Въ это-же время онъ пишетъ и рядъ другихъ замѣчательныхъ произведеній, а въ томъ числѣ — «Древніе и нынѣшніе Словене» (Москва, 1841), гдѣ останавливается на исторіи словенъ (словинцевъ, «словаковъ»), которыхъ считаетъ особымъ племенемъ паннонскихъ славянъ и которымъ собственно и принадлежитъ наименованіе «sklavi» иностранныхъ авторовъ, а попутно доказываетъ тождественность готовъ и русскихъ и опровергаетъ теорію изобрѣтенія глаголическаго штрифта. Особый интересъ вызвала его книга «Скандинавоманія и ея поклонники» (Москва, 1841), гдѣ онъ выступаетъ противъ норманистовъ и доказываетъ, что подъ варягами слѣдуетъ подразумѣвать померанскихъ (поморскихъ) славянъ. Послѣднее влечетъ его къ изслѣдованію древней исторіи сѣверныхъ славянскихъ и русскихъ земель, результатомъ чего являются сочиненія: «Окружные жители Балтійскаго моря, то есть Летты и Славяне» (Москва, 1857) и «О нашествіи завислянскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ».

Коснулся Венелинъ въ своихъ работахъ и взаимоотношеній между малороссами и великороссами, конечно подъ вліяніемъ, въ то время только начавшагося, украинскаго теченія въ Галиціи и рѣзкаго отпора со стороны русской національной мысли.

Въ своей статьѣ «О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма»[1]), которая является рецензіей на книгу Боплана «Описаніе Украины», авторъ доказываетъ, что всѣ имена — русинъ, русакъ, русскій, россіянинъ и россъ — въ сущности принадлежатъ одному русскому народу. Разница въ томъ, что на сѣверѣ при-

[1]) «О готахъ, объ обрахъ. О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма», Москва, 1846; эта же статья приведена и у И. Свѣнцицкаго: «Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси», Львовъ, т. I, 1906.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нято имя прилагательное («русскій» изъ русь + скій), а наукѣ имя «материменное» (русинъ), корень-же въ нихъ — одинъ. Венелинъ осуждаетъ крайности; онъ отрицательно относится къ тѣмъ сѣверянамъ, которые только потому, что ихъ собратья не говорятъ «па русски», считаютъ ихъ украинцами, хохлами, но не россами. Съ другой стороны, виноваты и тѣ малороссы, которые считаютъ, что подлинная Русь это — югъ, а все прочее — Московщина, гдѣ живутъ москали, кацапы. липоване, но не русскіе. Конечно, спорящіе — въ меньшинствѣ, спорятъ отдѣльныя лица, а народъ чуждъ этому напрасному спору, и разумомъ и чувствомъ стоитъ на точкѣ зрѣнія единой Руси. Голова Руси, по мнѣнію Венелина, находится на сѣверѣ, а сердце — на югѣ, а тѣло національное — едино. Въ статьѣ «Объ украинскомъ правописаніи»[1]) Венелинъ возражаетъ противъ сепаратизма въ правописаніи. Онъ признаетъ, что литературнымъ языкомъ Руси стало одно изъ великорусскихъ нарѣчій, но и въ этомъ языкѣ, разросшемся изъ великорусскаго діалекта и вобравшаго немало прочихъ діалектическихъ словъ, правописаніе осталось общерусское, выработанное еще южанами, ибо все просвѣщеніе русскаго народа шло съ юга. Тутъ-же онъ приводитъ и примѣръ: 32 милліона французовъ признало своимъ общимъ языкомъ для литературы одинъ изъ діалектовъ, — langue d'öil, — на которомъ говоритъ всего 6—7 милліоновъ французовъ.

Вопросъ о южанахъ и сѣверянахъ интересовалъ Венелина и не только ввиду спора крайнихъ направленій, но и по существу; онъ находилъ, что это двѣ вѣтви русскаго народа, какъ двѣ дочери одной матери, уже въ силу природныхъ условій обладали различными и взаимно дополняющими характерами. Эту идею проводитъ онъ въ статьяхъ «О пѣснелюбіи славянъ задунайскихъ»[2]) и «Объ источникѣ народной поэзіи вообще и южно-русской въ особенности»[3]).

Поэтъ и идеологъ единства и мощи русскаго народа, Венелинъ, пришедшій въ Россію изъ Закарпатья, уже оттуда принесшій съ собою русскую и славянскую боль и энергію для борьбы за своихъ собратьевъ, Венелинъ не забылъ и о своемъ родномъ карпаторусскомъ племени. Конечно, всѣ его труды о русскомъ народѣ и славянахъ дѣлаютъ ссылки на русскихъ въ Закарпатьи, но особо Венелинъ далъ историко-информативную статью: «Нѣсколько словъ о Россіянахъ Венгерскихъ и также одно словцо историческое о православной Греко-Восточной Церкви въ Венгріи»[4]). гдѣ доказываетъ, что русскіе пришли за Карпаты вмѣстѣ съ

[1]) Напечатана у Свѣнцицкаго въ «Матеріалахъ», т. I.
[2]) Опубликовано въ «Лѣтописъ Българското книжовно дружество въ Софіи», т. III.
[3]) И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы, т. I.
[4]) Тамъ-же.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

мадьярами, но играли въ государственной жизни полноправную роль, и что на Подкарпатскую Русь христіанство впервые проникло въ видѣ православія. Чтобы показать, что мадьяры пришли на Дунай уже въ значительной мѣрѣ русифицированными, онъ собираетъ факты этого вліянія на языкъ («Мадьярскія слова, взятыя изъ русскаго языка»[1]). «Карпато-русскія пословицы»[2]) Венелина представляютъ собою первое собраніе въ этой области карпато-русскаго фольклора.

Умеръ Венелинъ сравнительно молодымъ, всего 37 лѣтъ, въ 1839 году.

Оцѣнивая дѣятельность Венелина въ цѣломъ, конечно, слѣдуетъ простить ему нѣкоторыя увлеченія, вообще не допустимыя въ наукѣ. М. П. Погодинъ, одинъ изъ первыхъ цѣнителей трудовъ Венелина, а впослѣдствіи и издатель его, въ предисловіи къ книгѣ «Древніе и нынѣшніе Словене» разсказываетъ, какъ онъ удерживалъ кипящаго національнымъ вдохновеньемъ карпатороссa отъ чрезмѣрныхъ фантазій. Фантазіи-же эти группировались вокругъ двухъ «аксіомъ», признаваемыхъ Венелинымъ и имѣющихъ несомнѣнное значеніе въ изслѣдованіи древней жизни русскихъ и славянъ, а именно: 1) въ древнія времена народы весьма часто слыли подъ нарицательными именами и 2) славянскія племена не называли себя общимъ именемъ, а въ томъ числѣ и позднѣйшимъ обобщающимъ именемъ — «славяне». Это дало Венелину поводъ къ слишкомъ смѣлому отождествленію древнихъ народовъ (готовъ, скифовъ, сарматовъ и т. д.) со славянами и русскими. Такое отождествленіе вело и къ ложному толкованію по созвучію, собственныхъ, географическихъ и бытовыхъ именъ и словъ. Впрочемъ, это слѣдуетъ отнести въ значительной мѣрѣ и къ тому, что въ науку проникъ въ видѣ чувства тотъ романтизмъ, который вообще окрасилъ своимъ вдохновеньемъ всѣ области жизни и творчества въ первую четверть XIX вѣка.

Аналогіей Венелину въ чешской литературѣ былъ Янъ Колларъ, авторъ поэмы «Дочь Славы» и утопическаго трактата «Славянская древняя Италія». Колларъ въ захватѣ славянскаго романтизма пытался сочетать поэзію и науку; то-же самое дѣлалъ и Венелинъ въ своихъ увлекательныхъ и поэтически-вдохновенныхъ трактатахъ. Хотя съ чисто научной точки зрѣнія это и было недопустимо, но въ оцѣнкѣ творцовъ слѣдуетъ учитывать и тѣ послѣдствія, какія имѣли ихъ труды въ жизни народовъ. Колларъ спасъ порабощенныхъ славянъ отъ уныніе, далъ надежду и укрѣпилъ ихъ духъ для дальнѣйшей борьбы; Венелинъ совершилъ еще болѣе реальное дѣло: онъ возродилъ болгарскій народъ и тѣмъ стяжалъ себѣ безсмертную славу.

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Тамъ-же. Пословицы приводитъ и М. Лучкай въ своей грамматикѣ, стр. 158—165.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Изъ того, что мы разсказали, вытекаетъ, что творчество карпатороссовъ, уѣхавшихъ въ началѣ XIX в. въ Россію, отнюдь не слѣдуетъ преуменьшать для карпаторусской литературы, ограничиваясь только перечисленіемъ именъ и указаніемъ, что они дѣйствовали внѣ родного края. Во первыхъ, въ Россію эти карпатороссы прибыли уже съ вполнѣ установившимися взглядами и, какъ учителя, а не простые бѣженцы. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ карпатороссы облагодѣтельствовали свое культурно-національное отечество и стяжали себѣ славу въ общемъ русскомъ дѣлѣ. Во вторыхъ, служа иному государству, они первые напомнили россіянамъ объ ихъ забытомъ карпаторусскомъ братѣ и личнымъ трудомъ блестяще показали на сколь великія дѣла онъ способенъ въ нормальныхъ условіяхъ для національнаго развитія. Въ третьихъ, творчество уѣхавшихъ отнюдь не прошло безслѣдно для литературнаго развитія на Подкарпатской Руси.

Достаточно указать, что статья Орлая заинтересовала его современниковъ Бережанина (Фогарашія) и Духновича; Добрянскій въ своихъ историко-національныхъ экскурсахъ обнаруживаетъ знакомство съ трудами Венелина, а во многомъ ими и вдохновляется, правда, съ бо́льшей научной осторожностью. А самое главное было важно, что карпатороссы были освѣдомлены о судьбахъ своихъ собратьевъ въ Россіи, что и подготовило почву къ качествамъ того національнаго возрожденія, которое наступило послѣ 1848 г. Прямая связь съ Россіей и расцвѣтающей русской культурой была причиной, почему карпатороссы съ такою рѣзкостью выступили противъ украинскаго движенія въ Галиціи, поддерживаемаго и Вѣной и поляками, и не связали своей культурно-національной судьбы съ сосѣднимъ галицко-русскимъ племенемъ. Переписка между Б. Дѣдицкимъ, Ѳедоромъ и Иваномъ Головацкими съ одной стороны и Духновичемъ, Кралицкимъ, Раковскимъ съ другой, свидѣтельствуетъ, во первыхъ, объ обоюдномъ желаніи русскихъ людей Галиціи и Закарпатья создать общую русскую культурно-національную платформу, сплотить русскую общественность и, во вторыхъ, о разочарованіи со стороны карпатороссовъ, наблюдающихъ покровительствуемую свыше украинизацію и безсилье галицко-русской интеллигенціи противостать этому новому методу денаціонализаціи. Не россіяне отстаивали права галичанъ, но карпатороссы; это важно учесть, чтобы понять ту выдающуюся роль, какую сыграли русскіе Подкарпатской Руси въ общемъ русскомъ дѣлѣ; эта роль только въ настоящее время начинаетъ получать должную научную оцѣнку. Тексть этой роли былъ вписанъ въ карпаторусское самосознаніе непосредственной связью между карпатороссами на

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

родинѣ и въ Россіи, между Подкарпатской Русью и Россіей, какъ культурно-національной базой всего русскаго народа[1]).

8. Культурно-національное возрожденіе послѣ 1848 года. Характеристика политическихъ, національныхъ, культурныхъ и общественныхъ условій.

Культурно-національное и политическое проявленіе жизни карпаторроссовъ въ оффиціальной исторіи Австро-Венгріи новаго времени напоминаетъ собою призракъ: оно то появляется, то исчезаетъ. Вѣна или Будапештъ періодически обнаруживаютъ ихъ существованіе и обращаются съ призывомъ къ «вѣрнымъ рутенамъ», но чуть-ли не вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ утвержденіе, что никакихъ не только русскихъ, но и рутеновъ-русиновъ, какъ особой націи, въ государствѣ нѣтъ, а есть только «мадьяры греко-католической вѣры». Причину этого явленія слѣдуетъ искать во взаимоотношеніяхъ мадьяръ и нѣмцевъ-австрійцевъ. Мадьяры въ борьбѣ за свою конституцію, когда отношенія съ вѣнскимъ дворомъ обострялись, конечно, были заинтересованы, чтобы карпаторроссы, проживающіе на мадьярской государственной территоріи, пользуясь замѣшательствомъ, не обнаруживали признаковъ сепаратизма; «братьямъ-рутенамъ» давались съ этого цѣлью обѣщанія, которыя тотчасъ-же забывались, какъ только потребность въ «рутенской націи» миновала. Такъ-же точно поступала и Вѣна, когда была заинтересована тѣмъ, чтобы на территоріи, подвластной мадьярамъ, возникалъ сепаратизмъ. Такое періодическое, въ буквальномъ смыслѣ слова — вызываніе призрака «рутенской націи» къ жизни — въ культурно-національной судьбѣ карпаторроссовъ, несомнѣнно, имѣло значеніе, такъ какъ періодически получали право на существованіе: русскія надежды, русскія мечтанія, проэкты и планы, буквы и даже книги. Какъ только устанавливались отношенія между Вѣной и Будапештомъ, «вѣрные рутены» не столько впадали, сколько вгонялись въ «глубокій сонъ», въ герметическое молчаніе и — дѣло было кончено: никакой особой націи нѣтъ, есть только «мадьяры греко-католики».

Ввиду такой непосредственной зависимости національной судьбы карпаторроссовъ, а слѣдовательно и ихъ литературнаго книги. Какъ только устанавливались отношенія между Вѣной мы остановимся на послѣднихъ болѣе подробно.

Если Марія Терезія, въ силу того, что мадьяры оказали ей поддержку въ войнѣ за австрійское наслѣдство, покровительствовала имъ, то Іосифъ II (1780—1790), проникнутый идеями просвѣщеннаго абсолютизма, связанными съ центра-

[1]) Василій Д. Поповичъ: Культурная дѣятельность Угроруссовъ въ Россіи на рубежѣ XVIII—XIX вв., «Молодая Русь», Прага, 1930 г., №№ 1 и 2; 1931 г. №№ 1—10. Печатаніе этой значительной работы, охватывающей весь періодъ эмиграціи въ Россію, еще не закончено.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

лизаціей управленія и стремленіемъ къ выработкѣ однородной націи. въ данномъ случаѣ обозначавшемъ всеобщее онѣмеченіе, благоволилъ къ человѣческимъ правамъ своихъ подданныхъ, но отрицательно относился къ ихъ правамъ національнымъ. При своихъ реформахъ, конечно, онъ не преминулъ наложить руку и на венгерскую конституцію. Со стороны мадьяръ это вызвало рѣшительный протестъ и угрозу бунтомъ. Неудачная война съ турками обострила внутреннее положеніе монархіи, и въ результатѣ Іосифъ II долженъ былъ отмѣнить почти всѣ свои нововведенія, стѣсняющія національно-политическія права мадьяръ. Его преемникъ, либеральный Леопольдъ II (1790—1792) возстановилъ всѣ мадьярскія учрежденія, видя въ лицѣ мадьяръ, по сравненію со славянами, болѣе цѣльную національную массу, важную въ государственномъ отношеніи. Мадьяры отлично поняли свое значеніе, какъ противовѣса въ отношеніи къ гораздо болѣе многочисленной славянской массѣ, и начали стремиться къ установленію политическаго, а вслѣдъ затѣмъ и культурно-національнаго господства надъ прочими народами Венгріи, т. е. надъ славянами главнымъ образомъ, а въ томъ числѣ и надъ малочисленной русской вѣтвью — карпаторуссами, угро-россами. Правленіе Франца I (1792—1835) прошло подъ знаменемъ наполеоновскихъ войнъ; императоръ вынужденъ былъ давать мадьярамъ все большія уступки, вплоть до введенія мадьярскаго языка въ оффиціальное дѣлопроизводство, конечно, безъ всякаго вниманія къ славянамъ, проживающимъ на территоріи Венгріи. Деспотизмъ Меттерниха встрѣтился уже съ организованной мадьярской политической массой, которая, хотя и состояла изъ нѣсколькихъ партій, однако въ національномъ отношеніи была совершенно однородна: она была одинаково нетерпима къ другимъ народностямъ. Оффиціальная латынь, какъ языкъ нейтральный, рѣшительно замѣняется мадьярскимъ языкомъ; сербы, хорваты, словаки и карпаторуссы безпощадно денаціонализируются и угнетаются въ своихъ національныхъ правахъ. Такая шовинистическая политика мадьяръ привела къ тому, что всѣ вышеуказанные славянскіе народы, а также и румыны и нѣмцы на территоріи Венгріи, были готовы къ прямому возстанію противъ своихъ угнетателей. Этого движенія мадьяры по своей національной гордости учитывать не желали, а потому и революція 1848 года, начавшаяся для нихъ благопріятно, вскорѣ получила совершенно иной смыслъ. Порабощенные народы не поддержали своихъ угнетателей, но, усвоивъ мадьярскій сепаратизмъ, начали его проводить и въ своей политикѣ. Хорваты во главѣ съ баномъ Елачичемъ начали противъ мадьяръ открытую войну, что было, конечно, на руку вѣнскому двору, и онъ использовалъ борющихся за свои права хорватовъ, какъ силу противъ болѣе опаснаго мадьярскаго сепаратизма. Вмѣшательство Россіи положило не только предѣлъ мадьярскому шовинизму, но на

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нѣкоторое время и самихъ мадьяръ обреклю къ потерѣ многихъ политическихъ и національныхъ правъ. Если Вѣна недавно шла на уступки Будапешту съ цѣлью обоюдно поглощать другія народности, за исключеніемъ румынъ, исключительно славянскія, то послѣ 1848 года та-же Вѣна осторожно, больше обѣщаніями, чѣмъ на дѣлѣ, идетъ навстрѣчу славянамъ, используя въ своихъ цѣляхъ ихъ національное чувство и самосознаніе, но не забывая и не умаляя при этомъ своихъ централизаторскихъ стремленій. Именно съ этой цѣлью и создается призракъ національныхъ областныхъ управленій (Хорватія, Славонія, Седмиградье, Банатъ, Сербская воеводина — Бачка), а также разрѣшается поговорить и о Русской воеводинѣ. Однако, даже и призракъ славянскихъ національныхъ правъ сыгралъ въ судьбахъ карпаторроссовъ благодѣтельную роль. Въ это время каждый славянскій народъ, а въ томъ числѣ и карпатороссы, призадумались надъ своей судьбой, проявили болѣе интенсивно свое національное творчество, внушили своимъ дѣтямъ идеалъ національныхъ свободъ, что, несомнѣнно, играло рѣшительную роль въ судьбахъ двуединой монархіи. Призракъ былъ кратковременнымъ. Неудачная война съ Италіей (1859) заставила Вѣну пойти на уступки и на примиреніе съ мадьярами. Эти уступки повторились въ 1866 году послѣ столь-же несчастливой для Австріи войны съ Пруссіей, а въ 1867 году былъ осуществленъ дуализмъ, по смыслу котораго Венгрія снова получала полное господство на своей и, исторически связанныхъ съ нею, территоріяхъ. Это было продиктовано не только и не столько силою мадьяръ, сколько возрастающей славянской опасностью; вѣдь не слѣдуетъ забывать, что большинство въ Австро-Венгріи составляли не господствующіе народы (нѣмцы и мадьяры), а угнетенные, т. е. славяне. Если Австрія по отношенію къ развитымъ чешской и польской культурамъ допустила частичныя уступки, то мадьяры всѣ свои силы направили къ національному покоренію всей своей политической территоріи. Если болѣе многочисленные изъ славянскихъ народовъ (сербы, хорваты, словинцы, словаки) еще были въ состояніи послѣ кратковременной «весны народовъ» оказывать нѣкоторое сопротивленіе общественнаго характера, то карпатороссы въ полномъ смыслѣ слова были обречены на національную гибель.

Въ 1896 году венгры праздновали «милленіумъ», т. е. тысячелѣтіе со дня своего поселенія въ долинѣ рѣки Тиссы. Въ дни торжествъ была совершена экспедиція въ Карпаты, а именно къ горнымъ проходамъ у Нижнихъ Верецокъ, откуда, по преданію, и явился мадьярскій народъ въ Закарпатьѣ. Члены экспедиціи невольно обратили вниманіе на исключительную бѣдность угро-русскаго верховинскаго народа. Въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго быта карпаторроссовъ была учреждена эрарная комиссія, во главѣ которой стоялъ Эдуардъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Эганъ. Этотъ прямодушный человѣкъ и энергичный начальникъ въ своемъ докладѣ писалъ нижеслѣдующее:

«Народъ, не имѣющій ни земли, ни скота, — судьба котораго находится въ рукахъ ростовщиковъ, отъ произвола и усмотрѣнія которыхъ онъ всецѣло зависитъ, народъ систематически спаиваемый и деморализируемый, которому никто не въ состояніи помочь — ни священникъ, ни староста, — народъ, который эксплуатируется и обижается любымъ чиновникомъ, народъ, которому никто въ мірѣ не желаетъ помочь, — такой народъ долженъ постепенно падать все ниже и ниже и матеріально и культурно, пока не погибнетъ окончательно».

За правду этого приговора карпатороссы воздвигли крестъ на мѣстѣ, гдѣ погибъ Эганъ. Комиссія кое-что сдѣлала въ смыслѣ земельныхъ надѣловъ, но самая сущность приговора осталась въ силѣ и до тяжелыхъ дней міровой войны.

Непосредственныхъ причинъ карпаторусскаго культурно-національнаго возрожденія послѣ 1848 года было нѣсколько. Не слѣдуетъ думать, что только приходъ русскихъ войскъ во главѣ съ Паскевичемъ и Ридигеромъ сыгралъ рѣшающую роль въ процессѣ роста національнаго самосознанія. Нечаянное свиданіе карпатороссовъ и россіянъ, интеллигентовъ и офицеровъ, простонародья и солдатъ, несомнѣнно имѣло благопріятное значеніе въ томъ смыслѣ, что братья узнали братьевъ и воочію убѣдились, что мнѣнія о «москаляхъ съ песьими головами», распространяемыя правительствомъ при помощи мѣстныхъ властей и церковнаго клира, — не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Русская мощь вдохновила карпатороссовъ и побудила продолжать ту работу національнаго возрожденія, которая началась уже въ предшествующемъ періодѣ[1]).

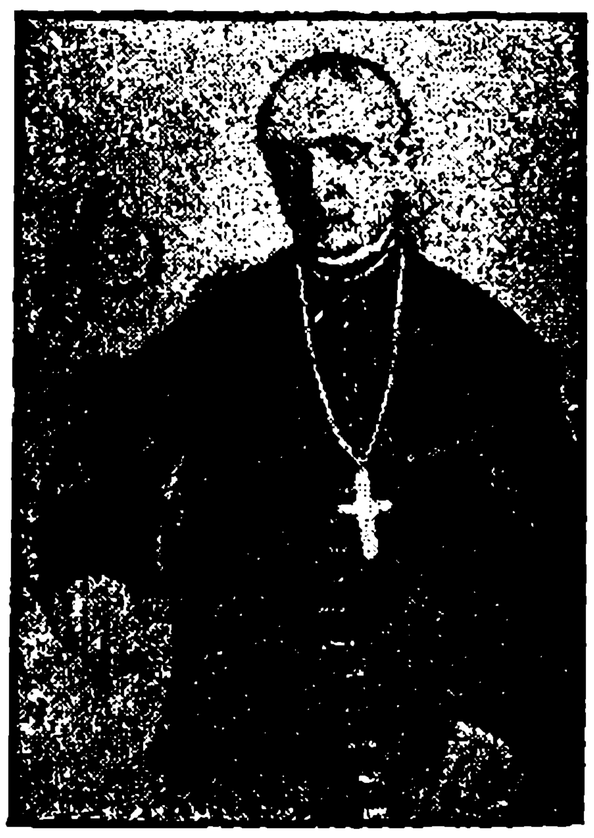
Мы отмѣчали, что уже въ XVIII вѣкѣ не только карпаторусскіе писатели, но и переписчики, отражали въ своихъ трудахъ возростающее общественно-національное теченіе. Еще въ XVIII вѣкѣ зарождаются желанія воскресить національное прошлое (Базиловичъ, Лучкай), рождается интересъ къ родному языку (А. Коцакъ, М. Лучкай, И. Фогарашій) и родному печатному слову. Уже въ XVIII вѣкѣ интеллигенція, получивъ латинско-мадьярско-нѣмецкое образованіе, дающее извѣстный кругозоръ, рѣшается оставлять свои профессорскія мѣста и карьеру и ѣхать въ Россію, чтобы потрудиться на русской нивѣ, а при случаѣ и разсказать о своихъ угнетенныхъ братьяхъ.

Это общественно-національное движеніе въ 1848 году встрѣтилось съ исключительно благопріятными внѣшними условіями. Мадьяры были заинтересованы въ карпатороссахъ

[1]) И. О. Панасъ: Карпаторусскіе отзвуки русскаго похода въ Венгрію 1849 г., «Карпаторусскій Сборникъ», изд. ПНС, Ужгородъ, 1931, стр. 209—229.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

и ихъ спокойствіи, чтобы бороться съ Вѣной. Вѣна, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи карпаторосовъ и ослабить силы мадьяръ, временно сдѣлала уступки, не возражая противъ плановъ карпаторусскихъ патріотовъ. Во главѣ единственнаго общественно-интеллигентскаго форума въ это время стоятъ дѣйствительно русскіе люди — епископы Василій Поповичъ, мукачевскій и Іосифъ Гаганецъ, пряшевскій. Обѣ капитулы въ это время имѣютъ достаточно образованныхъ и патріотически настроенныхъ лицъ, что опять таки является результатомъ предшествующаго періода, и этимъ лицамъ оба архипастыря не только не ставятъ препятствій къ проявленію своихъ національныхъ идей и чувствъ, но и сами принимаютъ участіе въ общественно-національныхъ планахъ.



В. Поповичъ.

Епархіальныя консисторіи, которыя обычно занимались церковными дѣлами и, если и говорили о національныхъ дѣлахъ, то въ связи съ церковными школами и образованіемъ духовенства, послѣ 1849 г. начинаютъ играть роль національно-политическаго совѣщанія, образовавшагося явочнымъ порядкомъ. Такъ, напримѣръ, 23 XI 1849 года ужгородская консисторія занимается докладомъ пряшевскаго епископа о стараніяхъ угро-русской депутаціи въ Вѣнѣ во главѣ съ А. И. Добрянскимъ и М. Висаникомъ — «по дѣлу правъ угро-руссовъ». Консисторія рѣшила оказать всемѣрное содѣйствіе русскимъ культурнымъ стремленіямъ.

Въ концѣ 1862 года А. И. Добрянскій предлагаетъ на обсужденіе консисторіи свою національную и политическую программу. Консисторія не только обсуждаетъ эту программу, но и вноситъ въ нее рядъ измѣненій и дополненій уже чисто политическаго характера. Въ проэктѣ Добрянскаго рѣшено было замѣнить названіе предполагаемой «Русской Воеводины» на «Княжество Русское» или «Земля Русская»; высказывается требованіе, чтобы суды были независимы отъ политическаго управленія; дѣлается рядъ дополненій въ статьяхъ о сборѣ податей и о рекрутскомъ наборѣ; указывается на необходимость, чтобы русскіе представительствовали въ министерствахъ, мѣстническомъ совѣтѣ и придворной канцеляріи. И. т. д.

Культурно-національныя дѣла также выносятся на общественную платформу, при чемъ консисторіи и здѣсь играютъ первенствующую роль.

Въ 1849 году въ письмѣ отъ 27. X. за № 470 епископъ Гаганецъ пишетъ мукачевской консисторіи по поводу «устройства и процвѣтанія русскаго національнаго языка и литературы.» Онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы «едно общее изъ двухъ сихъ епархій Литературное Содружество учреждено и

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

заведено было». Консисторія привѣтствуетъ эту мысль и заботится о томъ, чтобы найти типографію съ русскимъ шрифтомъ. Дѣятельное участіе въ организаціи русской типографіи принимаетъ А. Духновичъ, при чемъ, также, за помощью и содѣйствіемъ обращается къ консисторіи. Предполагается, что типографія будетъ организована при монастырѣ василіанъ или, въ крайнемъ случаѣ, будетъ докупленъ русскій шрифтъ въ одну изъ частныхъ типографій (Якова Эллингера). Періодически начинаются разсужденія объ изданіи русской газеты, при чемъ инициатива исходитъ равно и отъ консисторіи и отъ частныхъ лицъ (проф. Лазарь Павловичъ). Въ 1852 г. протоіерей І. Чурговичъ выступаетъ съ предложеніемъ требовать отъ Намѣстничества учрежденія въ Ужгородѣ «великой» гимназіи (8-ми классной) съ равными правами русскаго и мадьярскаго языка. Консисторія не только поддерживаетъ это требованіе, но значительно его расширяетъ и высказываетъ пожеланіе, чтобы, кромѣ Ужгорода, «великая» гимназія была учреждена также и въ Мараморошъ-Сиготѣ, а «малыя» гимназіи (прогимназіи съ 4-мя классами) — въ Мукачевѣ и Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ. Въ случаѣ, если Намѣстничество откажетъ, Чурговичъ рекомендуетъ учредить гимназію въ Мараморошъ-Сиготѣ на собственныя средства. Для этой цѣли епархія должна пожертвовать 5.000 гульденовъ, а затѣмъ могутъ быть привлечены «народныя средства» — «изъ продаванія Шуличульскія квасныя воды».

Все это свидѣтельствуетъ, насколько конкретны были обсужденія и надежды. Еще болѣе конкретны были выступленія консисторій въ борьбѣ за русскій языкъ. 30 XI 1849 г. мукачевская консисторія постановила, что съ января 1850 года духовенство должно обращаться ко всѣмъ вѣдомствамъ на русскомъ (или для румынъ — на румынскомъ) языкѣ, а также «должно воодушевлять своихъ прихожанъ къ употребленію роднаго языка». Отъ не русскихъ книгъ, предлагаемыхъ въ качествѣ учебниковъ въ богословскую семинарію, консисторія отказывается рѣшительно и всѣми способами. Указывается, что «конопество съ малымъ изъятіемъ русское, а не словацкое» или, что «конопество по латыни отнюдь не умѣетъ». Въ своихъ сношеніяхъ съ начальствомъ мукачевская епархія вступаетъ прямо на революціонный путь. Какъ примѣръ можно привести трехлѣтнее путешествіе одной бумаги. Въ 1855 году Кошицкій отдѣлъ прислалъ епархіи нѣмецкую бумагу. Такъ какъ въ это время мадьяры были ослаблены, и правительство вело германизацію, то епархія отправила эту бумагу обратно съ требованіемъ перевода ея на латинскій языкъ. Отдѣлъ въ свою очередь возвратилъ бумагу съ припиской, что русское духовенство достойно сожалѣнія «про невѣжество нѣмецкаго языка». 27 VI 1855 г. консисторія возмущенно обсудила эту приписку и постановила обратиться непосредственно къ королю съ протестомъ противъ оскорбленія и съ указаніемъ, что отдѣлы

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

должны къ ней обращаться на русскомъ языкѣ и только въ крайнемъ случаѣ по латыни, или по мадьяроки. Путешествіе бумаги продолжалось до 1858 г., русскіе не уступали. Если принять во вниманіе, что всѣ эти отвѣты давались властямъ, будетъ ясно, насколько убѣжденно и стойко въ національномъ смыслѣ было настроено въ то время высшее епархіальное духовенство въ Ужгородѣ и Пряшевѣ.[1])

Однако, если духовенство и консисторіи и въ прошломъ играли роль національнаго двигателя, то совершенно новыми силами въ борьбѣ за политическія и національныя права являются общественно-культурныя организаціи и гражданскіе слои населенія.

Мы уже указывали на пожеланіе еп. Гаганца учредить для обѣихъ епархій общее «Литературное Содружество». Эта организація осуществлена не была, но зато А. Духновичъ организовалъ аналогичный кружокъ — «Литературное Заведеніе въ Пряшевѣ». Повидимому это дѣтище неутомимаго труженика на полѣ національной культуры ограничивалось только работой небольшого кружка. Вся работа происходила въ квартирѣ Духновича, гдѣ собирались русскіе, въ томъ числѣ А. И. и В. И. Добрянскіе, Антоній Рубій, Александръ Павловичъ, Андрей Поповичъ и др.[2]), а также и чехи, которые въ большомъ числѣ пріѣхали въ Пряшевъ во время министерства Баха[3]). Обществу покровительствовалъ еп. Гаганецъ, и оно явилось первымъ издательствомъ, если не журнала, то во всякомъ случаѣ въ теченіи 3 лѣтъ періодически появлявшихся альманаховъ «Поздравленіе Русиновъ» (1851, 1852 и 1853) — художественно-литературнаго характера. Собранія «Литературнаго Заведенія» не имѣли оффиціальнаго характера; скорѣе это были интимныя вечеринки, на которыхъ обсуждались новости дня касательно національнаго и славянскаго дѣла, читались произведенія собственныя и чужія и намѣчались изданія. Всего отъ имени «Литературнаго Заведенія» вышло 10 книжечекъ, за исключеніемъ альманаховъ и еще 2 изданій, не только составленныхъ, но и написанныхъ Духновичемъ.

Это была первая организація національно-культурнаго

---

[1]) Объ этомъ подробно см. Юлій Русакъ: Мукачевская Епархія и ея борьба за права русскаго языка во время епископства Василія Поповича, «Карпаторусскій Сборникъ», изд. ПНС., Ужгородъ, 1931, стр. 50—68; Д-ръ Юлій Гаджега: «Исторія св. Василія Великаго и рѣчь ко дню 60-лѣтія отъ дня его учрежденія», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 15, Ужгородъ, 1925, стр. 5—9.

[2]) Георгій Маркошъ, Викторъ Ладомирскій, Андрей Балудянскій, Иванъ Вислоцкій, Иванъ и Степанъ Петрики, Андрей Яромисъ, Николай Ходь, Андрей Ковалицкій, Михаилъ Бескидъ, Иванъ Мегай, Петръ Яковичъ, Константинъ Зубрицкій, Иванъ Ружицкій, Георгій Шолтысъ и др.

[3]) Богданъ Носекъ, Павелъ Томашековъ, Вацлавъ Снѣтина, Іоаннъ Моравчикъ, Богумилъ Носакъ, Петръ Кельнеръ, Янъ Седлачекъ, Вацлавъ Вальтеръ. См. Д-ръ Николай Бескидъ: А. Духновичъ и его поэзія, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 74, Ужгородъ, 1930, стр. 43—50.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

значенія общественнаго характера. Просуществовала она недолго (1850—1856), такъ какъ вдохновеніе Духновича и его друзей вызвало подозрѣніе у полиціи, и поэтъ-издатель былъ взятъ подъ негласный полицейскій надзоръ. Въ 1863 году Духновичъ предпринимаетъ учрежденіе «О-ва св. Іоанна Крестителя» съ цѣлью «воспитывать русскую молодежь», но это О-во играло уже чисто мѣстное значеніе, не претендуя на роль общественно-національнаго руководства. Во всякомъ случаѣ и его слѣдуетъ учесть, какъ несомнѣнное достиженіе въ области общественной жизни.

Если Духновичъ сумѣлъ объединить духовную и свѣтскую интеллигенцію для культурно-національной работы, то центромъ политическаго объединенія и свѣтской и духовной интеллигенціи былъ А. И. Добрянскій. Самый фактъ поѣздки делегаціи въ Вѣну во главѣ съ Добрянскимъ, его братомъ Викторомъ, д-ромъ Михаиломъ Висаникомъ, І. Шоятысомъ, Александромъ Яницкимъ и д-ромъ Алексовичемъ достаточно свидѣтельствуетъ о проявленіи политической организованности въ средѣ карпаторусской интеллигенціи того времени. Точно опредѣлить кругъ Добрянскаго затруднительно; кромѣ вышеуказанныхъ лицъ ему сочувствовали и обѣ консисторіи и «Литературное Заведеніе».

9. А. И. Добрянскій.

6/19 марта 1901 года умеръ въ Тиролѣ, въ городѣ Инсбрукѣ А. И. Добрянскій. Съ большими затрудненіями его прахъ былъ перевезенъ на родину, въ село Чертежное, и преданъ землѣ. Рѣчи говорили карпатороссы, представители галицкихъ русскихъ и болгаръ. А на мраморной плитѣ покойнаго было написано: «Здѣсь покоится угрорусскій дѣятель и кторъ церкви чертежнянской Адольфъ Ивановичъ Добрянскій... Блажени, ихже избралъ и пріялъ еси Господи, и память ихъ въ родъ и родъ».

Мадьярская газета объ этомъ событіи написала, что раньше къ имени Добрянскаго прилагали прозвище «измѣнникъ», а теперь-де, слава Богу, о немъ можно уже говорить, какъ о «покойникѣ».

Прошло 30 лѣтъ, утихли страсти времени, и мнѣніе о «покойномъ» Добрянскомъ стало и у враговъ и у друзей — единообразно. Тѣ, противъ кого онъ боролся, признаютъ въ его лицѣ достойнаго и честнаго противника-идеолога, а для друзей онъ жилъ и понынѣ.

Нашей задачей является обозрѣніе вкратцѣ литературной дѣятельности Добрянскаго, но это, конечно, только восполненіе пониманія его личности, а не полная характеристика. Добрянскій, какъ справедливо указано на его могильной плитѣ, б ы л ъ д ѣ я т е л е м ъ, а въ этомъ смыслѣ литература въ его жизни была только частью общаго творчества: литература для него была не профессіей, но одной изъ формъ проявленія

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

общей творческой силы, однимъ изъ средствъ къ осуществленію идеаловъ. Вотъ почему говорить о литературной дѣятельности Добрянскаго невозможно безъ того, чтобы попутно не разсказывать о его жизни.

Краткую біографію Добрянскаго составить невозможно, такъ она многообразна и такъ значительна въ исторіи Угорской Руси. Поэтому придется ограничиться только краткимъ хронологическимъ перечнемъ важнѣйшихъ датъ его жизни, рекомендуя ознакомиться болѣе подробно со спеціальными о немъ трудами[1]).

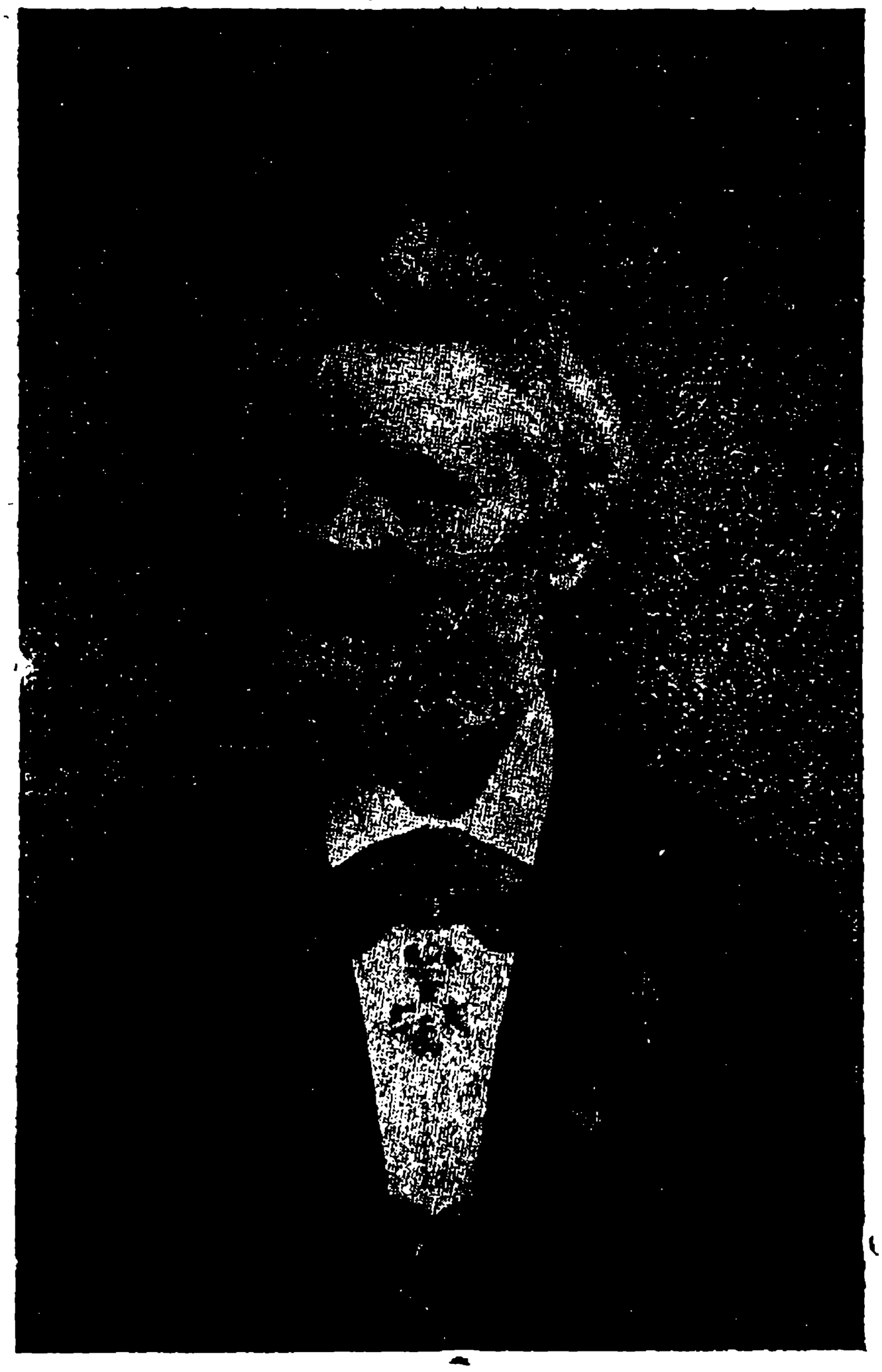
Адольфъ Ивановичъ Добрянскій родился 18 декабря ст. ст. 1817 года въ селѣ Рудлево, Земплинской столицы. Русскому языку, чтенію и письму, научился онъ отъ отца, настоятеля прихода въ томъ-же селѣ. Гимназію онъ проходилъ въ Левочѣ (1827—1828 гг.), Рожнавѣ (1829 г.), Мишкольцѣ (1830—1831 гг.) и окончилъ ее въ Левочѣ (1832). Высшее образованіе получилъ онъ по двумъ факультетамъ: по философскому — въ Кошицахъ (1833 г.) и Ягрѣ (1834 г.) и по юридическому въ Ягрѣ (1835—1836 гг.). Послѣ этого онъ занимался нѣкоторое время юридической практикой, а затѣмъ поступилъ въ Горно-лѣсную Академію въ Банской Щавницѣ (Шелмецъ-Баня, Шемницъ) и черезъ четыре года, окончивъ ее, получилъ назначеніе въ Виндшахту, сначала въ качествѣ практиканта (1840 г.), а затѣмъ кунстофицера. Въ 1846 г. ему была дана награда за изобрѣтенія и улучшенія въ горномъ дѣлѣ, и онъ былъ вызванъ въ Вѣну для прослушанія курса высшей математики, механики, архитектуры и машиностроенія. Въ 1847 г. Добрянскій получаетъ назначеніе въ Чехію, гдѣ ему удается открыть каменноугольныя шахты, а также содѣйствовать гор-

---

[1]) См. А. С. Будиловичъ: Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго, Спб., 1901; К. Я. Гротъ: Памяти А. И. Добрянскаго, Спб., 1902; О. А. Марковъ: А. И. Добрянскій, «Колосье», Львовъ, 1902, 89—91; Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Карпато-русскіе писатели, Москва, 1916, I, 145—233; его-же: А. И. Добрянскій, «Карпатскій Свѣтъ», №№ 1—10, 1931 г. (печатаніе не закончено); его-же — отдѣльный оттискъ изъ «Карпатскаго Свѣта» обѣщанъ, какъ № 84 изд. О-ва им. А. В. Духновича; Д. А. Марковъ: А. И. Добрянскій, «Карпатскій Край», 1923, № 1—2; П. С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельности А. И. Добрянскаго, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 20, Ужгородъ, 1926; его-же: Очерки карпато-русской литературы со 2-ой половины XIX ст., Ужгородъ, 1929, стр. 26—31; Fi. Zapletal: „A. I. Dobrjanskij a naši Rusiny ч. 1849—51“, Прага, 1927; А. В. Поповъ: А. И. Добрянскій, его жизнь и дѣятельность, Мукачево, 1928; Н. Срединъ (Е. Недзѣльскій): А. И. Добрянскій, «Центральная Европа», Прага, 1928, № 23; «Сборникъ статей посвященныхъ памяти А. И. Добрянскаго», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 70, Ужгородъ, 1929; Michal Sekey: „Životopis A. I. Dobrjanskeho“, nákladom Oslavného výboru v Michalovciach, 1928; Ириней Ив. Ханатъ: Исторія похоронъ А. И. Добрянскаго, «Карпатскій Свѣтъ», 1929, № 47, стр. 229—231; Владиміръ Эдв. Ройковичъ: Прощальное слово при похоронахъ А. И. Добрянскаго, тамъ-же стр. 232—235; О. О. Марковъ: Изъ переписки А. И. Добрянскаго, «Карпаторусскій Сборникъ», изд. ПНС., Ужгородъ, 1931, стр. 230—249; Е. Недзѣльскій: А. И. Добрянскій, «Зоря», Ужгородъ, 1931, № 8—10, стр. 30—42.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ному дѣлу на Моравѣ и въ Силезіи. Въ 1848 году онъ возвращается въ Виндшахту у Щавницы, словаки восторженно встрѣчаютъ его и избираютъ депутатомъ въ мадьярскій сеймъ. Правительство отмѣняетъ избраніе, и Добрянскій принужденъ былъ спасаться отъ мадьярскихъ шовинистовъ бѣгствомъ въ Галицію. Во Львовѣ онъ знакомится съ тамошними вождями русскаго движенія и принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ «Головной Рады Русской», а въ частности въ дѣлѣ о воссоединеніи русскихъ земель Австро-Венгерской имперіи. Когда въ 1849 г. началось движеніе русскихъ войскъ, Добрянскій



А. И. Добрянскій.

получаетъ назначеніе состоять гражданскимъ комиссаромъ при русскихъ войскахъ и вскорѣ награждается русскими орденами Владиміра 4-й степени и Анны 3-й степени. Кромѣ того въ память русскаго похода ему подносится медаль съ надписями: «За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи» — «Съ нами Богъ! разумѣйте языци и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!». Въ томъ-же 1849 году Добрянскій нѣкоторое время состоялъ въ качествѣ верховнаго комиссара Сегединскаго округа и ѣздилъ во главѣ русской делегаціи въ Вѣну просить императора объ организаціи русскаго воеводства. Делегація была принята,

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

произвела благопріятное впечатлѣніе и, хотя прошеніе было отклонено, но все-же имѣло свои послѣдствія въ административной области: былъ организованъ Ужгородскій округъ, гдѣ высшія чиновничьи мѣста заняли и карпатороссы; въ частности самъ Добрянскій получилъ мѣсто второго окружнаго референта, добился введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и своимъ личнымъ вліяніемъ содѣйствовалъ развитію общественно-національнаго чувства въ русскихъ кругахъ. Это было не по вкусу вѣнскому правительству и Добрянскій былъ удаленъ подъ видомъ королевскаго комиссара въ Шаришъ, затѣмъ въ Будапештъ, В. Варадинъ и снова въ Будапештъ, какъ членъ намѣстническаго совѣта. За свои административныя заслуги Добрянскій въ 1857 г. получаетъ орденъ Желѣзной Короны 3-й степени и рыцарское достоинство съ прибавленіемъ къ его фамиліи — Сачуровъ (von Szaczurov) по селу, купленному имъ наканунѣ. Въ 1861 г. Добрянскій вторично избирается депутатомъ въ угорскій сеймъ отъ Шариша, но избраніе его вторично было отмѣнено. Въ 1862 г. онъ получаетъ въ связи съ 1000-лѣтіемъ Россіи русскій орденъ св. Анны 2-й степени, а въ слѣдующемъ году ему пожалованъ титулъ австрійскаго гофрата. Въ 1864 г. онъ назначается совѣтникомъ и докладчикомъ угорской придворной канцеляріи, а съ упраздненіемъ ея подаетъ въ отставку и всецѣло отдается служенію родному народу. Въ 1865 г. его избираютъ въ третій разъ депутатомъ мадьярскаго сейма и это званіе онъ съ честью несетъ вплоть до 1867 г., проявляя кипучую дѣятельность и многократно выступая съ рѣчами въ защиту правъ не только своего, но и вообще порабощенныхъ народовъ. Въ 1869 году Добрянскій, по истеченіи срока депутатскихъ полномочій, поселяется въ своемъ имѣніи въ Чертежномъ, гдѣ одновременно содѣйствуетъ культурно-національнымъ проявленіямъ, какъ русскихъ, такъ и словаковъ, и выступаетъ въ защиту восточнаго обряда уніатской — православной — церкви и принимаетъ участіе въ католическомъ соборѣ 1869 г., обнаруживая глубокія богословскія познанія. Въ это время началась уже жестокая мадьярская реакція, русскія изданія подъ давленіемъ правительства прекращаются, а въ 1871 г. на Добрянскаго, какъ вождя русскаго движенія, было совершено возмутительное покушеніе, гдѣ, случайно, вмѣсто Адольфа Ивановича пострадалъ его сынъ Мирославъ. Въ 1875 году Добрянскій совершаетъ путешествіе въ Россію, представляется государю-цесаревичу Александру, знакомится съ выдающимися административными лицами (К. П. Побѣдоносцевымъ, гофмаршаломъ Г. П. Алексѣевымъ, И. П. Корниловымъ, кн. Дундукомъ-Корсаковымъ) и идеологами славянофильства, общественнаго и національнаго мнѣнія (И. С. Аксаковымъ, С. М. Соловьевымъ, М. А. Катковымъ и др.). Въ 1881 г. по просьбѣ галицко-русскихъ патріотовъ переселяется во Львовъ, гдѣ его неутомимая энергія находитъ широкое поле дѣятельности по сплоченію національной

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нителлигенціи и оформленію русской прессы. Правящимъ сферамъ это показалось опаснымъ и въ 1882 г. былъ начатъ нелѣпый и позорный процессъ, предметомъ котораго оказался не только А. И. Добрянскій, но и его дочь Ольга (по мужу — Грабарь). Они были арестованы и посажены въ тюрьму въ числѣ 11 человѣкъ, которымъ предъявлялось обвиненіе въ государственной измѣнѣ съ требованіемъ смертной казни. Главнымъ обвинителемъ выступилъ противъ Добрянскаго угорскій предсѣдатель совѣта министровъ гр. Коломанъ Тиса и то по понятнымъ причинамъ. Вѣдь въ 1849 г. Добрянскій былъ свидѣтелемъ, какъ три мадьярскихъ магната, а въ томъ числѣ и Тиса, дѣлали предложеніе графу Паскевичу, въ надеждѣ спасти угорскій престолъ, чтобы королемъ Угорщины сдѣлался вел. кн. Константинъ Павловичъ. Паскевичъ это предложеніе отвергъ. Тиса сначала пытался сгладить фактъ тѣмъ, что предлагалъ Добрянскому министерскій портфель, а затѣмъ, видя его неподкупность, рѣшилъ уничтожить его ложью. Послѣ полугодичнаго заключенія обвиняемые были призваны къ отвѣту, и Добрянскій произнесъ столь блестящую и уничтожающую Тису рѣчь, что 6 обвиняемыхъ, а въ томъ числѣ онъ самъ и его дочь, были признаны невиновными, а галицкая интеллигенція устроила въ честь великаго русскаго вождя шумныя овації.

Послѣ окончанія суда Добрянскій переѣзжаетъ въ Вѣну и все время посвящаетъ литературной дѣятельности. Въ это время онъ пользуется глубокимъ уваженіемъ со стороны славянъ, проживающихъ въ Вѣнѣ, а особенно со стороны славянскаго студенчества, которое считаетъ его своимъ національнымъ — общеславянскимъ — вождемъ. Студенчество преподноситъ ему адресъ, подписанный 66 чехами, 40 русскими, 26 сербами, 24 словинцами, 23 хорватами, 14 словаками и 7 болгарами. Въ 1887 году австрійское правительство перевело зятя Ад. Ив. — Ю. М. Геровскаго изъ Галиціи въ отдаленный Тироль, послѣ чего Добрянскій, желая быть въ кругу родныхъ, переселяется въ Инсбрукъ, гдѣ и продолжаетъ свою литературную дѣятельность, вплоть до смерти въ 1901 году. Прахъ русскаго вождя послѣ преодолѣнія ряда препятствій со стороны властей былъ перевезенъ въ Чертежное и трогательно преданъ землѣ.

Какъ разностороння и богата была общественная дѣятельность Добрянскаго, такъ-же многосторонне плодотворна была его литературная работа.

По времени прежде всего къ литературнымъ его трудамъ слѣдуетъ отнести его многочисленныя рѣчи въ парламентѣ, касающіеся самыхъ разнообразныхъ политическихъ, обще-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ственныхъ и религіозныхъ вопросовъ[1]). Изъ парламентскихъ рѣчей А. И. Добрянскаго особо должна быть отмѣчена одна, именно касающаяся законопроэкта о народностяхъ (25. XI. н. ст. 1868), въ которой онъ протестуетъ противъ понятія мадьярскаго народа, которымъ пользуется законопроэктъ для обозначенія всѣхъ разноплеменныхъ жителей Венгріи и предлагаетъ замѣнить его понятіемъ населеніе, какъ соотвѣтствующимъ современной и исторической правдѣ. При этомъ ораторъ дѣлаетъ обширный экскурсъ въ область исторіи и на основаніи древнихъ памятниковъ и королевскихъ грамотъ доказываетъ, что народы русскій, ясъ-кунскій (половецкій), словацкій и румынскій жили на территоріи, нынѣ занятой мадьярами, уже до ихъ прихода.

Въ 1861 году, какъ уже было указано, Добрянскій былъ избранъ въ мадьярскій сеймъ. Здѣсь онъ намѣревался выступить съ обширной рѣчью во время преній объ адресѣ, но это не удалось въ связи съ шовинистическими воплями мадьяръ. Въ томъ-же году эта непроизнесенная рѣчь была напечатана по нѣмецки въ видѣ отдѣльной книжки подъ заглавіемъ: «Рѣчь депутата угорскаго сейма Адольфа Добрянскаго по вопросу объ адресѣ»[2]) и произвела огромное впечатлѣніе въ славянскихъ кругахъ. Эта рѣчь имѣетъ свое значеніе и понынѣ, такъ какъ она явилась своего рода пророчествомъ, такъ какъ въ ней предуказано все то, что случилось съ Венгріей послѣ войны. Она посвящена изслѣдованію правового положенія русскаго народа въ древней Венгріи и изобилуетъ новыми историческими матеріалами и текстами неизданныхъ грамотъ, найденныхъ Добрянскимъ въ различныхъ архивахъ, въ томъ числѣ и Лелесскаго монастыря въ Земплинѣ. Такимъ образомъ, кромѣ своего политическаго значенія, она является и первымъ историческимъ памятникомъ новаго времени, первой, по своему времени, научно обоснованной исторіей карпаторусскаго народа. Въ первой части своего труда Добрянскій доказываетъ, что Венгрія, какъ и Чехія, состоитъ съ Австріей не въ персональной, но реальной уніи; во второй отстаиваетъ права не мадьярскихъ народовъ Венгріи и даетъ проэктъ организаціи пяти автономныхъ областей: нѣмецко-мадьярской, сербской, румынской, словацкой и русской,

---

[1]) 1/27 X 1867 г. Добрянскій говорилъ о мѣстномъ самоуправленіи въ связи съ запросомъ о роспускѣ Ягерской столичной комиссіи за политическое выступленіе; 1 XII 1867 г. о недопустимости принятія Венгріей части австрійскаго государственнаго долга; 24 VI 1868 г. о податяхъ; 25 VI 1868 г. противъ законопроекта, вводившаго налогъ на дома; 7 X 1868 г. въ защиту законопроэкта объ учрежденіи восьми (вмѣсто одного) аппеляціонныхъ судовъ. Ему-же принадлежитъ запросъ касательно ликвидаціи остатковъ крѣпостного права и предложеніе о созывѣ національныхъ соборовъ румынской и русской уніатскихъ церквей. Болѣе раннія сеймовыя рѣчи пока не найдены. Подробнѣе см. указанную монографію Ѳ. Ѳ. Аристова.

[2]) „Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrjansky in der Adress-Angelegenheit“, Вѣна, 1861, стр. 130.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

съ соотвѣтствующими языками въ школахъ и администраціи, признавая, однако, что въ сеймѣ и центральныхъ учрежденіяхъ, какъ и въ университетѣ, можетъ быть оставленъ исключительно мадьярскій языкъ. При этомъ авторъ подробно останавливается на историческихъ правахъ всѣхъ не мадьярскихъ народностей, а особенно карпаторосссовъ.

Въ 1871 году А. И. Добрянскій составилъ «Проэктъ политической программы Руси Австрійской» въ которомъ доказываетъ необходимость преобразованія Австро-Венгерскаго дуализма въ федерацію народовъ, при чемъ, ввиду славянскаго большинства, политика этой федераціи должна прекратить диктатуру нѣмцевъ и мадьяръ и дать равныя права славянамъ. Въ этомъ случаѣ Угорская Русь должна объединиться съ Русью Галицкой и Буковинской, а Рада Русская выработаетъ къ дальнѣйшей жизни этой австрійской Руси полную политическую программу.

Видя распространеніе украинскаго національнаго сепаратизма, поддерживаемаго равно нѣмцами и поляками, въ Галиціи, Добрянскій выступилъ въ львовской газетѣ «Слово» съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Патріотическія письма»[1]). Задачей «Писемъ» является разсмотрѣніе малорусскаго движенія въ южной Россіи и въ Австріи, роста славянскаго возрожденія и панславизма, какъ его философскаго заключенія. Отъ малорусскаго движенія Добрянскій рѣзко отличаетъ «украиноманство», какъ явленіе болѣзненное, связанное съ искаженіемъ общерусскаго правописанія, малорусскаго нарѣчія и поддѣлкой исторіи, а также и «рутенство», которое, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ политическимъ сепаратизмомъ украинства и не отрывается отъ русскаго народа, но по своей отсталости является безполезнымъ. По мнѣнію Добрянскаго, то малорусское казачество, на которое опираются украиноманы, въ основѣ своей было явленіемъ не національнымъ, а соціальнымъ. Это былъ просто протестъ противъ крѣпостного права, который и закончился въ связи съ реформой 1864 года. Часть малорусскаго казачества вступила въ русскую армію, другая обратилась къ земледѣлію и совершенно слилась съ прочимъ сельскимъ населеніемъ Россіи. Подробно разсматривая исторію Руси, авторъ доказываетъ, что русское единство можно прослѣдить еще въ до-татарскій періодъ; оно систематически обновлялось собираніемъ Руси, которое началъ Иванъ Калита и которое продолжалось вплоть до Екатерины II. Ударъ русскому единству нанесли Люблинская и Брестская уніи, однако у русскаго народа Галиціи и Угорской Руси, несмотря на ихъ государственную оторванность отъ русской державности, есть спеціальныя — австрійско-русскія задачи. Эти задачи не противорѣчатъ политической жизни Австро-Венгріи, но онѣ предполагаютъ культурно-

[1]) Вышли также отдѣльнымъ оттискомъ — Львовъ, 1873 г., стр. 15.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

національное, этнографическое, и религіозно-обрядовое единство всѣхъ русскихъ племенъ.

Въ 1880 г. въ томъ-же львовскомъ «Словѣ» былъ опубликованъ и другой историческій трудъ Добрянскаго — «О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси со временъ св. Владиміра»[1]), гдѣ авторъ разсматриваетъ данныя по этому поводу, имѣющіеся въ Начальномъ Лѣтописномъ Сводѣ, а затѣмъ на основаніи другихъ историческихъ, этно- и топо-графическихъ данныхъ болѣе точно проводитъ русско-чешскую и русско-мадьярскую границу. Въ частности и земли Спиша по мнѣнію автора должны быть включены въ державу св. князя Владиміра, а между Дунайцемъ и Вислокомъ и понынѣ проживаетъ до 90.000 русскихъ.

Въ 1885 году въ Москвѣ выходитъ меморандумъ А. И. Добрянскаго — «О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси», который былъ написанъ по просьбѣ русскихъ публицистовъ въ видѣ отвѣтовъ на письма, полученныя авторомъ отъ галицко-русскихъ патріотовъ относительно задачъ русской печати въ Австріи[2]). Въ началѣ Добрянскій подробно останавливается на русско-чешскихъ взаимоотношеніяхъ и при этомъ настаиваетъ на замѣнѣ дуализма автономіей народностей. Въ крайнемъ случаѣ онъ соглашается даже на полную государственную централизацію, такъ какъ считаетъ, что дуализмъ болѣе всего вреденъ для національнаго развитія народовъ, населяющихъ монархію. Именно дуализмъ является причиной крайне несправедливаго распредѣленія государственно-національныхъ правъ, которое имѣетъ шесть градацій. Полныя права господства принадлежатъ только мадьярамъ и полякамъ; права саморазвитія имѣютъ нѣмцы, чехи, словинцы и итальянцы; въ меньшей мѣрѣ ими обладаютъ хорваты и румыны; стѣснены въ правахъ сербы и вовсе безправными являются словаки и русскіе. Добрянскій не склоненъ ожидать справедливости отъ Вѣны и Рима, такъ какъ русскіе всегда были вѣрными и по отношенію къ государству и по отношенію къ церкви и за это терпятъ притѣсненія, въ то время, какъ бунтовщики — мадьяры и поляки — получаютъ награды и привилегіи. Расчитывать можно только на свои силы, а такъ какъ религія въ русской жизни играетъ особое значеніе, она-же является и національной крѣпостью, то необходимо созвать особое совѣщаніе, которое-бы выработало проэктъ церковной автономіи въ смыслѣ возстановленія восточнаго обряда или, въ крайнемъ случаѣ, для точнаго соблюденія постановленій флорентинскаго собора.

---

[1]) Перепечатано въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1880 г., часть 208, стр. 134—159.

[2]) Москва, 1885, ср. 57. Часть этого сочиненія была напечатана въ львовской газетѣ «Новый Проломъ», 1884, №№ 157—167, подъ заглавіемъ «Наши дѣла».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Еще въ 60-хъ годахъ А. И. Добрянскій занимался вопросомъ о происхожденіи слова «рутенъ» (Ruthenus) и пришелъ къ тому заключенію, что оно является неточной и неудачной записью слова «русинъ» для обозначенія каждаго русскаго человѣка вообще, что подтверждается и русскими лѣтописями. Но такъ какъ со временемъ рутенами начали называть спеціально угро-русскихъ и галичанъ, чтобы подчеркнуть ихъ отличіе отъ многомилліоннаго русскаго народа (Russi), Добрянскій счелъ умѣстнымъ болѣе подробно выступить съ разъясненіями. Въ 1885 году въ газетѣ «Parlamentär» появилась его статья «Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ»[1]), въ началѣ которой Добрянскій иронически замѣчаетъ, что правящіе круги Австро-Венгріи, ввиду того, что отъ 3½ милліоновъ русскихъ въ палатѣ депутатовъ имѣется только три представителя и ни одного въ палатѣ господъ, знаютъ очень мало, а потому и въ самомъ наименованіи этого народа наблюдается непостоянство.

Русскіе издревле пользовались словомъ «русинъ» въ единственномъ числѣ, по аналогіи съ болгаринъ, сербинъ; во множественномъ-же числѣ обычно употреблялось слово «Русь», какъ для обозначенія вообще «русскихъ» (множ. число), такъ и русской земли. Въ латинскихъ текстахъ для обозначенія русскаго имѣется два термина, примѣнявшихся ко всѣмъ русскимъ племенамъ: Ruthenus и Russus. Ошибка произошла вслѣдствіи того, что терминъ Rutheni началъ примѣняться и во множественномъ числѣ, вмѣсто правильнаго Russi или Russia (въ широкомъ смыслѣ «Русь»). Въ Австро-Венгріи русскіе называютъ себя въ ед. числѣ — «русинъ», «руснакъ», «рускій»; но во множ. числѣ только «русскими», а въ женскомъ родѣ имѣется одинъ терминъ «русска» (а не «рутенка» или «русинка»). Русскіе говоры онъ дѣлитъ на двѣ группы: 1) лемковскіе, которые въ большинствѣ подпали вліянію поляковъ, мадьяръ и словаковъ и 2) бойковскіе съ гуцульскими, подолянскими и долишнянскими.

Далѣе Добрянскій разсматриваетъ мнѣніе проф. Бидермана, высказанное имъ въ его трудѣ «Угорскіе Рутены»[2]), а именно въ томъ смыслѣ, что угро-русскимъ отнюдь не слѣдуетъ называть себя «рутенами» только для того, чтобы отличить себя отъ великороссовъ, которыхъ Бидерманъ считаетъ обрусѣлыми финнами, татарами и монголами. «Рутены», какъ указываетъ исторія, тоже поглощали чуждыя племена, въ томъ числѣ литовцевъ, хозаръ, половцевъ, печенѣговъ, татаръ и черкессовъ, такъ что ни о какой чистотѣ расы западно-русскихъ сравнительно съ великороссами говорить нельзя. Народы съ культурной и бытовой мощью вообще склонны асси-

[1]) Вѣна, 1885, № 7; также отдѣльный выпускъ подъ заглавіемъ: „Nomenclation der österreichisch—ungarischen Russen“.

[2]) „Die ungarischen Ruthenen“, Инсбрукъ, т. I — 1862 г., II — 1867 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

милировать болѣе слабыя племена; десятки славянскихъ и другихъ племенъ ассимилировали сѣверные нѣмцы, но для отличія отъ нихъ австрійскіе нѣмцы не считаютъ нужнымъ называть себя «тевтонами»! Не должны этого дѣлать и русскіе, тѣмъ болѣе, что подобныя отличія можетъ различать наука, но не народъ, съ которымъ оперируетъ государство. Доказательства Добрянскаго изобилуютъ массой примѣровъ, а мысль его не утратила своего значенія и понынѣ.

Въ своихъ трудахъ А. И. Добрянскій неоднократно высказывалъ мысль о необходимости замѣны дуализма федераціей національныхъ областей. Эта мысль встрѣтила въ славянской средѣ самый широкій интересъ и многократно обсуждалась въ печати.

Это дало поводъ высказаться Добрянскому болѣе подробно, что онъ и сдѣлалъ въ своемъ трудѣ «Програма для проведенія національной автономіи въ Австріи»[1]). Для укрѣпленія государственности авторъ считаетъ необходимымъ раздѣлить все государство на слѣдующія «національныя административныя области»: нѣмецкую, югославянскую, чешскую, польскую, русскую и особую вѣнскую, какъ административный центръ. Каждая область имѣла-бы свой сеймъ и намѣстничество, а вопросы, общіе нѣсколькимъ областямъ, или касающіеся правъ меньшинствъ, могли-бы рѣшаться на окружныхъ сеймахъ. Сочиненіе Добрянскаго касается не только границъ и управленія областей, но подробно останавливается на вопросахъ ихъ хозяйственнаго, соціальнаго, юридическаго и судебнаго установленія.

Этотъ трудъ Добрянскаго вскорѣ вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны чеховъ, которые мечтали о возстановленіи чешскаго королевства и полагали, что оно займетъ болѣе выгодное положеніе въ государствѣ, чѣмъ область, предлагаемая Добрянскимъ. На эту статью, помѣщенную въ «Славянскихъ Листахъ» (1887, № 6) Добрянскій отвѣтилъ въ «Parlamentär» въ статьѣ «Разъясненію и истинѣ»[2]), совѣтуя чехамъ не увлекаться частной автономіей, но всѣми силами стремиться къ возстановленію у себя утраченныхъ славянскихъ чертъ и къ отмежеванію отъ нѣмцевъ. Онъ возражаетъ противъ утвержденія, что чешская азбука болѣе совершенно передаетъ славянскіе звуки, чѣмъ кириллица, и доказываетъ это рядомъ остроумныхъ примѣровъ. Останавливается также и на вопросѣ общеславянскаго языка, которому впослѣдствіи онъ посвятилъ и особую статью: Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ»[3]),

[1]) „Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich (von einem Slaven). „Parlamentär“, 1885 г. и отдѣльный выпускъ въ 167 стр.

[2]) „Der Aufklärung und der Wahrheit“. „Parlamentär“, 1887, № 10.

[3]) «Варшавскій Дневникъ», 1888, №№ 183, 184 и 188 и отдѣльный оттискъ въ 24 стр.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

гдѣ указываетъ на единственную возможность созданія этого языка тѣмъ, что всѣ славяне въ основу своего общенія примутъ русскій литературный языкъ съ условіемъ, что онъ будетъ очищенъ отъ галлицизмовъ и германизмовъ.

Кромѣ этихъ сочиненій общаго значенія, А. И. Добрянскій написалъ цѣлый рядъ статей по частнымъ вопросамъ, неизмѣнно обнаруживая широту своего образованія. Въ 1894 г. онъ рѣзко выступаетъ въ своей статьѣ «Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ»[1]) противъ епископа Панковича, а въ сущности и вообще противъ латинизаціи церковнаго обряда и мадьяризаціи безправнаго угро-русскаго народа. Въ 1889 году Добрянскій печатаетъ статью «Партійная жизнь славянъ въ Чехіи»[2]), гдѣ подробно анализируетъ программы чешскихъ партій и призываетъ чеховъ не слишкомъ увлекаться славянофильствомъ только австрійскаго масштаба. Слѣдуетъ сказать, что Добрянскій отлично учитывалъ мощь и конкретность чешскаго славянофильскаго движенія и широкую программу панславизма, развиваемую выдающимися чешскими писателями и учеными, которые впослѣдствіи оказали вліяніе и на все славянское движеніе въ Европѣ. Добрянскій участвовалъ въ общей творческой работѣ на полѣ объединенія славянства съ Палацкимъ, Ригромъ, Ганкою, Гавличкомъ, Браунеромъ, Грегромъ и др. чешскими дѣятелями, лично былъ знакомъ съ ними, со многими состоялъ въ перепискѣ, такъ что, если у него и были разногласія съ чешскими идеологами, то это касается не принципіальнаго расхожденія во взглядахъ, но необходимостью каждой творческой работы, тѣмъ болѣе протекавшей въ столь тяжелыхъ для всего славянства условіяхъ. Не менѣе близокъ былъ Добрянскій и къ словацкимъ дѣятелямъ; Гурбанъ, д-ръ А. Радлинскій, Іозефъ Шкультеты, Францисци, Мудронь и Дакснеръ были его личными друзьями и съ ними онъ не только обсуждалъ, но осуществлялъ способы національнаго возрожденія словаковъ.

Въ своемъ трудѣ «Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого» (1896 г.) Добрянскій съ исключительной глубиной высказывается о значеніи философскихъ и общественныхъ идеаловъ великаго писателя Земли Русской. Наконецъ, двѣ его статьи «Куда мы дошли?» (1898) и «Гдѣ выходъ?» (1901 г.) являются какъ-бы эпилогомъ его бурной и неутомимой дѣятельности. Въ первой изъ нихъ Добрянскій съ разочарованіемъ указываетъ на то, что планы русскихъ патріотовъ не осуществились, разбились объ организованное мадьярско-нѣмецкое противодѣйствіе, а во второй, послѣдней въ своей жизни, стойко и убѣжденно указываетъ на возможные пути исхода къ лучшему будущему.

Кромѣ этихъ трудовъ Добрянскаго, касающихся исторіи,

---

[1]) Напечатано въ Москвѣ подъ псевдонимомъ «Срѣмецъ».
[2]) „Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen“ въ „Parlamentär“.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

политики и національнаго вопроса, слѣдуетъ еще кратко остановиться на его спеціальныхъ работахъ по исторіи и администраціи церкви.

Въ 1869 г. А. И. Добрянскій участвовалъ на католическомъ съѣздѣ въ Будапештѣ, какъ делегатъ Земплинскаго округа, и энергично защищалъ автономію угро-русской церкви, обнаруживая исключительныя познанія въ церковной исторіи. Его рѣчь, произнесенная на соборѣ, была обнародована въ мадьярской газетѣ «Автономія»[1]). Проэктъ автономіи угро-русской церкви не осуществился, но тѣмъ не менѣе Добрянскій продолжалъ рѣшительную борьбу въ защиту греческаго обряда и возрастающихъ попытокъ латинизаціи. Въ 1840-хъ годахъ угро-русскіе епископы стали брить бороды, въ 1862 г. бритье бородъ по латинскому образцу было вмѣнено всему угро-русскому уніатскому духовенству, но распоряженіе это осталось только на бумагѣ. Въ 1880 г., преемникъ еп. Іосифа Гаганца — еп. Николай Товтъ возобновляетъ это распоряженіе и грозитъ карами тѣмъ, кто его не исполнитъ. Добрянскій, видя, что въ «русской бородѣ» и длинныхъ волосахъ для карпаторроссовъ скрывается символъ протеста противъ латинизаціи, написалъ обширный «Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу» (1881 г.), который и былъ подписанъ многочисленными священниками во главѣ съ поэтомъ А. И. Павловичемъ. Когда-же епископъ разослалъ подписавшимъ угрожающія письма, Добрянскій составилъ «Аппелляцію къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды» (1881 г.), съ просьбою отмѣнить распоряженіе еп. Николая Товта и внушить ему, чтобы онъ не поддавался вліянію мадьяръ и хранилъ восточный обрядъ во всей его чистотѣ, какъ то предусматриваетъ Флорентинскій соборъ.

Извѣстный политическій, хотя и на религіозной почвѣ, процессъ «Ольги Грабарь и др.», въ которомъ косвенно главнымъ обвиняемымъ явился Добрянскій, породилъ цѣлую литературу. Во первыхъ, самая рѣчь А. И. Добрянскаго на судѣ является блестящимъ образцомъ не только ораторскаго, но и эристическаго искусства, а затѣмъ онъ-же выступаетъ, какъ защитникъ и тѣхъ, кто невинно пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ.

«Аппелляція къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника мѣстечка Скалатъ Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ 1883 года», — доказываетъ несостоятельность митрополичьяго обвиненія Наумовича въ томъ, что онъ содѣйствовалъ переходу

---

[1]) Autonomia, 1869, №. 147. Та-же мысль высказана и въ его статьѣ въ «Свѣтѣ» за 1871 г., Прибавленіе, № 2.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ православіе, а параллельно выявляетъ тѣ злоупотребленія въ уніатской церкви, которыя и обусловливаютъ переходъ въ православіе, но которыя зависятъ не отъ отдѣльныхъ священниковъ, а отъ самого митрополита, желающаго свалить свою вину на другого.

Въ прямой связи съ положеніемъ уніатской церкви въ Галиціи послѣ процесса и со стремленіемъ къ ея латинизаціи со стороны поляковъ связана обширная статья Добрянскаго — «Матерьялы для памятной записки галицкихъ русскихъ о мѣропріятіяхъ, проводимыхъ въ послѣднее время въ жизнь подъ предлогомъ реформы галицкаго чернаго духовенства и угрожающихъ самому существованію галицкой грекo-католической церкви (1885[1]). Эти матеріалы легли въ основу меморандума, поданнаго галицкими русскими императору и правительству. Въ 1888 году была напечатана статья «Къ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго престола»[2]), а въ 1892 г. — «Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне».

Въ связи съ 1000-лѣтіемъ со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго въ 1885 году и 1000-лѣтіемъ изгнанія его учениковъ изъ Моравіи въ 1886 году, послѣ чего начались латинскія гоненія на славянскую церковь, Добрянскій написалъ статью подъ заглавіемъ «Въ день праздника св. великомученика Димитрія»[2]), которая содержитъ богатѣйшій матеріалъ по исторіи угорской церкви вообще и разсматриваетъ судьбы учениковъ славянскихъ первоучителей, въ частности св. Меѳодія.

Таковы вкратцѣ личность и труды одного изъ крупнѣйшихъ всеславянскихъ и общерусскихъ дѣятелей прошлаго столѣтія — карпаторосса А. И. Добрянскаго. Большинство трудовъ его было опубликовано на нѣмецкомъ, мадьярскомъ, латинскомъ и чешскомъ языкахъ въ силу понятныхъ — практическихъ причинъ, но то, что было написано Добрянскимъ по русски и понынѣ можетъ быть образцомъ и для всей научной и научно публицистической литературы. Творчество Добрянскаго не только охватываетъ всю вторую половину XIX вѣка, но и предопредѣлило всѣ прочія выдающіеся явленія карпато-

---

[1]) „Material zur Denkschrift der galizischen Russen über die Massregeln, welche neuester Zeit unter dem Vorwande einer Reform des galizischen Regularclerus in's Leben gerufen, die griechisch-katolische Kirche Galiziens in ihrem Bestande gefährden ; впервые напечатано въ „Parlamentär“ (1885 г.), а затѣмъ издано отдѣльнымъ выпускомъ. Стр. 173.

[2]) „Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seiten, des Apostolischen römischen Stuhles“ ; напечатано въ „Parlamentär“ 1888. г.

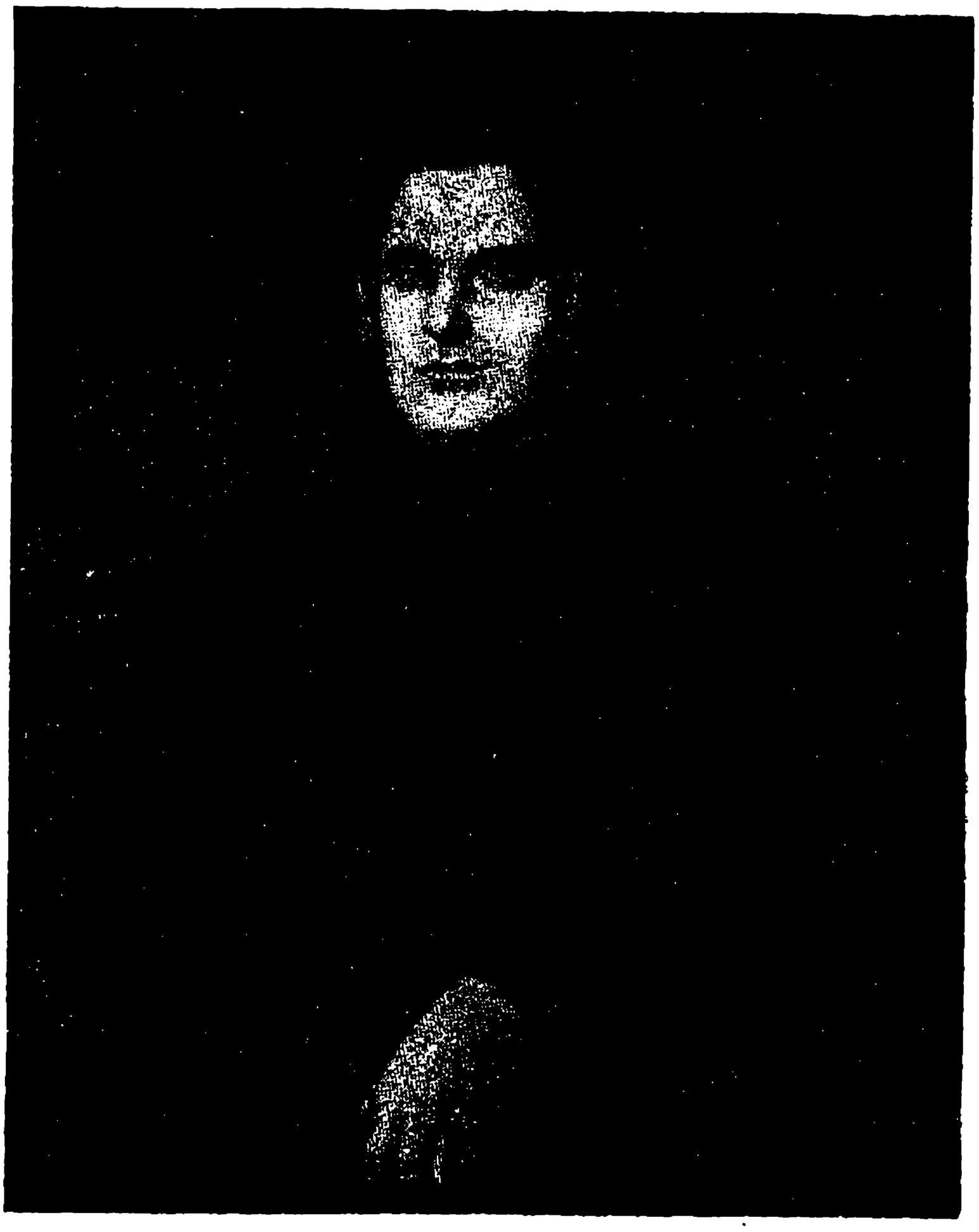
[3]) „Am Festtage des heiligen Grossmärtyrers Dimitrij“ ; напечатано въ „Parlamentär“ 1886, № 46 и отдѣльнымъ выпускомъ въ 40 стр. Имѣется и чешское изданіе.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

русской литературы этого періода. Конечно, по своему значенію и смыслу сочиненія Добрянскаго далеко не вмѣщаются въ узкія рамки карпаторусской литературы, они принадлежатъ къ цѣнностямъ всего русскаго народа, къ которымъ Добрянскій, какъ карпаторосс̀ъ по происхожденію, внесъ свою богатую долю.

10. А. В. Духновичъ.

Если, говоря образно, Добрянскій въ отношеніи къ Подкарпатской Руси игралъ роль самозваннаго министра иностранныхъ дѣлъ, то обязанности министра народнаго просвѣщенія принялъ на себя другой выдающійся общественный



А. В. Духновичъ.

дѣятель — Александръ Духновичъ. Онъ былъ старше Добрянскаго, а потому и русское чувство его, обнаружившееся значительно раньше первыхъ признаковъ возрожденія призрака

[1]) Въ французскомъ журналѣ «Le monde slave», Парижъ, 1930 въ №№ X—XII, стр. 46, 248 и 360 напечатана статья Ильи Боршака: Національное украинское движеніе въ XIX ст. (Elia Borschak: Le mouvement national oukrainien au XIX siecle.), въ которой Добрянскій представленъ, какъ одинъ изъ вождей именно той идеологіи сепаратизма, противъ которой онъ боролся. Мы считаемъ излишнимъ опровергать подобное мнѣніе, такъ какъ абсурдность его очевидна.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

національной свободы, вростало своими истоками въ народную карпаторусскую традицію. Онъ не обладалъ столь обширнымъ и глубокимъ образованіемъ, какъ Добрянскій, и въ защиту своего народа не въ состояніи былъ выступать на международномъ форумѣ во всеоружіи науки и дипломатическаго искусства. Но, въ отличіе отъ Добрянскаго, было у него одно качество, которое и создало ему славу, возрастающую съ каждымъ годомъ еще и понынѣ. Если Добрянскій пробудилъ сонное состояніе карпаторусской интеллигенціи и сталъ во главѣ ея въ борьбѣ за національныя права, то Духновичъ своимъ мягкимъ, отеческимъ, преисполненнымъ любви къ народу и созвучащимъ народу голосомъ — пробудилъ самый народъ. Самъ изъ народа, онъ впиталъ съ молокомъ матери дремотное національное чувство народа, осозналъ его, осуществилъ въ словѣ и снова вложилъ въ уста народу. Въ этомъ и заключается таїна обаянія Духновича на карпаторусскую народную среду, которая однимъ только именемъ его въ настоящее время опредѣляетъ свое вѣковѣчно-русское лицо[1]).

Александръ Васильевичъ Духновичъ родился 24 апрѣля н. ст. 1803 года въ селѣ Тополя, Земплинской столицы въ семьѣ приходскаго священника. Отецъ его вскорѣ скончался и дѣломъ воспитанія мальчика занялся его дѣдъ по матери — Дмитрій Герберій. Мальчику не было еще и шести лѣтъ, какъ онъ уже прошелъ изустную школу грамоты, такъ что семи лѣтъ онъ уже впервые читалъ въ церкви Апостолъ. Въ 1882 г. Духновича отдаютъ въ ужгородскую гимназію, гдѣ онъ фактически и принужденъ былъ впервые обратиться къ изученію мадьярскаго языка, такъ какъ все преподаваніе шло по мадьярски. Окончивъ гимназію въ Ужгородѣ, будущій поэтъ отправляется въ Кошицы, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ (1823—24) проходитъ «философію» (т. е. 7 и 8 классы гимназіи). Въ началѣ Духновичъ хотѣлъ посвятить себя свѣтской карьерѣ, но безотрадное положеніе матери съ четырьмя дочками-сиротами принудило его обратиться къ традиціонному пути карпато-

---

[1]) Объ А. В. Духновичѣ имѣется обширная литература, которая имѣетъ и свой полный указатель, см. Проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій А. В. Духновича, изд. О-ва им. А. В. Духновича, вып. 45. Ужгородъ, 1928 и Ю. А. Яворскій: Къ библіографіи литературы объ А. В. Духновичѣ, изд. О-ва им. А. В. Духновича, вып. 52, Ужгородъ, 1928.

Наиболѣе полными очерками являются: Проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Карпато-Русскіе писатели — А. В. Духновичъ, 3-е доп. изд. О-ва им. А. В. Духновича, вып. 55, Ужгородъ, 1929; А. В. Поповъ: А. В. Духновичъ, изд. Народопросвѣт. Рады Иршавскаго окр., Мукачево, 1929; Д-ръ Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ и его поэзія, изд. О-ва им. А. В. Духновича, вып. 74, Ужгородъ, 1930, гдѣ имѣется много новыхъ матеріаловъ, хотя не со всѣми положеніями изслѣдователя можно согласиться. Важно познакомиться также съ книжкой М. Демко: Письма А. Духновича къ Я. Головацкому, изд. «Карпаторусскій Орелъ», Мукачево, 1927; эта книжка является выборкой изъ изданія К. Студницкаго: Корреспонденція Якова Головацького въ літахъ 1850—62, Львовъ, 1905.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

русской интеллигенціи: еще въ Кошицахъ Духновичъ былъ посвященъ въ стихарь, а затѣмъ переведенъ въ Ужгородскую Богословскую Семинарію, которую и закончилъ въ 1827 году. По предложенію епископа пряшевскаго Тарковича молодой человѣкъ принялъ мѣсто актуара епископской канцеляріи, гдѣ ему пришлось работать подъ руководствомъ секретаря и епархіальнаго нотаріуса Василія Поповича, впослѣдствіи епископа мукачевскаго. Скудость содержанія, котораго не хватало даже на пищу, а тѣмъ болѣе на одежду, принудила Духновича къ смѣлому шагу: попросту говоря, онъ бѣжалъ изъ Пряшева въ Ужгородъ, надѣясь у своего бывшаго начальника, а нынѣ мукачевскаго епископа, получить болѣе доходное мѣсто. Еп. В. Поповичъ вначалѣ отнесся къ Духновичу благосклонно однако — по уставу — прежде чѣмъ дать мѣсто, запросилъ еп. Тарковича. Послѣдній вообще къ Духновичу относился неблагопріятно, а узнавъ о побѣгѣ, далъ такую аттестацію, что вопросъ о должности въ епархіи отпалъ самъ собою. Тарковичъ требовалъ, чтобы провинившійся актуаръ немедленно возвратился въ Пряшевъ. Духновичъ предчувствовалъ, какая судьба ожидаетъ его послѣ возвращенія, медлилъ, и въ результатѣ счастливая случайность позволила ему отдалить день расплаты за свой побѣгъ. Онъ получилъ мѣсто домашняго учителя и воспитателя сына ужгородскаго поджупана Степана Петровая, гдѣ онъ и оставался въ теченіи двухъ лѣтъ, одновременно занимаясь въ епархіальной библіотекѣ, пополняя свое образованіе. Въ 1832 г. Духновичъ возвращается въ Пряшевъ, занимаетъ временную должность въ епископской канцеляріи, а въ 1833 г. получаетъ назначеніе въ качествѣ приходскаго священника въ Комлошъ, и въ 1834 г. въ отдаленную и необычайно бѣдную деревушку Бѣловѣжу. Здѣсь, по собственному признанію поэта, онъ чувствовалъ себя, какъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Въ 1838 году онъ былъ назначенъ снова въ Ужгородъ въ качествѣ нотаріуса консисторіи, а въ 1843 году отличенъ званіемъ каноника и переведенъ въ Пряшевъ, гдѣ онъ и отдается всецѣло работѣ на полѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1847/48 г. Духновичъ выѣзжалъ въ качествѣ посла пряшевской Капитулы въ Братиславу (Пресбургъ) на собраніе краевыхъ депутатовъ, которое пыталось выработать самостоятельную, независимую отъ Австріи, конституцію края. Когда-же началась мадьярская революція, Духновичъ, какъ и всѣ австрійскіе славяне, былъ всецѣло на сторонѣ Вѣны, ожидая улучшенія правового положенія своего народа, какъ подъ вліяніемъ прихода русскихъ войскъ, такъ и подъ вліяніемъ обѣщаній правительства Австріи. Дѣйствительно, на краткій мигъ «благосклонное солнышко показалось», но и этотъ краткій мигъ оказалъ на національное самосознаніе карпаторосовъ огромное вліяніе. Духновичъ въ полной мѣрѣ воспользовался этой передышкой денаціонализаціи. Онъ заботится объ организаціи русской печатни, сначала въ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Пряшевѣ, потомъ въ Ужгородѣ, «Пряшевскаго Литературнаго Заведенія», изъ дома своего создаетъ мѣсто культурно-національныхъ собраній, пишетъ, издаетъ, побуждаетъ къ дѣятельности другихъ. Въ домѣ своемъ онъ содержитъ на свой счетъ дѣвочекъ — «поповскихъ сиротъ», къ обѣду къ нему приходятъ бѣдные угро-русскіе и галицкіе студенты. Рѣчь исключительно русская[1]). Все это обращаетъ на себя вниманіе полиціи. Какъ извѣстно, Духновичъ во время возстанія мадьяръ былъ арестованъ и его пѣшкомъ гнали изъ Пряшева въ Кошицы. Только случайность спасла его отъ расправы. Духновича полиція хотѣла арестовать въ Ужгородѣ, когда онъ ратовалъ за русскую печатню. Духновичъ былъ подъ полицейскимъ надзоромъ въ Пряшевѣ. Но все это нисколько не измѣнило его направленія: онъ смѣло и непреклонно продолжалъ свою дѣятельность, которая вскорѣ и была достойно оцѣнена общественностью. Въ 1864 году неутомимый труженикъ заболѣлъ, у него начала развиваться водянка, а въ мартѣ (30 н. ст.) Духновича не стало.

«Духновичъ... Кому изъ русскихъ сыновъ неизвѣстно сіе имя? Имя мужа, который изъ вѣкового сна возбудилъ насъ къ дѣланію на родной нивѣ русской словесности. Онъ зажегъ свѣтильникъ и сталъ проводникомъ, пока самъ не угасъ... Имя Духновича не только что эпоху составляетъ въ литературѣ угорскихъ русиновъ, но онъ безсомнѣнно есть основателемъ развивающейся молодой еще словесности нашей». Такими словами отмѣтилъ въ некрологѣ значеніе Духновича его младшій талантливый собратъ по перу — Анатолій Кралицкій[2]).

Переходя къ обзору литературно-творческой работы Духновича, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ въ силу обстоятельствъ былъ не только писателемъ, но и издателемъ своихъ и чужихъ произведеній художественнаго значенія. Для удобства обозрѣнія мы будемъ разсматривать его труды не въ хронологическомъ порядкѣ, а по видамъ творчества. Прежде всего Духновичъ былъ поэтъ и не только въ эстестическомъ значеніи, но поэтъ народа своего; вся его дѣятельность предполагаетъ національное вдохновеніе, которое равно отразилось и въ его стихотвореніяхъ и въ его народно-педагогической дѣятельности.

Стихи Духновичъ началъ писать еще во время своего перваго пребыванія въ Ужгородѣ[3]). Первымъ извѣстнымъ намъ стихотвореніемъ его была «Ода на тріумфъ Ніколая

---

[1]) См. «Дѣло», Львовъ, 1886, № 7.

[2]) См. «Мѣсяцословъ» на 1866 годъ, Ужгородъ.

[3]) Стихотворенія Духновича изданы были Д-ромъ Франтишкомъ Тихимъ: Поэзіи Александра Духновича, изд. «Просвѣта» въ Ужгородѣ, 1922, стр. 92, всего 38 стихотвореній. Въ настоящее время Д-ръ Н. А. Бескидъ издастъ гораздо болѣе полное собраніе (112 вещей) въ изд. О-ва им. А. В. Духновича, тексты провѣрены по рукописямъ и первопечатнымъ текстамъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

царя Россіи, ёгда на турковъ воевалъ...» помѣченная 1 октябремъ 1829 года. Далѣе стихотворенія Духновича публиковались въ его альманахахъ «Поздравленіе Русиновъ» на 1850, 1851 и 1852 годы, «Мѣсяцословахъ» на годы 1865, 1866, «Зорѣ Галицкой», «Вѣстникѣ», «Словѣ», «Отечественномъ Сборникѣ» и др. повременныхъ изданіяхъ. По формѣ своей стихотворенія Духновича распадаются на оды, лирико-патріотическія пѣсни, сантиментально-лирическія пѣсни, народныя пѣсни и логогрифы.

Оды Духновича съ формальной стороны обнаруживаютъ непосредственное вліяніе Державина, творчествомъ котораго онъ увлекался. На Духновича, какъ и на другихъ карпаторусскихъ и славянскихъ поэтовъ, большое впечатлѣніе произвела ода Державина «Богъ», гдѣ гиперболическіе образы сочетаются съ глубокимъ философскимъ и религіознымъ чувствомъ[1]), что и отразилось на его вещахъ «Мысль о Бозѣ», «Вѣчность», «Солнце», «Мѣсяцъ», «Надежда на Бога» и др. Съ другой стороны, яркое отраженіе въ творчествѣ карпаторусскаго поэта имѣетъ и чисто державинская сатирическая ода, слѣды которой безъ труда можно отыскать въ его стихотвореніяхъ «О придворной жизни», «Храмъ любви», гдѣ уже замѣтно вліяніе сантиментальной поэтики. Оды-привѣтствія («Ода Василію Поповичу», «Праводушное привѣтствованіе Франца Іосифа», «Голосъ радости въ честь новопоставленному Митрополиту Львовско-Галичскому Григорію Яхимовичу отъ угорскихъ Русиновъ» и др.), хотя и носятъ привычный трафаретъ ложноклассической оды, но въ нихъ зачастую, какъ-бы въ видѣ отступленія, проявляется и чувство искренней правдивости, особенно тамъ, гдѣ авторъ и по своему положенію можетъ оставить форму внѣшней торжественности («Поздравленіе новому другу», «Отвѣтъ Іосифу Левицкому» и др.). Какъ извѣстно, Духновичъ подъ вліяніемъ Я. Головацкаго, извѣстнаго галицко-русскаго фольклориста, обратился къ собиранію и записямъ текстовъ простонародныхъ пѣсенъ. Часть его собранія была опубликована въ сборникѣ Я. Головацкаго — «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси». Время собиранія относится къ пребыванію поэта въ Бѣловѣжѣ, къ 1838 году, то-есть къ тому періоду, когда поэтическая дѣятельность Духновича еще не опредѣлилась, и самое знакомство съ простонароднымъ изустнымъ творчествомъ рѣшительно повліяло на его позднѣйшія стихотворенія. Несомнѣнно, что Духновичъ былъ знакомъ съ русскими поэтами сантиментальной школы, которые также обратились къ народной пѣснѣ, но одновременно и пытались ее «облагородить» на подобіе пасторали французскаго образца. У Духновича это можно установить самымъ точнымъ образомъ при анализѣ типическихъ эпитетовъ въ такихъ вещахъ, какъ «Храмъ любви», «Незабудка», «Дѣвушка въ саду», «Туга» и др., но одновременно съ этимъ мы наблю-

[1]) См. В. Л. Францевъ: Державинъ у Славянъ, изд. «Пламя», Прага, 1924.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дѣлъ у Духновича и непосредственное, гораздо болѣе важное въ его творчествѣ, прямое вліяніе родной пѣсни, простонародной («Пѣснь просто-народна», «Помяникъ», «Ой гаю мой, гаю», «Жаба» и др.). Въ результатѣ обоихъ вліяній Духновичъ создаетъ свою, особую поэтику, которая и является причиной его славы: онъ не олитературивалъ народной пѣсни, но свои чувства и мысли стремился передать, пользуясь богатствомъ формъ и языка привычныхъ ему народныхъ пѣсенъ, а потому и не удивительно, что его стихи запѣлъ и самъ народъ. Образцомъ такого оригинальнаго творчества могутъ послужить его стихи — «Тоска на гробѣ милой», «Любовь милой и отечества», «Дума на 60-лѣтній день», «Послѣдняя моя пѣснь», «Вручаніе», «Отечество» и др.

Патріотическія стихотворенія Духновича не составляютъ особаго формальнаго цикла: всѣ стихотворенія его проникнуты національнымъ патріотизмомъ, то въ формѣ гимна-призыва («Вручаніе», «Русскій маршъ»), то въ видѣ лирической пѣсни («Слава ставай», «Русинъ» — «Ой роде мой, роде . . .», «Любовь милой и отечества»), но можно указать, какъ на особенность патріотическаго творчества его «Поздравленіе Русиновъ» на 1851, 1852 и 1853 годы, которые одновременно являются и «стихотвореніями на случай» и своеобразными предисловіями въ стихахъ къ его альманахамъ съ тѣми-же заглавіями. Въ этихъ «поздравленіяхъ» Духновичъ поэтически повѣствуетъ о судьбахъ своего народа, высказываетъ славянофильскія идеи, побуждаетъ къ національной работѣ и заставляетъ вѣрить въ «новую жизнь».

Такъ-же неотдѣлимъ отъ всего творчества Духновича его здоровый юморъ. Онъ и въ горестяхъ, неожиданно, находитъ утѣшеніе въ народномъ юморѣ. То поэтъ рѣшаетъ пропѣть «Надгробное вепрю», то, пользуясь народной прибауткой, разсказываетъ исторію «Мухи» или доказываетъ, что все «Что бывало — есть и нынѣ»; пользуясь однообразной повторяющейся рифмой, онъ высказываетъ свое новогоднее пожеланіе: «колько въ зимѣ воронъ, летитъ со всѣхъ сторонъ, въ стодолахъ воробцей, хитренькихъ молодцей, колько въ яри синиць, и въ мясницахъ пѣкниць, въ лѣтѣ гучитъ горлиць, а въ осени терлиць, по Бескидѣ яглиць . . . только все веселыхъ да будетъ русскихъ лиць». Въ особомъ циклѣ «Логогрифы» Духновичъ создалъ рядъ вещей въ 4—8 строчекъ, исполненныхъ не только юмора, но порою и сатиры. Логогрифы — это загадки, краткія поученія, афоризмы, эпиграммы, какъ результатъ вѣчной народной мудрости.

Художественная проза Духновича представлена главнымъ образомъ его пьесами, изъ которыхъ одна — «Добродѣтель превыспиастъ богатство» была издана въ 1850 году[1]) и была

[1]) Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изрѣченію въ пользу народа Карпато-Русскаго отъ Александра Духновича. Въ Перемышли, тыпомъ собора русскихъ Крылошанъ, 1850, 16; стр. 122.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

представлена студентами во время майскихъ праздниковъ въ 1851 г.[1]). Содержаніе пьесы немногосложно; на первомъ мѣстѣ выступаетъ не психологія дѣйствія и героевъ, а поучительность фабулы, какъ это было въ «рождественскихъ играхъ» нравоучительнаго характера, которыя разыгрывали ученики семинарій въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Объ этомъ-же свидѣтельствуютъ и имена дѣйствующихъ лицъ: Многомавъ, Чесножив'ъ, Храбростой, Богобой и т. д., заранѣе опредѣляющія характеръ каждаго лица; корчмарь — жидъ Чмуль и Судій съ присяжными являются типической народной пародіей на сельскаго капиталиста, который ловко обираетъ богатаго, но пьянствующаго Многомава, и на неправедный судъ. Смыслъ пьесы таковъ, что богатство, если оно нечестно пріобрѣтено и лишено принциповъ просвѣщенія — счастья не приноситъ, въ то время, какъ правдивость и честность, хотя-бы и бѣдныхъ людей, споспѣшествуютъ счастію людей. Всѣ эти качества пьесы нельзя относить за счетъ прямого вліянія на Духновича ложно-классическихъ пьесъ, такъ какъ при наличіи типическихъ характеровъ и окончательнаго торжества добродѣтели, ни единство дѣйствія, ни единство мѣста и времени, какъ обязательныя условія ложно-классической теоріи, не соблюдены. Вѣроятно Духновичъ пользовался образцомъ такъ наз. «школьной драмы». Языкъ пьесы — простонародный, такъ какъ поэтъ расчитывалъ, что ставить ее будутъ для народа, что въ настоящее время и оправдалось, такъ какъ его пьеса въ современности, фактически послѣ переворота, выдержала сотни представленій.

Другая пьеса Духновича — «Головный Тарабанщикъ» опубликована не была и въ настоящее время неизвѣстно, гдѣ находится[2]).

Беллетристическихъ произведеній Духновичъ почти не писалъ. Въ альманахѣ 1851 г. имѣется его философскій разсказъ «Память Щавника», написанный въ духѣ сантиментальной прозы Карамзина. Въ томъ-же альманахѣ и въ томъ-же стилѣ написана «идильская повѣсть, отъ древнихъ Русиновъ временъ» — «Миленъ и Любица», которую д-ръ Ф. Тихій приписываетъ Духновичу, однако, точно установить автора этой повѣсти пока не удалось. И. С. Свѣнцицкій указываетъ, что въ библіотекѣ «Народнаго Дома» въ Львовѣ имѣлось пять сборниковъ неизданныхъ сочиненій Духновича, изъ которыхъ одинъ, «Забавки», въ третьей части содержалъ «по-

[1]) См. «Вѣстникъ для Русиновъ Австр. Державы», 1851, стр. 354.

[2]) И. С. Свѣнцицкій въ «Описаніи иноязычныхъ и новѣйшихъ карпато-русскихъ рукописей библіотеки «Народнаго Дома» въ Львовѣ», Львовъ, 1905, указываетъ и даетъ подробное описаніе пяти рукописныхъ сборниковъ А. Духновича. Въ настоящее время эти сборники исчезли; существуетъ мнѣніе, что они были вывезены во время войны въ Россію, въ частности указывается Таганрогъ, но до сихъ поръ это мнѣніе не подтвердилось.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вѣсти». Гдѣ этотъ сборникъ находится въ настоящее время, также неизвѣстно.

Однако, вся эта художественно-литературная дѣятельность Духновича является только частью всей его народовоспитательной и будительской работы. Еще въ 1847 г., только въ предвѣстіи національнаго возрожденія, Духновичъ уже творилъ національное дѣло: онъ издалъ русскій букварь — «Книжицу читальную для начинающихъ»[1]), которая въ теченіи пяти лѣтъ выдержала три изданія. Эта «книжица азбучная» была съ восторгомъ встрѣчена не только въ Угорской Руси, но и въ Галиціи, такъ какъ, сравнительно со всѣми предшествующими букварями, отличалась богатствомъ содержанія. Въ 1851 г. онъ выпускаетъ «Краткій землеписьдля молодыхъ Русиновъ»[2]) и «Хлѣбъ души, или набожныя молитвы и пѣсни для восточной церкви православныхъ христіанъ»[3]); послѣдняя книга выдержала до десяти изданій и является излюбленнымъ чтеніемъ еще и въ настоящее время. Въ этомъ-же году былъ изданъ и «Литургическій Катехизисъ»[4]), причинившій составителю не мало заботъ, такъ какъ въ ней оффиціальные цензоры замѣтили въ статьѣ «Когда и какъ совершается освященіе даровъ?» отступленіе отъ догматовъ католической церкви. Началась переписка между нунціатурой въ Вѣнѣ и еп. І. Гаганцомъ; нунціатура требовала исправленія текста, но Духновичъ категорически отказался это исполнить и предпочелъ, чтобы изъ книги было вырѣзано нѣсколько страницъ: «пускай латинствующіе вѣнскіе каноники вѣруютъ, какъ хотятъ, я же, Духновичъ, такъ вѣрую и исповѣдую, и ни за что не отступлю отъ преданій св. отцовъ и ученія св. восточной церкви...»[5]). Во второмъ изданіи отъ 1854 г. этотъ вопросъ былъ опущенъ вовсе.

Въ 1853 г. Духновичъ издаетъ «Сокращенную грамматику письменнаго русскаго языка»[6]), въ 1854 г.

---

[1]) Будапештъ, 1847, 32⁰, стр. 120; 2-е изд. — Будапештъ, 1851; 3-е изд. — Будапештъ, 1852.

[2]) Перемышль, 1851, 16⁰, стр. 100.

[3]) Будапештъ, 16⁰, стр. 184, 1851 и 1857, далѣе изданіе повторялось въ Перемышлѣ въ 1860, 1864, 1866, 1868, 1869, 1877 гг. и т. д.

[4]) Будапештъ, 8⁰, стр. 207; 2-е изд. — Львовъ, 1854.

[5]) См. «Дополненія къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго», СПб., 1874, стр. 64, прим. № 443.

[6]) Вопросъ объ изданіи этой грамматики вызвалъ цѣлую литературу. Дѣло въ томъ, что В. Терлецкій въ своей книгѣ «Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи» (Кіевъ, 1874, стр. 27) пишетъ: «Стараніемъ Раковскаго напечатана въ Пештѣ краткая грамматика Духновича, съ исправленіемъ правописанія на основаніи чисто русской орѳографіи, на что покойный сначала негодовалъ, но впослѣдствіи и самъ былъ доволенъ этою перемѣною». Украинофилы изъ этого заключаютъ, что, во первыхъ, Духновичъ не зналъ и не писалъ по «великорусски», а во вторыхъ, первичный текстъ грамматики у него былъ созданъ для «народной мовы». О первомъ спорить не приходится, такъ какъ Духновичъ о «великорус-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

«Молитвенникъ для русскихъ дѣтей»[1]) и въ 1857 г. «Народную педагогію въ пользу учителей сельскихъ»[2]).

«Уже на склонѣ сороковыхъ годовъ начали заводить коегдѣ по селамъ народныя училища; но это была большая рѣдкость. Обыкновенно 5—6 мальчиковъ собирались у дьячка въ его тѣсной хатѣ и изучали грамоту по печатаннымъ въ Пештѣ, тамошними сербами, Букварю, Часословцу и Псалтырю. Вотъ и весь запасъ учебниковъ». Такъ характеризуетъ состояніе національнаго просвѣщенія А. Кралицкій въ своихъ воспоминаніяхъ, а затѣмъ добавляетъ: «Нашелся человѣкъ, сдѣлавшій первый шагъ и напечатавшій въ 1847 году русскій «Букварь» для сельскихъ школъ. Сей человѣкъ былъ Александръ Духновичъ.» Мы можемъ въ настоящее время сказать, что Духновичъ былъ первымъ карпаторусскимъ педагогомъ новаго времени вообще: онъ далъ учебники для зарождающихся русскихъ школъ, а въ частности и первую въ полномъ смыслѣ слова русскую грамматику. До него обученіе шло почти исключительно по грамматикѣ церковно-славянскаго языка серба Мразовича[3]); грамматика Лучкая, какъ мы указали, имѣла научное значеніе и для обученія не была пригодна; такимъ обра-

---

скомъ» языкѣ и не задумывался; онъ стремился приблизить народъ къ пониманію русскаго литературнаго языка, о чемъ свидѣтельствуетъ вся его литературная дѣятельность, а въ частности и его письма къ Я. Головацкому, гдѣ онъ «народную мову» называетъ «безправной, простой служанкой, безазбучной, валяющеюся по корчмамъ и по вольнымъ домамъ». Что-же касается второго утвержденія, то уже изъ вышеприведенныхъ словъ Духновича ясно, что онъ, какъ и Головацкій, не сочувствовали тому, что «украиноманы создаютъ новый жаргонъ», а потому правильнѣе предположить, что исправленія И. И. Раковскаго и В. Войтковскаго, если они были, относились къ тому, чтобы замѣнить въ грамматикѣ Духновича чрезмѣрный «союзъ народнаго языка съ библическимъ и церковно-славянскимъ», за который фатовалъ Духновичъ, на формы русскаго литературнаго языка. Впрочемъ, возможно, что, такъ какъ мнѣніе это о «библическомъ» языкѣ было высказано Духновичемъ печатно («Вѣстникъ», Вѣна, 1850, № 62), а русскій литературный языкъ даже названъ быть не могъ, какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ приближаться, безъ опасенія преслѣдованій, то подъ этимъ «библическимъ» языкомъ Духновичъ, по примѣру М. Лучкая, разумѣлъ вообще письменный языкъ, какъ церковно-славянскій, такъ и изобилующій славянизмами языкъ Державина и Хераскова, цитаты изъ которыхъ онъ приводитъ. Это тѣмъ болѣе понятно для Духновича, такъ какъ онъ большинство своихъ изданій не церковнаго порядка (напр., «Педагогію») печаталъ съ отступленіями отъ церк.-слав. языка, но церковно-славянской азбукой. Подробнѣе см. въ вышеуказанныхъ книжкахъ А. В. Попова (стр. 5—12, 22—30) и д-ра Н. А. Бескида (стр. 18—30), гдѣ подробно разсмотрѣны и взаимоотношенія между Духновичемъ и Раковскимъ.

[1]) Будапештъ, 1854, 16⁰, стр. 210.

[2]) Часть I. Педагогія общая. Львовъ, 1857, 8⁰, стр. V+91. «Педагогія спеціальная», какъ часть II, исчезла въ рукописи изъ «Народнаго Дома» въ Львовѣ.

[3]) Отдѣльныя лица пользовались грамматикой Михайла Ломоносова и грамматикой Россійской Академіи Наукъ. Оффиціально въ школы она не допускалась.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

номъ Духновичъ и въ педагогическомъ и въ творческо-литературномъ отношеніи долженъ быть признанъ національнымъ реформаторомъ. И Духновичъ шелъ намѣченнымъ путемъ съ полнымъ сознаніемъ своего національнаго посланія: «Не гадайте, что мы выключительно для живущихъ пишемъ...» «Мы пишемъ для тѣхъ, которые о 50 годовъ жити будутъ...» «Я радовался духомъ, что наши забвенные русины показали пламѣнъ духовной жизни, трудился ночью и днемъ, боролся съ перепонами и врагами и заложилъ «Литературное Заведеніе», которое порядочно издавало начальныя сочиненія».

Но не только «начальными сочиненіями» славенъ Духновичъ. Онъ долженъ быть признанъ и выдающимся ученымъ своего времени. Въ 1847 г. онъ издалъ въ Пряшевѣ «Сводъ законоположеній («Corpus juris»)[1]) въ двухъ частяхъ, а именно касательно каноническаго права вообще («jus canonicum») и примѣнительно для Венгріи («leges regni Hungariae»). Въ 1858 г. въ Львовѣ выходятъ «Правила чина св. Василія Великаго»[2]). Въ 1877 г. въ Петербургѣ К. Кустодіевъ публикуетъ переводъ латинской рукописи Духновича — «Исторія Пряшевской епархіи» (сочиненіе относится къ 1846 г.[3]). Кромѣ того слѣдуетъ указать на сочиненія Духновича, оставшіяся въ рукописи: «Частныя размышленія» («Privatae Cogitationes»[4]), «Біографія Василія Поповича, Епископа Мукачевскаго» («Biographia Basilii Popovics, Episcopi Munkacsiensis»)[5]) и «Уставъ Пряшевской Капитулы» («Statua Capituli Eperiensis»[6]).

Совершенно исключительное значеніе имѣетъ историческій трудъ Духновича подъ заглавіемъ: «Истинная Исторія Карпато-Россовъ или Угорскихъ русиновъ»[7]). Сочиненіе распадается на шесть отдѣльныхъ главъ, въ которыхъ послѣдовательно разсказана печальная судьба «Русиновъ Угорскихъ, отъ завистливыхъ Мадьяровъ только потупленныхъ». Авторъ утверждаетъ, что русскіе пришли на территорію Карпатъ еще до мадьяръ, а прибывшіе послѣдовательно съ мадьярами составляютъ только незначительную часть всего русскаго поселенія. Вплотъ до XIII вѣка историческихъ данныхъ немного, но по даннымъ лингвистики можно установить, что русскіе оказали на пришедшихъ мадьяръ рѣшительное культурное

---

[1]) Часть I — 205 стр., ч. II — 170 стр. 16°, Пряшевъ, 1847.
[2]) 8°, стр. 160, IV.
[3]) 8°, стр. 102.
[4]) Рукопись открыта А. Кралицкимъ и описана въ «Листкѣ», Ужгородъ, 1892, № 4. Относится она повидимому къ 1830 годамъ.
[5]) Въ собраніи Е. А. Будиловичъ въ Москвѣ. Трудъ, повидимому, не законченъ.
[6]) 16°, стр. 226+29. Рукопись указана И. Свѣнцицкимъ въ «Описаніи...»
[7]) Рукопись хранилась въ фундаментальной библіотекѣ Московской Духовной Академіи, куда была передана священникомъ посольской церкви въ Вѣнѣ М. Ф. Раевскимъ. Опубликована проф. Ѳ. Ѳ. Аристовымъ въ «Русскомъ Архивѣ», Москва, 1914, т. I стр. 529—559.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вліяніе; между прочимъ въ именахъ мадьярскихъ вождей Духновичъ видитъ русскія имена. Затѣмъ онъ подробно останавливается на томъ, какъ называетъ себя русское населеніе въ Угріи. Самая исторія угро-россовъ представлена въ видѣ систематическаго удушенія народа, какъ съ точки зрѣнія правовой, такъ и церковно-культурной — со стороны мадьяръ. Въ частности Духновичъ подробно останавливается на возстаніяхъ карпатороссовъ въ защиту восточнаго обряда и съ этимъ обрядомъ непосредственно связываетъ русскую національность.

Особенность исторіи Духновича заключается въ томъ, что, во первыхъ, она написана по русски, въ то время какъ Лучкай и Базиловичъ пользовались латинскимъ языкомъ а, во вторыхъ, она написана дѣйствительно въ соотвѣтствіи съ истиной и очевидно не съ цѣлью изданія въ Венгріи, а скорѣе въ смыслѣ информаціи для русской науки вообще. Научно-информативное значеніе имѣетъ и «Автобіографія» поэта[1]).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Духновичъ былъ одновременно и первымъ газетнымъ корреспондентомъ. Его «Корреспонденціи изъ Пряшева» даютъ не только информацію о важнѣйшихъ событіяхъ края, но попутно обрисовываютъ и условія жизни карпаторусскаго народа. Печатались они въ «Вѣстникѣ» (Вѣна), «Зорѣ Галицкой» (Львовъ), «Отечественномъ Сборникѣ» (Вѣна), «Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи» (Кіевъ), «Словѣ» (Львовъ) и др. повременныхъ изданіяхъ[2]).

Философско-религіозныя сочиненія Духновича, къ сожалѣнію, какъ и его другія рукописи, пропали безъ вѣсти; И. Свѣнцицкій указываетъ на сборникъ «Естественно-духовныя разсужденія», хранившійся въ Львовѣ. Тотъ-же авторъ далъ описаніе и «Записокъ Александра Духновича», имѣющихъ цѣнность историческихъ матеріаловъ[3]).

Для характеристики личности и взглядовъ Духновича большое значеніе имѣютъ его письма къ Я. Головацкому, цитаты изъ которыхъ мы приводили.

Славному зачинателю новой карпаторусской литературы принадлежитъ также составленіе и изданіе перваго русскаго «Мѣсяцослова», который по своему содержанію въ дальнѣйшихъ изданіяхъ былъ расширенъ и явился единственнымъ пе-

---

[1]) Издана тов. «Просвѣта» въ Ужгородѣ, 1928, стр. 19, съ параллельнымъ латинскимъ текстомъ. Написана, повидимому, въ послѣдніе годы.

[2]) Подробнѣе см. у Ѳ. Ѳ. Аристова: «Хронологическій перечень...»

[3]) И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1919.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ріодическимъ, т. е. ежегоднымъ изданіемъ, выходившимъ безъ перерыва вплоть до самого переворота[1]).

Такова трудоспособность была у того, чьи стихотворенія въ настоящее время являются національными гимнами и чья идеологія, по словамъ проф. Аристова, способствовала тому, что «Подкарпатская Русь» (въ противоположность Галичинѣ и Буковинѣ), вплоть до конца міровой войны, не знала національнаго раскола и всегда отстаивала общерусское культурное единство». Духновичъ «русское слово прорекъ», и это слово не только оказало вліяніе на дальнѣйшій ходъ литературнаго развитія, но и было для него прямымъ закономъ[2]).

Что касается языка сочиненій Духновича, то на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Духновичъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ сочиненіями Ломоносова, а въ частности и съ его знаменитой теоріей трехъ стилей, которую въ своей грамматикѣ имѣетъ ввиду и М. Лучкай, не различая въ процессѣ развитія древнеславянскій языкъ отъ позднѣйшаго русскаго. Въ молитвенникахъ и въ одахъ поэтъ обильно пользуется церковно-славянскимъ языкомъ, учитывая особую важность темы. Въ учебникахъ и въ своей исторіи онъ пишетъ, приближаясь къ русскому литературному языку, поскольку, конечно, этотъ языкъ проникъ въ Подкарпатскую Русь и развился путемъ литературнаго общенія и при отсутствіи русской школы. То-же слѣдуетъ сказать и о его стихотвореніяхъ, предназначенныхъ для интеллигенціи. Въ стихахъ-же предназначенныхъ для народа и въ своей пьесѣ «Добродѣтель превыспаетъ богатство» Духновичъ умышленно пользовался нѣкоторыми народными, діалектическими формами, и на экземлярѣ его пьесы, имѣющемся въ библіотекѣ Народнаго Дома во Львовѣ, находимъ его приписку: «Въ книжицѣ сей не внимай слога, ни правописи, бо та для простого писана народа, — и не для литературы, а для пользы народной издана была. Духновичъ».

И все, что написано Духновичемъ, — написано на русскомъ языкѣ, но только различными стилями, какъ это въ свое время предлагалъ дѣлать и Ломоносовъ.

Что-же касается того, что въ стихотвореніяхъ поэта ударніе слова зачастую не совпадаетъ съ метрическимъ, то при-

---

[1]) »Мѣсяцословъ для Русиновъ на годъ 1851. Отъ літературного заведенія Пряшевского. Въ Перемышлѣ. Typомъ русск. Собора Клирошановъ», стр. 63.

[2]) По справедливому замѣчанію д-ра Н. А. Бескида, Духновичъ и его слава были для украинствующихъ «бѣльмомъ въ глазу». Его требовалось или «сдѣлать своимъ» или отвергнуть. Такъ и произошло: І. Созанській призналъ, что Духновичъ творилъ «макулятуру, не литературу» «безъ найменьшої литературної стійности», а д-ръ В. Бирчакъ съ неменьшимъ апломбомъ, пародируя тексты поэта, доказываетъ, что «скрѣзь у Духновича пробивается почутя односты й злуки з великим малоруським народом». Подобныя разнорѣчивыя утвержденія, конечно, расчитаны только на легковѣріе учениковъ, но не на научность. Подробнѣе см. у В. А. Попова: А. В. Духновичъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

чина этого явленія весьма сложна. Во первыхъ, слѣдуетъ оставить мнѣніе, что у карпатороссовъ имѣется какая то особая акцентировка; если и встрѣчается у карпатороссовъ, — а особенно въ стихахъ, гдѣ это очевидно, — удареніе, отличное отъ общепринятаго русскаго, то это всецѣло слѣдуетъ считать ошибкой, — или личной, автора, или традиціонной, развившейся подъ вліяніемъ иныхъ языковъ (напр. словацкаго: на́родъ вм. наро́дъ, по́кой вм. поко́й; польск.: старо́сти вм. ста́рости, дѣла́йте вм. дѣлайте и т. д.) Интеллигенція, проходившая чужеязычную школу (латинско-мадьярскую, мадьярскую или нѣмецкую), конечно, со временемъ, изъ поколѣнья въ поколѣнье, утрачивала чувство акцентировки въ родномъ языкѣ, что особенно показательно въ томъ отношеніи, что не только у разныхъ авторовъ, но и у одного и того-же въ различныхъ стихахъ слово акцентируется различно («Я русѝнъ былъ, есмъ и буду», но «Каждый ру́синъ добрый хлопъ»). Это явленіе неувѣренной акцентировки вполнѣ понятно въ словахъ, заимствованныхъ изъ позднѣйшаго русскаго литературнаго языка, но оно распространяется и на термины мѣстнаго обихода и даже на языкъ церковно-славянскій. Простонародье въ своемъ бытовомъ обиходѣ сохранило гораздо болѣе правильную акцентировку, однако, получая уже денаціонализированное въ смыслѣ родного языка учительство и священство, и оно перенимало ошибки ударенія; особенно это касается населенія городовъ и пригородовъ, гдѣ иноязычная, и при томъ многоязычная, рѣчь обезцвѣчивала и значеніе и звучаніе русскаго слова. Далѣе, слѣдуетъ помнить и то, что Духновичъ и его послѣдователи были только зачинателями культа русской искусственной поэзіи (въ отличіе отъ поэзіи народной, т. е. изустной, пѣсенной) и, конечно, не въ силахъ были преодолѣть всѣ трудности поэтическаго ремесла. Важно то, что при отсутствіи школы родного языка, при наличіи столькихъ иноязычныхъ вліяній, при наличіи презрѣнія къ русскому слову со стороны сильныхъ міра сего, карпаторусскіе поэты обратились именнно къ стихотворчеству на родномъ языкѣ и сквозь невольную безграмотность проявили чувства и мысли высокаго поэтическаго достоинства и искренняго вдохновенія. А то, что они чувствовали красоту русской рѣчи, какъ своей родной, показываетъ тотъ фактъ, что всѣ карпаторусскіе пѣвцы учились слагать стихи по русскимъ образцамъ. Духновичъ зналъ и увлекался Ломоносовымъ, Державинымъ, Хераскови́мъ и русскими сантименталистами; Павловичъ оставилъ тетрадь съ выписками изъ Пушкина, Некрасова, Хомякова и др.[1]). Попрадовъ подражаетъ Пушкину, знаетъ Майкова и Тют-

[1]) Эта тетрадь принадлежала нынѣ покойному И. А. Поливкѣ, другу и издателю А. И. Павловича; она была въ 1927 г. выставлена на выставкѣ культурно-просвѣтительныхъ обществъ въ Пряшевѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

това; Фенцикъ перепечатываетъ Лермонтова («Демонъ») и Хомякова, увлекается Державинымъ и подражаетъ ему. Любопытно отмѣтить, что малорусскіе поэты и, даже наиболѣе талантливый изъ нихъ Шевченко, не оставили въ карпаторусскомъ творчествѣ XIX вѣка рѣшительно никакихъ слѣдовъ ни въ смыслѣ вліяній формальнаго характера, ни тѣмъ болѣе національно-идеологическаго[1]).

11. И. И. Раковскій.

Какъ мы видѣли, и Добрянскій и Духновичъ проявляли исключительное творческое усердіе въ культурно-національномъ отношеніи. Они прокладывали путь для русскаго будущаго Угорской Руси, они призывали и интеллигенцію и народъ вступить на этотъ путь, они впервые указывали на значеніе общественной работы, однако внѣдрить эти идеи въ общественную жизнь, систематически напоминать о нихъ, толковать ихъ — они были не въ силахъ. Эту работу общественной пропаганды и общественнаго созиданія, крайне тяжелую и неблагодарную, принялъ на себя третій вождь карпаторусскаго возрожденія — И. И. Раковскій[2]).

Въ серединѣ XIX вѣка карпаторусская народная масса, въ силу скудости не только національнаго, но и общаго образованія, нуждалось въ дѣятеляхъ просвѣщенія. Эту просвѣтительную дѣятельность могла осуществить интеллинція, такъ какъ на государственную помощь въ національномъ смыслѣ расчитывать не приходилось. Въ 50-хъ годахъ незначительная часть карпаторусской интеллигенціи, вдохновленная призракомъ національной свободы, проявила интересъ къ

---

[1]) Уклонъ къ народной пѣснѣ въ творчествѣ Духновича, а затѣмъ Ѳ. Злоцкаго и І. Мигалки, отнюдь нельзя отождествлять съ украинскимъ вліяніемъ; одни изъ нихъ, по примѣру Пушкина, Некрасова и А. Толстого, восходили къ народной пѣснѣ, другіе, по примѣру Кольцова и Дрожжина, исходили изъ нея. Карпаторусская народная пѣсня — творчество малорусскаго племени; поэты, восходившіе или исходившія изъ нея, конечно, допускали діалектизмы, но не возводили ихъ въ обязательный культъ со всѣми прочими украинскими атрибутами идеологическими, грамматическими и правописными. Подлинно украинское вліяніе обнаруживается только послѣ переворота, о чемъ мы будетъ говорить особо.

[2]) Библіографія сочиненій Раковскаго и литература о немъ еще не собраны. См. замѣтки о немъ въ журналѣ «Листокъ», Ужгородъ, 1885, стр. 89; тамъ-же, 1886, стр. 251 и 1887, стр. 41; «Церковный Мѣсяцословъ на 1894 г., стр. 77—81; Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Карпато-Русскіе писатели, Москва, 1916, стр. 49—62; А. В. Поповъ: И. А. Сильвай и И. И. Раковскій, изд. Народопросвѣт. Рады Нижне-Веречанскаго округа, Мукачево, 1929, стр. 36—48; П. С. Федоръ: Очерки карпаторусской литературы, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 56, Ужгородъ, 1929, стр. 32—35; В. А. Францевъ: Изъ исторіи борьбы за русскій литературный языкъ въ Подкарпатской Руси въ половинѣ XIX ст., изд. «Единство», Прага, 1931; то-же: «Карпаторусскій Сборникъ», изд. Подкарпаторусск. Народопросвѣт. Союза (ПНС), Ужгородъ, 1931, стр. 3—64.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

народному дѣлу. Однако, для успѣха дѣла мало было только отдѣльныхъ идеологовъ и патріотовъ, необходимо было всю интеллигентскую массу вернуть въ русское руслó, а для этого прежде всего была необходима организація и пресса. Стремленіе этого рода, какъ мы говорили, проявилось уже въ засѣданіяхъ ужгородской и пряшевской консисторій 1849 г., но для осуществленія намѣреній просто не оказывалось способнаго человѣка. Впослѣдствіи этотъ трудъ принялъ на себя скромный,

И. И. Раковскій.

широко-образованный, исключительной искренности и правдолюбія человѣкъ — «батюшка Іоаннъ Раковскій.»

Иванъ Ивановичъ Раковскій родился 5 марта 1815 г. въ селѣ Ставное, въ то время Ужанской сто́лицы. Его отецъ былъ окружнымъ нотаремъ, имѣлъ пятерыхъ дѣтей и большими средствами не обладалъ, но у него была рѣшимость и настойчивость, — черты впослѣдствіи переданныя сыну, — и онъ, по мѣрѣ силъ, съ большимъ вниманіемъ относился къ воспитанію своихъ дѣтей. Русской грамотѣ Раковскій научился отъ сво-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

го отца, затѣмъ былъ отданъ въ ужгородскую гимназію, которую и окончилъ. «Философію» (т. е. 7 и 8 классы) онъ прошелъ въ Кошицахъ, получивъ похвальное свидѣтельство. Въ 1832 году онъ поступилъ въ Богословскую семинарію въ Ужгородѣ; по прослушаніи трехъ курсовъ былъ опредѣленъ въ епископскую канцелярію въ качествѣ писца, гдѣ ему пришлось работать подъ начальствомъ А. Духновича, который отзывался о молодомъ помощникѣ съ большой похвалой и «важнѣйшія дѣла повѣрить не сомнѣвался». Еще раньше Духновичъ былъ катехитомъ Раковскаго, что и послужило къ ихъ близкому знакомству. Въ 1839 г. Раковскій безбрачно былъ посвященъ въ іереи, нѣкоторое время работалъ въ мѣстномъ семенищѣ, а затѣмъ отправился на парафію въ Вышнюю Рыбницу, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Въ 1844 году онъ получилъ назначеніе въ ужгородскую Богословскую семинарію въ качествѣ вице-ректора, а одновременно преподавалъ и въ учительской семинаріи. Въ 1848 году идейно Раковскій былъ всецѣло на сторонѣ Добрянскаго, усиленно занимался изученіемъ русской литературы и языка, что и послужило началомъ его общественной карьеры. Въ 1850 г. онъ получаетъ назначеніе въ Пештъ въ качествѣ «переводчика статскаго законника», т. е. государственныхъ законовъ, касающихся Угорской Руси, на русскій языкъ, а одновременно и редакторомъ «Земскаго Правительственнаго Вѣстника для королевства Угорскаго». Здѣсь онъ и познакомился съ путаницей въ русскомъ языкѣ у галичанъ и задумалъ сблизить діалектическій языкъ съ «чистымъ русскимъ языкомъ». Онъ помѣщаетъ нѣсколько статей по вопросу о языкѣ въ нѣкоторыхъ галицкихъ изданіяхъ, а затѣмъ рѣшаетъ и самъ приступить къ изданію перваго карпаторусскаго журнала, и съ этой цѣлью заводитъ ближайшія сношенія съ католическимъ О-вомъ св. Стефана, которое и удѣляетъ ему нѣкоторыя средства. Въ 1856 году начинаетъ выходить подъ его редакціей «Церковная Газета», которая ставила себѣ официальную цѣль «споспѣшествовать правовѣрію и благонравію христіанскому, согласно ученію Святой Каѳолической Церкви, имѣющей въ Римѣ средоточіе своего единства, вмѣстѣ-же и способствовать народному просвѣщенію, посредствомъ сообщенія общеполезныхъ свѣдѣній, относящихся къ духовному образованію и истребленію господствующихъ въ народѣ предразсудковъ и суевѣрныхъ мнѣній». Эта газета выходила въ теченіи двухъ лѣтъ (1856—1857 г. г.) еженедѣльно и обратила на себя вниманіе галицкихъ сепаратистовъ, которые, видя въ ней опаснаго соперника въ смыслѣ пропаганды русскаго литературнаго языка, предприняли всѣ мѣры къ тому, чтобы правительство увидѣло въ дѣятельности Раковскаго «москвофильскую» пропаганду. Полиція посѣтила редакцію съ цѣлью убѣдиться, на какомъ языкѣ Раковскій получаетъ статьи для напечатанія, и, увидѣвъ, что на русскомъ, — никакихъ мѣръ не приняла. Въ маѣ 1857 г. Раковскій полу-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

чилъ правительственный запросъ — почему онъ пользуется «русскимъ литературнымъ языкомъ», въ отвѣтъ на который онъ и изложилъ свое искреннее мнѣніе въ томъ смыслѣ, что онъ является сторонникомъ единства русскаго языка и что русскій литературный языкъ не можетъ разсматриваться какъ чужой ни въ отношеніи къ малороссамъ, ни въ отношеніи къ русинамъ. Благодаря поддержкѣ со стороны русскихъ епископовъ, изданіе благополучно продолжалось впредь до мая 1858 г. когда редактору былъ врученъ декретъ съ требованіемъ перейти на «малорусскій языкъ». Обладая прямодушіемъ и стойкостью, Раковскій не могъ итти на компромиссъ, а потому рѣшилъ вовсе отказаться отъ изданія. Правительство желало избѣжать скандала и объявило Раковскому, что онъ долженъ продолжать изданіе, въ противномъ случаѣ его объявятъ «сопротивникомъ высокому правительству». Въ результатѣ Раковскій рѣшилъ, что онъ будетъ выпускать «Церковный Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы», какъ новое изданіе, которое будетъ печататься кириллицею — «на нашемъ областномъ языкѣ». Хотя этотъ «областной» языкъ былъ только нѣкоторой уступкой въ пользу церковно-славянскаго языка и діалектизма, но Раковскій примириться и съ этимъ не могъ: на 16 № газета прекратила свое существованіе, яко-бы по недостатку средствъ. Въ 1859 г. правительство, вступая на путь реакціи, прекратило изданіе «Земскаго Вѣстника», и Раковскій возвратился въ родныя края въ качествѣ священника въ селѣ Иза. Село это было богатое, предоставлено оно было Раковскому въ силу несомнѣнной симпатіи со стороны русскихъ епископовъ Василія Поповича и Іосифа Гаганца, но все-же Раковскій чувствовалъ себя оторваннымъ отъ центровъ національной работы, а кромѣ того и вѣчно состоящимъ на подозрѣніи у правительства. Вотъ почему уже въ 1860 году онъ выѣхалъ на нѣкоторое время въ Вѣну и при помощи русскаго посольства добился того, что его приняли въ качествѣ ректора духовной семинаріи въ Холмѣ. Онъ выѣхалъ на мѣсто новой службы, но тамъ отъ него потребовали позволенія на вступленіе въ новую должность со стороны папскаго нунція въ Вѣнѣ. Раковскій снова отправился въ Вѣну, однако получитъ это позволеніе ему не удалось, при чемъ нунцій написалъ еп. Гаганцу письмо, въ которомъ указывалъ, что просьба Раковскаго вообще не можетъ быть удовлетворена. По поводу всего этого Духновичъ внесъ въ свою записную книжку слѣдующія многознаменательныя слова: «Бѣдный честный Русинъ прото одно токмо, что на литературномъ русскомъ языкѣ писалъ «Церковную Газету», наустивъ противо себя враговъ (галицкихъ русиновъ), не токмо отпущенъ отъ своей посады. но еще и заграницею обижается; лишенъ хлѣба, лишенъ отечества, лишенъ имѣнія всего, блукается по Божію свѣту; — однакожъ роду своему вѣрный — не измѣняетъ, но постоянно

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

горшитъ за правду и про правописное русское слово. Господи, помогай ему!»

Впрочемъ, Раковскій, чувствуя свою правоту, далеко не отказался отъ общественной дѣятельности. Во первыхъ, онъ всей душею отдался работѣ въ своемъ приходѣ. Кромѣ священническихъ обязанностей, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова просвѣтителемъ села Изы. Біографъ Раковскаго отмѣчаетъ, что селяне «точно обучены закону Божіему и молитвамъ, умѣютъ по большей части читати и писати, пріучилися ко труду, не пьянствуютъ и умѣютъ пользоваться всѣмъ, что служитъ имъ къ душевной пользѣ... Возьмемъ на примѣръ то обстоятельство, что кураторы его собственноручно сготовляли церковные счеты, для чего нѣтъ примѣра во всей широкой епархіи».

Одновременно Раковскій внимательно слѣдитъ за общественною дѣятельностью въ Ужгородѣ и стремится къ тому, чтобы тамъ было организовано «литературное общество для умственной дѣятельности и распространенія народнаго просвѣщенія». Послѣ ряда предварительныхъ собраній и прошеній, 19 сентября 1866 года состоялось учредительное собраніе Общества св. Василія Великаго, первымъ, въ сущности говоря почетнымъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ А. И. Добрянскій, а дѣйствительнымъ или «вторымъ» — И. И. Раковскій. Подробно на дѣятельности общества мы остановимся впослѣдствіи, здѣсь-же только укажемъ, что Раковскій оставался на своей должности съ 1866 года и до 1871, являясь, въ сущности говоря, душою и руководителемъ организаціи. При его содѣйствіи общество начало свою издательскую дѣятельность и выпускъ журнала «Свѣтъ», въ которомъ онъ лично принималъ участіе, какъ сотрудникъ. Уходъ Раковскаго съ предсѣдательской должности связанъ съ назначеніемъ въ санъ епископа мукачевскаго печальной памяти Панковича, который точно выполнялъ заданія мадьярскаго правительства по разложенію и уничтоженію единственнаго карпаторусскаго культурнаго очага — О-ва св. Василія Великаго. Нѣкоторое время Раковскій противостоитъ оппортуническому мадьярофильскому теченію, возглавляемому еп. Панковичемъ, но затѣмъ, видя, что ряды его сторонниковъ рѣдѣютъ, онъ отходитъ отъ общества, хотя статьи свои продолжаетъ печатать и въ «Новомъ Свѣтѣ», и даже въ «Карпатѣ», утѣшая себя, какъ и Духновичъ, тѣмъ, что «дастъ Богъ, плоды трудовъ нашихъ, хотя не вдругъ, но когда-то прозябнутъ и доставятъ будущему поколѣнію наслажденіе и желанное удовольствіе». Когда въ 1882 г. начался процессъ «Ольги Грабарь и другихъ», Раковскій, какъ прямой сторонникъ Добрянскаго, попалъ въ подозрѣніе, однако арестовать его не рѣшились. Скончался Раковскій въ Изѣ въ 1885 году.

Литературная дѣятельность И. И. Раковскаго можетъ быть охарактеризована, какъ защита русскаго литературнаго

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

языка, которая выразилась въ формѣ многочисленныхъ публицистическихъ статей и трехъ учебниковъ.

Какъ было видно изъ очерковъ о Добрянскомъ и Духновичѣ, Угорская Русь въ лицѣ своихъ выдающихся дѣятелей обнаружила намѣреніе въ литературномъ смыслѣ связаться съ сосѣдней русской землею — съ Галичиной. Добрянскій вошелъ въ непосредственныя сношенія съ политико-національными вождями галицкихъ русскихъ и немало содѣйствовалъ ближайшему взаимному ознакомленію двухъ русскихъ племенъ. Духновичъ, какъ явствуетъ изъ его переписки съ Я. Головацкимъ, пытался противостоять начавшемуся національному расколу въ галицкой средѣ и рѣзко критиковалъ украинскія языковыя нововведенія. Для Раковскаго защита русскаго языка является основной темой, и эта тема у него начала развиваться тоже въ связи со взаимоотношеніями съ дѣятелями Галицкой Руси[1]).

Въ рядѣ галицко-русскихъ изданій («Вѣстникъ» въ Вѣнѣ, «Галицкая Зоря», въ Львовѣ «Семейная Библіотека» и др.). Раковскій помѣщалъ свои «Довѣрительныя письма изъ Будина» (1851—1857), т. е. корреспонденціи, гдѣ неизмѣнно затрагивалъ вопросъ о языкѣ, какъ средствѣ культурнаго развитія. Въ первыхъ своихъ статьяхъ онъ всецѣло еще стоитъ на точкѣ зрѣнія самаго тѣснаго общенія «съ галицкою братіею» на предметъ установленія въ своихъ изданіяхъ общаго языка, подъ которымъ Раковскій понималъ общепринятый русскій литературный языкъ. Онъ признавалъ важность изученія народнаго языка, какъ средства обогащенія литературной рѣчи, но былъ рѣшительно противъ возведенія его въ степень литературнаго, такъ какъ вѣрилъ, что «развитіе словесности требуетъ источниковъ, которыхъ народъ самъ не возможетъ намъ дати...» Съ другой стороны, онъ признавалъ важное значеніе въ образованіи литературнаго языка элементъ церковно-славянскій, изъ котораго въ сущности и выработался русскій литературный языкъ и который былъ широко распространенъ въ карпаторусской рѣчи. Послѣднее утвержденіе Раковскаго особенно не по вкусу приходилось идеологамъ украинизма, которые поставили лозунгъ — «долой церковщину», а потому оно вызвало негодованіе галицкихъ сепаратистовъ. Поскольку-же Раковскій вѣрилъ въ свою правоту, а, кромѣ того, соотвѣтствіе своимъ взглядамъ находилъ въ «корреспонденціяхъ» Духновича и зналъ, что «кто не имѣетъ хулителей, тотъ не имѣетъ и хвалителей», постольку онъ продолжалъ проводить свои взгляды о необходимости принятія русскаго литературнаго языка, какъ наиболѣе выгоднаго и совершеннаго средства общенія со всѣмъ культурнымъ русскимъ міромъ, одновременно подвергая рѣзкой

[1]) См. подробнѣе въ книгѣ В. А. Францева — Изъ исторіи борьбы за русскій литературный языкъ въ Подкарпатской Руси, изд. «Единство», Прага, 1931.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

критикѣ новоизобрѣтенія украинствующихъ въ Галиціи. Поскольку-же австрійская политика поддерживала украинское движеніе, которое въ Галиціи получило законную форму, постольку Раковскій разочаровывается въ своемъ первоначальномъ планѣ литературно-языковаго единства между всѣми галичанами и карпатороссами. Къ этому времени относится его редакторская дѣятельность, когда онъ рѣшается собственными силами укрѣпить русскій фронтъ и объединить вокругъ «Церковной Газеты» своихъ единомышленниковъ изъ среды карпаторосовъ, какъ противниковъ сепаратизма, и галичанъ, уже разбитыхъ на два непримиримыхъ лагеря.

Здѣсь, какъ писатель, Раковскій выступаетъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, слѣдуетъ особо выдѣлить его редакціонныя статьи, которыя являются для его времени блестящими образцами литературнаго стиля и обнаруживаютъ его глубокій и продуманный планъ культурнаго возрожденія. Эти статьи выказываютъ широту и глубину образованія автора, который осмѣлился сказать своимъ читателямъ правду въ то время, когда ее приходилось проводить по узкому проливу между Сциллой и Харибдой, между политической цензурой и возрастающей національной реакціей господствующихъ народовъ. Въ статьѣ 1 №-ра редакторъ воздаетъ хвалы всѣмъ, отъ кого можетъ зависить благополучіе изданія и только косвенно указываетъ, что «одно только наше русское племя» не имѣло своего органа, то есть на важность національной печати. Далѣе слѣдуетъ призывъ къ сотрудничеству: «Конечно, если бы я былъ увлеченъ самонадѣянностію, вздумалъ полагаться на собственныя силы, то я ни мало не успѣлъ бы соотвѣтствовать задачѣ предпріятія моего. А потому вполнѣ сознаясь въ недостаточности однѣхъ моихъ силъ, обращаюсь съ просьбою къ нашимъ ученымъ и ревностнымъ мужамъ, какъ Венгерской, такъ и Галичской Руси, чтобы они, принимая участіе въ составляемой мною газетѣ, озаряли ее лучами своей учености, и питали теплотою пламеннаго своего усердія». Во 2- №-рѣ онъ печатаетъ «Слово къ почтеннымъ читателямъ газеты нашей», гдѣ уже болѣе отчетливо и откровенно указываетъ на цѣли и назначеніе ея. Раковскій указываетъ, воздавъ, конечно, справедливость «достохвальнымъ качествамъ народа нашего и доблестнымъ подвигамъ дѣлателей въ виноградникѣ Господнемъ», что до сихъ поръ вся духовная жизнь карпаторосовъ ограничивалась только «отдѣльнымъ и частнымъ кругомъ», «скромнымъ домашнимъ уголкомъ жизни нашей», но «въ нынѣшнюю пору этотъ образъ дѣятельности кажется недостаточнымъ». Онъ объясняетъ, что нынѣ «всякая мысль, добываемая изъ сокровищницы ума человѣческаго, подобно монетѣ, поступаетъ въ общее обращеніе», что кругъ духовнаго расширился до общечеловѣческаго, при чемъ способомъ духовнаго общенія нынѣ является «поприще журналистики». Далѣе онъ указываетъ на важность «преуспѣянія

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ наукахъ и литературѣ» для духовной жизни, связанной съ церковью, и тѣмъ самымъ свою программу расширяемъ до предѣловъ изданія общественно-публицистическаго. Въ 1 №-рѣ 1857 г. въ статьѣ «Взглядъ на истекшій годъ журнала нашего» Раковскій касается своей излюбленной темы о чистотѣ и правильности языка и слога, указывая, что безъ «точныхъ свѣдѣній языка» люди не въ состояніи излагать свои мысли и преуспѣвать въ наукахъ. Конечно, подъ «чистымъ и правильнымъ слогомъ и языкомъ» Раковскій понималъ русскій литературный языкъ, хотя и не указывалъ на него болѣе ясно, испытавъ уже первыя недоразумѣнія съ полиціей. Однако, будучи столь осторожнымъ въ своихъ программныхъ статьяхъ, Раковскій весьма подробно останавливается на языковомъ вопросѣ у «австрійскихъ русиновъ» въ отдѣлѣ библіографіи. Излагая содержаніе присылаемыхъ для отзыва сочиненій, онъ постоянно указываетъ также и на языкъ и, при этомъ, или старается похвалить писателя за «стремленіе къ употребленію нашего русскаго литературнаго языка», или останавливаетъ вниманіе читателя на безотрадномъ явленіи: «Всѣму свѣту извѣстно, что едва есть на земномъ шарѣ народъ, столь любящій спорить о языкѣ своемъ, какъ славяне». Стремленіе славянскихъ племенъ возвести свои нарѣчія на степень литературнаго языка Раковскій считаетъ вреднымъ, а попытки языковаго раздѣленія «австрійскихъ русиновъ» и вовсе неосуществимыми, такъ какъ «такихъ нарѣчій у насъ почти неисчислимое множество».

Свою публицистическую дѣятельность Раковскій продолжаетъ въ «Свѣтѣ», гдѣ онъ помѣщаетъ рядъ статей («О нашемъ литературно-народномъ состояніи», «О паденіи нашихъ народныхъ учрежденій» и др.), въ которыхъ съ гораздо большей смѣлостью и прямотой касается вопросовъ народности, языка и восточнаго обряда. Вначалѣ отношеніе Раковскаго къ еп. Панковичу было благожелательное, но когда послѣдній обнаружилъ свои мадьярофильскія и латинизаторскія, въ смыслѣ обряда, тенденціи, онъ рѣшительно переходитъ въ ряды противниковъ епископа и помѣщаетъ рядъ статей въ защиту О-ва св. Василія Великаго, «которое не могло отречься отъ употребленія своего собственнаго русскаго языка, выработаннаго общею русскою литературою» и восточнаго — православнаго — обряда.

Изъ позднѣйшихъ статей Раковскаго слѣдуетъ отмѣтить «Успѣхи мадьярской культуры и наша національная неподвижность», гдѣ онъ признаетъ благотворность болѣе развитого мадьярскаго вліянія, но указываетъ и на необходимость болѣе энергично приняться за воспитаніе науки на родномъ языкѣ, и затѣмъ его разсужденіе «Вліяніе конституціи на нашу народность».

Когда началась издательская дѣятельность О-ва св. Василія Великаго, Раковскій выпустилъ три учебника: а р и ф-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

метику въ 2-хъ частяхъ (1869) и «Краткую научную географію (1870), продолжая въ этомъ отношеніи традицію Духновича. Кромѣ того въ 1867 году онъ издалъ по мадьярски «Русскую Грамматику» (Orosz Nyelvtan, Вѣна). Значеніе и смыслъ этой грамматики были тѣмъ велики, что она давала возможность омадьяренной карпаторусской интеллигенціи изучить русскій литературный языкъ, а такъ какъ большинство этой интеллигенціи было священствомъ, которое въ своей дѣятельности должно было пользоваться русскимъ языкомъ, то трудъ Раковскаго получилъ самое широкое распространеніе.

Большое значеніе для характеристики личности и взглядовъ И. И. Раковскаго имѣютъ его письма къ галицкимъ русскимъ, Д. Зубрицкому и Я. Ф. Головацкому, опубликованныя К. Студинскимъ, и къ карпатороссамъ А. И. Добрянскому и І. Мондоку, отчасти приведенныя въ «Листкѣ» и др. изданіяхъ[1]).

Труды Раковскаго были оцѣнены его современниками; достаточно сказать, что скромный карпаторосс-священникъ изъ далекой Изы былъ призванъ руководить крупнѣйшей во всей культурной жизни Подкарпатской Руси организаціей.

«Не забудемъ о батюшкѣ Іоаннѣ Раковскомъ и будемъ вѣчно съ благоговѣніемъ хранити между собой и между потомками нашими его непорочную память!» — съ такимъ чувствомъ проводили Раковскаго въ могилу его современники. Но личность его получаетъ достойную оцѣнку только въ нашей современности: «Имя о. Іоанна Раковскаго, какъ борца за русскій языкъ, въ исторіи угро-русской литературы второй половины XIX ст. и въ дѣлѣ упроченія въ средѣ угро-русской интеллигенціи національнаго русскаго и славянскаго самосознанія, идеи принадлежности малой подкарпатской вѣтви русскаго народа къ единой великой русской семьѣ, навсегда сохранитъ мѣсто почетное, не только рядомъ со всѣми прочими защитниками этой идеи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и впереди ихъ». (В. А. Францевъ).

12. Первыя группировки писателей. Андрей Поповичъ. А. И. Павловичъ. Андрей Балудянскій. Петръ Яновичъ. Николай Нодь. Стефанъ Мустяновичъ. Антоній Чопей. Славянофильство и славянскія вліянія.

Мы болѣе подробно останавливались на дѣятельности Добрянскаго, Духновича и Раковскаго ввиду того, что не только ихъ сочиненія, но и ихъ жизнеописаніе характеризуетъ эпоху

[1]) См. вышеуказанную работу В. А. Францева; кромѣ того, К. Студинскій: Корреспонденція Якова Головацкаго, Львовъ, 1905; его-же, З кореспонденції Дениса Зубрицького, Львовъ, 1901; В. А. Францевъ Къ вопросу о литературномъ языкѣ Подкарпатской Руси, изд. О-ва им. А. Духновича, № 2, 1924, Ужгородъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

начала расцвѣта карпаторусской литературы. Что касается Добрянскаго и Раковскаго, то ихъ дѣятельность обнимаетъ и вторую половину XIX вѣка, когда уже выявились новыя общественныя и политическія условія, однако, мы сочли умѣстнымъ разсмотрѣть ихъ труды и воззрѣнія въ началѣ, такъ какъ они неизмѣнно оказывали вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія карпаторусской литературы и въ значительной мѣрѣ предопредѣлили его путь. Конечно, эти три вождя, три выдающихся патріота и въ началѣ своей дѣятельности, т. е. на рубежѣ двухъ періодовъ, опредѣляемыхъ 1848 годомъ, не были одиноки, что и придало ихъ дѣятельности то общественное значеніе, которое слѣдуетъ признать особенно цѣннымъ. У нихъ были единомышленники, перешедшіе изъ недавняго прошлаго и въ еще большей мѣрѣ у нихъ явились послѣдователи въ настоящемъ. Творческую дѣятельность первыхъ мы разсмотримъ въ настоящей главѣ, что-же касается новой, едва еще опредѣляющейся генераціи писателей, то ее можно только предварительно намѣтить, и къ тому есть особая причина. Въ 1850 году возникаетъ первая русская газета, издаваемая въ Вѣнѣ на средства правительства — «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской Державы», а такимъ образомъ впервые является возможность печататься уже не только въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но и періодически. Возникаетъ карпаторусская журналистика, которая въ прошломъ не могла имѣть ни возможности, ни необходимости, ввиду отсутствія печатнаго періодическаго органа.

Въ «Вѣстникѣ» писали главнымъ образомъ галичане, изъ карпатороссовъ-же слѣдуетъ отмѣтить А. В. Духновича («Корресponденціи изъ Пряшева»), А. Ю. Гомичкова и Николая Нодь.

Въ 1850 г. выходитъ первый «Мѣсяцословъ», который изъ тощей книжечки вскорѣ превращается въ значительный альманахъ. До 1867 года «Мѣсяцословы» издаютъ отдѣльные лица (А. Духновичъ, А. Гомичковъ, В. Кимакъ и А. Кралицкій), а послѣ этого вплоть до 1902 года календари ежегодно издаются О-вомъ св. Василія Великаго. Эти первые календари имѣютъ также свой кругъ сотрудниковъ; въ нихъ мы находимъ имена А. Павловича, Материна (Митрака), А. Кралицкаго, І. Мондока, А. Гомичкова, В. Кимака и др.

Ежегодные альманахи «Поздравленіе Русиновъ» А. Духновича объединяютъ вокругъ себя, помимо самого редактора-издателя и поэта, — А. Павловича, Николая Нодя, Георгія Шолтыса, Вислоцкаго, Янкуру и др.

Одновременно А. Духновичъ, И. Раковскій, А. Кралицкій, А. Павловичъ, А. Гомичковъ и др. принимаютъ участіе въ рядѣ галицко-русскихъ изданій — «Галицкая Зоря», «Семейная Библіотека», «Слово» и др.

«Церковная Газета» Раковскаго имѣетъ уже болѣе об-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ширный кругъ сотрудниковъ. Въ ней мы встрѣчаемъ имена русскаго іезуита Мартынова[1]), галичанъ — Іоанна Гушалевича, Я. Головацкаго, Александра Парыловича и карпаторссовъ — А. Духновича, І. Сильвая, профессора ужгородской гимназіи Петра Яновича, М. Маркоша, І. Добея, приходскаго священника изъ Середняго, Михаила Бескида изъ Чертежнаго, Іоанна Валія, въ то время приходскаго священника въ Соболчѣ, впослѣдствіи епископа пряшевскаго, Михаила Рыжкова, Андрея Поповича, Стефана Мустяновича, Іоанна Дешко, благочиннаго въ Мукачевѣ и др.

Конечно, не всѣ изъ указанныхъ лицъ были писателями и журналистами въ полномъ смыслѣ слова, однако, важно отмѣтить ту охоту къ созданію прессы на родномъ языкѣ, какая была проявлена еще въ то время, когда «соколята» Духновича только выходили на путь литературной дѣятельности.

Къ числу современниковъ и старшихъ послѣдователей А. Духновича слѣдуетъ отнести въ первую очередь Андрея Поповича и А. И. Павловича.

Андрей Васильевичъ Поповичъ[2]) родился въ 1809 г., гимназію окончилъ въ Мараморошъ-Сиготѣ и Сукмарѣ[3]), а затѣмъ поступилъ въ Богословскую семинарію въ Ужгородѣ. Въ 1833 году онъ былъ рукоположенъ въ Пряшевѣ и отправленъ въ качествѣ сотрудника въ Гайду-Дорогъ. Позднѣе онъ состоялъ вице-ректоромъ семинаріи въ Ужгородѣ, благочиннымъ и приходскимъ священникомъ въ Великомъ Березномъ, управителемъ священническаго сиротскаго пріюта въ Ужгородѣ и учителемъ богословія, а съ 1856 г. получаетъ назначеніе въ Великую Копаню въ качествѣ приходскаго священника, гдѣ и пробылъ до смерти въ 1901 году. Одинъ изъ критиковъ замѣчаетъ, что «А. Поповичъ для епархіи Мукачевской приблизительно былъ тѣмъ, чѣмъ А. Духновичъ для епархіи пряшевской». Такое сравненіе, конечно, слишкомъ панегирично, хотя доля правды въ немъ есть: Поповичъ былъ типичнымъ народолюбцемъ, темнота народная его угнетала, вотъ онъ и обратился къ составленію «Маленькой Библіи», понятной для своихъ сельскихъ прихожанъ. «Маленькая Библія» вышла въ Будинѣ въ 1847 году, а въ 1849 г. изданіе было повторено. Въ 1852 году выходитъ букварь Поповича подъ заглавіемъ «Virnöj Anhel», который былъ изданъ такимъ образомъ, что параллельно были приведены тексты — на одной сторонѣ латинскимъ шрифтомъ съ мадьярской транскрипціей,

---

[1]) См. В. А. Францевъ: Русскій іезуитъ Мартыновъ, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 90, Ужгородъ, 1930.

[2]) Спеціальнаго изслѣдованія о А. В. Поповичѣ не имѣется. Матеріалы см.: «Листокъ» отъ 1. IX. 1892, Ужгородъ, стр. 197; Церковный Мѣсяцословъ на 1894 г., изд. О-ва св. Василія Великаго, Ужгородъ, стр. 76—77; Сабовъ: Очеркъ..., стр. 20—21.

[3]) Руссификація, Сатмаръ — мадьяр. и первоисточникъ — румын. Сату-маре.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

а на другой — кириллицей. «Можно себѣ представити, какая тьма носилась на Угорской Руси ... если даже лучшіе сыны ея думали, что латинка годится для русскаго языка!» — замѣчаетъ по этому поводу критикъ. Кромѣ недоумѣнія эта азбука ничего не вызвала, ее разсматривали, какъ составленную по внушенію свыше. Видя свой промахъ, Поповичъ отказался отъ опытовъ съ латинкою и самъ отвергъ ее. Въ 1859 г. выходитъ въ Будинѣ въ 2-хъ томахъ его «Великая Библія», а въ 1864 — «Великій Церковный Сборникъ», содержащій почти всѣ службы, утрени, вечерни, литургіи на всѣ воскресные и праздничные дни года, октоихъ, минею, тріодь постную и цвѣтную, а также и часословъ. Этотъ сборникъ неоднократно переиздавался и сыгралъ большое значеніе, какъ въ церковномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Народъ получилъ въ обиходъ книгу для чтенія на дому, которую онъ почиталъ и любилъ. По замѣчанію Е. И. Сабова именно Поповичу обязана мукачевская епархія тѣмъ, что «теперь по церквамъ народъ во время продолжительныхъ обрядовъ не позёвываетъ, но «едиными усты» поетъ». Кромѣ того А. Поповичу принадлежатъ статьи и корреспонденціи въ цѣломъ рядѣ повременныхъ изданій, о чемъ мы говорили выше. Статьи его являются почти исключительно или изложеніемъ церковныхъ праздниковъ[1]) или объясненіемъ церковной обрядности[2]). Языкъ Поповича приноровленъ къ простонародной средѣ, хотя въ основѣ его лежитъ стремленіе приблизиться къ русскому литературному языку съ допущеніемъ словъ и формъ церковнославянскихъ и нѣкоторыхъ діалектическихъ.

А. И. Павловичъ.

Совершенно своеобразнымъ и несомнѣнно талантливымъ поэтомъ былъ сверстникъ Духновича и его ближайшій другъ — Александръ Ивановичъ Павловичъ[3]). Не слѣдуетъ, однако, личную и идейную близость двухъ поэтовъ понимать, какъ ихъ творческую зависимость и преемственность. Павловичъ началъ свою литературную дѣятельность совершенно самостоятельно, проникнутый любовью къ своему народу и краю. Въ дальнѣйшемъ, наблюдая народную дѣятельность Духновича, Павловичъ самъ преклонился

---

[1]) Напр., «Слава Божіей Матери въ честномъ ея Успѣніи», Мѣсяцословъ на 1890 г., изд. О-ва В. В., Ужгородъ, стр. 45—54.

[2]) Напр., «О великомъ постѣ», «Церк. Газета», № 8, Вѣна, 1857, стр. 89—90.

[3]) Стихотворенія Павловича собраны и изданы его другомъ М. А. Поливкой — «Вѣнецъ стихотвореній о. Александра Павловича, Ужгородъ, 1920, стр. 249. Собраніе не полное. Нами использовано и значительное рукописное наслѣдство, завѣщанное поэтомъ Е. И. Сабову. О Павловичѣ см. Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 20; П. Федоръ: Очеркъ..., стр. 43—46.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

передъ его талантомъ, передъ «вождемъ народа знаменитымъ», нисколько не впадая въ подражательность.

Біографія Павловича представляется интересной въ томъ отношеніи, что она можетъ быть изложена по его автобіографической запискѣ, написанной кратко, но съ большой образностью. Онъ родился въ 1819 г. въ селѣ Чарне, маковицкаго округа, шаришской стóлицы. Отецъ его былъ священникомъ, а мать — русская изъ Галиціи, оба померли рано; четырехъ лѣтъ будущій поэтъ остался сиротою. До 1834 года проживалъ онъ у своихъ родственниковъ по матери въ Галиціи, нормальную школу окончилъ въ Львовѣ, а затѣмъ «вернулся до Угорщины до брата Осифа, попа въ Комлошѣ», «вернулся въ отечество полячкомъ». Далѣе онъ прошелъ четыре класса латинскихъ въ Бардіевѣ, гдѣ «привыкъ бесѣди словацкой, нарѣчію шаришскому». 5 и 6 классы гимназіи прошелъ въ Мишкольцѣ, а 7 и 8 («философію») въ Ягрѣ, гдѣ и началъ «по мадьярски мондокати». Богословіе въ теченіе 4 лѣтъ изучалъ въ Трнавѣ, гдѣ было много словаковъ, «съ тыми жилъ въ пріятельствѣ, а присвоилъ себѣ бесѣду словацку чисту, близку къ русской мовѣ, но, infinito urba, уже не мало — але великорусской (znať, videť, robiť, delať, razumeť, hovoriť, mlčať). Тамъ почувствовалъ, что то народность». Здѣсь-же онъ познакомился съ графомъ Замойскимъ, у котораго бралъ польскія книги, читалъ ихъ «но уже размышлялъ о своемъ материомъ языку и почалъ римскими литерами складати русски стишки». Въ 40-хъ годахъ «якъ всягды, такъ и у насъ стали чувствовати по народному; такъ и бѣдакъ «попѣвъ Шандоръ» (т. е. Александръ) зачалъ по русски мыслити и писати кириллицею, т. е. русскими буквами». Въ 1848 г. Павловичъ былъ посвященъ въ священники, полтора года учительствовалъ въ домѣ графа Сирмая, а затѣмъ получилъ назначеніе въ епископскую канцелярію въ Пряшевъ въ качествѣ архивара. Потомъ былъ приходскимъ священникомъ въ селѣ Бѣловѣжѣ, гдѣ онъ смѣнилъ Духновича и гдѣ прожилъ 13 лѣтъ. Послѣ этого Павловичъ получаетъ ту-же должность въ мѣстечкѣ Вышній Свидникъ и остается тамъ до смерти. Умеръ поэтъ въ 1900 г.

Все литературное достояніе Павловича заключается исключительно въ стихахъ. Будучи убѣжденнымъ русскимъ человѣкомъ, онъ счелъ умѣстнымъ воспользоваться въ своемъ творчествѣ цѣлымъ рядомъ діалектовъ Пряшевщины, съ одной стороны, чтобы быть понятнымъ своимъ землякамъ, а съ другой — въ силу своего поэтическаго кругозора. Это не случайность, что Павловича называютъ «маковицкимъ соловьемъ»; родной округъ онъ не только любилъ, но и жилъ его особымъ бытовымъ укладомъ и воспѣвалъ его въ своихъ стихахъ. Этотъ свой уклонъ въ мѣстныя народныя нарѣчія, которыя онъ часто и обозначаетъ — «по маковицкому нарѣчію», «по шаришскому Маковицкому нарѣчію», — онъ понимаетъ не какъ отступленіе отъ русскаго языка, во всей его неизмѣримой широтѣ, но какъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

носильное служеніе русскимъ людямъ самой западной вѣтви. Темы Павловича — необычайно разнообразны. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ былъ первымъ въ карпаторусской поэзіи, кто использовалъ форму краткаго простого эпическаго разсказа. Въ такихъ вещахъ, какъ «Кумова вечеря», «Людямъ не могла угодити мати, ани пѣше, ани на осляти», «Два престарѣлы слуги», «Выслуженный конь», «Жидовскій боргъ», «Свадьба» и др. не только повѣствовательны, но и преисполнены движенія, дѣйствія, пересыпаны перлами типическаго народнаго юмора, порой воскрешаютъ народныя преданія и повѣрья и оканчиваются неизмѣнно поучительнымъ словомъ. Все творчество Павловича склонно къ назиданію, но, поскольку оно художественно претворено, его можно считать только параллельной темой, отнюдь не умаляющей достоинства его поэтическаго творчества[1]). Многочисленныя бытовыя подробности, вплетенныя въ разсказъ, придаютъ его стихамъ своеобразный колоритъ, до сихъ поръ еще никѣмъ не превзойденный въ карпаторусской поэзіи. Благодаря этому вживанію въ бытъ, темы Павловича самостоятельны, самобытны, своеобразны. Богомъ одаренный поэтъ находилъ поводъ къ вдохновенію рѣшительно во всемъ. Сгорѣла у него конюшня, пожаръ уничтожилъ много добра; поэтъ, какъ бы въ отвѣтъ на свои переживанія, связанныя съ мелкими заботами жизни, пишетъ стихотвореніе «Вдохновленіе», гдѣ и въ несчастьи находитъ высшее удовлетвореніе, происходящее изъ «творческой силы сердца». Въ «Новой одѣ къ старой реверендѣ» онъ отъ всего сердца жалѣетъ свое старое платье, воспѣваетъ его за тѣ воспоминанія, которыя связаны съ нимъ. Для Павловича не представляетъ трудности излагать стихами темы описательныя, какъ напр., «Давный Свидникъ и жители его» или «Думка надъ Маковицоградомъ» или «Начало исторіи Угорщины». Житье-бытье селянъ представлено въ его стихахъ со всѣми конкретными мелочами, прослѣжено отъ рожденія дитяти и до смерти. Конечно, любя народъ, заботясь о его просвѣщеніи, поэтъ долженъ былъ слагать и морально-тенденціозныя вещи («Учися, мое дитя», «Тримайся щедрости и хранься скупости», «Родителямъ нерадивымъ о дѣтяхъ» и др.) и противоалкогольныя («Семья пьяницы», «Піячка баба», «Піянство» I—VIII) и научно-популярныя («Телеграфы-Электри-

---

[1]) Д-ръ В. Бирчакъ въ «Литературных стремлѣнях» такъ оцѣниваетъ Павловича: «Свѣтогляд єго стихôв дуже вузенкий, язык в поезіях непоетичный... Глубшоѣ думки, чувства та поезіѣ, що промовляли бы до серця не знайдемо в єго стихах». Не вина поэта, что онъ проживалъ въ захолустномъ селѣ, гдѣ не было крупныхъ событій, но вина критика, если онъ въ мельчайшихъ событіяхъ жизни глухого села, описанныхъ поэтомъ, не усмотрѣлъ исключительной глубины и того добросердечія, которое характеризуетъ творчество скромнаго маковицкаго поэта. Кромѣ того, въ связи съ тѣмъ, что въ настоящее время мы имѣемъ возможность воспользоваться обильнымъ еще неопубликованнымъ матеріаломъ, подобная оцѣнка вообще теряетъ свой смыслъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ка»), но во всѣхъ этихъ неблагодарныхъ, съ точки зрѣнія чистой поэзіи, произведеніяхъ у Павловича всегда вплетено столько традиціонно-народныхъ представленій и образовъ, что элементъ поученія скрытъ за формальнымъ поэтическимъ богатствомъ. Цѣлый рядъ стиховъ посвященъ вопросу эмиграціи въ Америку («Америка новый свѣтъ», «Думка сына Маковицы, тамъ за моремъ въ Америцѣ» и др.), которая во второй половинѣ XIX вѣка, а особенно послѣ начавшейся реакціи, приняла огромные размѣры: — «тамъ за моремъ» создавался новый уголокъ Угорской Руси. Во всѣхъ этихъ вещахъ Павловичъ стоитъ въ прямой зависимости отъ народной пѣсни, народной поэтики вообще и только въ общей композиціи и идеологіи проявляется его знакомство съ идеалами современной ему культуры и съ образцами русскаго творчества. Но есть у поэта — немало стихотвореній, написанныхъ съ приближеніемъ къ русскому литературному языку; это главнымъ образомъ вещи, предназначенныя для интеллигенціи: — національные призывы и гимны («Пѣснь русскославянская». «Къ вождямъ народа», «Нашъ народъ» и др.), или темы религіознаго и философскаго значенія («Неколебимость Церкви», «Радость о свободѣ», посланія и т. д.), а, кромѣ того, многія вещи еще неизвѣстныя широкой публикѣ.

Значительное количество стихотвореній А. И. Павловича остается и понынѣ неопубликованнымъ. Изъ рукописнаго матеріала поэта, которымъ мы воспользовались, остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ вещахъ, которыя характеризуютъ личность А. И. Павловича въ національномъ отношеніи, а также даютъ ключъ къ пониманію его славянофильскихъ идей[1]).

Въ неопубликованной редакціи автобіографіи поэтъ объясняетъ, почему онъ не рѣшается писать всецѣло на литературномъ языкѣ: «Русскому языку въ школахъ я не учился нигдѣ, потому я занимаюсь только простонародными стихотвореніями — но убучатись (sic!) правиламъ русскаго литературнаго языка уже въ 70 году жизни поздно». Въ сохранившихся бумагахъ находимъ выписки изъ произведеній Н. Щербины, Державина, Хомякова, Крылова, Гнѣдича и особенно Некрасова, который собственно и былъ ближе всего, по своему уклону въ народъ, карпаторусскому поэту. А. И. Павловичъ посвящаетъ двѣ вещи роднымъ братьямъ-изгнанникамъ «Рус-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8. XI. 1894 г. А. И. Павловичъ обращается къ Е. И. Сабову со слѣдующимъ: «Увѣренъ да убѣжденъ въ усердіи къ всякому дѣлу полезному нашему русскому, осмѣляюсь я 75-лѣтній старецъ предложити Вамъ нѣчто изъ моихъ сочиненій и разныхъ записокъ къ безусловному съ тѣми распоряженію...». Одновременно поэтъ прислалъ огромное количество рукописей, частью уже напечатанныхъ, но въ большинствѣ еще и понынѣ неизвѣстныхъ. Одинъ рукописный сборникъ Павловича имѣется въ библіотекѣ Народнаго Дома во Львовѣ (№ 225); кромѣ того значительное количество рукописей, а особенно позднѣйшаго времени, имѣлъ А. И. Поливка, но онѣ погибли во время пожара въ квартирѣ владѣльца въ 1917 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

скимъ братьямъ въ заточеніи Кириллу Сабову и Виктору Кимаку, Просвѣтителямъ Угорско-Русскаго народа, бывшимъ профессорамъ на гимназіѣ въ Ужгородѣ (1871)» и «Юрію Ю. Игнаткому, бывшему редактору газеты «Свѣтъ», гдѣ вполнѣ откровенно называетъ еп. Панковича — «архіереемъ Молоха», «осквернителемъ божественнаго храма», а кромѣ того посвящаетъ ему и особое стихотвореніе, полное упрековъ — «Сержусь на измѣнническихъ людей...» Трогательное стихотвореніе посвящено о. Константину Кустодіеву, русскому православному священнику въ Вѣнѣ, съ которымъ былъ въ тѣсной связи и Духновичъ[1]) Въ 1872 г. онъ пишетъ по случаю 70-лѣтія со дня рожденія Ю. И. Венелина стихи «Прощай, родина — Тибава...», гдѣ признаетъ, что его соотечественникъ «славу сдѣлалъ всѣмъ Россамъ».

Въ рукописяхъ обильно представлены національно-идеологическія стихотворенія, имѣются также повѣствовательно-поучительныя темы, стихи подъ народную пѣсню и цѣлый сборничекъ надгробныхъ словъ, написанныхъ стихами.

Въ одной изъ своихъ автобіографій поэтъ говоритъ, что въ Трнавѣ онъ познакомился со словаками и былъ увлеченъ ихъ патріотизмомъ. Въ числѣ неопубликованныхъ стихотвореній имѣется до 25 вещей, написанныхъ латинкою на словацко-русскомъ — шаришскомъ — діалектѣ съ приближеніемъ или къ словацкому языку, или къ мѣстному русскому нарѣчію. Большинство этихъ стихотвореній посвящено отдѣльнымъ лицамъ, или является подражаніемъ шаришской пѣснѣ. Павловичъ восхищался національнымъ пробужденіемъ словаковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его «Поздравленіе славному сыну Славы надъ Грономъ, солодко пѣючему Андрею Сладковичу»[1]).

Немало стихотвореній Павловича посвящено полякамъ, а часть изъ нихъ написана и на польскомъ языкѣ. Въ «Думкѣ, посвященной славянскимъ братьямъ» поэтъ радуется «славянскому любви союзу» и съ болью въ сердцѣ отмѣчаетъ — «Въ союзъ не вступилъ братъ нашъ Ляхъ, — лишь одинъ братъ Полякъ намъ врагъ», ибо онъ «запада тьмою ослѣпленный, служитъ орудіемъ врагамъ». Но Павловичъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что виноватъ въ этомъ не польскій народъ:

Поляки намъ родны браты,
Ихъ портятъ аристократы,
Змартвыхвстанцы Езуиты
Прельщаютъ невинны дѣти.

Матушка Русь убѣжденна,
Что Польща, сестра прельщенна,
Станетъ разумно думати
Съ Русью Бога прославляти.

(«Походъ карпатороссовъ»[2]).

Это чувство кровнаго, но нераздѣляемаго, братства заставляетъ поэта въ рядѣ стихотвореній обращаться къ поля-

[1]) Саратова благороднѣйшій сынъ
Въ Угріѣ вручилъ Богу духъ —
Отецъ протоіерей Константинъ
Лукичъ Кустодіевъ нашъ другъ...

[2]) См. Frant. Tichý: Rusínská báseň, věnovaná Andreji Sladkovičovi, Slovenská Miscellanea, Братислава, 1931, стр. 91—93.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

камъ съ призывомъ и убѣжденіями: оставить мысль властвовать надъ славянами и притти въ лоно славянства въ качествѣ братьевъ, переставъ служить «чужимъ богамъ» — Риму, Нѣмцамъ и «жидамъ — езуитамъ»[1]).

Павловичъ былъ излюбленнымъ поэтомъ своего времени. Его произведенія печатались въ «Вѣстникѣ», «Зорѣ Галицкой», «Свѣтѣ», «Листкѣ», «Наукѣ», «Словѣ»; рѣдкій «Мѣсяцословъ» выходилъ безъ его стиховъ, которые въ нихъ не только печатались, но со временемъ и перепечатывались. Е. И. Сабовъ замѣчаетъ, что творчество Павловича «было не къ малой пользѣ простонародной литературы». Это мнѣніе вполнѣ справедливо, но съ точки зрѣнія полной исторической критики оно недостаточно опредѣляетъ значеніе творчества поэта. «Маковицкій соловей» въ полномъ смыслѣ слова пред-

(Текстъ передаемъ безъ измѣненій).

[1]) W Galicyi co się dzieje?
Jezuici przyjaciele
Rusinow bardzo kochają,
Klasztory im odbirają,
Russką młodzież balamucą,
Polski «Paternoster» uczą...
Ruś ma swoje Otczenasze —
«Bylo wasze bude nasze
Ne hordisja pane Lasze» —
Tak mawiał wodca Kozakow,
Kiedy ich wiodł na Polakow.
Miejcie, Polacy, rozsądek
Nie gubcie ruski obrządek,
Z tego będzie zły nasladek
To przedwidzi ruski dziadek! (1895., „Biada wszędzie ..“)

...Szanowny panie! Slawianski bracie
Otwarcie mówie przed wami:
Że wy, Polacy, wciąż pogardzacie
Ze wszystkiemi Slawianami.
Roma, Teuto, cudze bogowie
Was do oręża wzywają:
Że Slawiansczyzny wierni synowie
Tym bogom się nie klaniają.

Palacky, Riger, Czechow wodcowie
Otwarcie wam powiadają,
Że sie Sławiani z wami, panowie,
W myslach, w żiciu nie zgadzają.
Chcecie panować nad Sławianami,
My was za panów nie chcemy;
Żyjcie jak bracia, Polaci, z nami,
Szczerze was kochać będziemy!

(«Do Polaka od węgerskiego ruskiego popa»).

Относительно польскихъ стихотвореній Павловича и его отношенія къ полякамъ мы готовимъ спеціальную статью. Здѣсь-же отмѣчаемъ это чувство надрывной любви къ полякамъ у карпаторосса Павловича, проходящее красной нитью и черезъ всю русскую литературу.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ставилъ въ своемъ творчествѣ чувства души народной. Отъ подражанія народной пѣснѣ онъ восходилъ къ темамъ національнымъ и общеславянскимъ; отъ поученья для простого народа до призыва къ русскимъ и славянамъ; отъ шаришскаго говора — къ литературнымъ языкамъ — русскому, польскому и отчасти словацкому; отъ горестей и бѣдъ простого «урбарнаго» народа къ высшимъ скарбамъ общенароднымъ.

Мы говорили подробно о частичной утратѣ чувства словарнаго ударенія въ стихотвореніяхъ Духновича; это можетъ быть отнесено и къ Павловичу, но значительно въ меньшей мѣрѣ, главнымъ образомъ благодаря его діалектизму. Многіе изъ его стиховъ написаны и читаются по правиламъ тоническаго стихосложенія, а особенно тѣ, гдѣ онъ подражаетъ пѣсенному размѣру. Какъ и Духновичъ, Павловичъ занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ; часть его собранія была опубликована въ сборникѣ Я. Головацкаго, о которомъ мы говорили выше, однако значительно большее количество записей погибло во время войны, вмѣстѣ съ библіотекой И. А. Поливки, его личнаго друга и издателя.

Любопытно отмѣтить, что когда Добрянскій составилъ меморандумъ съ протестомъ противъ воспрещенія носить бороду и длинные волосы уніатскимъ священникамъ, первымъ подписавшимъ этотъ меморандумъ былъ Павловичъ, который, хотя и не носилъ бороды (у него были только «долгіе, поповскіе» волосы), но счелъ своимъ долгомъ протестовать. Сущность протеста въ данномъ случаѣ, конечно, заключалась не въ бородѣ, но вообще въ защитѣ привилегій восточнаго обряда, который отожествлялся съ русской національностью («русская вѣра»). Борода случайно оказалась символомъ, и этотъ символъ свято блюли многіе выдающіеся карпаторусскіе патріоты-священники; достаточно указать на Сильвая, Фенцика, Митрака, Кралицкаго, Кимака и др.

Одновременно и совмѣстно съ Духновичемъ начали литературную дѣятельность на русскомъ языкѣ два другихъ церковныхъ дѣятеля: А. Балудянскій и С. Мустяновичъ.

Андрей Балудянскій[1]), каноникъ мукачевской епархіи и профессоръ исторіи церкви и церковнаго права въ Богословской семинаріи въ Ужгородѣ, умеръ въ молодыхъ годахъ, въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности и общаго литературнаго русскаго движенія, начатаго А. Духновичемъ, въ 1853 году. Однако и то, что было имъ сдѣлано, слѣдуетъ признать значительнымъ. Если Духновичъ стремился дать русскіе учебники для начальныхъ школъ, то Балудянскій былъ первымъ, кто далъ обширный русскій учебникъ для высшей богословской школы. Его «Исторіа Церковная» вышла въ рамкахъ издательской дѣятельности А. Духновича, въ 1851

[1]) См. о немъ статью «Поминайте наставники ваша», Мѣсяцословъ на 1895 г., стр. 109—110; Очеркъ угро-русск. письмен., «Листокъ», 1893, стр. 113.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

году, и при непосредственномъ содѣйствіи галичанина Я. Головацкаго[1]). Еще въ 1847 г. эта книга вышла на латинскомъ и мадьярскомъ языкахъ, но въ русскомъ она была значительно переработана и дополнена, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о распространеніи просвѣщенія у славянъ и на Угорщинѣ. Въ предисловіи Балудянскій говоритъ, что онъ «изъ любве къ народности усиловахся туюже Исторію издати русскимъ языкомъ». Касательно языка авторъ говоритъ слѣдующее: «Нарѣчіе и грамматику литургическую, яже къ таковому дѣлу менѣ (т. е. мнѣ) найспособнѣйша и совершеннѣйша возмнится быти, — потщахся употребляти найпаче въ двоихъ первыхъ періодахъ. Не утаюваю и то, яко въ теченіи цѣлаго сего сочиненія многажды простыхъ выраженій пользовахся; но сіе никто менѣ въ зло вмѣнити не можетъ, найпаче въ началѣ развиванія народнаго нашего русскаго языка въ Угорщинѣ». Уже ранними критиками карпатороссами о языкѣ Балудянскаго указывалось, что онъ «не можетъ быть признанъ образцовымъ», особенно въ силу обильныхъ словакизмовъ и латинизмовъ, однако мы должны быть снисходительными къ автору и принять во вниманіе, что его трудъ изобилуетъ многочисленными научными терминами, является чисто научнымъ, а поскольку Балудянскій долженъ былъ пользоваться латинскимъ матерьяломъ, конечно, совладать съ языкомъ ему было тяжело. Несмотря на это Балудянскаго можно причислить къ зачинателямъ карпаторусской книжной литературы и національнымъ патріотомъ. Другое его сочиненіе, а именно «Ііраво Церковное» — осталось въ рукописи.

Стефанъ Мустяновичъ (1807—1865[2]) отъ природы былъ одаренъ исключительными способностями. Онъ съ успѣхомъ окончилъ гимназію въ Ужгородѣ и Кошицахъ, а затѣмъ былъ высланъ изучать богословіе въ семинарію въ Трнавѣ, гдѣ спеціализировался въ восточныхъ языкахъ, а кромѣ того и вообще выказалъ столь обширныя знанія, что былъ предполагаемъ, какъ «будущій мукачевскій епископъ». Послѣднее не осуществилось, но будучи благочиннымъ и приходскимъ священникомъ въ Пилищѣ, С. Мустяновичъ широко развернулъ свою литературную дѣятельность, чѣмъ одновременно проявилъ и свои способности и свой патріотизмъ. Печататься Мустяновичъ началъ еще съ 1835 года, конечно въ мадьярскихъ изданіяхъ, такъ какъ русской печати въ то время вообще Угорская Русь не знала. Особо слѣдуетъ отмѣтить его латинское сочиненіе отъ 1851 г. — «Топографическая переписъ Русиновъ, проживающихъ въ Мараморошскомъ и Ворожскомъ комитатахъ (Topographia descriptio Ruthenorum in

[1]) «Історіа церковная новаго завѣта. Писалъ Андрей Балудянскій. Въ Вѣннѣ, 1851, тупомъ пп. оо. Мехитаристовъ, стр. 403.

[2]) См. о немъ: Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1892, стр. 196; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 21—22.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Comitatibus Maramoros et Beregh habitantium). Когда-же съ легкой руки Духновича начали появляться первыя русскія книги, Мустяновичъ предложилъ Пряшевскому Литературному Заведенію собраніе своихъ проповѣдей, написанныхъ по русски. Въ 1855 г. вышли его «Надгробныя святыя проповѣди» и «Проповѣди на церковныя торжества»; въ 1856 г. появились «Недѣльныя святыя проповѣди» въ 3-хъ книгахъ. Эти проповѣди, построенныя по старымъ привычнымъ образцамъ, вносятъ въ свое содержаніе не мало примѣровъ, почерпнутыхъ непосредственно изъ карпаторусской жизни, что и составляетъ ихъ литературно-національную цѣнность. Кромѣ того и въ своихъ заключеніяхъ — «наказахъ» — Мустяновичъ старается приноровиться къ условіямъ и понятіямъ своего народа. Въ отношеніи языка можно сказать, что авторъ пользуется такъ называемымъ «славяно-русскимъ» стилемъ, хотя его діалектизмы носятъ болѣе опредѣленный характеръ: они являются вліяніемъ мараморошскаго говора. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если въ настоящее время церковныя проповѣди мы относимъ всецѣло къ спеціальному отдѣлу церковной литературы, то въ эпоху Духновича этотъ видъ словесности, а тѣмъ болѣе на русскомъ языкѣ, былъ и вообще книгой для чтенія. И. Раковскій съ большою похвалою отзывался о трудахъ С. Мустяновича, упрекая тѣхъ священниковъ, которые «и по сію пору предпочитаютъ пользоваться сочиненіями изданными на чужихъ языкахъ, нежели на собственномъ», а одновременно и призывая къ покупкѣ новоизданныхъ проповѣдей[1]).

Въ это-же, приблизительно, время Антоній Чопей, учитель богословія при ужгородской семинаріи, а позже каноникъ, написалъ «Пастырское богословіе», предполагая, что оно явится учебной книгой; однако, по неизвѣстнымъ причинамъ изданіе этой книги задержалось и она вышла уже послѣ смерти автора († 1877 г.), а именно въ 1890 году подъ редакціей Эмиліана Желтвая. О языкѣ «Пастырскаго богословія» судить невозможно, такъ какъ рукопись, несомнѣнно, была значительно исправлена редакторомъ въ пользу русскаго литературнаго языка. Книга была принята въ качествѣ руководства въ Богословскую семинарію въ Ужгородѣ.

Какъ мы уже указывали, писательскую дѣятельность проявилъ, одновременно съ Духновичемъ и Раковскимъ, и Николай Нодь, совѣтникъ мукачевской консисторіи и духовникъ Вѣнской духовной семинаріи, человѣкъ широкаго образованія и глубокій патріотъ († 1862 г.). Въ 1851 г. Н. Нодь напечаталъ въ Вѣнѣ «Народныя пѣсни» и «Память изъ отпуста добрымъ дѣтямъ»; послѣдняя содержала краткія духовныя пѣсенки. Любитель народной пѣсни и самъ пѣвецъ, Н. Нодь въ своемъ творчествѣ пользовался поэтикой народнаго творче-

[1]) См. «Церковная Газета», 1857, № 13, стр. 119.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ства, хотя идейно даже и народныя пѣсни перерабатывалъ по своему усмотрѣнію. Языкъ Н. Нодя діалектиченъ, какъ это и соотвѣтствуетъ излюбленной имъ формѣ поэтическаго творчества, но въ статьяхъ онъ стремится приблизиться къ русскому литературному языку.

Первымъ карпаторусскимъ писателемъ повѣстей былъ Петръ Ивановичъ Яновичъ, (род. 1828 г., умеръ въ шестидесятыхъ годахъ), преподаватель русскаго языка въ пряшевской гимназіи, а затѣмъ, послѣ окончанія университета, преподаватель гимназіи въ Левочѣ. Какъ только началась издательская дѣятельность, руководимая Духновичемъ, П. Яновичъ предложилъ къ изданію небольшой сборничекъ повѣстей, который и вышелъ въ 1853 г. подъ заглавіемъ «Цвѣтный Коничокъ» (Львовъ). Разсказы Яновича написаны въ духѣ сантиментальной школы и не отличаются самостоятельностью, а тѣмъ болѣе не передаютъ особенностей карпаторусскаго быта. Въ данномъ случаѣ важенъ самый фактъ появленія его книжки, какъ попытки ввести въ карпаторусскую литературу белетристику. Языкъ разсказовъ Яновича близокъ къ русскому литературному.

Изъ корреспондентовъ слѣдуетъ особо отмѣтить Михаила Маркоша, письмоводителя мукачевской консисторіи, который, описывая важнѣйшія событія церковной жизни, всегда стремился дать и свое заключеніе, поощряющее дѣятельность національныхъ патріотовъ, призывающее къ дѣятельности и просвѣщенію. Его многочисленныя корреспонденціи печатались въ «Церковной Газетѣ».

Стихи писали Варѳоломей Шашъ и Илія Калинякъ, но ихъ произведенія сохранились только отчасти, въ рукописи.

Заканчивая описаніе перваго періода карпаторусскаго національнаго возрожденія, мы считаемъ умѣстнымъ поставить вопросъ: каковы были взаимоотношенія карпаторусскихъ патріотовъ съ прочими славянскими народами?

Русь державная въ это время сохраняла свое положеніе питательницы и вдохновительницы національной идеи карпаторссовъ. Просматривая изданія карпатороссовъ отъ 1850 и до 1866 гг., можно убѣдиться, что Ломоносовъ, Державинъ, Сумароковъ, Карамзинъ и Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Хомяковъ, Н. Щербина и др. были не только извѣстны карпаторусскимъ авторамъ, но и оказывали идейное и формальное вліяніе на нихъ. Правда, это вліяніе приходило съ нѣкоторымъ опозданіемъ, но причиной тому является отрицательное отношеніе къ русской книгѣ со стороны австро-венгерскаго правительства. Достаточно припомнить только одну фразу изъ письма Духновича, чтобы понять, въ какой мѣрѣ сложно было культурное общеніе карпатороссовъ со своими братьями въ Россіи: «книгу русскую не укажь нынѣ, будешь измѣнникомъ. (O tempora o mores!)». Еще болѣе явно вліяніе русской церковной литературы, которая обильно перепечатывается «Цер-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ковной Газетой» и даже съ указаніемъ источниковъ. Впервые литературныя произведенія карпаторосовъ появляются на страницахъ русскихъ изданій, а именно въ «Вѣстникѣ юго-западной и западной Руси» (Кіевъ), «День» (Москва), при чемъ редактора входятъ съ авторами въ переписку, побуждая ихъ разсказать о своемъ народѣ. Посредниками знакомствъ оказываются русскіе священники въ Вѣнѣ (К. Л. Кустодіевъ и М. Ф. Раевскій) и Üröm ъ (Войтковскій), а кромѣ того немалое значеніе имѣли и первыя встрѣчи съ русскими учеными путешественниками (И. Аксаковъ, Будиловичъ, Гротъ и др.). Всѣ эти взаимоотношенія ограничивались исключительно областью культурныхъ и національныхъ вопросовъ, духовнымъ родствомъ, но не политическимъ. Единственный Добрянскій привнесъ нѣкоторый политическій элементъ, однако и онъ мечталъ не объ отторженіи Угорской Руси отъ Венгріи въ пользу Россіи, но объ организаціи автономнаго управленія для объединенныхъ русскихъ земель въ рамкахъ австрійской монархіи.

Совершенно иного рода взаимоотношенія были между карпаторосами и галичанами. Здѣсь ярко выражается стремленіе со стороны карпаторосовъ къ объединенію культурно-національныхъ интересовъ, къ созданію цѣльнаго русскаго ядра въ рамкахъ общей государственности, отчасти политическаго значенія (Добрянскій), но главнымъ образомъ въ смыслѣ культурнаго общенія и его средства — русскаго литературнаго языка. Вскорѣ эта попытка литературнаго сближенія потерпѣла пораженіе, такъ какъ въ Галицкой Руси со стороны правительства получило рѣшительную поддержку украинское, сепаратистическое въ русскомъ смыслѣ, движеніе, въ то время, какъ мадьяризація Угорской Руси обходилась безъ этого посредствующаго звена денаціонализаціи. Въ результатѣ всѣ карпаторусскіе писатели явились рѣзкими критиками галицкаго національнаго дуализма и защитниками идеи единства русскаго народа. Конечно, карпатороссы и въ Галиціи имѣли немало выдающихся сторонниковъ, но, чѣмъ дальше, эти галицкіе русскіе патріоты все въ большей мѣрѣ начинали разсматриваться, какъ элементъ неблагонадежный и опасный, что въ концѣ концовъ и закончилось талергофской эпопсей. Угорская Русь постепенно мадьяризировалась, но украинство въ этомъ процессѣ не играло рѣшительно никакой роли. Карпаторосы разсматривали самую украинизацію, какъ постепенное ополячиваніе и относились къ нему отрицательно и непримиримо. Это слѣдуетъ особенно учесть, чтобы не впасть въ ошибку въ томъ смыслѣ, что на основаніи сосѣдства территоріальнаго и общаго происхожденія отъ малорусскаго племени не отожествлять культурно-національную исторію Галицкой Руси и Подкарпатской Руси[1]).

[1]) См. указанную выше книгу В. А. Францева: Изъ исторіи борьбы...

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Добрянскій былъ въ тѣсныхъ, а часто и дружественныхъ, отношеніяхъ съ чешскими національными вождями. Мы указывали имена чешскихъ патріотовъ, которые участвовали въ культурно-національныхъ стремленіяхъ Духновича. Однако, въ данномъ случаѣ роль чешскаго вліянія исчерпывается не только личными знакомствами, но и тѣмъ славянскимъ движеніемъ, авторами и руководителями котораго были чехи. Идея славянскаго братства, какъ она выразилась въ сочиненіяхъ Добрянскаго, Духновича и Павловича, а затѣмъ была передана младшему поколѣнію, показываетъ на знакомство карпаторусскихъ писателей съ произведеніями Шафарика, Палацкаго, Ригера, а особенно Коллара, въ подлинникѣ. Чешское вліяніе проникало отчасти черезъ словаковъ, а отчасти очагомъ его оказывалась Вѣна, гдѣ славянская молодежь собиралась для продолженія своего образованія и гдѣ широко была развита студенческая славянофильская кружковщина[2]). О словацкомъ культурномъ вліяніи въ это время говорить не приходится, такъ какъ въ это время словаки только приступили къ оформленію своей культуры и въ сущности работали съ карпатороссами заодно: за національное освобожденіе и возрожденіе. Радость и скорби были общія. Эту общность работы скрѣпляло еще и чувство уваженія къ русскому культурному генію и надеждой на зарю съ Востока.

Говоря о карпаторусско-словацкихъ отношеніяхъ въ половинѣ XIX вѣка, слѣдуетъ отмѣтить и еще одинъ литературный памятникъ, имѣющій совершенно исключительное значеніе. Въ 1852 году въ Будѣ, по происхожденію «отъ прародителей Полякъ, но по рожденію въ отечествѣ венгерскій Словякъ» и католикъ по вѣроисповѣданію д-ръ Андрей Анреевичъ Радолинскій (Радлинскій), священникъ остригомскаго архіепископства и редакторъ земскаго свода законовъ «текста словенскаго (словацкаго)» издалъ на чистомъ литературномъ русскомъ языкѣ «Собраніе русскихъ проповѣдей» — «въ пользу живущей въ Венгріи Руской Братіи», «чтобы способствовать успѣху литературному и взаимности Славянской». Въ предисловіи авторъ подробно останавливается на причинахъ своего русскаго изданія, восхваляетъ русскій литературный языкъ, «который между прочими славянскими нарѣчіями неповрежденно сохранилъ свой подлинный первообразъ (типъ)» и въ которомъ онъ видитъ средство къ литературному единству всѣхъ славянскихъ народовъ. Конечно, проповѣди Радолинскаго имѣютъ къ карпаторусской литературѣ только косвенное отношеніе, но самое изданіе необходимо отмѣтить, такъ какъ оно возникло въ цѣляхъ «удовлетворить требованіямъ Братіи Русской», т. е. для карпатороссовъ въ первую очередь.

[2]) См. С. А. Фенцикъ: Чехословаки и Карпатороссы, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 66, Ужгородъ, 1929.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

13. Общество св. Василія Великаго.

Если первый періодъ карпаторусскаго національнаго возрожденія послѣ 1848 года въ отношеніи литературнаго и издательскаго дѣла опредѣляется именами отдѣльныхъ лицъ, въ первую очередь Духновичемъ съ его «Пряшевскимъ Литературнымъ Заведеніемъ», какъ организаціей общественной, то второй періодъ, начинающійся съ 1866 г. и вплоть до начала XX вѣка, можетъ быть названъ періодомъ О-ва св. Василія Великаго, которое прямо или косвенно предопредѣляло карпаторусское литературное движеніе[1]). «Издавна наша Угорская Русь томилась желаніемъ имѣть литературное общество для развитія умственной дѣятельности и распространенія народнаго просвѣщенія...» — пишетъ Раковскій въ письмѣ къ Добрянскому съ увѣдомленіемъ объ избраніи его предсѣдателемъ О-ва св. В. В.; «отъ давна уже жило въ сердцахъ, надѣяхъ и воздыханіяхъ нашихъ» желаніе имѣть литературное общество, — указываетъ Иринеи Бачинскій въ своемъ воззваніи ко вступленію въ «уды» (члены) О-ва св. В. В.

Это давнее желаніе осуществилось послѣ цѣлаго ряда затрудненій, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны епархіальнаго начальства, только въ 1866 году: съ февраля по октябрь предварительную работу вели Иринеи Бачинскій и Іоаннъ Мондокъ, а съ октября 1866 г. и по 1871 годъ отвѣтственную работу предсѣдательствованія приняли на себя А. И. Добрянскій и И. И Раковскій. Цѣль общества въ уставѣ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «сочиненіе, составленіе, именно издаваніе, награжденіе и распространеніе книгъ школьныхъ, приспособленныхъ потребамъ школъ выше помянутыхъ двухъ епархій (т. е. мукачевской и пряшевской); вообще же составленіе въ языкахъ русскомъ и мадьярскомъ всякихъ такого рода назидательныхъ и полезныхъ книгъ, образовъ, часописей, которые бы по содержанію и духу своему съ успѣхомъ произвели духовно-нравственное образованіе восточныхъ соединенныхъ каѳоликовъ...» Конечно, какъ показываютъ дальнѣйшіе факты, прямой и основной задачей О-ва св. В. В. было содѣйствіе національному развитію карпатороссовъ, ихъ литературному творчеству, какъ въ кругахъ интеллигенціи, такъ и на пользу простонародью. По опредѣленію Раковскаго общество должно было «защищать интересы православной вѣры (т. е. восточнаго обряда, оставленнаго въ рамкахъ уніи) и русской народности»; на первыхъ порахъ общество, дѣйствительно, съ честью выполняетъ свои задачи. По общему признанію душой общества является И. И Раковскій. Онъ сносился съ почетнымъ предсѣдателемъ общества А. И. Добрянскимъ, онъ давалъ инструкціи секретарю І. Мондоку, выступалъ устно и печатно въ защиту интересовъ и цѣлей общества и, наконецъ,

---

[1]) Юлій Гаджега: Исторія Общества св. Василія Великаго, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 16, Ужгородъ, 1925.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

когда опредѣлился врагъ общества, онъ рѣшительно перешелъ въ наступленіе. И все это онъ дѣлалъ для того, «дабы мало по малу отвыкать отъ шлендріи и пріучаться къ правильному и чистому литературному языку». «Безъ науки не уйдемъ далеко», писалъ онъ Мондоку, — «а безъ охоты къ наукѣ и нѣтъ чего начинать».

Въ первые годы дѣятельность общества встрѣтила широкое сочувствіе въ кругахъ карпаторусской интеллигенціи. Въ 1865 и 1866 г., послѣ перерыва въ 15 лѣтъ, вышли «Мѣсяцословы», и затѣмъ это изданіе, уже подъ фирмой О-ва св. В. В., выходило впредь до закрытія О-ва. Въ числѣ изданій этого періода находимъ «Всемірную исторію» В. Кимака, географію и арифметику Раковскаго, разсказъ А. Кралицкаго (Аскольда) «Иванъ». Кромѣ того О-во содѣйствовало и поощряло цѣлый рядъ другихъ изданій частныхъ лицъ, какъ «Краткій сборникъ для упражненія въ русскомъ языкѣ» К. Сабова, «Наука вѣры православно-христіанскія» І. Артима; намѣтило къ изданію «Исторію Библійскую» Ф. Злоцкаго, издало «Отечественную исторію» М. Валковскаго и поручило составленіе новаго букваря А. Поповичу. Въ 1867 году начинаетъ выходить еженедѣльный журналъ «Свѣтъ», какъ оффиціальный органъ общества, редакторами котораго были послѣдовательно К. Сабовъ, Ю. Игнатковъ, В. Кимакъ и А. Митракъ. Состояніе общества къ 1870 году было таково: до 700 членовъ и около 500 подписчиковъ на журналъ «Свѣтъ», что слѣдуетъ признать весьма успѣшнымъ.

Первыя непріятности въ обществѣ начались вскорѣ послѣ назначенія епископомъ мукачевскимъ Стефана Панковича. Согласно даннымъ А. Сильвая и сообщеніямъ въ «Свѣтѣ» новый епископъ былъ встрѣченъ съ большими надеждами; отъ имени О-ва св. В. В. привѣтствовалъ новаго архіерея И. И. Раковскій. Однако, вскорѣ-же выявилась дѣйствительная личность Панковича, который во имя собственной карьеры охотно и съ большимъ усердіемъ началъ проводить взгляды шовинистическаго мадьярскаго правительства, т. е. возражать противъ русскаго слова и одновременно латинизировать обрядъ. Конечно, О-во св. В. В. принуждено было рѣшительно возражать противъ подобной тенденціи, а въ частности «Свѣтъ» вскорѣ обратился въ оппозиціонный въ отношеніи къ епископу органъ. Къ чести его редакторовъ и сотрудниковъ слѣдуетъ сказать, что позицію общества, а слѣдовательно и вообще русскія права, журналъ защищалъ съ большой рѣшимостью. Конечно, Панковичъ отлично зналъ, что бороться съ патріотами такого масштаба, какъ Добрянскій, Раковскій, К. Сабовъ, М. Молчаній, В. Кимакъ и Ю. Игнатковъ, ему просто не подъ силу, и потому онъ принялся за меньшую братію. Онъ указывалъ, что въ направленіи, принятомъ О-вомъ св. В. В. и его органомъ, заключается опасность для всей епархіи, такъ какъ епархія не получитъ субвенцій и прибавокъ, запугивалъ бо-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

лѣе трусливыхъ и, когда они принимали болѣе выгодный путь оппортунизма, тотчасъ-же давалъ имъ всевозможныя награды. Въ результатѣ этотъ кадръ оппортунистовъ настолько возросъ, что въ 1871 г., на шестомъ общемъ собраніи, Панковичу удалось свергнуть старый президіумъ, а въ частности «зараженныхъ чумой православія и москальства» Добрянскаго и Раковскаго, а на ихъ мѣсто избрать, если и русскихъ людей, то болѣе покладистыхъ и менѣе рѣшительныхъ. Все это было проведено послѣ предварительнаго запугиванія на консисторскомъ засѣданіи, которое осудило позицію «Свѣта». Рѣшено было издавать «Новый Свѣтъ», который и начнетъ «новую эпоху». Вскорѣ и всѣ прочіе вышеуказанные патріоты были удалены за территорію Угорской Руси за то, что «отклонились отъ устава». Кимакъ, уволенный отъ редакторства «Свѣта», принялся тотчасъ-же издавать юмористическій журналъ «Сова», гдѣ безпощадно обрушился на Панковича и его сторонни-

«Еп. Панковичъ и его кругъ» изъ журнала «Сова».

ковъ. «Сова» прекратилась на пятомъ номерѣ, но ея протестъ имѣетъ глубокое историческое значеніе.

Противъ старыхъ руководителей было выдвинуто со стороны оппортунистовъ обвиненіе въ томъ, что они не проявили достаточно энергіи къ дѣйствованію общества и внесли въ его работу политику. Факты показываютъ иное. Уже въ 1871 году «Новый Свѣтъ» начинаетъ сообщать о несостоявшихся засѣданіяхъ, ввиду «малой численности появившихся», вся издательская дѣятельность оппортунистовъ ограничилась только изданіемъ очередныхъ календарей и «Новаго Свѣта», который хотя и продолжалъ печататься на русскомъ литературномъ языкѣ, но лишился самыхъ значительныхъ своихъ сотрудниковъ. Въ 1873 году члены общества уже начинаютъ заговари-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вать о томъ, что мадьярское Общество св. Стефана «удовлетворяетъ всѣмъ духовнымъ требованіямъ греко-каѳоликовъ», а потому-де русское О-во св. В. В. является «излишнимъ». Правда, это мнѣніе встрѣтило возраженія, но фактически дѣятельность общества продолжалась только на бумагѣ. Такъ дѣло продолжалось до 1895 года, при чемъ въ теченіи ряда лѣтъ (1877, 1878, 1880, 1883 гг.) правленіе не въ состояніи было собрать и общаго собранія. «Новый Свѣтъ» просуществовалъ только до октября 1872 года, послѣ чего рѣшено было издавать «Карпатъ», гдѣ часть статей появлялась уже на мадьярскомъ языкѣ, а русскій языкъ былъ значительно изувѣченъ, но уже не столько по волѣ редакторовъ, сколько подъ давленіемъ свыше. «Новый Свѣтъ» редактировалъ Викторъ Гебей, а «Карпатъ» — Николай Гомичковъ, послѣ смерти котораго (1886 г.) прекратилось и самое изданіе.

Въ это время нарождается уже новая генерація дѣятелей во главѣ съ Е. А. Фенцикомъ, которая, хотя и видѣла бездѣйственность О-ва св. В. В., но цѣнила самый фактъ существованія русской общественной организаціи, а потому и поддерживала его идею на страницахъ своего новаго журнала «Листокъ», который въ исторіи карпаторусской литературы сыгралъ выдающуюся роль, несмотря на возростающую реакцію въ національномъ смыслѣ. Послѣ ряда лѣтъ бездѣйственнаго существованія, въ 1895 г. была сдѣлана попытка воскресить старую организацію. Въ составъ ея влились молодыя силы, но зато вскорѣ обнаружилось, что организація липается покровительства свыше, а именно — отказался отъ содѣйствія пряшевскій епископъ. Съ большими затрудненіями О-во В. В. просуществовало до 1902 года, послѣ чего закрылось, а на его мѣсто было организовано издательское товарищество «Уніо», ставившее цѣлью печатаніе «полезныхъ книгъ». Въ этотъ послѣдній періодъ дѣятельность общества проявилась въ изданіи календарей, а съ 1897 г. началъ выходить оффиціальный органъ общества «Наука», но уже на народномъ нарѣчіи, хотя и съ этимологическимъ правописаніемъ. Идеологически болѣе важенъ въ это время «Листокъ», который выходилъ съ 1885 г. и по 1904, т. е. до смерти его неутомимаго редактора.

Мы остановились подробно на дѣятельности Общества св. Василія Великаго вслѣдствіи того, что, несмотря на кратковременное проявленіе его дѣйствительной работы и на продолжительный періодъ замиранія, все-же вся литературная жизнь съ 1866 года и до 900 годовъ была связана съ его печатными органами или его идеей. Эта идея вначалѣ объединила всѣхъ старшихъ писателей и дѣятелей національной культуры, о которыхъ мы говорили выше и о которыхъ будемъ еще говорить, призвало къ писательской дѣятельности дѣтей, выросшихъ непосредственно подъ вліяніемъ призрачныхъ идей національной свободы, и питало внуковъ, оказавшихся въ тискахъ мадьярскаго шовинизма. Объ этомъ послѣднемъ поколѣ-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

нiи, которое оказалось на рубежѣ двухъ вѣковъ и двухъ эпохъ карпаторусской національной жизни, мы будемъ говорить особо. Естественно, что дѣятельность писателей и ихъ принадлежность къ тому или иному поколѣнію можно установить только условно; что же касается порядка нашего обозрѣнія творчества отдѣльныхъ дѣятелей карпаторусской литературы, то онъ установленъ нами не только по принципу хронологіи, но принято во вниманіе и удобство идеологическаго разсмотрѣнія.

14. Іоаннъ Мондокъ. Викторъ Ф. Кимакъ. Кириллъ Сабовъ. Юрій Игнатковъ. Александръ Гомичковъ. Іоаннъ Дулишковичъ. Михаилъ Котрадовъ. І. Даниловичъ. Іоаннъ Артимъ. А. Рѣпай. Петръ Азарій. Ѳеодосій Злоцкій.

Прежде чѣмъ говорить о выдающихся писателяхъ, начавшихъ свою дѣятельность въ органахъ О-ва св. Василія Великаго — въ «Свѣтѣ», «Новомъ Свѣтѣ» и «Карпатѣ», который, хотя уже и не былъ оффиціальнымъ журналомъ, но хранилъ идейную преемственность, необходимо остановиться на тѣхъ писателяхъ старшаго поколѣнія, которые отчасти руководили, отчасти по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовали національному и культурному возрожденію во второй половинѣ XIX вѣка.

Первымъ директоромъ О-ва св. Василія Великаго былъ Іоаннъ Иліевичъ Мондокъ (1824—1886), профессоръ философіи ужгородской гимназіи, а впослѣдствіи каноникъ мукачевской епархіи[1]). Личности Мондока не слѣдуетъ переоцѣнивать, какъ это дѣлаютъ составители некрологовъ. Онъ былъ честный и трудолюбивый работникъ, самъ патріотъ въ душѣ, но на общественномъ полѣ дѣятельности — осторожный исполнитель внушеній Раковскаго. Именно эта замкнутость и нѣкоторая общественная инертность и оказались причиною того, что послѣ сверженія еп. Панковичемъ перваго правленія общества, Мондокъ не оказался въ числѣ «зараженныхъ чумой». Въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ онъ прилежно составлялъ предисловія къ «Шематизмамъ», гдѣ публиковалъ новыя историческія свѣдѣнія объ угро-русской церкви. Ему принадлежитъ обстоятельная біографія Іоанна Чурговича[2]), гдѣ, помимо общепринятыхъ въ этомъ родѣ сочиненій — похвалъ, обстоятельно изложены и взаимоотношенія Чурговича съ епархіальной общественностью, другими словами — общія мѣста замѣнены дѣйствительно цѣннымъ фактическимъ матеріаломъ. Стиль и языкъ этой статьи слѣдуетъ признать для своего времени не только стремящимися къ литературной правильности, но и выдающимися по своей красотѣ. Впрочемъ, біогра-

---

[1]) Е. Ф(енцикъ): Іоаннъ Мондокъ, «Листокъ», 1886, № 15, стр. 323—324; Поминайте наставники ваша, Мѣсяцословъ О-ва св. В. В. на 1895 г., стр. 112—115.

[2]) Память Іоанна Чурговича», Мѣсяцословъ для Русскихъ Угорскія Краины на 1865 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

фы отмѣчаютъ, что Мондокъ вообще отличался даромъ ораторской стилизаціи, но, къ сожалѣнію, голосъ у него былъ тихій и красоты его рѣчи можно было видѣть только въ напечатанныхъ произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать его рѣчь по поводу смерти еп. Василія Поповича, которая, въ силу тогдашнихъ условій, была произнесена по мадьярски, но переводъ ея на русскій языкъ (А. Кралицкаго) былъ опубликованъ въ журналѣ «Свѣтъ»[1]). Это надгробное слово обнаруживаетъ не только внѣшнія красоты дара Мондока, но свидѣтельствуетъ и о его психологической наблюдательности. Мондокъ выступалъ неоднократно и съ статьями научно-публицистическаго характера, которыя печатались въ журналѣ «Свѣтъ». Здѣсь авторъ пользуется новыми матерьялами исторіи угро-русской церкви съ цѣлью защиты восточнаго обряда и русскаго языка. Сохранилась отъ Мондока и одна ода, написанная имъ въ честь еп. Панковича при его инсталляціи и отпечатанная въ видѣ особаго листка.

В. Ф. Кимакъ.

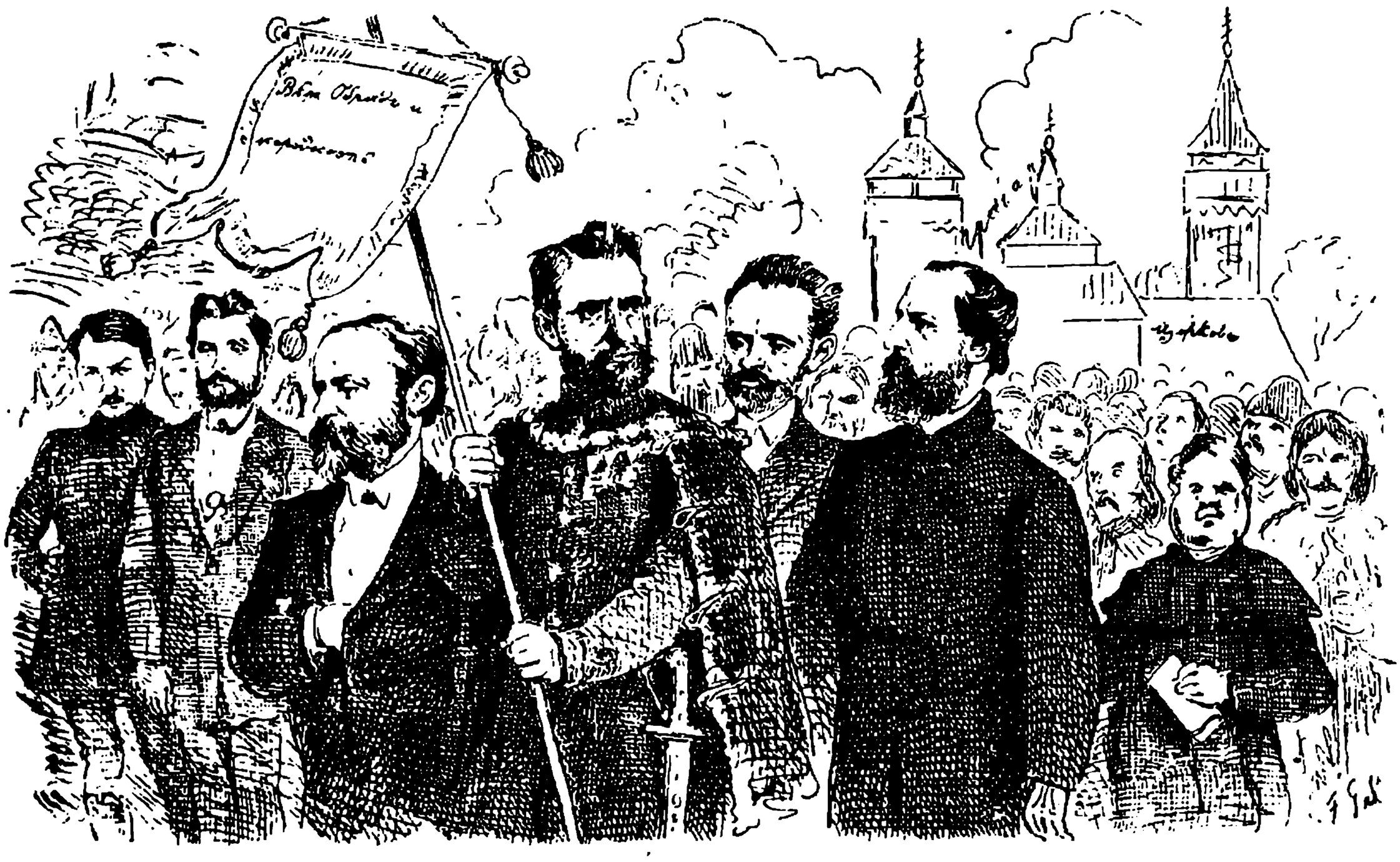
Если Мондокъ былъ патріотомъ, то его ближайшій сотрудникъ по правленію и редакторъ «Свѣта» Василій Федоровичъ Кимакъ можетъ быть въ полномъ смыслѣ названъ національнымъ бойцомъ[2]). Родился онъ въ 1840 г. и послѣ окончанія гимназическаго курса въ Ужгородѣ былъ переведенъ въ богословскую семинарію, которую и закончилъ съ отличіемъ. Вслѣдъ за этимъ онъ получилъ назначеніе въ качествѣ преподавателя въ ужгородскую гимназію и духовное званіе оставилъ. Такъ какъ въ это время исторія преподавалась еще на русскомъ языкѣ, то Кимакъ, увлекающійся славянофильскимъ движеніемъ и національнымъ пробужденіемъ, занялся составленіемъ и соотвѣтствующаго учебника на русскомъ языкѣ. Въ 1868—1870 гг. его «Всемірная исторія» вышла въ изданіи О-ва св. Василія Великаго въ 3 томахъ и сослужила не малую службу въ воспитаніи юношества. Русскимъ языкомъ Кимакъ владѣлъ въ совершенствѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и его редакторская дѣятельность и дальнѣйшая судьба. Раздѣляя до конца взгляды Добрянскаго и Раковскаго, конечно, онъ оказался въ самомъ центрѣ гоненій со стороны еп. Панковича. Поскольку-же служебно онъ отъ печальной памяти епископа не зависѣлъ, онъ тотчасъ-же послѣ устраненія отъ редакторства въ «Свѣтѣ» предпринялъ изданіе перваго юмористическаго журнала на

[1]) Переводъ А. Ф. Кралицкаго, «Свѣтъ», 1868, №№ 47, 48 и 49.

[2]) «Очеркъ угр. рус. лит.», Листокъ, 1893, стр. 258; «Поминайте наставники ваша», «Мѣсяцословъ на 1894 г.», изд. О-ва В. В. Ужгородъ, 1893, стр. 97—98; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 24; д-ръ Ю. Гаджеги: Исторія О-ва св. В. В., стр. 26.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Подкарпатской Руси подъ загл. «Сова», которая не намеками, но прямо и безпощадно бичевала современныя общественныя отношенія, а особенно останавливалась на личности и поведеніи еп. Панковича. Такія каррикатуры, какъ «Панковичъ и его кругъ» и «Добрянскій и его кругъ» и понынѣ поражаютъ своею смѣлостью. Конечно, еп. Панковичъ незамедлилъ предпринять шаги и въ результатѣ В. Ф. Кимакъ былъ переведенъ въ гимназію въ Печъ (Фюнфкирхенъ), куда онъ, впрочемъ, не поѣхалъ, но переселился въ Россію, сначала въ качествѣ преподавателя гимназіи въ Москвѣ, а затѣмъ въ Одессѣ, гдѣ и скончался въ девятисотыхъ годахъ.



«А. И. Добрянскій и его кругъ» изъ журнала «Сова».

Слѣдуетъ отмѣтить, что гоненіе со стороны Панковича имѣло не частный, но организованный характеръ. Прежде чѣмъ предпринять шаги къ тому, чтобы старая линія правленія была отвергнута и защитники «православія и народности» превратились въ послушное орудіе въ рукахъ оппортунистовъ, епископъ добился, что выдающійся поборникъ восточнаго обряда Молчаній долженъ былъ, какъ и Кимакъ, выѣхать въ Россію, К. Сабовъ былъ перемѣщенъ въ Сегединъ, а Ю. Ю. Игнатковъ въ Будинъ. Другими словами — редакція была раскассирована въ полномъ составѣ.

Въ бытность свою редакторомъ Кириллъ Антоновичъ Сабовъ былъ преподавателемъ ужгородской гимназіи по каѳедрѣ русскаго языка и свои стойкія національныя убѣжденія передалъ цѣлому ряду лицъ молодого поколѣнія, впослѣдствіи національныхъ дѣятелей[1]). Въ 1865 г. въ Ужгородѣ вышла его

[1]) Свѣдѣнія о К. Сабовѣ см. Е. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 24; статья «Е. И. Сабовъ» въ «Народномъ календарѣ на 1927 г.», изд. О-ва им. А. В. Духновича, Ужгородъ, 1926, стр. 88—94; д-ръ Ю. Гаджега: Исторія О-ва св. В. В.; «Очеркъ угр. рус. лит.», Листокъ, 1893, стр. 221.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

«Грамматика письменнаго русскаго языка», которая была принята въ качествѣ руководства не только въ Ужгородѣ, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ гимназій — въ Пряшевѣ, Мукачевѣ, Левочѣ и Мараморошъ-Сиготѣ. Это была въ сущности первая грамматика, составленная по требованіямъ современной методологіи, и въ теченіи тридцати лѣтъ она являлась незамѣнимымъ руководствомъ для гимназій. Когда О-во св. Василія Великаго было одушевлено работой по составленію и изданію учебниковъ, К. Сабову было предложено составить и соотвѣтствующую хрестоматію къ своей грамматикѣ. Въ 1869 г. появился его «Краткій сборникъ для упражненія въ русскомъ языкѣ», гдѣ собраны отрывки изъ произведеній русскихъ писателей, начиная отъ Ломоносова и кончая Тургеневымъ. Въ предисловіи составитель, между прочимъ, указываетъ одну изъ задачъ своего сборника: «чтобъ тѣмъ, которые слышавъ и читавъ объ этомъ (т. е. «литературномъ чисто-русскомъ») слогѣ, вообразили себѣ можно неточный судъ о немъ, подать способъ поровнять его съ туземнымъ говоромъ». Преподавая русскій языкъ въ гимназіяхъ, К. А. Сабовъ, конечно, былъ въ курсѣ всѣхъ споровъ о взаимоотношеніи русскаго литературнаго языка и народныхъ нарѣчій. Сабовъ отлично видѣлъ, что попытка ввести «народное нарѣчіе» въ литературу не столько является требованіемъ народа, сколько правительства, и это требованіе охотно принялись осуществлять всякаго рода оппортунисты, которые «по общей чертѣ малорусской - лѣнивству» — не брали въ руки никакой русской книги, читали мадьярскія газеты и, однако, посмѣли взяться «за русское перо». К. Сабовъ проситъ не говорить, что эти писатели «по народному пишутъ»: «въ ихъ литературѣ пахнетъ мадьярщиною». Эти замѣчанія Сабова относяться къ газетѣ «Наука», о которой мы упоминали выше, но, однако, попытку дать спеціальную литературу для народа онъ сдѣлалъ и самъ и весьма высокаго мнѣнія былъ о «Додаткахъ къ Листку» Е. А. Фенцика, который сумѣлъ «популяризовать» разсказъ, не погрѣшивъ противъ русской рѣчи. Попытка Сабова заключалась въ томъ, что онъ задумалъ дѣлать изъ «Свѣта» оттиски нѣкоторыхъ разсказовъ въ видѣ отдѣльныхъ книжечекъ — «Народное Чтеніе» —, при этомъ онъ руководствовался убѣжденіемъ, что доступность литературнаго произведенія народу заключается не въ грамматикѣ и орфографіи, какъ это стремились доказать украинцы, а за ними, хотя и въ меньшей степени, карпаторусскіе оппортунисты, но въ стилѣ самой рѣчи и въ доступности фабулы. Изъ «Народнаго Чтенія» вышелъ только одинъ выпускъ, такъ какъ вскорѣ Сабовъ, видя нападки со стороны правительственныхъ лицъ и приверженцевъ Панковича, принужденъ былъ отъ редактированія «Свѣта» отказаться, а вслѣдъ за тѣмъ и былъ переведенъ въ Сегединъ, а потомъ въ Кошицы, гдѣ онъ, между прочимъ, принялъ и мѣсто цензора русскихъ изданій «изъ ласки прокурора табулы судеб-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ной» и то только потому, что въ то время ни «Листокъ», ни «Наука» не писали такое, чтобы можно было цензуровать».

Въ качествѣ преподавателя гимназіи онъ не только исполнялъ долгъ своей службы, но и по мѣрѣ возможности стремился помогать ученикамъ въ развитіи ихъ національнаго самосознанія. Такъ, напримѣръ, въ 1863—1865 гг. К. А. Сабовъ организовывалъ ученическія театральныя представленія. Ставить русскія пьесы въ то время было затруднительно, а «россійскіе» авторы и вовсе были исключены. И вотъ Сабовъ изобрѣтаетъ русскія представленія за счетъ австро-нѣмецкой литературы. Онъ переводитъ и приспособляетъ къ русской жизни нѣмецкія пьесы и разучиваетъ ихъ со своими слушателями курса русскаго языка.

К. А. Сабовъ.

К. А. Сабовъ всецѣло принадлежитъ къ той небольшой горсточкѣ борцовъ за національность, которая, подобно Добрянскому, Раковскому и Кимаку, всю свою душу вложила въ народное дѣло и до конца оказалась стойкой. Всѣ они были на голову выше своихъ современниковъ и предпочитали принять изгнаніе, чѣмъ участвовать въ дѣлѣ искаженія народныхъ идеаловъ и національнаго умерщвленія, начатыхъ еп. Панковичемъ, конечно съ благоволенія высшихъ властей.

Общую судьбу редакторовъ раздѣлилъ и Юрій Юрьевичъ Игнатковъ[1]), который подалъ иниціативу самаго изданія «Свѣта» и который былъ его первымъ редакторомъ, правда очень короткое время, такъ какъ уже въ сентябрѣ 1867 г. послѣдовало его перемѣщеніе изъ ужгородской гимназіи — сначала въ Будинъ, а затѣмъ въ Левочу. Особой литературной дѣятельности самъ Игнатковъ не проявилъ; за исключеніемъ немногочисленныхъ публицистическихъ замѣтокъ отъ него ничего не осталось, но онъ былъ однимъ изъ неутомимыхъ покровителей и возбудителей литературнаго движенія и рѣшительнымъ сторонникомъ русскаго литературнаго языка.

Оригинальной личностью на трудномъ поприщѣ карпаторусской литературы второй половины XIX вѣка былъ Александръ Юліановичъ Гомичковъ, который испробовалъ всѣ виды литературнаго творчества, но несомнѣнно былъ даровитъ въ области типичной журналистики. А. Гомичковъ родился въ 1830 и умеръ въ 1892 году въ чинѣ отставного финансоваго секретаря[2]). Онъ прошелъ всѣ стадіи карпаторусской жур-

---

[1]) Очеркъ угро-русск. лит., Листокъ, 1893, стр. 209 и 233; Е. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 24; д-ръ Ю. Гаджега: Исторія О-ва св. В. В., стр. 39.

[2]) Е. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 25; д-ръ В. Бирчакъ: Лит. стремлѣня, стр. 77—78.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

листики, начиная отъ «Церковной Газеты» и кончая «Карпатомъ», но въ оппортунизмѣ его упрекать не приходится: у него была способность писать о томъ, что дозволено, въ зависимости отъ времени и условій. Онъ въ достаточной мѣрѣ владѣлъ литературнымъ языкомъ, былъ наблюдателенъ, любознателенъ, патріотиченъ, то есть обладалъ всѣми качествами журналиста. Большинство его стихотвореній написано на религіозныя темы («Исканіе Бога», «Гласъ ко Господу»), но есть и тема, живо затрагивающая національный вопросъ — «Минувшее и будучность», въ которомъ онъ печалится, что покоренный «чужимъ народомъ» — «свое племя забылъ Руссинъ», упрекаетъ своихъ сородичей въ чрезмѣрномъ самолюбіи, малодушіи и предательствѣ, а каждую строфу заканчиваетъ однообразнымъ по смыслу рефреномъ — «родъ такой враждолюбивый» («самолюбный» или «чужедушный») — «будучность не заслужилъ». Эта тема впослѣдствіи повторяется особенно ярко у Попрадова, отчасти у Е. Фенцика.

Изъ статей А. Ю. Гомичкова въ первую очередь слѣдуетъ отмѣтить его историческія публикаціи. Въ «Мѣсяцословахъ для Русскихъ Угорскія краины» на 1864 и 1865 г. г. напечатана его «Исторія Угорскія Краины», гдѣ онъ прослѣживаетъ кратко и популярно исторію государственности на Угорской Руси, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая XII вѣкомъ. Тамъ-же находимъ и его статьи «Библіоѳека епархіи Пряшевской» и «Теплицкая архимандрія». Въ «Мѣсяцословѣ» на 1870 г. помѣщена его статья «О церковной автономіи». Особо слѣдуетъ отмѣтить обширный циклъ статей Гомичкова въ газетѣ «Карпатъ» (1885) подъ общимъ заглавіемъ «Изъ моихъ записокъ» — «Эпизоды изъ исторіи нашей Угро-Русской народной жизни», гдѣ онъ даетъ обширный эпизодическій матерьялъ для историка культурно-національнаго движенія, приводитъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ свѣдѣній объ участіи въ государственной жизни цѣлаго ряда карпаторроссовъ, которыя могли-бы остаться и вовсе не отмѣченными, рядъ личныхъ воспоминаній о встрѣчахъ и разговорахъ и т. п. Этотъ циклъ Гомичковъ заканчиваетъ словами: «Мы пережили въ угро-русской народной жизни много добраго и злого: всетаки живемъ, и жити будемъ, бо наше племя — не оскудѣетъ.» Е. И. Сабовъ останавливаетъ вниманіе на фельетонахъ А. Гомичкова «Предъ 40 годами», «Отъ 30 годовъ» («Карпатъ», 1880), гдѣ авторъ даетъ оцѣнку пройденному пути и въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ говоритъ о перемѣнахъ къ лучшему «въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи». Этотъ оптимизмъ для А. Гомичкова вообще типиченъ и его слѣдуетъ признать не только методомъ оппортунистическимъ въ томъ смыслѣ, что и при общей національной реакціи, связанной съ удушеніемъ всего русскаго, нужно было и выгоднѣе было писать объ улучшеніи, но и долгомъ патріота, который воодушевляетъ нерѣшительную массу къ продолженію національной работы, по-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

сколькy это является возможнымъ при безотрадныхъ условіяхъ. Огромная масса статей Гомичкова посвящена самымъ различнымъ популярнымъ темамъ, онъ писалъ и о «Наидавнѣйшихъ народахъ» и о «Мамелюкахъ» и о «Св. Стефанѣ», полагая, что все написанное по русски уже является само по себѣ фактомъ національнаго движенія. Есть у него и попытка беллетристическаго разсказа — повѣсть «Покореніе Ужгорода» (Мѣсяцословъ», на 1865 г.), гдѣ разсказывается исторія прихода мадьяръ и смерть миѳическаго князя Лаборца. Анализъ этого разсказа показываетъ, что его тема была воспринята Гомичковымъ отъ А. Кралицкаго, написавшаго «Князя Лаборца» («Галичанинъ», 1863), однако, Гомичковъ самое событіе истолковалъ по своему и ввелъ въ разсказъ символическія фигуры Вражды и Клятвы, а самого князя Лаборца представилъ, какъ защитника «вязки» (т. е. связки) книгъ, гдѣ было «Евангеліе» и «Обрядъ» въ переводѣ Отцевъ Кирилла и Меѳодія», т. е. защитника кириллицы и восточнаго обряда. А. Ю. Гомичковъ является и издателемъ «Мѣсяцослова для Русскихъ Угорскія краины» на 1865 годъ, т. е. единственной русской книги этого времени. Любопытно филологическое толкованіе именъ, къ которому у Гомичкова было патріотическое пристрастіе. Ужгородъ онъ производитъ отъ «Угол - городъ», «Панноніа» отъ «Панъ — онъ и я» и т. д., то есть слѣдуетъ во многомъ романтико-національнымъ попыткамъ І. Коллара и своего сородича Ю. Гуцы-Венелина.

І. Дулишковичъ.

Іоаннъ Дулишковичъ, ровесникъ и сторонникъ И. Раковскаго (род. 1815 г.[1]). Онъ былъ приходскимъ священникомъ въ Нижнихъ Верецкахъ и Чинадѣевѣ, состоялъ также и благочиннымъ этихъ округовъ, при чемъ немало пострадалъ за свои русскія убѣжденія. Еп. Панковичъ его смѣстилъ съ должности благочиннаго, однако впослѣдствіи этотъ человѣкъ исключительнаго трудолюбія и скромности былъ снова возстановленъ въ правахъ. Въ «Свѣтѣ»І. Дулишковичъ помѣстилъ рядъ историческихъ очерковъ, которые впослѣдствіи были имъ переработаны, значительно дополнены и изданы на собственныя средства въ видѣ трехъ книжекъ подъ заглавіемъ: «Историческія черты Угро-Русскихъ»[2]). Этотъ огромный научный трудъ, трактующій о судьбахъ территоріи нынѣшней Подкарпатской Руси, о русскихъ поселеніяхъ, объ установленіи на ней госу-

[1]) «Очеркъ угр. рус. лит.», Листокъ, 1893, стр. 17; «Поминайте наставники ваша», Мѣсяцословъ на 1894 г., стр. 81—82; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 25; В. Бирчакъ: Литер. стремлѣня, стр. 50.

[2]) Тетрадь 1-ая — Ужгородъ, изд. автора, 1874, стр. 180; 2-ая — 1875 г., стр. 140; 3-я — 1877 г., стр. 234.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

дарственности и церковной администраціи, о взаимоотношеніи мадьярской государственности и церковныхъ властей и т. д., начинается съ данныхъ, восходящихъ еще къ III—IV вѣкамъ и кончается, въ печатныхъ выпускахъ, восьмидесятыми годами XVIII столѣтія. Четвертый выпускъ остался въ рукописи, и здѣсь церковная исторія доведена до смерти еп. Алексѣя Повчія, т. е. до 1831 года. То, что въ работѣ Дулишковича въ судьбахъ угро-русскаго народа первенствующее значеніе играетъ исторія церковная, не является случайностью. Фактически, дѣйствительно, только церковь была признакомъ, защитникомъ и символомъ русской народности Угорщины, что признается не только предшественниками Дулишковича, но и современными историками. Въ основу работы Дулишковича легли труды М. Лучкая и І. Базиловича, но не слѣдуетъ думать, что она является простой компиляціей на русскомъ языкѣ. Авторъ былъ прекрасно знакомъ вообще со всѣмъ историческимъ матеріаломъ, относящимся къ его темѣ, онъ дѣлаетъ ссылки на многочисленныхъ авторовъ, а кромѣ того пользуется и рядомъ неопубликованныхъ еще документовъ, хранящихся въ епархіальныхъ библіотекахъ, архивахъ и церковныхъ заведеніяхъ. Можно говорить, что нѣкоторые факты, принимаемые Дулишковичемъ, въ настоящее время утратили уже свою цѣну (напр. онъ признаетъ подлинной грамоту Коріатовича 1360 г.), но это не является его ошибкой, а слѣдуетъ отнести вообще къ состоянію науки того времени. То, что его работа не является простой компиляціей Лучкая, какъ это слѣдуетъ изъ нѣкоторыхъ сужденій о Дулишковичѣ, свидѣтельствуютъ многочисленныя сравненія научныхъ взглядовъ, которыя проводитъ по нѣкоторымъ вопросамъ карпаторусскій историкъ. Языкъ Дулишковича, а главнымъ образомъ стиль его, весьма тяжелъ, что слѣдуетъ объяснить не незнаніемъ русскаго литературнаго языка, которымъ онъ стремился пользоваться, но и сложностью работы, которая все время требовала переводовъ съ латинскаго и мадьярскаго. Дулишковичъ трудился во имя родной науки, и уже самый фактъ, что въ своемъ научномъ трудѣ онъ воспользовался русскимъ языкомъ, а не мадьярскимъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ, является свидѣтельствомъ его глубокаго патріотизма.

Своеобразную роль въ литературѣ этого времени игралъ Иванъ Ивановичъ Даниловичъ, извѣстный въ «Новомъ свѣтѣ» подъ псевдонимомъ «Лопухъ Максимовичъ», а какъ авторъ пьесы «Семейное Празднество» — подъ псевдонимомъ «И. И. Корытнянскій»[1]).

Родился Даниловичъ въ 1834 г. въ селѣ Страсскомъ, Земплинской столицы, съ успѣхомъ окончилъ гимназію и богословскій лицей въ Ужгородѣ, былъ назначенъ въ епископскую

[1]) Іоаннъ Даниловичъ, «Мѣсяцословъ на 1896 г.», изд. О-ва св. В. В., Ужгородъ, 1895, стр. 50—51; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 28; краткія замѣтки въ «Очеркѣ угр. рус. лит.», Листокъ, 1893.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

канцелярію. Еп. Стефанъ Панковичъ замѣтилъ выдающіяся способности молодого сотрудника и сдѣлалъ его секретаремъ. Однако, надежды Панковича не оправдались: когда онъ отправился въ Римъ по поводу возсоединенія календарей, секретарь внезапно его оставилъ, высказывая свое несогласіе, покинулъ епископскую резиденцію и нѣкоторое время былъ профессоромъ богословской семинаріи. Когда былъ организованъ гайдудорогскій викаріатъ, новый епископъ Іоаннъ де Пастелій назначилъ его викаріемъ въ эту мадьярскую область, гдѣ Даниловичъ и пребывалъ вплоть до своей смерти (1895 г.). Поскольку здѣсь ему приходилось работать въ средѣ мадьяръ грекокатолическаго вѣроисповѣданія, постольку понадобились и переводы церковно-славянскихъ книгъ на мадьярскій языкъ. Зная въ совершенствѣ русскій и церковно-славянскій языки, Даниловичъ самъ занялся не только переводами, но и изданіемъ церковныхъ книгъ; въ результатѣ были напечатаны литургія св. Василія Великаго, литургія преждеосвященныхъ даровъ, требникъ и молитвенникъ. Въ 1866 году въ Коломыѣ вышла его «оригинальная, прямо изъ житія Русскихъ въ Венгріи взятая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ» — «Семейное Празднество», которая является сатирой на соціальные устои того времени въ карпаторусской средѣ. Авторъ противополагаетъ русскую семью Холмецкихъ новоявившемуся помѣщику Кириллу Чумакову, который желаетъ именовать себя по мадьярски Каролемъ Чомакеви (Csomakövy), гнушается своего родства съ дядей-дьячкомъ, мечтаетъ проникнуть въ графскій дворъ, но потомъ раскаивается и видитъ свои заблужденія. Несомнѣнно, что этотъ типъ карпаторосса, который изо всѣхъ силъ старается жить по пански, подражаетъ мадьярамъ и забываетъ о своемъ народѣ — взятъ изъ самой жизни. Достаточно припомнить тѣ многіе десятки коренныхъ русскихъ семей, которыя замѣняли свое имя мадьярскимъ въ цѣляхъ служебной карьеры, а тѣмъ самымъ и матеріальной выгоды[1]). Этотъ типъ повторяется и у Сильвая и у Е. А. Фенцика, но впервые онъ ярко обрисованъ Даниловичемъ-Корытнянскимъ. Такой-же тинической для карпаторусской жизни личностью слѣдуетъ признать и дьяка-Никифора, который произноситъ уничижительныя тирады передъ господами и который является простымъ и честнымъ человѣкомъ въ кругу своей семьи. Домъ Холмецкихъ — по выраженію мадьяронствующаго Чумакова — «смердитъ отъ рущизны», но послѣ своего національнаго прозрѣнія именно въ кругу семьи Холмецкихъ Чумаковъ находитъ свое счастье и утѣшеніе. Сравнительно съ пьесой Духновича, «Семейное Празднество», хотя еще и не отошло отъ чисто типическихъ персонажей, но уже имѣетъ и долю психологическаго дѣйствія, подобно тому, какъ это проявилось въ «Недорослѣ» — Фонвизина, который, по всей вѣро-

[1]) «Семейное Празднество» перепечатана съ отдѣльнаго изданія въ «Листкѣ» за 1896 г., стр. 28, 40, 56 и далѣе.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ятности, былъ извѣстенъ автору. Стиль пьесы и языкъ обнаруживаетъ исключительное знаніе русскаго литературнаго языка, дѣйствіе ведется живо и самый комизмъ психологически обоснованъ. Пьеса впервые была представлена въ 1866 году и свое значеніе сохранила и понынѣ.

Большое значеніе въ развитіи своего народа и его литературы во вторую половину XIX вѣка имѣетъ дѣятельность протоіерея и директора учительской семинаріи въ Пряшевѣ Михаила Котрадова 1831—1901[1]). Его немногочисленныя статьи, напечатанныя въ «Свѣтѣ» и «Мѣсяцословахъ», всегда безымянныя, направлены къ поученію народному во всѣхъ отрасляхъ его жизни. Онъ призывалъ къ просвѣщенію, къ любви своего русскаго языка, предостерегалъ противъ пьянства, давалъ совѣты, какъ вести комиссацію, какъ обрабатывать поля и сады и т. д. Но въ исторіи карпаторусской культуры славенъ М. Котрадовъ не столько своими литературными трудами, сколько заботами о просвѣщеніи и совершенно исключительнымъ жертволюбіемъ. Послѣ его смерти біографы насчитали до 40 фундаціонныхъ актовъ, по которымъ онъ еще при жизни давалъ средства на всевозможные виды просвѣтительной работы: на народно-учебный фондъ, который издавалъ русскіе учебники, на стипендіи «для русскаго юношества высшихъ учебныхъ заведеній мірского званія», на стипендіи и награды для учениковъ среднихъ и ремесленныхъ школъ, «отличающихся знаніемъ типика, церковнаго пѣнія и русскаго языка», на пользу русскихъ школъ рѣшительно всѣхъ тѣхъ селъ и городовъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать. Въ послѣднемъ своемъ завѣщаніи Котрадовъ обращается ко всѣмъ, кто пользовался и будетъ пользоваться его учрежденіями, съ призывомъ: «чтобъ они любили церковь свою, славу ей подымати старались, да любятъ свой русскій народъ, изъ котораго происходятъ и языкъ его, ибо только такъ могутъ истинно любити и свое угорское отечество».

Въ то время какъ шла подготовка къ изданію «Свѣта», неожиданно появился «педагогическій и народопросвѣщающій журналъ «Учитель» (1867), который взялся на свой страхъ и рискъ издавать преподаватель учительской семинаріи въ Ужгородѣ — Андрей Рѣпай[2]), конечно, учитывая общую склонность къ осуществленію русскаго періодическаго изданія и въ надеждѣ на поддержку со стороны учительскихъ круговъ. Надежды эти не оправдались, и газета просуществовала около полугода. Однако, попытка А. Рѣпая не осталась безъ послѣдствій. Въ 1868 году, учитывая потребность учителей въ специальномъ органѣ, министерство народнаго просвѣщенія въ

[1]) «Михаилъ Котрадовъ», Листокъ, Ужгородъ, 1892, стр. 258—260; I. P.: Михаилъ Котрадовъ, Мѣсяцословъ О-ва св. В. В. на 1902 г., стр. 70—73.

[2]) Очеркъ угр. русск. письменности, Листокъ, 1894, стр. 5—6; Сабовъ: Очеркъ..., стр. 29.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Будапештѣ начало само издавать «Газету для народныхъ учителей», которая выходила еженедѣльно и печаталась на чистѣйшемъ русскомъ литературномъ языкѣ. Въ 1871 году въ связи съ общимъ поворотомъ отношеній къ русскому дѣлу на Угорщинѣ и акціей Панковича, и эта газета начала издаваться уже на украинскомъ діалектѣ съ соотвѣтствующимъ искаженіемъ правописанія.

А. Рѣпай замѣчателенъ еще и тѣмъ, что онъ издалъ въ 1864 году въ Ужгородѣ первую книжку по вопросамъ народнаго хозяйства, а именно — «Народное Господарство», которая была предназначена для простонародья и написана діалектически, хотя и съ соблюденіемъ правилъ русскаго правописанія.

Слѣдуетъ упомянуть еще Андрея Артима (младшаго), издавшаго въ Будинѣ въ 1868 г. два выпуска проповѣдей подъ заглавіемъ «Наука Вѣры православно-христіанскія», написанныхъ почти на правильномъ русскомъ языкѣ, конечно съ наличіемъ церковно-славянскихъ словъ, поскольку этого требовалъ самый видъ проповѣдническаго творчества[1]).

Изъ поэтовъ, начавшихъ свою карьеру въ «Свѣтѣ», слѣдуетъ указать П. Азарія и Ѳ. Злоцкаго.

Петръ Азарій (1846—1874[2]) умеръ молодымъ, оставивъ только незначительное число напечатанныхъ стихотвореній. Онъ былъ воспитанникомъ гимназіи, и здѣсь проявилъ особый интересъ къ русской литературѣ, а въ частности увлекался Лермонтовымъ и Баратынскимъ. Затѣмъ, окончивъ богословскую семинарію, былъ рукоположенъ и опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка въ ужгородскую гимназію и въ этой должности вскорѣ и скончался. Его біографъ отмѣчаетъ, что «стихотворенія его отличаются правильностью»: «онъ даже въ гласоударенiи, которое у насъ, по причинѣ словенскаго и мадьярскаго вліянія, много потеряло въ правильности, рѣдко ошибается». Темы Азарія патріотичны по существу, его постоянно безпокоитъ, что«Россъ лишь спитъ и нерадѣетъ», но все это облечено въ форму своеобразнаго эстетизма, связано съ сознательнымъ стремленіемъ къ художественной композиціи, навѣяннымъ образцами русской литературы.

Къ числу писателей «Свѣта», а затѣмъ и «Новаго Свѣта» принадлежалъ также и Ѳеодосій Злоцкій[3]), о которомъ до сихъ поръ было крайне неполное представленіе. Учитывая не только напечатанное Злоцкимъ, но и то, что осталось въ многочисленныхъ рукописяхъ, можно сказать, что онъ всю вторую половину XIX вѣка и первую четверть XX трудился на научномъ и литературномъ поприщѣ, хотя въ печати его имя встрѣчается послѣ 1872 г. весьма рѣдко. Злоцкій родился въ 1846 г.,

---

[1]) Сабовъ: Очеркъ..., стр. 27.

[2]) Очеркъ угро-русской письменности, «Листокъ», 1893, стр. 233—234; Поминайте наставники ваша! — «Мѣсяцословъ» на 1895 г., стр. 117.

[3]) Е. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 28; спеціально о Злоцкомъ не писалъ никто.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ с. Осой, росъ во Влаговѣ, а затѣмъ послѣ окончанія гимназіи и богословской семинаріи въ Ужгородѣ былъ рукоположенъ въ священники и дѣйствовалъ послѣдовательно въ Искахъ, Копашневѣ, Золотаревѣ и, наконецъ, въ Драговѣ, гдѣ и умеръ въ 1926 г. Судя по рукописямъ, начиная съ 1919 г., Злоцкій занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ сочиненій, систематизировалъ ихъ въ отдѣльные сборники и на каждомъ изъ нихъ сдѣлалъ надпись: «Девизъ: угодно — бери, не угодно — не осуди»[1]).

До сихъ поръ Ѳ. Злоцкій былъ извѣстенъ, какъ авторъ статей по этнографіи и неутомимый собиратель фольклора — сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и повѣрій. Въ этомъ отношеніи писатель работалъ систематически и нѣкоторыя его указанія относительно народнаго изустнаго творчества подтверждаются и въ настоящее время. Такъ напр., онъ говоритъ, что «у народа между горами» значительно болѣе развита склонность къ сказочному творчеству, чѣмъ у долишнянъ. Въ самой записи онъ пытался передать не только смыслъ, но и фонетику рѣчи. Въ рукописномъ видѣ дошли: четыре тетради подъ заглавіемъ «Народныя пѣсни съ поля Подкарпатской Руси» и значительное собраніе «Народныя пословицы - поговорки»[2]). Записи сдѣланы главнымъ образомъ въ области Мараморошa и Угочи.

Изъ оригинальнаго творчества Злоцкаго напечатано только нѣсколько стихотвореній, написанныхъ или въ подражаніе народной пѣснѣ, или идеологическихъ, о долѣ простонародья съ призывомъ къ «знаньямъ новѣйшихъ вѣковъ». Въ рукописяхъ имѣются: 1) «Проповѣди на годъ», написанныя стихами, своего рода стихотворное учительное евангеліе; 2) «Чорнокнижникъ, поэма отъ Люцифера до 1919 г.»; 3) «Вѣдь Водова», поэма (1923); 4) «Повѣсть о ластовкахъ въ отношеніи къ страстямъ Христовымъ» (1921); 5) «Повѣсть о звонахъ, составлена по поводу покупки трехъ звоновъ для церкви д.....ой» (1922); 6) «Драгшанскій Великдень. По дневнику стараго попа, согласно стародавнему преданію» (1919); 7) «Ключи Петровы», поэма; 8) «Кобзарь (спѣвакъ), народна казка; 9) «На памятку архіерейскаго путешествія преосв. Киръ Антонія на воздвиженіе креста Господня до Боронявы», гдѣ описано подлинное событіе, когда народъ «каменемъ биша» епископа; 10) цѣлый рядъ отдѣльныхъ стихотвореній: «Отходъ стараго попа», «Три села», «Въ память 120-лѣтняго рождества Александра Духновича» и др. Всѣ эти вещи написаны оригинальными діалектическими стихами, напоминающими отчасти творенія А. Павловича; разница между поэтами въ томъ, что у Злоцкаго гораздо болѣе развитъ элементъ фантазіи; общность - въ реализмѣ образовъ и описаній.

[1]) Рукописи находятся у Е. И. Сабова въ Севлюшѣ.
[2]) Приготовлены Е. И. Сабовымъ къ печати.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Изъ прозы отмѣтимъ обширную повѣсть (4 тетради) — «Вѣчный Жидъ Агашферъ. Сочиненіе духовнаго направленія, мозаически украшенное разнородными образами, интересантное и для лайка», представляющее собою монологъ отъ лица Агасфера, который разсказываетъ свое блужданіе по свѣту. Онъ останавливается на событіяхъ всего Ветхаго Завѣта и Новаго, на временахъ Кирилла и Меѳодія и на исторіи составленія славянской азбуки, говоритъ также и о своемъ пребываніи на Подкарпатской Руси: «скажу туй что-то о Руснакахъ въ Угорщинѣ, якъ менѣ сказали въ монастырѣ, коло Мукачева, на Чернецкой горѣ коли'мь новѣйше тамъ былъ (но гдѣ и не былъ я?)...». Совершенно оригинальными вещами являются небольшія пьески-настроенія «Образъ изъ среды Русиновъ» и «Подъ обочью»; онѣ написаны не для театра, а какъ импрессіонистическія картинки изъ жизни простонародья.

Изъ статей, имѣющихъ научное значеніе, можно отмѣтить «Мараморошскѣ рускѣ монастырѣ, а особливо Драговскій», «Первые обитатели Копашнова по народному преданію», «Начало шизмы московской въ Мараморощи» и др.

Широко пользуясь діалектическимъ словаремъ и отчасти формами, зная діалектъ, Злоцкій въ 1883 г. написалъ по мадьярски и особую грамматику: «**A Kárpátalji orosznyelv oknyomozó gramatikája**» («Историческая грамматика Карпаторусскаго языка»[1]).

Всѣ вышеупомянутые писатели содѣйствовали по мѣрѣ своихъ силъ литературному развитію Подкарпатской Руси, начатому Добрянскимъ, Духновичемъ и Раковскимъ, а тѣмъ самымъ и поощряли развитіе молодыхъ талантовъ, которые достигли національнаго успѣха въ 70-хъ — 90-хъ годахъ, несмотря на безотрадныя условія національной жизни. Къ числу этихъ новыхъ силъ въ первую очередь слѣдуетъ отнести А. Кралицкаго и А. Митрака.

15. А. Ѳ. Кралицкій.

«Если-бы у насъ (было) побольше Анатоліевъ Кралицкихъ, Угро-русская литература стояла-бы не тамъ, гдѣ она

[1]) Эта грамматика обнаружена И. Панькевичемъ въ библіотекѣ Т-ва Шевченка въ Львовѣ (№ 261). Согласно описанію И. Панькевича (см. «Свобода» № 65 отъ 1. X. 1922) это, несомнѣнно, грамматика діалекта, научнаго характера, свидѣтельствующая о научной подготовленности автора. Злоцкій упоминаетъ труды Добровскаго, Шлейхера, Буслаева, Головацкаго и др. русскихъ и галицко-русскихъ ученыхъ. И. Панькевичъ указываетъ, что, помимо діалектологическаго значенія, грамматика эта пытается «для литературы сотворити правопись, котра-бы об'едняла всѣ тутешнѣ діялекты и говоры». О послѣднемъ назначеніи грамматики мы говорить затрудняемся, такъ какъ съ нею въ подлинникѣ не знакомы. Въ своихъ сочиненіяхъ Злоцкій приближается къ фонетическому правописанію при записяхъ народнаго творчества и въ меньшей мѣрѣ отступаетъ отъ обычныхъ русскихъ формъ въ статьяхъ и повѣстяхъ. Во всякомъ случаѣ самое названіе сочиненія показываетъ, что оно предназначалось для науки, какъ и грамматика Лучкая, а не для языковой экспериментаціи въ школѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ настоящее время находится» — говоритъ карпаторусскій критикъ, современникъ «ревнѣйшаго труженика на поприщѣ просвѣщенія угро-русскаго народа, самаго обильнѣйшаго нашего русскаго писателя». И, несмотря на столь высокую оцѣнку современника, личность и творчество А. Ѳ. Кралицкаго и понынѣ недостаточно освѣщены. Ѳ. Ѳ. Аристовъ высказываетъ мысль, что такое невниманіе къ Кралицкому со стороны изслѣдователей объясняется тѣмъ, что онъ по своему игуменскому сану не принималъ активнаго участія въ общественной жизни, не писалъ стиховъ, которые легко читаются, печаталъ многія произведенія безъ подписи или подъ недоступными псевдонимами, и что почти половина всего напечатаннаго имъ была опубликована за предѣлами Угорской Руси — въ галицкихъ изданіяхъ. Эти соображенія, несомнѣнно, слѣдуетъ учитывать, хотя, по нашему мнѣнію, умолчаніе о Кралицкомъ въ современной изслѣдовательской литературѣ слѣдуетъ скорѣе всего отнести къ простой случайности, которая въ настоящее время уже значительно устранена[1]).

Анатолій Федоровичъ К р а л и ц к і й родился въ селѣ Чебинномъ, Земплинской столицы въ 1835 году. Послѣ окончанія богословскаго лицея въ Ужгородѣ, онъ былъ посвященъ еп. І. Гаганцомъ въ Пряшевѣ въ санъ іеромонаха (1858 г.), а черезъ полъ года опредѣленъ въ качествѣ профессора исторіи церкви и каноническаго права въ монастырь Марія-Повчанскій. Въ 1863 г. въ томъ-же монастырѣ онъ былъ избранъ модераторомъ новичковъ, а съ 1869 г. освободилось мѣсто протоигумена монастыря, и русскіе круги прочили на него Кралицкаго, который отличался исключительной чистотой иноческой жизни, но одновременно былъ и непреклоннымъ патріотомъ. Такое сочетаніе создало въ жизни инока и писателя значительный эпизодъ, который характеризуетъ его личность. Нужно сказать, что Кралицкій помѣщалъ свои сочиненія рѣшительно во всѣхъ карпаторусскихъ изданіяхъ («Свѣтъ», «Новый Свѣтъ», «Карпатъ», «Листокъ», «Мѣсяцословы») и во многихъ галицкихъ («Зоря Галицкая», «Слово», «Галичанинъ», «Временникъ Ставропигійскаго Института», «Науковый Сбор-

---

[1]) Литература о Кралицкомъ указана въ статьѣ Ю. А. Яворскаго «Къ изученію А. Ф. Кралицкаго», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 101; Ужгородъ, 1930; тамъ-же приведенъ и списокъ сочиненій Кралицкаго, напечатанныхъ подъ псевдонимомъ Ивана Нодь, не указанныхъ въ работѣ Ѳ. Ѳ. Аристова — «Анатолій Федоровичъ Кралицкій», Карпаторусскій Сборникъ, 1931, изд. Подкарпаторусск. Народопросв. Союза, стр. 69—74 (имѣется и особый оттискъ, вышедшій въ 1930 г.). У Аристова въ перечнѣ сочиненій не указаны работы Кралицкаго, напечатан. въ «Свѣтѣ» и «Новомъ Свѣтѣ». Для изученія біографіи Кралицкаго, а отчасти и его творчества, кромѣ указаннаго слѣдуетъ особо выдѣлить: «Очеркъ угр. русск. письменности», Листокъ, Ужгородъ, 1893, № 5, стр. 54—55; Сабовъ: Очеркъ..., стр. 25—26; «Мѣсяцословъ» изд. О-ва св. В. В. на 1894 г., стр. 82—84; то-же на 1895 г., стр. 118—119; отдѣлы «Новости, смѣсь» въ «Листкѣ» 1885 года, стр. 12 и 58; В. Бирчакъ: Лит. стремленія, стр. 75—77.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ника Галицко-Русской Матицы»), и такое совмѣщеніе для мадьярской журналистики показалось подозрительнымъ. Когда-же въ 1885 г. въ юбилейномъ №-рѣ «Слова» появились привѣтственныя письма пяти карпаторусскихъ священниковъ, въ томъ числѣ Кралицкаго и Митрака, то мадьярскія газеты осудили самый фактъ сотрудничества карпатороссовъ въ газетѣ, которая «по чувствамъ и направленіямъ своимъ дышетъ московщиною и раскольничествомъ». Это осужденіе не преминулъ повторить на своихъ страницахъ лакействующій «Карпатъ» (1885, №№ 10 и 11). Въ отвѣтъ на это Кралицкій пред-

А. Ѳ. Кралицкій.

ложилъ напечатать «Карпату» свое опроверженіе съ недвусмысленнымъ вопросомъ: «готтентоты мы — что-ли?». Вслѣдъ за этимъ онъ прекратилъ совершенно сотрудничество въ «Карпатѣ», а въ «Словѣ» ежегодно помѣщалъ по одной корреспонденціи, какъ бы демонстрируя свое свободное мнѣніе. Вопросъ о протоигуменствѣ возникъ непосредственно послѣ этого газетнаго происшествія, а мадьярская газета «Munkács» не преминула обвинить наиболѣе вѣроятнаго кандидата — Кралицкаго — въ измѣнѣ церкви и государству. Въ защиту Кралицкаго выступилъ «Листокъ», но самъ виновникъ эпизода принялъ иное рѣшеніе. Онъ отказался отъ кандидатуры въ санъ протоигумена, предоставивъ его тѣмъ, кто можетъ не имѣть своего мнѣнія. Это-же событіе объясняетъ и то, что когда въ 1892—93 гг. Кралицкій снова принялъ дѣятельное участіе въ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

галицкой прессѣ («Бесѣда»), то предпочелъ скрыть свое имя подъ всевдонимомъ «Ивана Нодь» — «предъ злобою гонителей-мадьяръ».

Помимо галицкихъ изданій, Кралицкій писалъ въ вѣнскихъ русскихъ газетахъ и журналахъ — «Вѣстникъ», «Отечественный Сборникъ», а также въ «Славянскомъ Сборникѣ» издававшемся въ С.-Петербургѣ.

Уже въ 80-хъ годахъ Кралицкій чувствовалъ необходимость изданія русской еженедѣльной газеты, которая была-бы чужда «лицемѣрія, этого исчадія оппортунизма», но служила-бы цѣлямъ «образовати русскій языкъ въ Венгріи» и «обговорити общественныя дѣла». Въ 1880 г. въ «Словѣ» появилось оповѣщеніе о томъ, что подъ редакціей Кралицкаго будетъ выходить газета «Словесность», которая «не будетъ впускатися въ политику и полемику, не будетъ дразнити никого, но и не будетъ льстити никому; она избрала чести путь и лишь тѣмъ путемъ хочетъ достигнути цѣли, зная, что лицемѣріе, что потворство, что раболѣпство — средства низкія и гнусныя и для того не могутъ воодушевити никого». Любопытно, что это оповѣщеніе было перепечатано и «Карпатомъ» (1880, № 37), противъ котораго оно въ сущности и было направлено. Далѣе слѣдовали условія подписки и указаніе, что «Словесность» появится непремѣнно», а дальнѣйшій выходъ ея будетъ зависѣть — «удостоится-ли она необходимой поддержки» со стороны общественности. Однако, несмотря на категорическое обѣщаніе выпустить пробный №-ръ, «Словесность» не появилась, и свѣдѣній о ней больше не встрѣчаемъ. Очевидно, что мысль о газетѣ была прекращена сверху.

Уже изъ этихъ фактовъ изъ жизни Кралицкаго можно установить, что иночество ему не мѣшало принимать самое дѣятельное участіе въ идейной жизни карпаторусской общественности и правъ его біографъ, говоря, что «отецъ Анатолій посвятилъ всю свою жизнь Богу и своему угро-русскому народу». Трагедія Кралицкаго заключалась въ томъ, что имѣть дѣло ему пришлось съ лицемѣріемъ со стороны правительственно-церковныхъ органовъ и съ раболѣпствомъ оппортунистовъ, называющихъ себя «народными борцами» и «благодѣтелями».

Умеръ А. Ф. Кралицкій въ 1894 году, оставивъ не только карпаторусской литературѣ, но и обще-русской исторической наукѣ. цѣннѣйшіе труды[1]).

Стиховъ Кралицкій не писалъ, а художественная проза въ его творчествѣ занимаетъ, сравнительно, скромное мѣсто. Его беллетристика только намѣчаетъ пути, но не составляетъ

[1]) Воспользоваться всѣми произведеніями Кралицкаго въ силу техническихъ неудобствъ, мы не имѣли возможности. Однако и то, что намъ удалось достать и перечесть, значительно пополняетъ все, что до сихъ поръ о немъ извѣстно.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

чего либо цѣльнаго, какъ это мы увидимъ у Сильвая и Фенцика.

Изъ художественной прозы Кралицкаго наибольшей извѣстностью пользуется «Князь Лаборецъ, историческая повѣсть IX вѣка». Собственно, историческаго въ этой вещи нѣтъ ничего, кромѣ преданія о князѣ Лаборцѣ, которому, какъ главѣ русскаго народа за Карпатами, пришлось отражать первую волну мадьярскаго вторженія. Князь пытается защищать свою землю, но попадаетъ въ плѣнъ и его вѣшаютъ на вербѣ на берегу рѣки Свѣржавы. Дочь его приходитъ на мѣсто страшнаго происшествія, хоронитъ отца и въ память его называетъ рѣку — Лаборцемъ. Бытъ и обстановка, описанные въ повѣсти, конечно, значительно позднѣйшаго и при томъ смѣшаннаго происхожденія. Впрочемъ, едва-ли авторъ и замышлялъ дать въ краткомъ и занимательномъ для народа разсказѣ правдивый историческій колоритъ. Съ цѣлью занятности въ разсказъ введены и другіе, ничего общаго съ исторіей не имѣющіе персонажи: дочь князя Вѣра, ея смышленая подруга Настя, (послѣдняя подслушиваетъ разговоръ предателя-воеводы Славолюба съ Украинцемъ, который пришелъ изъ Кіева и который впослѣдствіи женится на княжнѣ Вѣрѣ), воевода Драгутинъ, ратующій за миръ и др. Дѣйствіе относится къ 895 году, при чемъ Подкарпатская Русь и ея князья представлены уже, какъ христіане, въ то время какъ въ Кіевѣ христіанство еще только начало распространяться и самъ «Олегъ-князь — поганинъ». Другая повѣсть Кралицкаго — «Пугачевъ» — тоже пытается дать историческій сюжетъ; она написана подъ очевиднымъ вліяніемъ «Капитанской Дочки» и «Исторіи пугачевскаго бунта» Пушкина, но самый сюжетъ изобрѣтенъ авторомъ. У Пушкина любовная интрига «Капитанской Дочки» протекаетъ въ необычайныхъ условіяхъ пугачевщины, въ то время какъ Кралицкій воспользовался этой эпохой, вѣрнѣе самымъ именемъ, только, какъ романтическимъ колоритомъ. Что касается его повѣсти «Козачка», то авторъ самъ указываетъ, что она написана «послѣ В. Д.», т. е. является сокращеннымъ переложеніемъ повѣсти русскаго писателя (Владиміра Даля[1]). Разсказъ «Иванъ» обозначенъ, какъ переводъ съ нѣмецкаго соч. Шмидта, но и онъ фактически является переложеніемъ и приспособленіемъ къ карпаторусской жизни. Отсюда уже видно, что, занимаясь беллетристикой, Кралицкій въ значительной мѣрѣ заботился не объ оригинальности сюжета и изложенія, но о томъ, чтобы дать читателю доступное и близкое ему по смыслу забавное чтеніе. Въ

[1]) Подобнаго рода переложенія и передѣлки типичны для карпаторусской литературы того времени. Русскій авторъ былъ нежелателенъ правительству, а иниціалы для цензора были малодоступны. Е. И. Сабовъ разсказываетъ, что въ своей читанкѣ онъ бралъ русскую пѣсню, измѣнялъ два-три слова и предлагалъ ее какъ «свое», т. е. карпаторусское.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

бытовомъ отношеніи гораздо интереснѣе его разсказъ «Піявица», гдѣ впервые затронутъ большой вопросъ карпаторусскаго сельскаго быта — корчмарство. Корчмарь-жидъ — это принадлежность каждой деревни, гораздо болѣе необходимая, чѣмъ школа и церковь. Онъ — въ каждомъ поселкѣ и онъ, какъ «піявица», высасываетъ средства у селянъ: то какъ торговецъ безъ конкурренціи, то какъ банкиръ-заимодавецъ, то какъ услужливый поставщикъ «па́ленки». Его всѣ ненавидятъ и ему всѣ подчиняются въ силу острой нужды. Въ разсказѣ Кралицкаго противъ деревенскаго Ротшильда возстаетъ священникъ. Онъ организуетъ потребительскую лавку, что, конечно, не нравится корчмарю. Корчмарь рѣшаетъ отомстить священнику и способствуетъ пожару въ его домѣ. Благодаря внимательности ночного сторожа, виновники были схвачены и «вельможный Мендель фонъ-Розенфельдъ, онъ-же Срульзонъ», былъ повѣшенъ. Еще больше выступаетъ бытовая сторона въ тѣхъ разсказахъ Кралицкаго, гдѣ онъ или перерабатываетъ народную быль («Ѳедоръ Петрюкъ, повѣсть изъ Мармарошскихъ горъ», «Пастырь въ полонинахъ, повѣстка изъ сторонъ подъ-Карпатскихъ», «Экзекуторъ»; «Фонъ-Минкачъ»), или просто записываетъ народныя преданія («Огонь», «Происхожденіе Карпатовъ», «Св. Петръ и колесарь»). Особаго упоминанія заслуживаютъ его разсказы подъ общимъ заглавіемъ «Житейскія дрязги», гдѣ описываются мукачевская и берегсаская ярмарки, реально и красочно зарисована народная толчея, обычаи и нравы селянъ, и на этомъ фонѣ разсказаны не менѣе реальныя происшествія, мелочныя по характеру и типическія по существу.

Совершенно исключительную цѣнность представляютъ научные труды Кралицкаго, которые обнаруживаютъ у автора и достаточную, по своему времени, подготовку къ описанію цѣнностей родной исторіи и сознательный научный интересъ къ нимъ. Такъ какъ единственнымъ культурно-національнымъ очагомъ на протяженіи многихъ вѣковъ въ Угорской Руси была церковь, то и не удивительно, что церковная древность и церковная исторія составляютъ основное ядро научной работы Кралицкаго. Онъ даетъ историческія описанія не только всѣхъ монастырей собственно Угорской Руси, но и имѣвшихъ отношеніе къ «русской церкви» вообще (Св. Николая на горѣ Черночей близъ Мукачева, св. Арх. Михаила въ Мстичевѣ, св. Николая въ Маломъ Березномъ, Благовѣщенія въ Боронявѣ, Воздвиженія на горѣ Буковской, апостоловъ Петра и Павла въ Биксадѣ, арх. Михаила въ Марія Повчѣ и др.). Матеріалы описаній точно указываются Кралицкимъ въ примѣчаніяхъ, что указываетъ, что авторъ пользовался не только обширной литературой, но и внимательно изучалъ мѣстные монастырскіе архивы. Послѣднее дало ему возможность попутно ознакомиться и съ цѣлымъ рядомъ забытыхъ памятниковъ, которые впервые предложены современной наукѣ Кра-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

лицкимъ, какъ напр., Лѣтопись мукачевскаго монастыря, Мукачевская псалтырь XV вѣка, Дарственная грамота монастыря Зарѣчевскаго и др. Въ своей статьѣ «Памятники старинной русской письменности въ Угорщинѣ» (Свѣтъ, 1870, №№ 15, 16, 19) онъ дѣлаетъ какъ бы сводку того, что ему извѣстно и одновременно описываетъ новыя находки, представляющія историческую цѣнность, не взирая уже на ихъ характеръ и значеніе. То-же слѣдуетъ сказать о статьѣ «Древніе историческіе памятники изъ архива монастыря Мстичевскаго» («Свѣтъ», 1868, № 8). Конечно, не всѣ утвержденія Кралицкаго сохраняютъ свое значеніе и понынѣ, а особенно въ смыслѣ хронологическихъ опредѣленій, но важно и то, что онъ поистинѣ «яко пчела медъ» собиралъ древніе памятники и по мѣрѣ силъ описывалъ ихъ, давая матеріалъ для изслѣдованія исторіи своего народа уже не на основаніи иноязычныхъ свѣдѣній, но по непосредственному творчеству. Къ числу сочиненій Кралицкаго, связанныхъ съ церковью, относятся его переработки и составленія житій святыхъ (Св. Іоанна Дамаскина, св. Іосифа-обручника, Марка-евангелиста и др.), біографіи дѣятелей церкви (Матѳей Микита, кардиналъ Антонеллій, еп. Василій Поповичъ и др.) и экскурсы въ церковную исторію («О чинѣ св. Василія вообще», «Древніи правила церкви о избраніи епископовъ», «Нѣчто о старинной архимандріи Воходской» и др.).

Значительную часть работъ Кралицкаго составляютъ его этнографическія сочиненія. Съ одной стороны, онъ продолжалъ собираніе фольклористическаго матеріала («Народныя пѣсни изъ околицы Мстичевской въ Угріи», «Изъ угро-русскихъ народныхъ пѣснѣй», отдѣлъ угро-русскихъ пѣсенъ въ трудѣ Драгоманова — «Малорусскія народныя преданія и пѣсни»), а съ другой стороны, обратился къ описанію отдѣльныхъ народныхъ обрядовъ и «этнографическаго года» у отдѣльныхъ карпаторусскихъ племенъ. Особенно подробно описаны имъ «лаборскіе русины», т. е. проживающіе въ районѣ рѣки Лаборца («Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ», Свадебныи обряды у Лаборскихъ Русиновъ») и восточные словаки («Этнографическіи мелочи изъ быта Угорскихъ Словаковъ», «Свадебныи звычаи у Шаришскихъ Словаковъ»).

Въ области историческихъ трудовъ Кралицкаго слѣдуетъ отмѣтить его статьи «Даты къ исторіи Угорскихъ Русиновъ» и «О современномъ положеніи русскихъ въ Угріи»; послѣдняя статья предназначена для освѣдомленія россіянъ и по своей правдивости и откровенности напоминаетъ «правдивую исторію» Духновича. Кромѣ того важенъ рядъ біографій угро-русскихъ дѣятелей («Арсеній Коцакъ, докторъ св. богословія», «Димитрій Рацъ, угро-русскій дворянинъ», «А. Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій»).

Въ историческомъ отношеніи большой интересъ представляютъ его «Воспоминанія», гдѣ онъ даетъ любопытныя свѣдѣнія культурно-общественныхъ отношеній въ 60—70 гг.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Всего, что напечаталъ Кралицкій, невозможно даже классифицировать; онъ былъ писателемъ и историкомъ, но кромѣ того его можно считать и типичнымъ карпаторусскимъ журналистомъ, который видѣлъ въ своемъ ремеслѣ способъ привлечь читающую публику къ русской газетѣ, а потому откликался на всевозможные вопросы жизни. Ему принадлежитъ рядъ корреспонденцій, проповѣди, популярно-научные и просто ознакомительные очерки («Гомеръ», «Возрожденіе Болгаръ», «Пустынники во времена св. Василія Великаго», «Богатство и роскошь древняго Рима», «Садоводство», «Якъ жили люди давно» и др.). Уже изъ этого краткаго перечисленія видно, сколь разнообразныя темы предлагалъ Кралицкій своимъ читателямъ, какъ журналистъ.

Изъ отношеній Кралицкаго къ руководителямъ журнала «Карпатъ» достаточно ясно видно, что въ отношеніи національности и языка онъ не способенъ былъ итти на уступки: Что-же касается произведеній его, то они напечатаны не на однообразномъ языкѣ; естественъ вопросъ — на какомъ-же языкѣ писалъ самъ авторъ? Для столь плодовитаго писателя, какъ Кралицкій, этотъ вопросъ рѣшается легко, но его рѣшеніе слѣдуетъ рефлектировать и на другихъ писателей, чтобы понять вопросъ: почему у нѣкоторыхъ карпаторусскихъ писателей въ ихъ печатныхъ произведеніяхъ тоже наблюдается непостоянство, какъ въ смыслѣ словаря, такъ и грамматики. Всѣ произведенія Кралицкаго, напечатанныя въ карпаторусскихъ изданіяхъ, написаны на русскомъ литературномъ языкѣ. Извѣстную долю діалектизма, а именно въ разговорной рѣчи въ разсказахъ, несомнѣнно, Кралицкій допускалъ, что, впрочемъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ художественный пріемъ. Но въ нѣкоторыхъ вещахъ, напечатанныхъ въ Галиціи, діалектизмъ замѣтенъ и въ статьяхъ научныхъ. Мы, поскольку это доступно, произвели сравненіе этихъ діалектическихъ вещей и можемъ утверждать, что этотъ діалектизмъ внесенъ г. г. редакторами, возможно, что по соображеніямъ выгодности минимальной уступки правительственной цензурѣ, такъ какъ онъ самъ по себѣ чрезвычайно разнороденъ. Такая вольность къ языку авторовъ у редакцій того времени обычна; вѣдь редактировать приходилось не только по содержанію, но и по благонадежности языка, который могъ показаться признакомъ «москвофильства» и «крамолы», какъ это было съ журналами «Свѣтъ» и «Церковной Газетой». Послѣ переворота эта традиція редакторской вольности въ отношеніи къ языку была использована къ умышленной украинизаціи карпаторусскихъ авторовъ, какъ напр., А. Духновича. Эта система была отчасти примѣнена и къ Кралицкому. Его повѣсть «Князь Лаборецъ» была напечатана трижды («Галичанинъ», 1863, Львовъ; Календарь на 1921 г., изд. «Уніо», 1920, Ужгородъ; отдѣльной книжкой въ изд. «Просвѣта», Ужгородъ), но говорить приходится не о трехъ изданіяхъ, но и о трехъ языковыхъ редакціяхъ съ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

уклономъ къ украинскому языку. Конечно, къ Кралицкому это никакого отношенія не имѣетъ, но явленіе важно отмѣтить, такъ какъ мы будемъ съ нимъ впослѣдствіи встрѣчаться неоднократно[1]).

16. А. А. Митракъ.

Современникомъ, почти ровесникомъ, и единомышленникомъ Кралицкаго былъ А. А. Митракъ. Впрочемъ и самая личность Митрака была сродни Кралицкому: скромный, трудолюбивый на поприщѣ родной науки, не ищущій наградъ, которыхъ ему и не могъ удѣлить «нищенствующій угро-русскій народъ», безпредѣльно любящій простой и вѣрный своей русской національности народъ, онъ какъ-бы замкнутъ въ самомъ себѣ, несетъ подвигъ національнаго иночества. Это, однако, не отнимаетъ у Митрака права именоваться крупнѣйшимъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени, но разница въ томъ, что онъ предпочелъ служить русской общественности родного края, не погружаясь въ омутъ современной ему общественной жизни, уже достаточно обнаруживавшей свое оппортунистическое двуличіе. Дѣло въ томъ, что по своему возрасту Митракъ относится уже не къ поколѣнію, которое знало правовой гнетъ до 1848 года, но къ послѣдующему времени; именно въ эпоху національнаго возрожденія и началась его сознательная юношеская жизнь, онъ былъ воспитанъ событіями національно-правового возрожденія, а потому и не могъ итти на какія-либо уступки «по примѣру прошлаго».

Александръ Андреевичъ Митракъ[2]) родился въ селѣ Плоское, Бережской жупы, въ 1837 году въ семьѣ русскаго священника. Въ 1847 году онъ поступаетъ въ ужгородскую гимназію, гдѣ проходитъ шесть классовъ, а «философію» заканчиваетъ въ Сатмарѣ. Затѣмъ онъ проходитъ курсъ богословской семинаріи въ Ужгородѣ и съ 1862 г. послѣдовательно занимаетъ священническія мѣста въ Ильницѣ и Великихъ Лучкахъ въ качествѣ сотрудника, въ Ясеновой и Кленовой въ

---

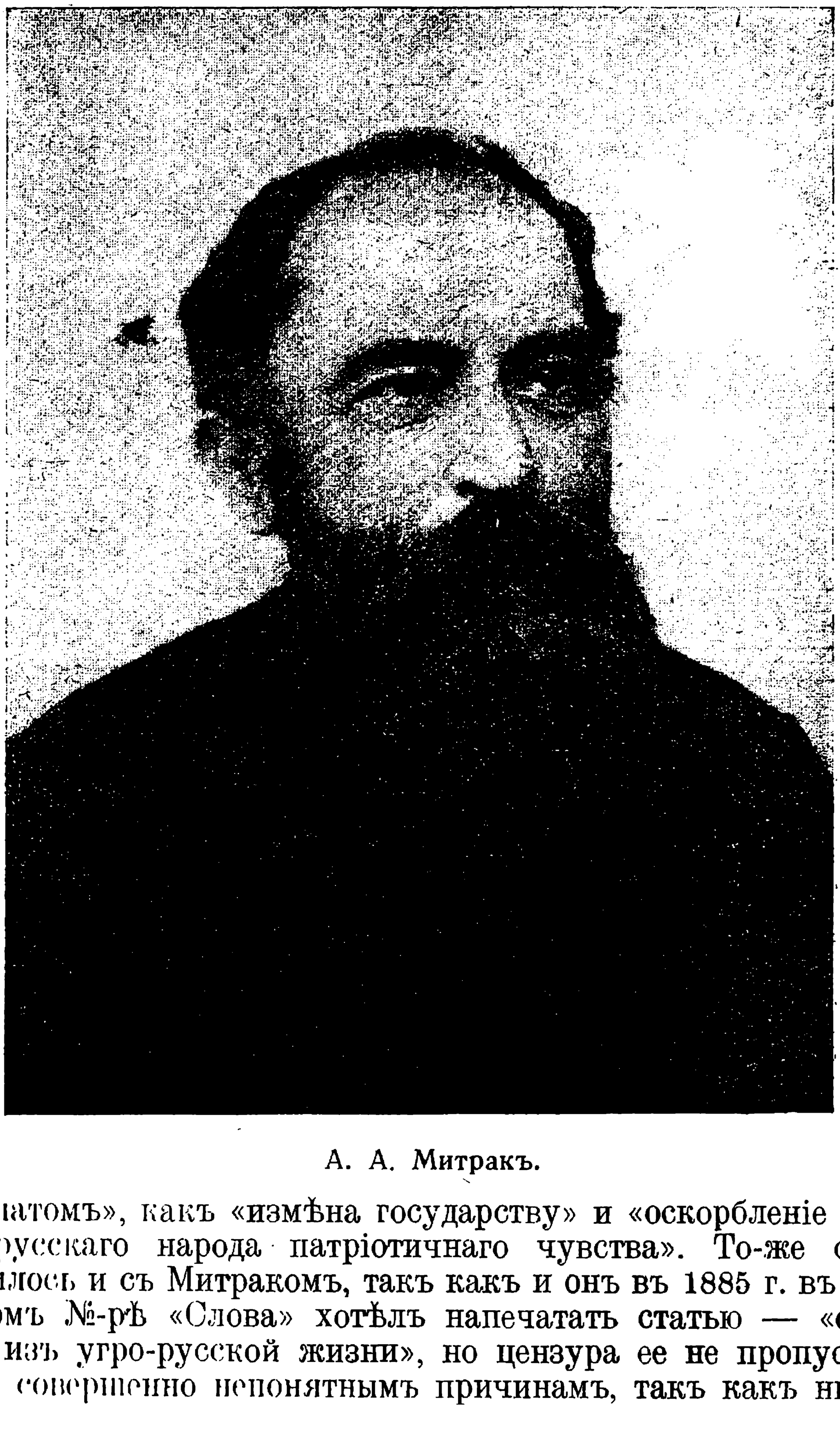
[1]) В. Бирчакъ, говоря о «Князѣ Лаборцѣ» и о томъ, что въ числѣ его дѣйствующихъ лицъ имѣется и Украинецъ, какъ собственное имя, заключаетъ, что «украинофильскій рух розбудженый з початком шѣсдесятих рокôв в Галичинѣ, не був чужим на Подкарпатской Руси и знайшов выслôв в оповѣданю А. Кралицького». Мы склонны предполагать, что и этотъ «Украинецъ» явился только въ качествѣ благонадежнаго имени, такъ какъ знанія Кралицкаго не допускаютъ того, чтобы онъ относилъ самое слово «украинецъ» къ IX вѣку, когда были племена, но не было русскаго народа, и когда Кіевъ, откуда происходитъ Украинецъ Кралицкаго, былъ центромъ. Къ такому пониманію обязываютъ и тѣ слова, которыя произноситъ Украинецъ: онъ убѣжденный общеруссъ.

[2]) Е. И. Сабовъ: Рѣчь при открытіи памятника А. А. Митраку, изд. О-ва им. А. Духновича, № 103, Ужгородъ, 1931; его-же Очеркъ..., 26—27; О. Александръ Митракъ, «Мѣсяцословъ» на 1899 г., изд. О-ва св. В. В., Ужгородъ, 1898, стр. 33—36; Очеркъ угр. русск. письменности, Листокъ, 1893, стр. 65—67; П. Федоръ: Очеркъ карп. лит., стр. 57—59.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

качествѣ администратора, а впослѣдствіи и благочиннаго Занастасскаго округа, и, наконецъ, пароха въ Ворочевѣ. Въ 1900 г. Митракъ уходитъ въ отставку и проживаетъ сначала въ Ужгородѣ, а съ 1905 г. и до смерти въ 1913 г. — въ Росвиговѣ.

Для характеристики личности А. А. Митрака необходимо остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни. Въ біографіи А. Ф. Кралицкаго мы указывали, что его участіе въ львовской газетѣ «Слово» было истолковано лакействующимъ



А. А. Митракъ.

«Карпатомъ», какъ «измѣна государству» и «оскорбленіе всего угро-русскаго народа патріотичнаго чувства». То-же самое случилось и съ Митракомъ, такъ какъ и онъ въ 1885 г. въ юбилейномъ №-рѣ «Слова» хотѣлъ напечатать статью — «отрывокъ изъ угро-русской жизни», но цензура ее не пропустила по совершенно непонятнымъ причинамъ, такъ какъ ничего

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

предосудительнаго въ ней не было. И вотъ, въ то время какъ Кралицкій на обвиненія со стороны «Карпата» отвѣтилъ сдержанной замѣткой, Митракъ обрушивается на газету всей силой своего презрѣнія къ перестаравшимся редакторамъ. «Что-же такое написалъ я?... я описалъ просто, не мудрствуя лукаво, гдѣ я родился, якъ остался сиротою, якъ бѣдовалъ на свѣтѣ, что видѣлъ и чему учился, якъ пришелъ въ народное сознаніе и якъ полюбилъ народность свою. Вотъ все, что я написалъ, и что такъ напугало Васъ, что Вы считаете нужнымъ съ оплеваніемъ отрекатися отъ солидарности со мною. Богъ съ Вами и со всѣмъ крещенымъ и некрещенымъ міромъ; нечего тутъ боятися ни Вамъ, ни другому: вѣдь насъ всего 5 людей, которые всѣ уже ближе къ гробу, нежели къ колыбели. Дастъ Богъ перемремъ и будетъ конецъ всей бѣдѣ, нами произведенной. А извините, если любовь моя къ народности Васъ, и съ Вами весь народъ угро-русскій, компромитуетъ, подозрѣнію и поруганію подвергаетъ. Если такъ, если то правда, что Вы написали въ «Карпатѣ», то я готовъ и долженъ отречься отъ такого народа, который не хочетъ мене считати своимъ, и заявити, что я не принадлежу ни къ якому народу, ни къ якой народности: русиномъ не свободно мнѣ быти, а другимъ по происхожденію не могу быти»[1]).

Отставка Митрака произошла исключительно благодаря недовольству и недовѣрію къ нему прихожанъ въ Ворочевѣ, явившихся слѣдствіемъ полнаго непониманія возвышеннаго духа своего пастыря. Митракъ уступилъ безъ сопротивленія, глубоко страдая за тѣхъ-же прихожанъ, которые видѣли въ его лицѣ «просто обманщика»: «Среди такого народа — какую пользу можетъ принести служеніе священника? Напрасный трудъ; цѣлая жизнь потеряна». И, несмотря на такое очевидное непониманіе со стороны современнаго общества и народа, несмотря на разочарованіе въ нихъ, Митракъ все-же имѣлъ достаточно силъ, чтобы не ограничивать свои чувства презрѣніемъ, но и народу и общественности служить «Христа ради».

Какъ поэтъ, Митракъ выступалъ подъ псевдонимомъ «Материнъ»: стиховъ онъ напечаталъ немного, и ихъ можно разбить на два отдѣла. Въ однихъ онъ разсказываетъ, какъ увлеченный чужими мыслями и «предразсужденьями», онъ привыкъ къ чужому, «не зная своего», но затѣмъ прозрѣлъ подъ вліяніемъ друга, посланнаго Богомъ, и полюбилъ «родного слова звукъ» и «народъ русскій», «хоть онъ бѣдный и убогій, хоть на челѣ его печать рабства выпекъ судъ жестокій» («Мое пробужденіе», «Любите нашъ народъ» и др.). По мнѣнію поэта клеймо рабства можно снять только «всесильною любовію», а не презрѣніемъ, только ею можно достигнуть того, «чтобъ всѣ Руси дѣти въ согласіи жили и единымъ сердцемъ народность любили». Вотъ почему Митракъ съ такой радостью при-

---

[1]) «Карпатъ», Ужгородъ, 1885, № 14.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вѣтствуетъ Попрадова («Попрадову») — «честнаго пѣвца Руси», высказывая свое поэтическое credo. Въ другихъ стихотвореніяхъ Митракъ живописуетъ свой народъ и край, пользуясь поэтикой народной пѣсни, которую онъ любилъ «отъ всѣхъ сердечныхъ утробъ»; такія вещи, какъ «Горы наши, горы» или «Добро тому богатому» можно считать и нынѣ тѣми поэтическими перлами, которые личную красоту и печаль поэтическаго творчества возносятъ къ предѣламъ чувствъ и понятій общенародныхъ.

Эта материнская любовь къ народу, къ родному слову и не безвольное, но мощное состраданіе и дало поводъ Митраку совершить національный подвигъ. Видя какъ высшій сословный классъ карпатороссовъ, состоящій почти исключительно изъ лицъ духовнаго званія, теряетъ свою національную почву и мадьяризируется, видя какъ между «Иваномъ» и «паномъ» все болѣе углубляется пропасть, Митракъ рѣшилъ составить «Русско-Мадьярскій Словарь», а затѣмъ и «Мадьярско-Русскій Словарь», чтобы денаціонализированная интеллигенція имѣла возможность возврата къ подлинному русскому языку. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи работалъ уже І. Раковскій, написавшій русскую грамматику по мадьярски, но одной грамматики было недостаточно. Забывались не только грамматическія правила, но и самые русскіе слова, а вмѣсто нихъ на степень «родныхъ рутенскихъ» возводились мадьярскіе термины, измѣняемые по правиламъ русской грамматики. «Шлендрія», противъ которой возставалъ Раковскій, продолжалась послѣ 1871 г. въ значительно большемъ объемѣ и поощрялась правительствомъ. Благодаря этому словари Митрака явились, дѣйствительно, какъ средство для національнаго спасенія, какъ живая и необходимая потребность. «Русско-Мадьярскій Словарь» былъ законченъ къ 1871 г., и Митракъ, встрѣтившій поощреніе въ лицѣ перваго правленія О-ва св. Василія Великаго, естественно, предложилъ изданіе своего труда Обществу. Но въ 1872 г. тамъ господствовала уже въ полной мѣрѣ злая воля еп. Панковича и изданіе было отвергнуто «изъ за политическихъ причинъ». Послѣ этого Митракъ предложилъ свой словарь на разсмотрѣніе Мадьярской Академіи Наукъ, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу, однако уже «вслѣдствіи научныхъ причинъ». А въ дѣйствительности все дѣло заключалось въ томъ, что словарь былъ продуктомъ національнаго творчества и средствомъ къ возврату въ лоно правильнаго («москальскаго») русскаго языка, что конечно не соотвѣтствовало денаціонализаторскимъ планамъ правительства. Въ результатѣ Митракъ издалъ свой «Русско-Мадьярскій Словарь» самъ, на свои личныя средства[1]), и 3.000 томовъ его предоставилъ въ распоряженіе О-ва св. Василія Великаго съ условіемъ продавать его

[1]) Русско-Мадьярскій Словарь. Составленъ Александромъ Митракомъ. Изданіе составителя. Унгваръ. Книгопечатня Іосифа Фейшиша, 1881, стр. 854.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

по 3 короны за 5 экземпляровъ, т. е. баснословно дешево. Ранній біографъ Митрака писалъ: «сякъ доступнымъ стался сеї словарь для каждаго; и достигнута цѣль изданія словаря: просвѣщеніе народа и образованіе родного языка»... Фактическиже дѣло обстояло иначе: служащій національнымъ цѣлямъ и предлагаемый за гроши, словарь долгое время разсматривался широкой карпаторусской общественностью, какъ книга въ отношеніи правительства неблагонадежная, и покупать ее просто боялись; вплоть до 1900 г., т. е. черезъ двадцать лѣтъ послѣ изданія словаря, въ «Листкѣ» помѣщаются объявленія о словарѣ съ призывомъ къ покупкѣ и указаніемъ, что авторъ и издатель потерпѣлъ «великанскіе расходы». Доля правды въ этихъ опасеніяхъ, дѣйствительно, была, такъ какъ даже четверть вѣка спустя послѣ изданія квартира престарѣлаго автора словаря, священника на покоѣ, была подвергнута тщательному обыску и весь рукописный матеріалъ изъятъ. Несмотря на неудачи при изданіи «Русско-Мадьярскаго Словаря» Митракъ не прекращалъ своей работы по составленію «Мадьярско-Русскаго Словаря», который вышелъ въ свѣтъ уже только послѣ переворота[1]).

Съ научной точки зрѣнія словарь Митрака представляетъ огромную цѣнность. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что ничьими аналогичными работами въ этой области Митракъ воспользоваться не могъ — ихъ вовсе не было. При трактовкѣ мадьярскихъ словъ составитель приводилъ не только слова литературнаго русскаго языка, но по мѣрѣ надобности указывалъ и діалектическій варіантъ, имѣя ввиду пользованіе его трудомъ со стороны карпатороссовъ. Впрочемъ, эта діалектическая часть ограничена только карпаторусскими говорами и не включаетъ въ себя тѣхъ искуственныхъ украинизмовъ, которыя впослѣдствіи принялъ за основу своего словаря Л. Чопей. Несмотря на то, что Митракъ не былъ филологомъ по образованію, однако его труды и въ настоящее время заслуживаютъ самаго благопріятнаго отзыва. Е. И. Сабовъ говоритъ: «Митракъ не только изучилъ этотъ (т. е. русскій литературный) языкъ, но и былъ въ состояніи провести научное сравненіе его съ финско-угорскимъ языкомъ мадьярскимъ. Его словарь достаточно свидѣтельствуетъ, что оба языка онъ зналъ въ совершенствѣ, со всѣми ихъ оттѣнками, свойствами и оборотами.»

Но ничто такъ не характеризуетъ любви Митрака къ своему народу, какъ его работы въ области этнографіи и фольклора. Критика отмѣчаетъ въ сочиненіяхъ Митрака «ясность, краткость изложенія и простоту языка». Мы должны прибавить къ этому, что нѣкоторыя науки, а въ частности этнографія, чрезвычайно тонки въ выборѣ самыхъ словъ, бытовыхъ

---

[1]) Мадьярско-Русскій Словарь, изд. «Уніо», Ужгородъ, 1929, стр. 1020. Изданіе начало печататься въ 1921 г., а потому на немъ и указана не дата выхода въ свѣтъ (1929 г.), а дата начала печатанія, т. е. 1921 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

терминовъ, типическихъ выраженій. Достаточно прочитать небольшую статью Митрака — «Русскій Народъ»[1]), чтобы понять, въ какой мѣрѣ онъ обладалъ чувствомъ слова и наблюдательностью. Въ своихъ статьяхъ «Отъ зняцевскихъ мостовъ» и особенно «Путевыя впечатлѣнія на Верховинѣ»[2]) Митракъ искусно сочетаетъ точность описанія быта, нравовъ и обычаевъ верховинцевъ съ цѣлымъ рядомъ лирическихъ отступленій, въ которыхъ онъ выражаетъ свои чувства по отношенію къ родному краю и народу. По формѣ эти статьи напоминаютъ «Записки путешественника» Н. М. Карамзина, которыми едва-ли пользовался авторъ. Ихъ можно читать, какъ увлекательный разсказъ путешественника, онѣ даютъ обильный матеріалъ и этнографу, и соціологу, и экономисту.

Разсматривая стихи и статьи Митрака съ точки зрѣнія языка и стиля, можно констатировать, что писатель въ статьяхъ и стихахъ для народа пользовался многими діалектическими словами и выраженіями. Однако, менѣе всего Митракъ повиненъ въ какихъ либо отступленіяхъ отъ русскаго литературнаго языка. Обладая достаточнымъ знаніемъ послѣдняго, писатель стремился создать особый карпаторусскій стиль тѣмъ, что въ привычный и общепринятый языкъ литературы онъ вносилъ мѣстный языковый и стилистическій колоритъ, подчиняя его общимъ правиламъ литературнаго языка. Въ этомъ отношеніи онъ былъ зачинателемъ новаго разсказа, который впослѣдствіи былъ формально принятъ и Сильваемъ и Фенцикомъ.

Въ области фольклора Митраку принадлежитъ запись цѣлаго ряда карпаторусскихъ пѣсенъ, которыя отчасти вошли въ собраніе Я. Головацкаго, а отчасти печатались въ журналѣ «Листокъ». Важно отмѣтить, что при записяхъ Митракъ стремился сохранить фонетику діалектической рѣчи.

17. И. А. Сильвай (Уріилъ Метеоръ).

«Уріилъ Метеоръ по своему поэтическому таланту симъ временемъ считался первымъ, а также со взоромъ плодовитости и прилежности. Онъ воистину былъ поэтъ, великій поэтъ, глубокая богатая душа, щирое предоброе сердце ... Онъ былъ у насъ, можно сказати, необыкновенное явленіе. Ибо былъ писателемъ нашимъ, который даровалъ намъ множество поэтическихъ сочиненій, который создалъ у насъ богатую и высокостоящую литературу, обратившую на себя вниманіе не только нашего, но и дальшаго просвѣщеннаго русскаго міра. Онъ былъ поэтомъ нашимъ, заставившимъ уважати и любити собственные наши типы, обычаи, самую нашу природу. Родный свой языкъ Уріилъ Метеоръ оживилъ чисто поэтическимъ блоскомъ, возвысилъ къ той литературной красотѣ, которую

[1]) «Мѣсяцословъ на годъ 1866 для русскихъ угорскія краины», стр. 50—54.

[2]) «Свѣтъ», 1867, Унгваръ, № 13, 14, 15 и 16.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

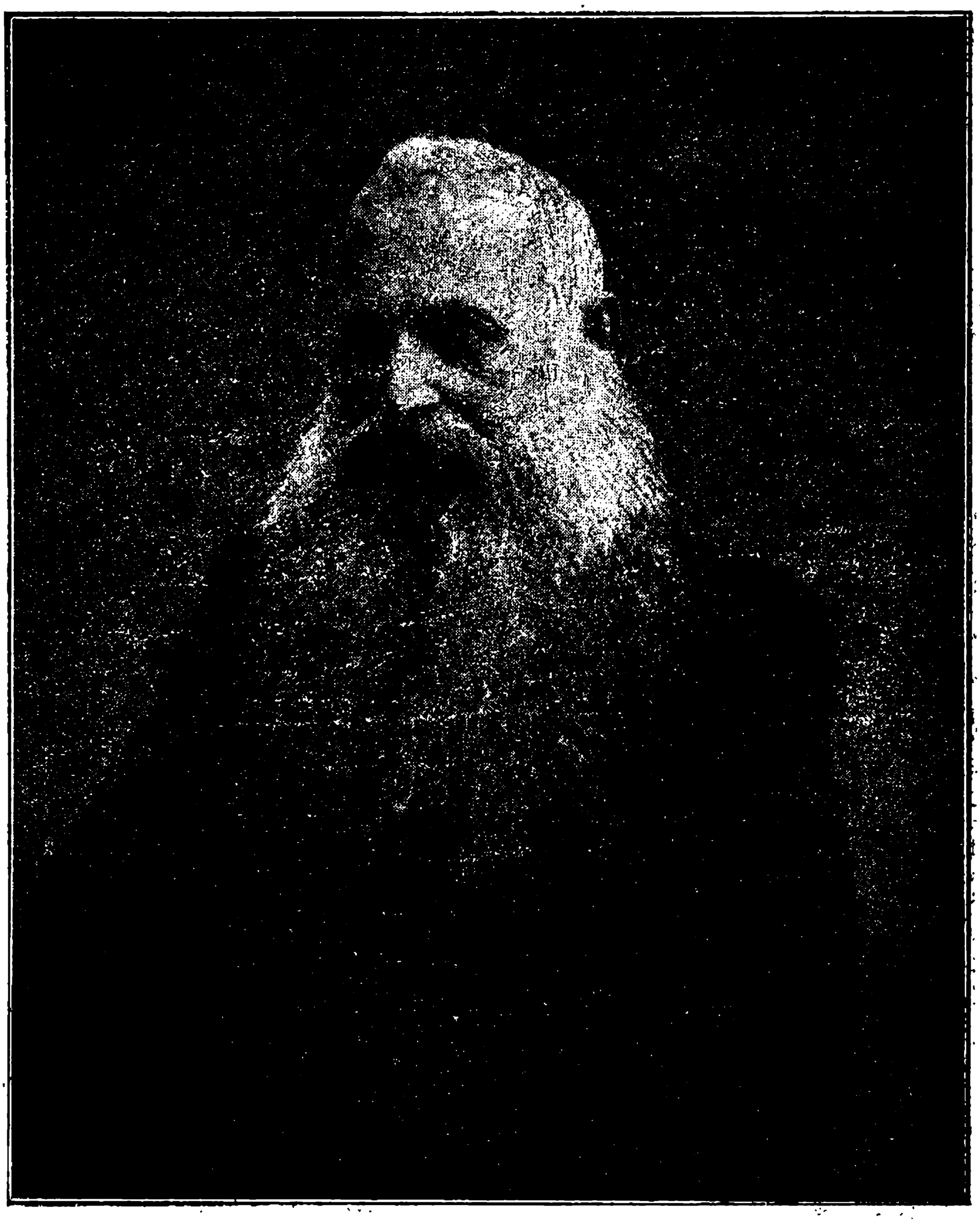
читающая наша публика, воспитавшаяся безъ основнаго обученія родного своего языка, для того и считала тяжелой, ибо не могла вглядѣти въ ту далекую перспективу, которую открываетъ передъ нами Уріилъ Метеоръ.» Этотъ отзывъ карпаторусскаго критика, данный еще при жизни писателя, въ полной мѣрѣ можно принять и въ настоящее время. И. А. Сильвай, извѣстный подъ псевдонимомъ «Уріилъ Метеоръ», дѣйствительно является исключительнымъ явленіемъ въ карпаторусской литературѣ, какъ въ смыслѣ художественнаго творчества, гдѣ его можно считать зачинателемъ въ области разсказа и повѣсти, такъ и по смѣлости и оформленности своего взгляда на литературное творчество, на общественную и національную работу.

«Въ бытіи народовъ литература не меньше значитъ, какъ душа въ тѣлѣ. Безъ нея можетъ просуществовать народъ и задольше время, но никогда не выйдетъ изъ своего малолѣтства» — вотъ основное мнѣніе Сильвая, а потому и собственное творчество онъ разсматриваетъ уже не какъ средство, возрождающее національность и служащее цѣлямъ національнаго просвѣщенія, но какъ самоцѣль. Если къ этому прибавимъ еще, что по мнѣнію писателя «жизнь человѣческая оцѣнивается пользою, принесенною для общаго блага» и что «мы живемъ не для однихъ себя, но и для будущихъ поколѣній», духовный обликъ Сильвая встанетъ во всей своей полнотѣ и законченности. Признавъ литературу тожествомъ души народной, онъ всецѣло отдался служенію ей, понимая, что тѣмъ самымъ онъ совершаетъ и національное дѣло и выполняетъ общественный долгъ. Именно это и можетъ служить объясненіемъ тому, что, при всей необычайной смѣлости мнѣній и насмѣшекъ Сильвая, его внѣшняя біографія такъ проста и послѣдовательна: И. А. Сильвай настолько честно и даже образцово исполнялъ свои служебныя обязанности, что даже еп. Панковичъ не въ состояніи былъ ставить въ вину своему подчиненному прямолинейность Уріила Метеора, хотя она касалась непосредственно его личности и хотя всѣмъ было извѣстно, что — «каждый волосокъ бороды Сильвая-Метеора говоритъ о русскости». Правда, долгое время Сильвая выдерживали на второстепенныхъ приходахъ, но онъ самъ на это нигдѣ не жаловался, а тѣмъ самымъ и самая месть оставалась досадно-неосуществимой.

Иванъ Антоновичъ Сильвай родился въ 1838 году въ селѣ Сусково, нынѣ свалявскаго округа. Отецъ его былъ приходскимъ священникомъ и свято хранилъ національныя традиціи, передавая свои убѣжденія и сыну. Начальную школу Сильвай окончилъ въ родномъ селѣ, а затѣмъ прошелъ курсъ ужгородской гимназіи и богословскаго факультета въ Будапештѣ. Въ 1862 г. еп. Василій Поповичъ посвятилъ его въ священники и назначилъ сотрудникомъ въ Сусково, въ помощь отцу. Въ 1865 г. умеръ священникъ въ с. Дусино, Петръ Рацъ,

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

тесть Сильвая, и молодой священникъ переселился туда, принявъ заботы о воспитаніи четырехъ дѣтей покойнаго. Въ слѣдующемъ году находимъ Сильвая снова въ Сусковѣ вмѣстѣ съ тещей и ея дѣтьми; онъ сотрудничаетъ съ отцемъ и помогаетъ осуществленію его завѣтной мечты — постройкѣ новаго храма. Послѣ смерти отца, въ 1871 г. о. Іоаннъ получилъ назначеніе быть тамъ пароxомъ; въ 1881 г. его переводятъ въ качествѣ пароха и намѣстника въ Турья-Реметы. Съ 1889 г. и



И. А. Сильвай.

до своей смерти (1904) Сильвай проживалъ въ Новомъ Давыдковѣ, какъ приходскій священникъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ[1]).

[1]) О Сильваѣ см.: «Очеркъ угро-русск. письм.», Листокъ, 1893, стр. 258; Мѣсяцословъ, изд. О-ва св. В. В. на 1903 г., стр. 68—71; то-же на 1905 г., стр. 130—133; Е. И. Сабовъ: Очеркъ:.., стр. 27; П. Федоръ: Очерки..., стр. 52—56; В. Бирчакъ: Лит. стремлѣня, стр. 78—80; А. В. Поповъ: И А. Сильвай и И. И. Раковскій, изд. Народопросвѣт. рады Нижне-Веречанскаго окр., Мукачево, 1929, стр. 3—35.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Литературное творчество Уріила Метеора чрезвычайно многосторонне. Онъ писалъ стихи, разсказы, повѣсти, проповѣди, житія, этнографическія статьи, очерки общественной жизни и корреспонденціи. Печататься началъ уже въ «Церковной Газетѣ» І. Раковскаго и прошелъ всѣ періодическія изданія — «Свѣтъ», «Новый Свѣтъ», «Карпатъ», «Мѣсяцословы», а также помѣщалъ свои произведенія и въ галицкихъ газетахъ («Слово»).

Въ его поэтическихъ произведеніяхъ слѣдуетъ въ особую группу выдѣлить религіозныя стихотворенія, вѣрнѣе церковныя пѣснопѣнія, которыя онъ писалъ спеціально для обогащенія пѣвческаго репертуара, какъ напр. «Славословье пойте во вѣки», «Ангелы вѣстятъ», «Христосъ на Материнскомъ лонѣ» и др. Эти пѣснопѣнія обнаруживаютъ въ поэтѣ даръ музыкальности; слова и выраженія ихъ выбраны съ исключительной строгостью, такъ какъ они были предназначены для исполненія ихъ въ церкви. Многіе изъ пѣснопѣній дѣйствительно вошли въ церковный обиходъ и исполняются и понынѣ. Ихъ особенностью является то, что они рифмованы, а это облегчило ихъ исполненіе; этимъ вѣроятно слѣдуетъ объяснить и то, что ими охотно пользуются колядники («Пѣсни на Рождество Христово»), несмотря на то, что по формѣ своей они всецѣло принадлежатъ къ гимнической поэзіи, а не являются популярнымъ толкованіемъ событій.

Въ области свѣтской поэзіи Сильваю принадлежитъ первенство въ использованіи формы лирической баллады въ карпаторусской поэзіи. Онъ умѣетъ выбрать повѣствовательный сюжетъ, украсить его частными образами, сдобрить юморомъ и преподнести читателю такъ, что мораль разсказа не утруждаетъ его вниманія. Онъ повѣствуетъ такимъ образомъ о битвахъ Коріатовича съ исполинами («Ѳеодоръ Коріатовичъ»), о древѣ произростающемъ изъ рода въ родъ, назначеніе котораго — крестъ, а плодъ котораго — Христосъ («Древо Жизни»), о птицѣ, которая восклицала — «О, Марія!» — и ввела въ заблужденіе птицелова («Птица пустынника»), о причинѣ долговѣчной жизни («Енохъ и Илія»), о ворожеѣ въ затруднительномъ положеніи («Вѣщая ворожея») и т. д. Ѣдкой сатирой насыщено стихотвореніе «Создателю наперекоръ», въ которомъ ведется споръ между гордымъ Демономъ, Магометомъ и Вѣчнымъ Жидомъ о божьемъ небытіи, и «Надъ спящимъ малюткою», гдѣ поэтъ съ горечью разсказываетъ, что дитя обречено исполнять въ своей жизни все, чему «вѣкъ научалъ», т. е. «гнути спину чинно», а когда достигнуты звонкія шпоры и грозные усы, тогда оно «изъ русскаго-то тотчасъ становится Бенде гузъ»... И, нарисовавъ типичный образъ ренегата- карьериста, поэтъ обращается къ дитяти:

Спи, не бойся! Будь Богъ съ нами!
Кто-бъ тебѣ вредити могъ?
Русска нива подъ ногами,
Надъ тобою Русскій Богъ!

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Есть у Сильвая немало лирическихъ стихотвореній; одни изъ нихъ проникнуты глубокой философской идеей («Изъ-за горъ», «Тьма», «Слеза», «Въ миломъ уединеніи»), другія передаютъ образы настроеній самого поэта («На полѣ жизни», «Колоколы» и др.). Сравнительно со стихами Духновича, Сильвай сдѣлалъ большой шагъ впередъ, какъ въ отношеніи композиціи сюжета, такъ и въ отношеніи подчиненія метрическаго удареніе — словарному и логическому. Стихи Сильвая могутъ быть разсматриваемы не только съ національной точки зрѣнія, но и съ эстетической, что вполнѣ соотвѣтствуетъ его взгляду на литературное творчество. Изъ стихотвореній его собраны и изданы въ видѣ отдѣльнаго сборника подъ заглавіемъ «Пѣсенникъ»[1]) только церковныя пѣснопѣнія и нѣкоторые стихи религіознаго значенія.

Не менѣе разнообразна по формамъ и художественная проза Сильвая. По существу писатель былъ реалистомъ; наблюдательный, онъ выхватывалъ типы и образы изъ жизни, но при композиціи сюжета пользовался различными способами, отчасти по своей волѣ, а отчасти и по необходимости. Такъ, напримѣръ, мы находимъ у Сильвая рядъ разсказовъ, дѣйствіе которыхъ развивается въ какомъ-то невѣдомомъ царствѣ. Сюда относятся — «Крайцаровая комедія», «Люди въ желѣзныхъ шляпахъ» и «Шестакъ», гдѣ писатель искусно воспользовался старыми пріемами сатиры, которая дѣйствіе переносила въ невѣдомыя земли, описывала невѣдомыхъ лицъ, но характеры и недостатки этихъ персонажей списывала съ натуры. Такой натурой для Сильвая оказалось время епископа Панковича, который всѣми средствами старался разбить единый національно-религіозный фронтъ во главѣ съ Добрянскимъ и Раковскимъ и всѣми-же средствами пріобрѣсти сторонниковъ своей мадьяронской оріентаціи. Въ результатѣ епископъ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ — не «божественной комедіи», а «крайцаровой», т. е. самаго дешеваго пошиба. Сущность заключалась въ томъ, что печальной памяти епископъ началъ играть роль комедіанта, самъ того не сознавая. Онъ водворилъ самый безстыдный непотизмъ, направо и налѣво раздавалъ награды — сначала давая титулы канониковъ, затѣмъ аббатовъ несуществующихъ аббатствъ, красные пояса, фіолетовые коллары, а одному священнику, управляющему церковнымъ хоромъ, былъ пожалованъ на шляпу... капральскій шнурокъ. Въ епархіи началась чиноманія, торжественные выходы архипастыря, обѣды и пр. — по самымъ непридвидѣннымъ причинамъ. Соглядатайства никогда не существовало въ такой мѣрѣ, какъ теперь; владыка всякій доносъ выслушивалъ съ особенной благосклонностью. Въ результатѣ такой демагогіи со стороны епископа, по словамъ Сильвая, «единодушная епархія Мукачевская распалась на многіе лагери, а имен-

[1]) Изд. «Уніо», Ужгородъ, 1903 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

но: на партизановъ владыки и мадьяронства, противоположность которымъ составляли народолюбцы; кромѣ того были и такіе, что не стояли ни на той, ни на другой сторонѣ, но, если-бы дошло до ломанія хлѣба, безсомнѣнно открылись-бы въ пользу владыки; и, наконецъ, были и благіе Никодимы, державшіеся тайно стороны народолюбцевъ. Завелось какое-то крикунство; партизаны мадьяронства старались во имя своего настоятеля терроризировать слабыхъ, кричали во все горло при представившемся имъ случаѣ: измѣна, москальство, схизма... Случалось слышать безстыдное хвастовство людей, о которыхъ всѣ знали, что ихъ предкомъ былъ какой-нибудь простолюдинъ, дьячокъ или дротарь, и которые производили свой корень отъ Арпада и даже отъ Аттилы...» Мы нарочито приводимъ всѣ эти цитаты изъ другой работы Сильвая, чтобы показать, какъ тонко подмѣтилъ писатель недостатки своей эпохи, чтобы затѣмъ обрушиться своей сатирой «Крайцаровая комедія» («Свѣтъ») на всю эту камарилью дешевыхъ льстецовъ и оппортунистовъ во главѣ съ епископомъ — «комедіантомъ и дирігентомъ кошачьихъ музыкъ». Сатира произвела колоссальное впечатлѣніе — «произвела цѣлую бурю рукоплесканій въ публикѣ и цѣлый переполохъ въ бичуемыхъ имъ личностяхъ», какъ говоритъ карпаторусскій критикъ. Каждый находилъ свое отображеніе въ кривомъ зеркалѣ, но не могъ поднимать шумъ, чтобы не опозорить себя окончательно. Сатирами на ту-же эпоху являются и разсказы «Пупаки» («Свѣтъ») и фантастическій «Шестакъ» («Свѣтъ»). Въ разсказѣ «Люди въ желѣзныхъ шляпахъ» («Свѣтъ», 1869, № 10) повѣствуется о томъ, какъ мирные жители нѣкоего желѣзношляповаго міра были возмущены начавшейся крамолой со стороны неспокойныхъ мятежниковъ. Съ этой цѣлью начальникъ желѣзношляповыхъ собираетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта знатоковъ, мудрецовъ, книжниковъ, старцевъ и фарисеевъ для совѣщанія по вопросу: «что надобно дѣлати совзромъ сокрушенія дерзости непріятелей?» Дальше-же пародируются всѣ совѣщанія и мѣры, которыя принималъ еп. Панковичъ съ цѣлью разбить О-во св. Василія Великаго. То-же, что писатель назвалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, «людьми въ желѣзныхъ шляпахъ», объясняется тѣмъ, что шляпа предполагаетъ у людей голову; если-же эта голова не имѣетъ въ себѣ разума, то авторъ надѣется, что это не будетъ сочтено его виною.

Если въ національномъ отношеніи еп. Панковичъ стремился къ мадьяризаціи, то въ церковномъ стремился латинизировать восточный обрядъ. Въ частности имъ былъ поднятъ вопросъ о замѣнѣ юліанскаго календаря григоріанскимъ. Это вызвало недовольство въ средѣ карпатороссовъ; по этому поводу обширную статью написалъ Добрянскій, а Сильвай осмѣялъ попытку епископа въ разсказѣ «Однодневное царство» («Слово»).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Другой видъ разсказовъ Сильвая связанъ съ анекдотомъ, а элементъ сатирическій замѣненъ въ нихъ беззлобнымъ юморомъ. Въ такой вещи, какъ «Натерпится гораздъ, или такія былинки, въ концѣ которыхъ люди смѣются, а демонъ рукоплещетъ» («Мѣсяцословъ» на 1900 г., 48—64) приводится случай о томъ, какъ цыганъ Ферко и его жена Ровжи захотѣли побывать въ раю и были глубоко убѣждены, что змѣй не могъ-бы искусить ихъ — «мы всегда сидѣли-бы вмѣстѣ, ты курилъ-бы себѣ трубку или жваку жвалъ, а я бы тебѣ въ волосахъ искала». Шутки ради князь Гашшалковичъ изъ Геннеле воплотилъ ихъ мечту, но въ результатѣ любопытная Ева сказалась въ Ровжи, и цыгане были изгнаны изъ «рая». Важно то, что этотъ анекдотъ разсказанъ не самъ по себѣ, а въ связи съ необычайнымъ, но вполнѣ реальнымъ случаемъ, когда нѣкій бѣднякъ получилъ въ наслѣдство пять тысячъ гульденовъ и подъ пьяную руку сжегъ ихъ въ корчмѣ. «Якъ захлопнулась за окаяннымъ глупцомъ дверь, гостинный служитель собралъ съ полу охлопья сожженныхъ банкнотъ и съ разсмѣшительною ужимкою раздулъ ихъ по воздуху, на что изъ за столовъ раздался неистовый хохотъ, а музыканты грянули тушъ». Это малое реалистическое замѣчаніе вноситъ въ сюжетъ особую значимость уже не забавнаго, но глубоко психологическаго значенія. Аналогично построены разсказы «Милліонеръ» (Мѣс. на 1904 г., 34—49), гдѣ разсказывается о томъ, какъ нѣкій американецъ Плутонъ на необычайномъ по богатству пиру повѣствуетъ, какъ онъ сманилъ жену богача Натансона, и приходитъ въ неистовство, когда тѣмъ-же способомъ его секретарь Смитсонъ увозитъ съ собою его дочь Прозерпину, и «Повѣсть повѣстей» (Мѣс. на 1903 г., 76—81), гдѣ описанъ сонъ автора надъ лексикономъ Бругстона, изъ котораго онъ вычиталъ о любви Каина и Авеля къ Азрунѣ. Конечно, значеніе разсказовъ заключается не въ самомъ анекдотическомъ сюжетѣ, но въ тѣхъ остроумныхъ, порой беззлобныхъ, а порою ѣдкихъ разсужденіяхъ и замѣчаніяхъ, которыя параллельно высказываетъ писатель о безмѣрной глупости богатства и о вѣчной повторяемости борьбы за женщину.

Третій видъ разсказовъ Сильвая используетъ романтическіе сюжеты. Въ разсказѣ «Денница между звѣздами» (Мѣс. на 1901 г., 49—71) описывается любовь царевича Мирка (Эмериха), сына венгерскаго короля Стефана, къ болгарской княжнѣ Софіи, прозванной «болгарской русалкой», и роковая смерть обоихъ возлюбленныхъ. Дѣйствіе происходитъ въ Веспримскомъ монастырѣ и его описанію посвящена значительная часть разсказа. «Мати и Невѣста» (Мѣс. на 1902 г., 29—49) относятъ дѣйствіе аналогичнаго разсказа съ романтическимъ сюжетомъ ко времени татарскаго нашествія. Владѣлецъ замка Левъ Чорноградъ насильно отобралъ у вдовы Уздовой ея имѣніе — Пустое Озеро. Вдова прокляла родъ Чорнограда и сказала, что у него не будетъ потомковъ мужского пола.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Левъ Чорноградъ умеръ, оставивъ красавицу дочь Дарію, которая «по давнему обычаю» избираетъ жениха, заставляя претендентовъ состязаться на ристалищѣ и въ кости. Побѣдителемъ оказывается Ладиславъ Уздъ, сынъ вдовы Уздовой. Ни женихъ, ни невѣста не знаютъ о проклятіи. Далѣе слѣдуетъ описаніе татарскаго нашествія и встрѣча вдовы Уздовой съ невѣстой ея сына — Чорноградовой и смерть обѣихъ отъ наступившихъ потрясеній. Любопытно отмѣтить, что эти два разсказа писатель называетъ «бытовыми». Конечно, и бытъ и исторія ихъ весьма сомнительны съ точки зрѣнія науки, но романтическій пріемъ съ этимъ мало считается, ему важно увлечь читателя сюжетомъ и описаніемъ, что съ успѣхомъ и выполняетъ Сильвай. Замѣчательно, что онъ воображаемый бытъ и имена пытается руссифицировать, или по крайней мѣрѣ славянизировать, въ результатѣ чего его древняя Угорщина оказывается удовлетворительной и для національнаго чувства русскаго читателя.

Наконецъ, четвертый видъ разсказовъ Сильвая можно дѣйствительно назвать бытовыми. «Изъ за одной рюмки водки» (Мѣс. на 1875, стр. 58—73) — это разсказъ судьи, который по традиціи бралъ взятки, но возомнилъ о своемъ санѣ и пустился въ тяжбу съ честнымъ селяниномъ Павломъ Лѣсникомъ, обѣднѣлъ, опустился, попалъ въ тюрьму, а по выходѣ оттуда, тронутый заботами Лѣсника о его дѣтяхъ, рѣшилъ не заходить въ корчму. Разсказъ написанъ правдиво и съ психологическимъ напряженіемъ. Совершенно особо стоитъ большая повѣсть Сильвая «Бѣда, нѣтъ жида» (Листокъ, 1892—1894), разсказывающая о томъ, какъ въ деревушкѣ Сороки, вопреки совѣтамъ о. Исидора, мѣстнаго священника, селяне рѣшили, что на школу у нихъ нѣтъ средствъ, а вотъ корчму можно завести, такъ какъ это стоитъ дешевле. Больше того, селянинъ Гаврило Дубъ рѣшилъ временно дать квартиру корчмарю въ своей хижѣ. Дѣйствительно, жидъ-корчмарь Мендель Моргенштернъ переселяется въ Сороки въ домъ Дуба и помѣщается со своей женою Малкой, ея братомъ Срулемъ и сыномъ Мошкой, сначала въ прихожей, а потомъ понемногу вытѣсняетъ семью Дуба и изъ его хижи. Начинается систематическое, поголовное пьянство, обѣдненіе семьи Дуба и воцареніе Менделя, который съ Дубомъ уже вовсе не считается. Только сынъ Дуба, Михаилъ, который былъ на военной службѣ, возвратясь домой, обнаруживаетъ, что корчмарь является преступникомъ, ограбившимъ монастырь, и заставляетъ его спасаться бѣгствомъ. Эта послѣдняя часть, возможнѣе всего, сочинена Сильваемъ во имя торжества добродѣтели, но зато вся повѣсть изобилуетъ бытовыми данными, а мѣстами выявляетъ дѣйствительно большой талантъ повѣствователя. Къ числу этихъ удачныхъ мѣстъ относится прежде всего первая глава, гдѣ описанъ холмъ, гдѣ сходятся коротать свой досугъ сельскія дѣти — «малая республика», гдѣ каждый получаетъ прозвище по от-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

цу, гдѣ въ зародышѣ таится тотъ традиціонный бытъ деревни, который съ завѣтнаго холмика перейдетъ въ село: Иванъ-судья будетъ судьей Иваномъ, Андрей-дьяковъ окажется дьякомъ Андреемъ, Михаилъ-звонарь станетъ звонаремъ Михаиломъ....

Бытовой элементъ имѣется и въ «Сиротахъ» (Мѣс. на 1899 г., 47—61) и въ проникнутыхъ свѣтомъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній разсказахъ «Свѣтлый день воскресенія» («Свѣтъ», 1868, № 17) и «Вѣчная юность» («Карпатъ»).

Кромѣ того Сильвай оставилъ цѣлый рядъ рукописей, въ которыхъ имѣется значительное количество и художественной прозы.

Въ рукописи остается и понынѣ сборникъ подъ заглавіемъ «Наши сокровища», гдѣ писатель даетъ рядъ очерковъ касательно церковныхъ цѣнностей, описываетъ отдѣльныя церкви, святыя мѣста, иконы и пр. Особенно много мѣста удѣлено монастырю Маріи Повчанской. Не только съ точки зрѣнія церковной, но и художественной литературы, можно разсматривать сборники Сильвая «Другій Свѣтъ»[1]), гдѣ напечатаны составленныя имъ надгробныя слова примѣнительно къ возрасту, положенію и обстоятельствамъ смерти покойнаго. Текстъ словъ написанъ на правильномъ литературномъ языкѣ, ихъ стиль мѣняется въ зависимости отъ того, кому предназначено слово (царю, епископу, священнику, землевладѣльцу, адвокату, звонарю, гробокопателю, земледѣльцу, профессору и т. д.), а самое слово всегда связывается съ соотвѣтствующимъ евангельскимъ текстомъ. Кромѣ того, каждое слово имѣетъ и свою особую философско-моральную тему, которая обозначена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (о воспитаніи, о цѣнности души, о кровномъ и духовномъ родствѣ, а благородствѣ сердца и т. д.), такъ что сборники могли служить не только узкимъ церковнымъ цѣлямъ, но и какъ матеріалъ для чтенія поучительнаго и нравственнаго характера.

До сихъ поръ не получила должной оцѣнки публицистическая дѣятельность Уріила Метеора, а между тѣмъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ направленіи общественной работы, а кромѣ того двѣ его статьи имѣютъ совершенно исключительное значеніе при учетѣ культурно общественной жизни второй половины XIX вѣка. Въ статьѣ «Положеніе угорскихъ русскихъ подъ управленіемъ Стефана Панковича» («Славянскій Сборникъ», Спб., 1875, т. I., 44—88) онъ даетъ характеристику общественныхъ теченій Угорской Руси въ связи съ дѣятельностью О-ва св. Василія Великаго и безпощадно критикуетъ мадьяронство «епископа-комедіанта». Нѣкоторыя цитаты мы приводили выше, здѣсь-же только отмѣтимъ смѣлость автора, который подписалъ ее своимъ обычнымъ псевдонимомъ — Уріилъ Метеоръ — отлично извѣстнымъ

[1]) Другій Свѣтъ, надгробныя слова священника Уріила, Унгваръ, изд. О-ва св. В. В., 1898, т. I — стр. 234, т. II — стр. 254.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

злополучному и мстительному епископу. Другая работа, имѣющая большое публицистическое значеніе, называется «Автобіографія»[1]). Фактически жизнеописаніе Сильвая въ ней занимаетъ самое скромное мѣсто, служитъ какъ-бы канвой къ разсказу о той эпохѣ, которую ему суждено было пережить, о тѣхъ выдающихся дѣятеляхъ, съ которыми приходилось встрѣчаться и работать и, наконецъ, въ ней находимъ четко и опредѣленно формулированные взгляды автора на свой народъ, на національность, литературу, языкъ и общественную работу. Впрочемъ, Сильвай сознательно писалъ такъ: «біографія одного котораго нибудь изъ дѣятелей литературы, собственно не иное есть, какъ отраженіе біографіи всего народа». По мнѣнію писателя карпаторусскій народъ и его судьба — «равняется, больно сказать, испоконъ своего бытія спеленатому нерасторжимыми повязками дѣтищу, худокровному, тщедушному, безпомощному, которое, можетъ быть, никогда не стояло на своихъ ногахъ, никогда не выходило изъ своего малолѣтства, изъ-подъ чужой опеки, и, кажется, никогда и не выйдетъ изъ нея. Все, что его поддерживаетъ донынѣ, это прадѣдная вѣра, церковь и церковно-славянскій языкъ.» Однако, несмотря на этотъ правдивый до боли взглядъ, не сулящій ничего утѣшительнаго, Сильвай не впадаетъ въ уныніе, ибо признаетъ въ душѣ каждаго дѣятеля народа — долгъ. «Въ предвидѣніи лучшихъ дней должны мы прилагать все усиліе принести посильную лепту въ даръ своему родному племени, потому что жизнь человѣческая оцѣняется пользою, принесенною для общаго блага. Если она истечетъ безъ пользы для современниковъ и безслѣдно для потомковъ, то она равняется пути перелетной птицы, или челну, проходящему черезъ рѣку отъ одного берега къ другому.» Въ чемъ же писатель видитъ возможность лучшаго будущаго своего народа, въ чемъ заключается цѣль его трудовъ? Какъ ни безысходно настоящее, «однако-жъ при всемъ истощеніи силъ угро-русскаго народа есть одно обстоятельство, которое предохраняетъ его отъ конечнаго исчезновенія. Именно, его языкъ есть языкъ исполинскаго народа, литература котораго стоитъ на уровнѣ съ литературами прочихъ культурныхъ народовъ Европы, и обладаетъ силою по мѣрѣ своего величія въ культурномъ успѣяніи итти впередъ громадными шагами. И такъ жизненная сила крошечнаго угро-русскаго народа заключается не въ политическомъ его назначеніи, отъ котораго онъ по своей ничтожности не можетъ ничего пріобрѣсти, не можетъ ничего и утратить, но заключается въ единствѣ языка и литературы и въ единствѣ обрядовъ церковныхъ». Устанавливая столь огромное значеніе единства русскаго языка въ сохраненіи національности карпатороссовъ, конечно, Сильвай рѣзко относился ко всѣмъ по-

[1]) Рукопись ея хранится у д-ра А. М. Гагатко. Частично она была опубликована А. В. Поповымъ въ «Карпатскомъ Краѣ», Мукачево, 1924, №№ 3—4, 5—6, 7, 8—9, 10.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

пыткамъ сознательныхъ и безсознательныхъ сепаратистовъ. Онъ рѣзко нападаетъ на престарѣлаго Игнатія Рошковича за его эксперименты въ церковномъ языкѣ[1]) и протестуетъ противъ попытокъ «народовцевъ» исходить въ литературѣ отъ «народной мовы». «Образованіе и развитіе должно исходить отъ народнаго живого говора. Это положительно такъ, но они (т. е. «народовцы») межъ тѣмъ не догадываются, что вѣдь литературный языкъ выработался изъ народнаго говора, послужившаго передъ многими вѣками основаніемъ и самому церковно-славянскому языку, который въ свою очередь послужилъ основаніемъ литературному. Извѣстно, что человѣкъ съ здоровымъ умомъ не подпадаетъ такому заблужденію; вѣдь для того, чтобы выработать подобный нынѣшному литературный языкъ, требовалось-бы много народныхъ силъ, много времени и, полагаемъ, что процессъ развитія при благопріятныхъ обстоятельствахъ кончился-бы тѣмъ, что будущія поколѣнія дошли-бы до той степени, на которой стоитъ нынѣшній литературный языкъ»[2]).

18. Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ.

Когда прекратился по волѣ еп. Панковича «Свѣтъ», собравшій воедино всѣ литературныя и творческія силы Угорской Руси и когда на его мѣстѣ возникъ «худосочный и сожалѣнія достойный» — «Новый Свѣтъ», въ которомъ литературные корифеи, зная подноготную его появленія, отказывались сотрудничать; когда раздвоились національныя силы, и творческая работа принимала характеръ взаимной бойни, подстрекаемой нѣкіимъ третьимъ, внезапно раздался голосъ молодого поколѣнія: «Сыны, боровшіеся за благо своего племени, прежде столь равные сыны народа разъединились и отдалились отъ поприща всенародной дѣятельности и поступаютъ отъ тѣхъ поръ такъ, будто бы въ ихъ сердцахъ любовь къ родному племени была погасла... Молодому человѣку, по крайней мѣрѣ у насъ, не пристоитъ надлежать ни къ какой партіи, не пристоитъ участвовать въ спорахъ старшихъ людей. Должность молодца лишь народъ свою любити и, по возможности, благу его споспѣшествовати... Встанемъ затѣмъ, братья и друзья, къ столь святому дѣлу, къ защитѣ и сохраненію народности. Сколь радостно будетъ то явленіе и сколь благій для насъ часъ, когда старшіе нашего народа, помирившись, опять за народное дѣло возьмутся, при зрѣніи нашего скромнаго

[1]) Корреспонденція за подписью — Уріилъ Метеоръ, Листокъ, 1886, стр. 395 - 397.

[2]) В. Бирчакъ въ своихъ «Литератур. Стремлѣнях», расчитанныхъ вообще на довѣрчивыхъ людей, выставляетъ Сильвая прославителемъ «мадьярскоѣ давнины» и указываетъ, что онъ «не дбав о свôй руський народ, не писав для него — и не думав писати». Возражать противъ подобныхъ заключеній считаемъ излишнимъ: провокативность ихъ очевидна.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

плода скажутъ: Вотъ, пока мы нашими распрями народъ язвили, между тѣмъ его наша молодежь цѣлила и сохранила.» Этотъ смѣлый голосъ принадлежалъ двадцатидвухлѣтнему студенту Будапештской семинаріи — Юлію Ставровскому, впослѣдствіи выдающемуся поэту и писателю, публиковавшему свои произведенія подъ псевдонимомъ «Попрадовъ», который, будучи искреннимъ до конца, сказалъ своимъ собратьямъ слова величайшей любви и горькой истины, не заботясь объ ихъ послѣдствіяхъ для себя.

Этотъ призывъ, соединенный съ вдохновеннымъ стихотвореніемъ «Къ моему народу», двойственнаго впечатлѣнія не произвелъ, такъ какъ рѣчь шла не о примиреніи сторонниковъ Панковича со сторонниками «Свѣта», но о служеніи своему народу, а, конкретно говоря, о захватѣ въ свои руки органа, реформированнаго еп. Панковичемъ въ цѣляхъ ослабленія русскости и «москальства», именно въ руки народныхъ будителей. Однако, выступленіе было сдѣлано такъ искусно, что и редакція «Новаго Свѣта» не могла отказать въ помѣщеніи воззванія Попрадова, видя, что онъ склоненъ къ тому, чтобы эта единственная русская газета процвѣтала, и народолюбцы во главѣ съ Добрянскимъ видѣли въ лицѣ молодого горячаго поэта и патріота своё-же собственное дѣтище. Какъ увидимъ ниже и многіе изъ тѣхъ, кто отошелъ въ пылу страстей отъ «Новаго Свѣта», а потомъ и отъ «Карпата», были сторонниками Попрадова.

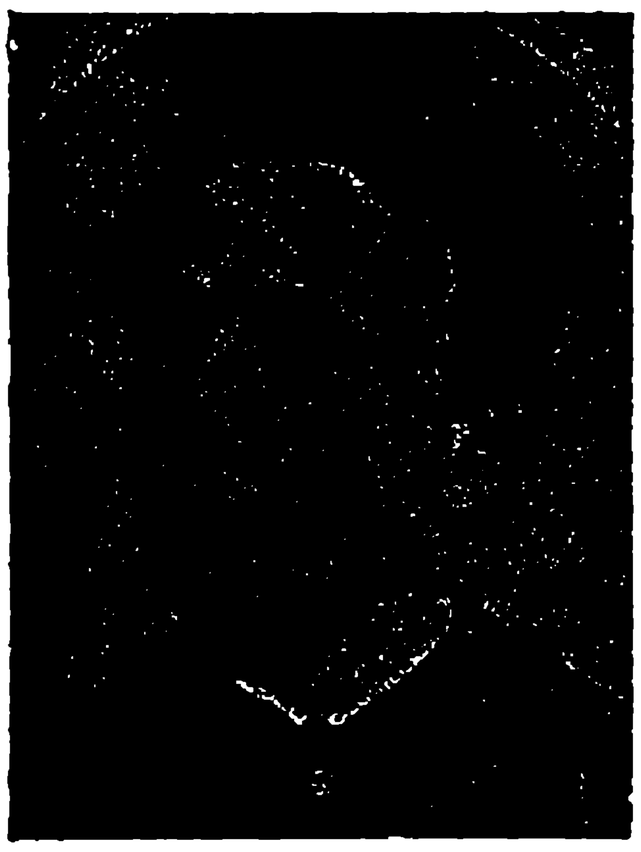
Юлій Ивановичъ Ставровскій-Попрадовъ[1]) родился въ селѣ Сулинѣ Спишской столицы, въ 1850 г. Отецъ его былъ священникъ, русскій по національности, а мать и бабушка по матери, у которой онъ находился на попеченіи, происходили изъ старинной мадьярской семьи и предпочитали, чтобы мальчикъ говорилъ дома по мадьярски. Однако, такъ какъ прислуга и товарищи по дѣтскимъ играмъ оказывались русскими спишáками, то результаты наставленій со стороны матери, бабушки и мадьярки няньки остались безуспѣшными. «Я кое-что понималъ по мадьярски, — пишетъ Ставровскій — но неохотно говорилъ на этомъ языкѣ; а, напротивъ, я говорилъ плавно и охотно по русски, слѣдовательно, русскій языкъ считаю своимъ роднымъ языкомъ. Когда я не хотѣлъ говорить по мадьярски, то мои мадьяризаторки иногда и бранили и наказывали меня, иногда и насмѣхались надъ хлопскимъ русскимъ языкомъ; вѣроятно эти брани и руготни сдѣлали меня упрямымъ въ предпочтеніи русскаго языка мадьярскому». Начальную школу Попрадовъ окончилъ въ Сулинѣ, а гимназію прошелъ въ Левочѣ и Пряшевѣ. Первоначально онъ хотѣлъ

---

[1]) См. Некрологъ, Листокъ, 1899, № 7; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 27; А. В. Поповъ: Біографія Ю. И. Ставровскаго-Попрадова, изд. Филіалки О-ва им. А. В. Духновича въ Мукачевѣ, 1925; Д-ръ Н. А. Бескидъ: Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 50, Ужгородъ, 1929 г.; П. Федоръ: Очерки..., стр. 60--64.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

поступить на юридическій факультетъ, но затѣмъ, «ради близости къ народу», рѣшилъ избрать традиціонную въ роду — духовную карьеру и записался на теологическій факультетъ въ Будапештѣ. Здѣсь обученіе пошло въ двухъ плоскостяхъ: Попрадовъ честно учился требуемому школой, а параллельно изучалъ языки, въ частности русскій языкъ, и съ увлеченіемъ участвовалъ въ работахъ славянскаго кружка, обсуждая съ хорватскими, словинскими и сербскими студентами пути національнаго возрожденія родныхъ народовъ. Послѣ окончанія теологіи Ставровскій былъ назначенъ въ епископскую канцелярію въ Пряшевъ, сначала на должность конциписта, а потомъ письмоводителя консисторіи. Въ 1879 году въ Чертежномъ, гдѣ проживалъ А. И. Добрянскій, умеръ священникъ М. Бескидъ, а такъ какъ ктиторомъ церкви былъ Добрянскій, то, помня Ставровскаго, какъ патріота, еще по его студенческимъ годамъ въ Будапештѣ, Адольфъ Ивановичъ упросилъ епископа назначить его въ Чертежное, какъ приходскаго священника. Съ этой поры Попрадовъ становится постояннымъ гостемъ Добрянскаго, знакомится въ его домѣ съ цѣлымъ рядомъ русскихъ ученыхъ, участвуетъ въ обсужденіи церковныхъ и національныхъ дѣлъ и свободно предается вдохновенію и творчеству. Умеръ поэтъ тамъ-же, въ Чертежномъ, въ 1899 году.



Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ.

Печататься Попрадовъ началъ еще въ «Свѣтѣ», затѣмъ сотрудничалъ въ «Новомъ Свѣтѣ» и «Карпатѣ» и закончилъ свою литературную дѣятельность, какъ единомышленникъ Е. А. Фенцика — въ «Листкѣ». Основной и наиболѣе талантливой областью творчества Попрадова была поэзія. «Никто у насъ не могъ написать такихъ звучныхъ и глубокомысленныхъ, такихъ классическихъ стихотвореній... Никто изъ угрорусскихъ писателей не достигалъ такого совершенства, какъ Попрадовъ» — говоритъ Е. А. Фенцикъ. А. И. Павловичъ и А. А. Митракъ привѣтствуютъ Попрадова стихами, называя его «жаворонкомъ-попрадскимъ», «пѣвцомъ Руси честнымъ». Стихотворенія Попрадова по формальнымъ признакамъ можно разбить на двѣ группы, на лирико-описательныя и на лирико-идеологическія; первыя проникнуты чувствомъ любви и, восторга, вторыя отмѣчаютъ рѣзкія колебанія чувства отъ поклоненія до презрѣнья, отъ мощной вѣры и до отчаянія.

Лирико-описательныя или импрессіонистическія стихотворенія Попрадова посвящены главнымъ образомъ описанію роднаго края, родной живописной природы, чувству романтической, молодой любви — тому, гдѣ воля человѣческая растворяется въ мощности закона Бога и Природы, гдѣ «въ зрѣніи природы чистой забудешь весь житейскій вздоръ». Таковы его

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

стихи: — «Родина», написанные съ обязательнымъ рефреномъ — «ахъ какая — утѣха тамо проживать!», «Спишъ», рождающій передъ взоромъ поэта картины историческаго прошлаго, полное юношескаго задора «Воспоминаніе Попрада», «На Бескидѣ», «Зимній вечеръ». Въ «Вечернемъ звонѣ», исполненномъ философской рефлексіи, можно замѣтить вліяніе державинской оды «Богъ». «Пѣсня пахаря» и «Вечеръ земледѣльца» построены въ видѣ искусныхъ пѣсенокъ-пасторалей... Міръ Попрадова не ограниченъ роднымъ краемъ; онъ бывалъ въ чужихъ странахъ, а въ связи съ этимъ у него часто возникаетъ тема сравненія жизни и природы чужого края съ роднымъ укладомъ жизни, роднымъ пейзажемъ. И какъ ни заманчива чужая обстановка, какъ ни «достойны чести и похвалъ» всѣ чужіе дворцы, сады, театры, «плоды ума, плоды наукъ», но поэту все-же больше даютъ пищи для сердца родные края, «русски хаты, любовью, людскостью богаты», ему «слово русское, родное, дороже иностранныхъ фразъ» и «пѣнье русскихъ дѣвъ простое, и ихъ плясанье удалое милѣе всѣхъ жеманныхъ красъ»... Это предпочтеніе родного очевидно въ стихахъ «По возвращеніи на родину», «Вечеромъ на чужбинѣ», «Тупая печаль на чужбинѣ». Даже въ любви онъ дѣлаетъ различіе между иностранкой и русской дѣвой («Кто иностранкѣ-бы предался...»). Это чувство особаго предпочтенія родному у Попрадова (какъ это было и у Митрака) имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что въ стихотвореніи «Я Русскій!» онъ признается, что было время, когда онъ, омраченный, «русскую народность свою гордо почиталъ чужой». Этотъ возвратъ къ своей народности, къ матери-Славѣ и святой Руси открылъ поэту новую область, гдѣ безпредѣльно могла развернуться его любовь. «Встаньте всѣ сыны народа: встань ученый, встань поэтъ!» взываетъ Попрадовъ («Къ народу моему»). Однако, условія времени не позволили ему безмятежно наслаждаться идеей славянскаго братства и «слѣдовать знамени Русскихъ»: восьмидесятые годы, а еще болѣе девяностые, славянскому міру въ Австро-Венгріи не сулили добраго. За восторженнымъ «Геніемъ Русскихъ» поэту пришлось говорить о «Страданіи Славянъ» и выступать въ защиту той идеи, которая давала ему единственное утѣшеніе. Какъ защитникъ, Попрадовъ правдивъ до конца, онъ клеймитъ всѣхъ, кто забываетъ право національной любви, будь это нѣмецъ («Къ врагу Славянства»), словакъ («Отрицателю народности») или свой-же братъ русскій («Отступникамъ народности»). Видя, что «снова въ Карпатахъ къ народной работѣ охота пропала», онъ обращается съ исполненнымъ безпокойства призывомъ — «Къ Уріилу Метеору» — и пишетъ вдохновенное, дышащее гнѣвомъ и безнадежностью, посланіе «Къ Угрорусскимъ» — «Карпатская Русь, зачѣмъ коснѣешь полумертва...», — гдѣ еще звучитъ истерическій вопль будителя: «Проснися! Оживи! Сонливый русскій родъ! Проснись! Протягивай къ работѣ обѣ руки!..».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Послѣднее изъ напечатанныхъ стихотвореній Попрадова — «Lasciate agni speranza» — это панихида «надъ гробомъ угро-русскихъ чадъ», исполненная горечи по отношенію къ судьбѣ карпаторосса, «беззащитнаго гелота», и презрѣнія къ его кормчимъ, которые «укрылись въ норы, какъ кроты и, труся для чужой угоды, — сами желаютъ темноты»,

Такіе кормчіе — ей Богу!
Не воскресятъ народъ отъ сна...
— — — — — — — — —
Итакъ, лишенный чувствъ и силы,
Ты, беззащитный мой гелотъ,
Умри, сниди во мракъ могилы,
Несчастный Угро-Русскій родъ!
Славяне! Пойте гимнъ печальный,
Зажгите факелъ погребальный...

Такъ завершилъ свой поэтическій путь Попрадовъ, начавшій его бодрымъ призывомъ къ пробужденію отъ сна.

Особо слѣдуетъ отмѣтить небольшую юмористическую поэму-сказку поэта — «Повѣсть о чудотворномъ лѣкарѣ» и сатиру на попытку замѣнить кириллицу на латинику — «Войчицкій Чудодѣй»[1]).

Призывая интеллигенцію къ служенію своему угро-русскому народу, Попрадовъ не ограничился только идеологіей по этому поводу, но и самъ вошелъ въ тѣснѣйшія связи съ простонародной массой, результатомъ чего явились его статьи по вопросамъ этнографіи и фольклора, изъ которыхъ «Важнѣйшія суевѣрія у Спишскихъ русскихъ», «Очерки Попрадской Руси», «Сказки изъ Спишской Руси», «Работы со льномъ и полóтна у Спишскихъ русскихъ» и «Ярмарки на Спишѣ» появились въ «Свѣтѣ»; «Поѣздка подъ Карпаты» и «Луцинскій отпустъ» — въ «Карпатѣ», а «Болтанья о Спишскихъ русскихъ» и «Русскія пословицы» остались въ рукописи. Историко-культурное значеніе имѣетъ его статья «Отношеніе Венгро-русскихъ къ мадьярамъ». Знакомясь со своимъ народомъ, писатель, естественно, задумывался о вопросахъ народовоспитанія, результатомъ чего были статьи: «Одно препятствіе народовоспитанія» («Свѣтъ», 1870), «О вспомогательныхъ пособіяхъ, особенно нужныхъ къ воздвиженію Венгро-русскихъ на степень нынѣшней просвѣщенности», «Нѣчто объ образованіи Венгро-русскаго народа» и др., оставшіяся въ рукописи.

Нужно сказать, что Ставровскій, будучи на теологическомъ факультетѣ, готовился не только къ священническому званію, но и къ преподавательской карьерѣ, а потому усиленно занимался филологическими науками. Результатомъ этихъ занятій былъ рядъ очерковъ («Нѣчто о благозвучіи славянскихъ языковъ», «Умствованіе о вспомогательномъ глаголѣ», «Нѣчто о буквѣ Ѣ» и др.) — подъ общимъ заглавіемъ: «Вы-

[1]) Стихи Попрадова изданы О-вомъ им. А. В. Духновича — «Поэзія Попрадова» (№ 41), Ужгородъ, 1928.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

леты на полѣ славянской филологіи», а также грамматика русскаго языка, рукопись которой погибла во время пожара. Понятно, что человѣка, столь свѣдущаго въ вопросахъ филологіи и родного языка, не могла не возмутить попытка русскихъ священниковъ I Фесторія и Э. Игнаткова писать книги, да еще учебныя, латинской азбукой по мадьярской транскрипціи (т. е. защищающій — zascsiscsajuscsij, хвостъ — khvoszt или сынъ — szin, сѣнь — szyny и синь sziny и т. д.). Попрадовъ выступилъ противъ подобнаго эксперимента и въ защиту кириллицы, какъ наиболѣе удобнаго для русскаго и вообще славянскихъ языковъ письма, съ рядомъ блестящихъ статей-памфлетовъ[1]). Въ этой попыткѣ писатель видѣлъ одну изъ формъ невѣроятной угодливости мадьярамъ, форму болѣзненной національной трусости, которая безъ должной причины, не говоря уже о сопротивленіи, губитъ все національное дѣло. И вотъ, параллельно со стихами разочарованія, Попрадовъ выступаетъ съ рядомъ корреспонденцій изъ Лаборца — «О нашей трусости[2]), бичуя интеллигенцію, которая стыдится своего народа, имени и языка, сама потворствуетъ національной тьмѣ. «Трусости слѣдуетъ приписывати отсутствіе на нашей Руси всякаго признака народной жизни... Изъ трусости произошелъ нынѣшній застой, или лучше, упадокъ нашей Угро-русской литературы.... Наши интеллигентные люди, священники и учители, если слѣдуетъ имъ говорити или писати по русски, употребляютъ уже изрѣдка книжный русскій языкъ, а употребляютъ по большей части какую-то смѣсь разныхъ жаргоновъ, въ которой напрасно ищешь какихъ либо грамматическихъ правилъ. Обыкновенно-же употребляютъ наши трусы мадьярскій языкъ.... И если господа трусы еще долго будутъ продолжати, то нѣтъ сомнѣнія, что нашъ бѣдный народъ совсѣмъ лишится своего языка и погрязнетъ въ тьмѣ невѣжества».

Ставровскій готовилъ для изданія сборникъ церковныхъ проповѣдей, но осуществить этотъ трудъ помѣшала внезапная смерть[3]). Д-ръ Н. А. Бескидъ сообщаетъ, что Ставровскій писалъ также и «исторію», но рукопись ея сгорѣла вмѣстѣ со многими другими. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть ввиду, что писатель былъ сотрудникомъ многихъ мадьярскихъ газетъ и печаталъ въ нихъ проповѣди, статьи по вопросамъ церкви и исторіи (исторія Краснобродскаго монастыря, исторія села Чертежнаго и др.).

---

[1]) См. его статьи «Новое чудо», Листокъ, 1894, стр. 39—42; «Zsivot Sz. Nikolaja Mir-Likijszkich Csudotvorca», Листокъ, 1894 стр. 218—219; «Неужели писати намъ абецадломъ?», Листокъ, 1890, стр. 81—82.

[2]) См. Листокъ, 1894, стр. 51, 66, 138 и 280.

[3]) Часть этихъ проповѣдей хранится нынѣ у А. В. Попова въ Мукачевѣ, часть въ Ужгородской епископской библіотекѣ, а часть у родственниковъ писателя.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

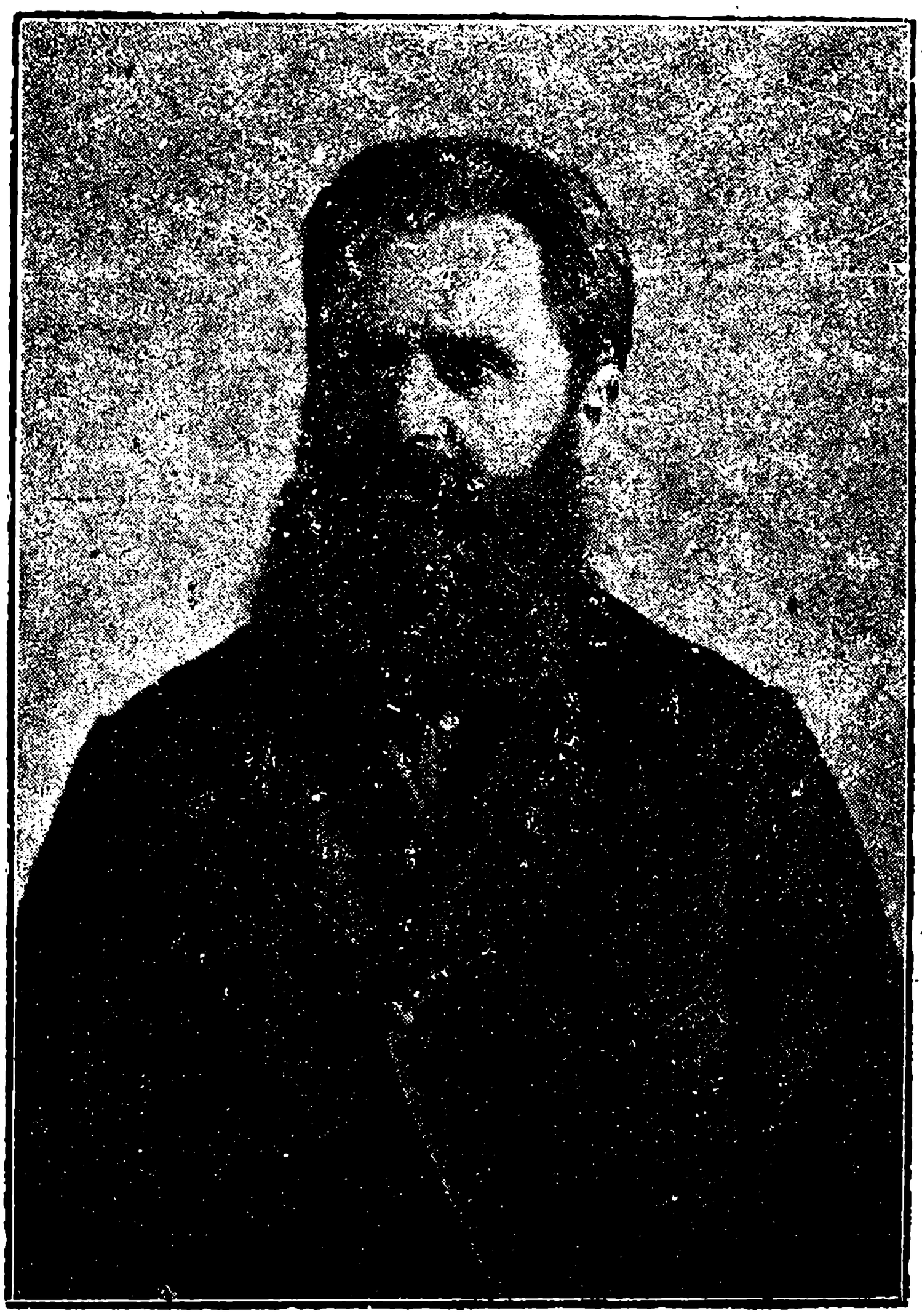
19. Е. А. Фенцикъ (Владиміръ).

Призывъ Ставровскаго-Попрадова къ молодежи не остался безъ отклика. Е. А. Фенцикъ, который тоже началъ свою литературную дѣятельность въ «Свѣтѣ» и который былъ свидѣтелемъ распри, созданной еп. Панковичемъ при содѣйствіи свыше, тоже не отказался отъ сотрудничества въ «Новомъ Свѣтѣ» и «Карпатѣ» и немало содѣйствовалъ тому, что и въ этихъ органахъ съ весьма двусмысленной идеологіей все-же процвѣтала русская литература. Когда-же редакторъ «Карпата» Н. Гомичковъ окончательно сталъ на точку зрѣнія личной выгоды и попелъ по линіи наименьшаго сопротивленія, когда русская газета начала больше чѣмъ на половину выходить на мадьярскомъ языкѣ, и русскими словами доказывалось, что всего лучше быть мадьяромъ, Фенцикъ перешелъ въ львовское «Слово», а съ 1885 г. принялся издавать свой журналъ «Листокъ», который и былъ послѣдней пристанью традиціонныхъ русскихъ идей. Е. И. Сабовъ указываетъ, что самый фактъ изданія «Листка» должно признать геройскимъ подвигомъ отважнаго національнаго борца за права своего народа. По существу этотъ журналъ является «духовно-литературнымъ», т. е. удовлетворялъ весь комплексъ культурно-національныхъ дѣлъ и чувствъ Угорской Руси, поскольку, конечно, къ тому были матеріальныя средства. Въ журналѣ постоянно находимъ произведенія церковно-обрядовой и церковно-исторической литературы и вещи художественныя, или историко-литературныя, при чемъ послѣдній отдѣлъ русскость связывалъ съ судьбами всего славянства. «Листокъ» былъ предназначенъ для карпато-русской интеллигенціи. Въ 1891 г. Фенцикъ начинаетъ издавать «Додатокъ къ «Листку», какъ приложеніе спеціально для народа, гдѣ находимъ поучительные разсказы, научно-популярныя статьи, историческія памятки; «Додатокъ» пользовался діалектическимъ словаремъ, но въ грамматическомъ отношеніи не грѣшилъ и противъ русскаго литературнаго языка. Кирилъ А. Сабовъ, говоря о «Наукѣ», которая тоже пыталась писать «по народному», указывалъ въ свое время, что она не можетъ соперничать съ Фенцикомъ и его «Додаткомъ», такъ какъ Фенцикъ совмѣщалъ знаніе провинціальной рѣчи и русскаго литературнаго языка, въ то время какъ прочія попытки приближенія къ «народной рѣчи» обнаруживали у авторовъ разнообразные омадьярщенные жаргоны, которые и принимались за языкъ простого народа. Оцѣнивая платформу «Листка», нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Попрадова относительно необычайной трусости «вождей народа»: въ то время, когда «Карпатъ» носился по волнамъ прихотей свыше и его сотрудники исполняли роль чрезмѣрно услужливыхъ мадьярскихъ патріотовъ, Фенцикъ и въ гораздо болѣе тяжелый періодъ сумѣлъ говорить и проповѣдывать національную правду, страдая за

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

свой народъ, но не теряя присутствія духа до самой послѣдней минуты.

Евгеній Андреевичъ Фенцикъ, родился въ селѣ Мартинкѣ, Бережской столицы, въ 1844 г. Духъ патріотизма былъ заложенъ въ него еще съ дѣтства. Когда-же послѣ окончанія гимназіи въ Ужгородѣ и Сатмарѣ онъ поступилъ на богословскій факультетъ вѣнскаго университета, ему пришлось пройти школу славянско-патріотической кружковщины, которая была въ то время въ расцвѣтѣ своихъ идеологическихъ силъ. Еще будучи богословомъ, Фенцикъ ревностно изучалъ русскій



Е. А. Фенцикъ.

языкъ и сочиненія русскихъ классиковъ, увлекался Лермонтовымъ и писалъ стихи, помѣщая ихъ въ «Свѣтѣ» и «Словѣ». Сохранилось преданіе, что, будучи богословомъ 3-го года, молодой поэтъ получилъ отъ одного русскаго князя 23 золотыхъ, какъ награду за свое стихотвореніе. Послѣ окончанія факультета онъ былъ въ 1869 г. рукоположенъ въ духовный санъ и назначенъ въ Богаровицу, какъ приходскій священникъ. Въ 1871 г. онъ былъ переведенъ въ Буковецъ, съ 1873 года и по 1882 служилъ въ Дусинѣ, съ 1882 и по 1894 г. въ Порошковѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

затѣмъ до 1902 г. въ Великомъ Раковцѣ и, наконецъ, въ Горынчевѣ, гдѣ и скончался въ 1903 году. Журналъ Фенцикъ началъ издавать въ 1885 году и продолжалъ свое дѣло до самой смерти, т. е. въ теченіи 18 лѣтъ,при чемъ, какъ отмѣчаетъ Е. И. Сабовъ, — «онъ не имѣлъ конфликта даже съ прокуроромъ». Дѣйствительно, это слѣдуетъ учесть, такъ какъ относительно «москальской» позиціи Фенцика ни у кого не было сомнѣнія и, тѣмъ не менѣе, благодаря такту и отнюдь не двусмысленной боязливости, а только осторожности, редакторъ въ самое тяжелое для своего народа время сумѣлъ пройти между Сцилой и Харибдой со своимъ ковчегомъ національнаго спасенія, не покрививъ душой.

Литературное наслѣдіе Фенцика чрезвычайно обширно и богато, но до сихъ поръ совершенно не изучено и не учтено[1]).

Стихотворенія Е. А. Фенцика разнообразны по сюжетамъ, но ни у кого изъ карпаторусскихъ поэтовъ нѣтъ такого единства идеала, какъ у Фенцика: его лирика настолько послѣдовательна, что не представляетъ затрудненія изложить ея основную мысль, какъ цѣльное міросозерцаніе. Въ современности поэтъ видитъ два міра — русскій, восточный, и западный, пропитанный мелочнымъ расчетомъ и нигилизмомъ. Востокъ имѣетъ въ наличности «кладъ священный», богатый духовный запасъ, который онъ не хранитъ и смысла котораго не понимаетъ; не понимаетъ онъ и того, что этотъ кладъ «міръ лестью насыщенный» въ завѣтный часъ будетъ «рвать» у русскаго народа, въ чей «зовъ богогласный и духъ благочестивый» влюбленъ поэтъ («Русской солдаткѣ»). На западѣ царствуетъ демагогія нигилистовъ и матеріалистовъ («Нигилистамъ», «Бережской русской молодежи», «Современный стихъ»), но «Россъ забыть не могъ бы Бога» и напрасно онъ переоцѣниваетъ мораль запада и дробитъ свои мощныя силы. Впрочемъ, это — черта общеславянская («Славянамъ») и «такой народъ не можетъ жить» («Несчастны, да...»), а потому слѣдуетъ міру русскому и всему славянству сплотиться для общей работы: «дѣлайте, пока есть время, чтобъ васъ врагъ не упредилъ» — умоляетъ поэтъ своихъ братьевъ («Родимымъ», «Къ работѣ Руссъ...»), «въ летаргической дремотѣ цвѣсть родной не будетъ кругъ!» («Нашимъ дѣлателямъ»). Этотъ призывъ къ работѣ самъ по себѣ типиченъ для Фенцика; работа связана съ цѣлью и вѣрой въ ея полезность, съ будущимъ, чего, какъ мы видѣли, не было у Попрадова, хотя оба поэта были современниками и наблюдали одинаково печальныя условія жизни своего племени. Фенцикъ не останавливается на современности, какъ на послѣднемъ ре-

[1]) Литература о Фенцикѣ: Е. А. Фенцикъ (Владиміръ)..., Мѣсяцословъ т-ва «Уніо» на 1905 г., стр. 128—130; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 30; Е. И. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памятника Владиміра — Е. А. Фенцика, изд. О-ва им. А. Духновича, № 21, Ужгородъ, 1926; Д. Н. Вергунъ: Е. А. Фенцикъ и его мѣсто въ русск. лит., изд. О-ва им. А. Духновича, № 22, Ужгородъ, 1926; П. Федоръ: Очерки..., стр. 47- 51.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

зультатѣ, на безысходномъ, не укоряетъ своихъ собратьевъ, но зоветъ къ дѣятельности и единенію и вѣритъ, что «близокъ часъ, когда карпатски Соколы громче запоютъ», а это и приводитъ къ тому, что, вмѣсто панихиды «несчастному угро-русскому роду», — онъ поетъ гимны русскому народу и славянству, въ побѣду которыхъ вѣритъ. Съ особой любовью относится поэтъ къ болгарамъ, которые на его глазахъ получили освобожденіе соединенными силами — своими и русскими («Плевна», «Прорицаніе»), и это освобожденіе для него является символомъ и доказательствомъ возможности освобожденія общеславянскаго.

Кровную любовь къ своему краю Фенцикъ высказываетъ въ цѣломъ рядѣ лирическихъ произведеній — «Карпаты», «Источникъ», «Зима», «Здравствуй, лугъ . . . ». Стихотвореніе «Нашему вѣку» варіируетъ оду Державина «Богъ»[1]).

Особо слѣдуетъ отмѣтить поэму Фенцика «Коріатовичъ», гдѣ описывается борьба князя Ѳеодора Коріатовича съ Ольгердомъ, который желалъ подчинить себѣ всю Литовскую Русь, прощаніе князя и дружины съ Новгородомъ и отъѣздъ ихъ «къ Тисы берегамъ хрустальнымъ» съ цѣлью «создать тамъ новый русскій край». Передъ смертью Коріатовичъ все же возвращается на Подолье, чтобы умереть на родной землѣ. Въ поэмѣ, вмѣсто небольшого литовско-русскаго Новгородка Фенцикъ описываетъ Новгородъ Великій, очевидно желая придать дѣйствію монументальность и характеръ общерусскаго значенія.

Балладный характеръ носятъ стихотворенія — «Аркадіонъ», описывающее борьбу грековъ противъ турецкаго насилья и «Полночное видѣнье» съ появленіемъ дѣвъ — «геніевъ Руси».

Къ поэтическимъ произведеніямъ Фенцика-Владиміра слѣдуетъ отнести его драму въ пяти дѣйствіяхъ «Покореніе Ужгорода[2]). Она своеобразно повѣствуетъ о приходѣ мадьяръ и о борьбѣ съ ними ужгородскаго князя Лаборца. Честный и добрый князь Лаборцъ (Фенцикъ пользуется именемъ въ этой формѣ) опутанъ интригами бояръ и жупановъ. Ярославъ, жупанъ ужанскій, хитрый и вѣроломный, въ цѣляхъ завладѣть княжескимъ престоломъ, клевещетъ на своего сына Мирослава, искренне преданнаго отечеству, смѣлаго воина, влюбленнаго въ княжескую дочь Ефросинію. Мирославъ оказывается въ темницѣ, его ведутъ на казнь; увѣренія Ефросиніи въ невинности Мирослава Лаборцъ принужденъ отвергнуть. Однако, въ послѣднюю минуту бояре сами поняли измѣну Ярослава, переговаривающагося съ мадьярами, и спѣшатъ оправдать Мирослава. Видя опасность, Ярославъ похищаетъ Ефросинію и бѣжитъ къ Арпаду, въ лагерь мадьяръ. Арпадъ обѣщаетъ Ярославу ужанское княжество, а Ефросинію уговариваетъ стать его женою. Когда та не соглашается, ее хотятъ принести въ

---

[1]) Библіографія сочиненій Фенцика, его стихотворенія и статьи въ настоящее время издаются О-вомъ им. А. В. Духновича.

[2]) Напечатана въ газетѣ «Слово», 1879, № 11—20.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

жертву мадьярскому богу Гудару. Ножъ занесенъ надъ дѣвушкой, но славянскіе воины во главѣ съ Мирославомъ вторгаются въ лагерь и спасаютъ ее. Лаборцъ благодаритъ Мирослава и благословляетъ его на бракъ съ Ефросиніей. Мирославъ счастливъ, но его заботитъ защита Ужгорода отъ вторженія непріятеля. Мадьяры неожиданно появляются въ Ужгородѣ, предводимые Ярославомъ. На сценѣ происходитъ битва, бояринъ Борисъ убиваетъ измѣнника, но это не спасаетъ положенія: Паннонія занята мадьярами, князь Лаборцъ повѣшенъ и похороненъ. У его креста, воздвигнутаго дочерью, Мирославъ призываетъ воиновъ къ послѣдней битвѣ. «Смерть иль побѣда!» восклицаютъ всѣ. «Вы всѣ умрете, друзья, и память ваша улетитъ, какъ дымъ; Паннонiи-же не будетъ никогда . . . » — говоритъ про себя Ефросинія.

Съ формальной стороны драма обнаруживаетъ вліяніе пушкинскаго «Бориса Годунова»; кромѣ дѣйствій, она разбита на картины, сдѣлана попытка воспользоваться шестистопнымъ ямбомъ, отдѣльные монологи проникнуты глубокимъ чувствомъ, каждая сцена является въ психологическомъ отношеніи законченной. Эта психологичность и является причиной того, что пьеса, при всѣхъ ея метрическихъ несовершенствахъ, читается съ напряженіемъ и интересомъ.

Карпаторусская проза обязана Е. А. Фенцику первыми бытовыми и психологическими произведеніями, которыя онъ изъ скромности называетъ «разсказами» и которыя фактически являются, если и не романами, то во всякомъ случаѣ повѣстями-хрониками.

«Нищіе духомъ»[1]) по времени охватываютъ три поколѣнія. Русскій священникъ по фамиліи Грабовчакъ желаетъ дать своему сыну Коломану хорошее воспитаніе. Но одновременно съ наукою молодой человѣкъ постигаетъ и то, что гораздо выгоднѣе быть мадьяромъ, нежели русскимъ. Онъ начинаетъ себя называть уже не Грабовчакомъ, но Дьертянфи и пишетъ мадьярскіе стихи. Затѣмъ онъ женится на дочери зажиточнаго мадьяра Нюзова — Луизѣ и получаетъ назначеніе въ качествѣ священника въ бѣдное село Зарваницы. И тутъ инстинктивный оппортунистъ подъ вліяніемъ своей «знатной» супруги постепенно пріобрѣтаетъ всѣ качества барича, который на средства бѣднаго народа строитъ барскій домъ, а затѣмъ, восходя по лѣстницѣ протекціонизма, — отъ Нюзова къ совѣтнику министерства, отъ совѣтника къ министру финансовъ, получаетъ богатѣйшій приходъ края — Заломы. Но требованія избалованной женщины безконечны; Луиза уже недовольна и Заломами, ей хочется купить мебель въ Будапештѣ, а для поѣздки туда заранѣе выписать модное платье и т. д. Въ результатѣ Дьертянфи входитъ въ неоплатные долги, но уже не въ состояніи и самъ отказаться отъ богатыхъ пріемовъ окружной знати, отъ

[1]) См. «Листокъ», Ужгородъ, 1892—1894 гг.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

знакомства съ «февишпаномъ». Если Коломанъ Дьертянфи переходилъ къ карьеризму, еще имѣя совѣсть, еще сознавая нѣкоторое инстинктивное смущеніе, выполняя требованія своей супруги, то уже сынъ его Гейза въ своемъ мадьяронствѣ превзошелъ самихъ мадьяръ. Онъ уже явно подсмѣивается надъ «русначками» и, обучаясь въ Пештѣ на юридическомъ факультетѣ, занятъ кутежами и писаніемъ писемъ своему отцу о своемъ «безвыходномъ положеніи». Университетъ онъ, конечно, не окончилъ, но по протекціи отца получилъ мѣсто діурниста въ судѣ. Однако, и служба не для него. Когда г. Домбоки, знакомый Коломана Дьертянфи и при его содѣйствіи, занялъ мѣсто февишпана, Гейза стремится устроиться въ его канцеляріи. Онъ влюбляется по расчету въ его дочь Лизу, но Лиза, умная и образованная, между прочимъ, будучи мадьяркой, увлекающаяся русской литературой, отвергаетъ «чувства» Гейзы и отказываетъ ему въ протекціи у отца. Потерпѣвъ фіаско на полѣ юриспруденціи, Гейза, по совѣту отца и съ большой неохотой, рѣшилъ поступить въ духовную семинарію. Окончивъ ее, ни чему не научившись, Гейза, опытный въ любовныхъ дѣлахъ, принимаетъ санъ безбрачнаго священника и назначается преподавателемъ въ русскую школу, не зная языка; затѣмъ получаетъ приходъ, отъ скуки начинаетъ выпивать и, наконецъ, совершенно опускается . . .

Содержаніе цѣнно само по себѣ: оно повѣствуетъ о судьбахъ мадьяронствующихъ оппортунистовъ, о болѣе всего опасной постепенной денаціонализаціи карпаторусской интеллигенціи, которая изъ поколѣнья въ поколѣнье забываетъ о своемъ народѣ и довольствуется собственнымъ благобытомъ. Попутно писатель даетъ немало картинъ общественной жизни — выборы февишпана посредствомъ угощенія спиртомъ, систему протекціонизма, полную зависимость сельскаго народа отъ воли помѣщика, священника и корчмаря, скудость интересовъ интеллигенціи, отказавшейся отъ своего народа — духовное ничтожество. Сложность выполненія художественнаго замысла повести заключается въ томъ, что Фенцикъ отказался внести въ нее центральное внѣшнее событіе, но рѣшилъ дать картину соціальнаго и психологическаго значенія, событіе внутренней жизни, охватывающее собою не одно поколѣніе и постепенно и безпощадно губящее въ человѣкѣ то, что можетъ служить цѣлью и утѣхой его жизни — служеніе своему бѣдному народу.

Такое-же соціально-психологическое значеніе имѣетъ и другой разсказъ Фенцика — «Учитель Неборакъ»[1]), который знакомитъ читателя не только съ полнымъ безправіемъ учителя-народолюбца, но и съ самой системой денаціонализаціи: какъ постепенно село Яблончаны обращается въ село «Алмошфалва», рисуетъ травлю учителей народолюбцевъ, какъ Константинъ Бѣлогорка, полное пренебреженіе къ интересамъ рус-

[1]) Напечатано въ «Листкѣ», Ужгородъ, 1895, начиная съ № 19.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

скихъ селянъ, которые должны повиноваться только «резолюціямъ» свыше и торжество новаго учителя Аладара Небораки, который прежде былъ Владиміромъ Неборакомъ. Этотъ новоявленный мадьяронъ одновременно со священникомъ о. Букаткой полагаютъ, что «кто не говоритъ по мадьярски, того нельзя назвати образованнымъ человѣкомъ», народъ-же отказывается посылать дѣтей въ школу, гдѣ учатъ только «мондокати». Начинается глухая борьба, исходъ которой предопредѣленъ, но не предугаданъ: простонародье въ состояніи отказаться отъ просвѣщенія, замкнуться въ примитивныя рамки бытовой мудрости — во имя сохраненія русскаго имени.

Относительно романа Е. А. Фенцика — «Въ отчизнѣ безъ отечества» въ настоящее время мы сужденіе высказать не можемъ, такъ какъ ни въ рукописномъ, ни въ печатномъ видѣ мы его обнаружить не могли, хотя несомнѣнно онъ существовалъ, такъ какъ свѣдѣнія о немъ находимъ въ критикахъ, исходящихъ изъ различныхъ источниковъ[1]).

Къ художественной прозѣ писателя слѣдуетъ отнести и многочисленные мелкіе разсказы-были и разсказы-анекдоты для народа, напечатанные въ «Додаткахъ». Эти вещи представляютъ собою чаще всего карпаторусскую композицію, а иногда и просто пересказъ поучительныхъ темъ.

Исключительный интересъ представляютъ публицистическія статьи Фенцика.

Въ своихъ редакціонныхъ статьяхъ, въ своихъ новогоднихъ привѣтствіяхъ читателямъ Фенцикъ неизмѣнно затраги-

---

[1]) Впервые объ этомъ романѣ говоритъ А. В(олошинъ) въ некрологѣ о писателѣ (Мѣсяцословъ на 1905 годъ, изд. «Уніо, Ужгородъ): «Въ 1875 годѣ (Фенцикъ) составилъ свою общезнакомую «Литургику», изданную въ Пряшевѣ. Мало позднѣйше появился безъимянно его красный романъ «Въ отчизнѣ безъ отечества». Въ 1884 годѣ онъ сталъ размышляти» и т. д. Очевидно, что романъ вышелъ въ періодъ 1875—1884 гг. Въ календарѣ «Просвѣты» на 1923 г., изданной въ Mc. Keesport'ѣ, Пенсильванія, САСШ., о. Несторъ Воленскій пишетъ: «Въ «Отчизнѣ безъ отечества» авторъ мастерски характеризуетъ общественное положеніе карпаторусскаго народа. Романъ сей не издалъ подъ своимъ именемъ по причинѣ легко понятной». На запросъ Е. И. Сабова (см. упомянутую «Рѣчь по случаю открытія памятника...», стр. 14) о. Н. Воленскій въ письмѣ отъ 29. III. 1926. сообщилъ слѣдующее: «Въ отчизнѣ...» я не читалъ; но читалъ про появленіе его въ печати въ Спб.-скомъ журналѣ «Церковныя Вѣдомости», г. 1904». Въ 1926 г. Д. Н. Вергунъ въ своей рѣчи «Е. А. Фенцикъ и его мѣсто въ русской литературѣ» (изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 22) цитируетъ одинъ изъ протоколовъ «Славянскаго благотворительнаго О-ва въ Спб.» за 1883 г., изданныхъ подъ заглавіемъ «Первыя 15 лѣтъ дѣятельности Сл. Бл. О-ва» (стр. 775), гдѣ сказано, что послѣ берлинскаго трактата 1878 г. въ обществѣ наблюдалось уныніе и проф. М. О. Каяловичъ читалъ лекцію «Историческая живучесть Русскаго народа и ея культурныя особенности», доказывая, что «мы еще выдержимъ». — «И вотъ, говоритъ Д. Н. Вергунъ, для иллюстраціи послѣдней мысли проф. русской словесности О. Ф. Миллеръ и прочелъ отрывокъ «Безъ отечества на родинѣ» (!) — «одного автора славянина, имени котораго лекторъ не могъ назвать — изъ опасенія повредить ему». Просмотрѣть «Церковныя Вѣдомости» за 1904 г. мы не имѣли возможности.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

валъ вопросъ о томъ, какой путь избрать, чтобы простонародье получило доступъ къ національному просвѣщенію, и призывалъ интеллигенцію сплотиться «на народныхъ интересахъ. Конечно, онъ, какъ и Попрадовъ, отлично видѣлъ не только безотрадное положеніе карпаторусской интеллигенціи, но и ея національную нерадивость, чрезмѣрную угодливость мадьярскому духу, однако, онъ не ограничивается упреками, но призываетъ къ работѣ и указываетъ путь. Онъ призываетъ интеллигенцію устраивать для народа лекціи, собесѣдованія, священникамъ рекомендуетъ просвѣщать народъ, пользуясь церковнымъ амвономъ, привѣтствуетъ изданіе книгъ для школъ, такъ какъ безъ нихъ «народные учители учатъ какъ попало, безъ всякой системы». Эти мысли онъ развиваетъ въ статьяхъ: «Прогрессъ и наше духовенство», «Обѣдненіе нашего народа», «Наши дьяки и учители», «Наши главнѣйшія обязанности», «Книги въ нашихъ народныхъ школахъ» и т. д. Фенцикъ рѣшительно выступалъ въ защиту русскаго литературнаго языка, осуждая всякаго рода мѣстныя измышленія («Общество св. Богородицы, буква Ъ и нововведенія въ нашемъ церковномъ языкѣ», «Скромныя примѣчанія на «Отвѣтъ» Его Высоко-Преподобія І. Р(ошковича) Безйорова, напечатанный въ №№ 18 и 19 «Листка», «Путаница въ нашей письменности» и др.). Несомнѣнно самому Фенцику принадлежитъ и обширная статья «Очеркъ Угро-Русской письменности», на которую мы указывали въ предисловіи, а также и рядъ очерковъ славянскихъ литературъ, которые, если и не составлены имъ самимъ, то сокращенно переданы по соотвѣтствующимъ исторіямъ литературъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ переводовъ («Спишское епископство»; «Арпадъ и Угры» и «Меѳодій и Угорщина» Фр. Сасинка, «О Кирилло-Меѳодіевской эпохѣ» А. Лапорта и др.). Въ «Листкѣ 1889—1890 гг. онъ печатаетъ постепенно «Уроки изъ грамматики русскаго языка». Немало написано имъ статей научно популярныхъ, информативныхъ и этнографическихъ.

Придавая огромное значеніе церковной проповѣди, какъ въ просвѣтительномъ, такъ и въ морально-воспитательномъ отношеніи, Фенцикъ въ своемъ журналѣ опубликовалъ около 200 «словъ» и «проповѣдей» — на всѣ праздники, ко днямъ святыхъ и вообще на всѣ случаи церковной жизни. Трактуя евангельскія событія, авторъ разъясняетъ ихъ въ смыслѣ морально-философскаго воздѣйствія на массу, стремится словомъ пробудить къ общественной работѣ и жизни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, дѣйствительно, талантливымъ публицистомъ-общественникомъ.

Не меньшія заслуги имѣетъ Е. А. Фенцикъ и въ области церковной и педагогической. Имъ составлена была «Литургика», изданная школьнымъ фондомъ Мукачевской Епархіи и принятая въ качествѣ руководства, а также «Молитвенникъ», который выдержалъ нѣсколько изданій.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Видя печальное положеніе школы вслѣдствіе отсутствія въ ней русскихъ учебниковъ и призывая общественность къ изданію ихъ, самъ Фенцикъ въ этомъ отношеніи подалъ благой примѣръ. Имъ составлены и изданы слѣдующія книжки, которыя могутъ разсматриваться и какъ учебники и какъ популярно-научные очерки для народа: «Первоначальныя свѣдѣнія изъ физики въ пользу учащихся», «Первоначальныя свѣдѣнія изъ грамматики и ариѳметики въ пользу учащихся», «Естествовѣдѣніе или три царства природы, въ пользу учащихся» и «Краткая общая и отечественная исторія и краткая исторія Угорщины въ пользу учащихся». Книжки составлены на правильномъ русскомъ литературномъ языкѣ и только нѣкоторые термины объясняются также и по мадьярски или на мѣстномъ нарѣчіи. Еще въ 1870 г. Фенцикъ перевелъ на русскій языкъ «Русскую книгу для чтенія» Ивана Гашпара и за удачный переводъ получилъ отъ правительства вознагражденіе въ 300 золотыхъ.

Когда въ Гайду-Дорогѣ образовался комитетъ для перевода церковныхъ книгъ на мадьярскій языкъ для греко-каѳоликовъ мадьяръ, Фенцикъ состоялъ его членомъ и сотрудникомъ.

Такова многообразная дѣятельность послѣдняго изъ могикавъ, непосредственно воспринявшаго вдохновенье призрака національной свободы 1848 года. Она ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что интеллигентъ, если онъ обладалъ тактомъ, въ состояніи былъ сохранить свой національный обликъ и въ то время, когда реакція господствующей націи проникала во всѣ уголки національной жизни карпаторосовъ. Дѣятельность Фенцика — это опроверженіе того чрезмѣрнаго по своей угодливости оппортунизма, который такъ широко началъ проявляться въ концѣ XIX вѣка и послушно склонялъ голову тамъ, гдѣ этого вовсе и не требовалось.

«Духновичъ, — говоритъ Е. И. Сабовъ, — возбудилъ національное сознаніе и, замыкая очи, съ утѣхою сказалъ: «нынѣ отпущаєщи!». Евг. Фенцикъ, начавшій дѣйствовать уже во время развитой національной жизни и развивавшейся литературы, въ теченіи 33 лѣтъ неустанно, до истощенія жизненныхъ силъ, боролся противъ денаціонализаціи народа, спасая, что еще можно, и заснулъ съ мечтою: «а все таки заря взойдетъ!»

20. Оппортунизмъ и оппортунисты. В. Гебей. Н. Ю. Гомичковъ. Ласловъ Чопей. І. Фесторій. Языковая экспериментація. И. Рошковичъ. А. И. Волошинъ.

Въ изложеніи мы неоднократно упоминали объ оппортунизмѣ и оппортунистахъ. Это теченіе по своему существу возникло въ то время, когда мадьярское національное государство впервые начало отмѣчать культурно-національную жизнь рус-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ихъ за Карпатами, какъ явленіе уже не церковнаго, а народнаго характера; другими словами — въ періодъ латинско-мадьярскій, связанный съ первыми проблесками историко-національныхъ и языково-національныхъ интересовъ карпаторусской интеллигенціи. Однако, такъ какъ вплоть до 1848 г. мадьяры были заинтересованы внутринаціональнымъ спокойствіемъ края, а слѣдовательно и симпатіями карпатороссовъ, они не предпринимали противъ послѣднихъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, перенося всю свою политико-общественную дѣятельность на борьбу противъ нѣмцевъ и Вѣны. И нѣмцы и Вѣна въ это-же время были заинтересованы, чтобы народы, проживающіе на территоріи Венгріи, не составляли компактной массы, а потому и противъ карпаторусскаго національнаго движенія мѣръ не предпринимали. 1848 годъ показалъ, что нѣмцы въ расчетѣ не ошиблись, однако, тотчасъ-же послѣ расправы съ мадьярами нѣмецкое вниманіе было привлечено мечтаніями и стремленіями карпатороссовъ, какъ національнаго, такъ и политическаго характера. И со всѣмъ этимъ было покончено сразу-же, въ административномъ порядкѣ. Карпаторосы были категорически объявлены «рутенами», особымъ отъ русскихъ народомъ и всяческое поползновеніе пользоваться литературнымъ русскимъ языкомъ было объявлено государственнымъ преступленіемъ. Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ судьба изданій І. Раковскаго.

Но теперь и мадьяры, оправляясь отъ нанесеннаго пораженія, съ неменьшей настойчивостью принялись искоренять у русскихъ національное самосознаніе, разрѣшая имъ быть только «мадьярами греко-католической вѣры». Подробностями репрессій съ мадьярской стороны полна біографія Добрянскаго.

Если это отношеніе породило личное противодѣйствіе цѣлаго ряда патріотовъ, которые вплоть до начала XX вѣка не склоняли головы, то, конечно, оно-же вызвало и параллельное теченіе оппортунизма въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ. Самое понятіе культурно-литературнаго оппортунизма отнюдь не является типичнымъ для карпатороссовъ и, что самое важное, оппортунистическія теченія на Подкарпатской Руси даже въ наиболѣе безотрадныя времена не были явленіемъ массовымъ. Они всегда ограничивались личностями, то весьма недвусмысленно осмѣиваемыми, то презираемыми, и только одной корпораціей — консисторіей. Положеніе послѣдней было безысходно; она должна была, говоря словами Шекспира — «править свое ремесло» и отрекаться временами отъ того, съ чѣмъ въ тайникахъ души была согласна. Такъ консисторія отреклась отъ мнѣнія относительно мадьярскаго языка Фогарашія, такъ она провозгласила еретичность перваго правленія О-ва св. Василія Великаго, хотя и предшествующая ея дѣятельность и послѣдующая косвенно доказываютъ всю вынужденность ея поступковъ. Слѣдуетъ помнить, что въ теченіи

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

цѣлаго вѣка именно консисторія разсматривалась, какъ общественный форумъ карпаторусской интеллигенціи, сплошь состоящей изъ духовныхъ лицъ, а слѣдовательно и резолюціи «по приказу» выносила съ сознаніемъ своей отвѣтственности за служебную и матеріальную судьбу всего священническаго сословія. Противленіе было и съ національной точки зрѣнія излишне, такъ какъ оно влекло не перемѣны въ отношеніяхъ, а перемѣны въ личномъ составѣ самой консисторіи и излишнія репрессіи для всей карпаторусской общественности. То, что съ точки зрѣнія идеальной приходится признать безхарактерностью, къ сожалѣнію, при учетѣ реальныхъ силъ, приходится если не оправдывать, то и не осуждать.

Иное значеніе имѣли отдѣльные оппортунисты. Если извѣстную долю пассивнаго оппортунизма можно видѣть въ осторожности Чурговича или въ дипломатическомъ краснорѣчіи Мондока, то съ 70-го года это теченіе узаконяется свыше, а слѣдовательно требуетъ и своихъ руководителей. Въ это время во главѣ епархіи оказывается еп. Панковичъ, о которомъ мы уже достаточно говорили и который, даже по мнѣнію самихъ мадьяръ, въ своемъ мадьяронствѣ перестарался. Панковичъ самъ ищетъ оппортунистовъ, а въ томъ числѣ и среди литературныхъ дѣятелей, но все его рвеніе и послѣдующіе шаги въ этомъ отношеніи имѣли въ литературѣ чисто показательный, чисто внѣшній успѣхъ. Гораздо болѣе опаснымъ было оппортунистическое мадьяронство въ жизни интеллигенціи вообще. На немъ подробно останавливался Е.А. Фенцикъ въ своей обширной повѣсти «Нищіе духомъ», какъ-бы символизирующей процессъ интеллигентскаго національнаго обнищанія въ 80-хъ годахъ. Если процессъ денаціонализаціи интеллигенціи не закончился къ началу XX вѣка, причиной тому является исключительно ея священническій составъ, требовавшій хотя-бы примитивнаго знанія родного языка въ сношеніяхъ съ простонародной массой по должности, что также отмѣчено талантливымъ карпаторусскимъ бытописателемъ. Идеологія оппортунизма не только не проникала въ глубь народа, но и не доходила до него, такъ какъ сами оппортунисты, по служебной профессіи и въ цѣляхъ снискать симпатіи массы, должны были смягчать свой пылъ, прекрасно зная, что эта масса закоренѣла въ своемъ націонализмѣ, связанномъ съ религіозной традиціей.

Обратимся теперь къ тѣмъ отдѣльнымъ дѣятелямъ литературы, которые прямо или косвенно, волею или неволею, связаны съ понятіемъ оппортунизма, какъ онъ слагался съ теченіемъ времени и оцѣнивался современниками.

Въ 1870 году еп. Панковичъ, рѣшившій во что-бы то ни стало удалить изъ правленія О-ва св. Василія Великаго его смѣлыхъ руководителей, принялся оказывать давленіе на отдѣльныхъ его членовъ. Викторъ Гебей, въ то время духовникъ богословской семинаріи, по его нажиму отказался отъ должно-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

сти казначея въ О-вѣ. Дальше, однако, еп. Панковичъ былъ безсиленъ. И вотъ онъ находитъ исходъ въ рѣшеніи консисторіи. Если фактически многіе члены ея, какъ Антонъ Чопей, Іоаннъ Мондокъ и Ириней Бачинскій, сами по себѣ, какъ члены-учредители О-ва, и не рѣшились-бы выступить противъ О-ва и его руководителей, то въ рамкахъ консисторіи, спасая и себя и мнѣніе о священствѣ, кривя душой, рѣшили съ остальными, что О-во уклонилось отъ устава, а его органъ «Свѣтъ» стремится внушить народу «неизвѣстный идіомъ». Рѣшеніе консисторіи, конечно, было закономъ для всего священства, правленіе было свергнуто, а «Свѣтъ» тѣмъ самымъ пересталъ существовать и былъ смѣненъ «Новымъ Свѣтомъ», какъ органомъ «новой эпохи» въ жизни О-ва. О печальномъ положеніи этой «новой эпохи» мы уже говорили, но не лучше обстояло дѣло и съ ея органомъ.

Редакцію на себя принялъ Викторъ Андреевичъ Гебей (1838—1896[1]), впослѣдствіи капитулярный викарій, по признанію А. И. Сильвая — «добрый человѣкъ, но оппортунистъ». Однако, мнѣніе Сильвая, какъ ревностнаго сотрудника «Свѣта», а слѣдовательно стороны оскорбленной, слѣдуетъ принимать условно. В. Гебей, дѣйствительно, лавировалъ по принужденію, но не мѣнялъ взглядовъ. Въ теченіи года онъ съ грѣхомъ пополамъ писалъ о «новой эпохѣ», какъ это и требовалось, о томъ — «на какомъ языкѣ писати» журналъ, рѣшалъ дѣлать это «легко, чисто и грамматически», то «приспособляясь къ языковому знанію читателей», то къ «грамматикѣ, составленной Кирилломъ Сабовымъ», а фактически пользуясь русскимъ литературнымъ языкомъ. Это лавированіе, конечно, не удовлетворяло еп. Панковича и было въ тягость самому редактору: послѣ выхода 50-го №-ра (1872) В. А. Гебей, ссылаясь на недостатокъ времени, отъ редакторства отказался, а «Новый Свѣтъ» рѣшено было переименовать въ «Карпатъ» и сдѣлать болѣе радикальнымъ, конечно въ духѣ оппортунизма. Редакторомъ согласился быть Н. Ю. Гомичковъ.

Николай Юліановичъ Гомичковъ[2]) (1833—1886) былъ титулярнымъ каноникомъ, а кромѣ того состоялъ законоучителемъ ужгородской гимназіи. Предметъ свой онъ преподавалъ на русскомъ языкѣ, а впослѣдствіи при той-же гимназіи состоялъ и преподавателемъ русскаго языка, считавшагося предметомъ необязательнымъ. Анонимный біографъ писателя въ «Мѣсяцословѣ на 1895 г.» пишетъ: «У насъ, до сихъ поръ, Богу слава, нѣтъ никакихъ ссоровъ изъ за орѳографіи; правда, по русски у насъ пишутъ рѣдко, но кто пишетъ, тотъ усилу-

[1]) «Очерки угро-русск. письменности», Листокъ, 1894, стр. 6—7; Юлій Гаджега: Исторія О-ва св. В. В., стр. 27; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 27.

[2]) «Поминайте наставники ваша!», Мѣсяцословъ на 1895 г., Ужгородъ, 1894, стр. 115—116; О. Николай Гомичковъ (некрологъ), Листокъ, 1886, № 9, стр. 225; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 29.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ется писати правильно, по законамъ письменнаго русскаго языка; никакихъ фонетическихъ и украинскихъ сумасбродствъ у насъ никогда не существовало, и — въ этомъ отношеніи великую заслугу имѣетъ Николай Гомичковъ». Почти аналогично заслугу Н. Гомичкова понимаетъ и Е. Ф. Фенцикъ: «обучалъ насъ письменному[1]) русскому языку; безъ сомнѣнія и онъ имѣетъ заслугу въ томъ, что у насъ на Угорской Руси не привилась фантастическая орфографія и что у насъ нѣтъ «народівців».

Изъ литературныхъ трудовъ Н. Ю. Гомичкова слѣдуетъ особо указать на его «Науку православно-христіанскаго богословія догматическаго»[2]), переведенную съ латинскаго изданія Каэтана Гейста. Языкъ перевода показываетъ, что Гомичковъ пытался его приблизить къ русскому литературному, но съ оставленіемъ многихъ церковнославянскихъ формъ, присущихъ предмету. Въ него проникло, впрочемъ, и не мало діалектическихъ словъ, возможно, что намѣренно взятыхъ авторомъ въ цѣляхъ сгладить упреки въ «москальствѣ», недопустимомъ въ учебникѣ. Ему-же принадлежитъ составленіе книги «Малый Сборникъ или собраніе разныхъ моленій и пѣсней для юношества».

Относительно редакторской дѣятельности Н. Ю. Гомичкова, пожалуй, не можетъ быть двухъ мнѣній: она была оппортунистична. Въ «Карпатѣ», пришедшемъ на смѣну «Новому Свѣту», редакторъ, по мнѣнію Е. А. Фенцика, «сначала отстаивалъ наши природныя права; языкъ, азбуку, чистоту обряда и проч., но въ послѣднее время руководился оппортунизмомъ, а часто до живого обижалъ наши природныя чувства». Мы бы сказали нѣсколько иначе. «Карпатъ» за все время своего существованія обнаруживалъ полное отсутствіе устойчивыхъ убѣжденій. Въ немъ было напечатано немало статей дѣйствительно патріотическаго содержанія, а въ частности и утвержденіе, что «литературный языкъ не можетъ быти равнымъ «народному» языку». Писалась газета почти на правильномъ русскомъ литературномъ языкѣ и осуждала попытки языкъ литературы приближать къ простонародному. Параллельно былъ и мадьярскій текстъ, который со временемъ все больше и больше вытѣснялъ русскія статьи. «Карпатъ» избѣгалъ употреблять въ програмныхъ статьяхъ слово «русскій» и замѣняетъ его выраженіями «нашъ языкъ», «наша литература», выдѣляя тѣмъ самымъ карпатороссовъ изъ мадьярской среды, какъ національную особь. Но параллельно съ этими статьями и идеологическими утвержденіями «Карпатъ» охотно перепечатывалъ самыя шовинистическія клеветы и обвиненія противъ русскихъ-же людей, какъ это мы видѣли на примѣрахъ Кралицкаго и Митрака. Въ восхваленіи всего мадьярскаго онъ доходилъ до такого лакейскаго гиперболизма и національ-

[1]) Подчеркнуто Е. А. Фенцикомъ.
[2]) Въ Ужгородѣ, кн. I—1863, стр. 96; кн. II—1864 г., стр. 92.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

наго самоуниженія, что, конечно, передовые національные дѣятели старались печататься гдѣ угодно, пожалуй даже въ мадьярскихъ газетахъ, но не въ своемъ русскомъ — провокативно- патріотическомъ органѣ. Именно безхарактерность позиціи, занятой редакторомъ, и отталкивала отъ «Карпата» русскаго писателя, а затѣмъ и читателя. И не удивительно, что послѣ смерти Н. Ю. Гомичкова и его дѣтище, «Карпатъ», прекратилъ свое существованіе, и ни Ю. Дрогобецкій, ни Дм. Гебей, къ которымъ обращалась жена покойнаго съ предложеніемъ принять на себя дальнѣйшее редактированіе газеты, — «не взялись за это дѣло».

Оцѣнку «Карпата» съ присущею остротой и правдивостью даетъ И. А. Сильвай въ своей «Корреспонденціи»[1]): «...покойный «Карпатъ», который безъ того, чтобы познакомился съ самыми первоначальными правилами русскаго языка... сочинялъ небывалый языкъ, сочинялъ выраженія, политизовалъ, горланилъ, роспинался, сокрушался, вмѣшивался самозванцемъ не въ свои дѣла, пустословилъ, отпускалъ порожнія голословныя фразы, собственныя возрѣнія представлялъ за возрѣнія цѣлаго народа, сочиненный имъ языкъ выдавалъ за угрорусскій, любыя выраженія, которыя, прочитывая во вторый разъ, и самъ не былъ-бы въ состояніи поразумѣть, толковалъ оныя между частыми скобками. Ужъ читалъ-ли его кто нибудь? это иный вопросъ. Довольно, что онъ дурачилъ и правительство и самого себя и подобныхъ себѣ писакъ; позорилъ свое племя; а польза изо всего того — кромѣ субвенціи — нуль».

Совершенно опредѣленный оппортунизмъ активнаго пошиба проявился у Ласлова Чопея[2]), который съ 1881 г. былъ оффиціальнымъ редакторомъ учебниковъ для карпаторусскихъ школъ. Если въ литературѣ, какъ «свободномъ искуствѣ», мадьярское правительство могло только оказывать давленіе, то въ школьномъ дѣлѣ оно просто приказывало, а потому и учебники для школъ одобрялись, главнымъ образомъ писанные фонетикой. Это и учитывалъ Л. Чопей, типичный національный ренегатъ, не скрывавшій своего мнѣнія и презираемый всею карпаторусской общественностью. Въ 1883 году Л. Чопей издалъ въ Будапештѣ свой «Руськo-мадярскій словарь»[3]), который получилъ на конкурсѣ по составленію русско-мадьярскаго словаря «премію фекейпгазія». Въ предисловіи («переднье слово») авторъ указываетъ, что онъ собралъ «колько лемъ можъ» «руськихъ словъ», діалектическихъ, затѣмъ церковно-славянскія, «котрѣ щоденное уживаня мають» и «дако́лько россійскихъ сло́въ», т. е. общерусскихъ, принятыхъ въ литературномъ языкѣ. Фактически-же получи-

[1]) Листокъ, 1892, стр. 396.
[2]) Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 30—31; К. Стрипскій: Языкъ литер. традиціи Подк. Руси, стр. 7—8.
[3]) XLVI+446 стр.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

лась невѣроятная мѣшанина русскихъ словъ съ грамматическимъ начертаніемъ и діалектизмовъ съ попыткой фонетическаго начертанія и мадьярскихъ словъ, руссифицированныхъ въ діалектѣ, выдѣленныхъ въ текстѣ курсивомъ. «Думаю, што мъ черезъ вылишѣня изъ працѣ россійскихъ слóвъ не похибывъ, вѣдь академия лемъ то жадала обы «Зготовити руcько мадярскій словарь, у котрóмъ бы мадярскѣ слова и выраженя найме у Мадярскóвъ краинѣ поужитымы руськыми словами толковали ся, тай обы въ ньóмъ были и тоты слова, што зъ мадярского перейшли у руський языкъ». При болѣе подробномъ анализѣ словаря, однако, оказывается, что при составленіи его Чопей пользовался именно «россійскимъ» словаремъ и только изо всѣхъ силъ пытался придать ему видъ діалектическій. Не только позднихъ украинскихъ, но даже и малорусскихъ словъ въ немъ не наберется и 20%, еще меньше въ немъ карпаторусскихъ діалектизмовъ, все-же прочее — или подлинныя «россійскія» (т. е. русскія) слова или ихъ фонетическая, часто искусственная, передѣлка. Діалектическимъ назвать этотъ словарь нельзя; это просто случайная смѣсь. Наряду съ русскими литературными формами — «значение», «заблуждение», «золочение» имѣются формы діалектическія «книгопечатаня», «изгнаня»; наряду съ «всемогущій» находимъ «синичий» и «всегдашньый»; имѣются и вообще невозможныя образованія, вродѣ «жóнскы:», «запрѣгати», «розгадатель», «рóжнораkий» (sic!) и т. д.

Если словарь Митрака мадьярская академія отклонила «вслѣдствіе научныхъ причинъ», то вѣроятно та-же удивительная «научность» заставила ее не только наградить Л. Чопея, но и торопить его съ изданіемъ, ибо «докѣ ся переговоры вели за выпечатаня словаря, у Мадярскóвъ краинѣ почавъ ся еденъ «русско-мадьярскій» словарь появляти выпусками почасными», т. е. академія опасалась значенія словаря Митрака, который авторъ принялся печатать на свой рискъ и страхъ. Назначеніе своего словаря Чопей опредѣляетъ такъ: «сесь словарь лемъ продовжѣня пережихъ трудóвъ, и мае задачивъ полегшити нашымъ руснакамъ научити ся помадярски». Любопытно, что самъ авторъ не пользовался этимъ словаремъ въ своихъ учебникахъ, а вообще онъ прошелъ совершенно незамѣтно и никакого вліянія на литературную идеологію не оказалъ.

Въ 1890 году Л. Чопей выпустилъ «Руську читанку», гдѣ онъ, какъ образецъ «народного» языка преподноситъ ученикамъ нижеслѣдующія «руськи» фразы: «Ишовъ кинь орсагомъ по ваганю, а за нимъ кондашъ фийсовъ, а свѣнѣ по гатарѣ сийеломъ»[1]) или — «Шушевъ вузъ грацковъ, а вулъ зашпотивъ ся и изломивъ руг и одну лабу»[2] и т. д.

[1]) Т. е. «Шелъ конь шляхомъ по бороздѣ, а за нимъ пастухъ съ топоромъ, а свини по сельской землѣ вразбродъ».

[2]) Т. е. «Шелъ возъ по дорогѣ, а волъ споткнулся и сломалъ рогъ и одну ногу».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Однимъ словомъ, были фразы, составленныя изъ мадьярскихъ и, отчасти, словацкихъ словъ по русской діалектической грамматикѣ и написанныя русскими буквами. Е. И. Сабовъ отмѣчаетъ, что учебники Чопея были писаны «совсѣмъ фонетически, говоромъ, который употребляетъ омадьяренная Бережская околица вокругъ Берегсаса». Любопытно отмѣтить, что въ періодѣ съ 1889 и по 1890 годы Чопей по неизвѣстной причинѣ пытается приблизить языкъ учебниковъ къ русскому литературному языку. Очевидно правительство этого не одобрило и вѣрный его клевретъ снова обратился къ фонетикѣ и переписыванію мадьярскихъ словъ русскими буквами[1]).

Такъ какъ въ литературѣ послѣдователей Л. Чопея не оказалось, то вскорѣ была сдѣлана и иная попытка мадьяризаціи. Мы указывали, что А. В. Поповичъ издалъ писанную латиникой книжку «Virnoj Anhel» (1852), которая была встрѣчена съ возмущеніемъ, и авторъ ея вслѣдъ за этимъ самъ призналъ свою ошибку и въ дальнѣйшихъ трудахъ къ ней не возвращался. Только сорокъ два года спустя попытка внести латинскую азбуку («абецадло») съ мадьярской транскрипціей въ карпаторусскую литературу была повторена снова, но все съ тѣмъ-же успѣхомъ.

На этотъ разъ это былъ не только оппортунизмъ лица, но и цѣлая акція, несомнѣнно одобряемая правительствомъ. Въ № 5 газеты «Zemplén», выходившей въ Уйгелѣ нѣкій Павелъ Андрейковичъ написалъ цѣлый панегирикъ священникамъ о. Іосифу Фесторію изъ Войчицъ и о. Эмилію Игнаткову изъ Сечовецъ, которые намѣревались издать «церковные молитвенники и школьные учебники на русскомъ (и старославянскомъ) языкѣ, но съ мадьярскими буквами». Авторъ статьи указывалъ на «неисчислимыя выгоды» отъ этого нововведенія, такъ какъ, по его мнѣнію, переходъ въ русскомъ языкѣ на мадьярскую транскрипцію облегчитъ читателямъ и ученикамъ доступъ къ мадьярскому языку, а тѣмъ самымъ и къ просвѣщенію и т. д.

Блестящую отповѣдь на подобную мѣру денаціонализаціи далъ Ю. А. Ставровскій-Попрадовъ, о чемъ мы уже говорили выше. Въ результатѣ вышла только одна тощая книжечка: «Zsivot Sz. Nikólaja Mir-Likijszkich Csudotvorca», написанная Іосифомъ Фесторіемъ[2]).

Въ литературѣ этотъ опытъ прошелъ безъ всякихъ послѣд-

---

[1]) В. Бирчакъ въ главѣ «Зближеня до народноѣ мовы» («Литер. Стремлѣня», стр. 83) въ доказательство «зближеня» указываетъ рядъ именъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, и добавляетъ, что «и на поли филологіѣ появляються працѣ як словар Ласкава (конечно «Ласлова») Чопея». Это утвержденіе справедливо въ томъ случаѣ, если подъ «народною мовою» понимать омадьяренный жаргонъ.

[2]) См. статьи: «Новое чудо», Листокъ, 1894, стр. 39—42; «Zsivot Sz. Nikólaja Mir-Likijszkich Csudotvorca“ Листокъ, 1894, стр. 218—219; «Войчицкій чудодѣй», стихотвореніе Попрадова, Листокъ, 1895, стр. 8; біографія Фесторія въ статьѣ «О образахъ», «Мѣсяцословъ на 1891 г.», Ужгородъ, 1890, стр. 120—121.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ствій, однако, иначе обстояло дѣло тамъ, гдѣ все можно было провести въ административномъ порядкѣ. Опытъ перехода на мадьярскую транскрипцію въ учебникахъ былъ возобновленъ въ 1890 году, а затѣмъ рѣшительно внушенъ въ 1914 году для всѣхъ церковныхъ (т. е. русскихъ) школъ пряшевской епархіи[1]) а съ 1916 г. и вообще для всѣхъ школъ.

Учитывая прошлое и провидя будущее, Ю. А. Ставровскій-Попрадовъ писалъ: «Бѣдный угро-русскій народъ! ты въ концѣ концовъ не можешь ни шагъ сдѣлати на впередъ въ дѣлѣ твоего просвѣщенія! Сколько науковыхъ системъ пережили мы уже! Былъ часъ, когда школьныя книги печаталися у насъ въ Вѣнѣ, съ какимъ-то пестрымъ, не то польскимъ, не то словацко-рутенскимъ жаргономъ. Былъ часъ, когда печатали ихъ для насъ въ Будапештѣ съ какимъ-то мѣшаннымъ нарѣчіемъ въ которомъ находилась и церковно-славянщина, и словацко-рутенщина, но не было никакой системы, никакихъ грамматическихъ правилъ. Было время, когда взялися за составленіе школьныхъ книгъ наши собственные люди, явились учебники въ изданіи общества св. Василія Великаго; но это время быстро улетѣло, ибо мѣродательнымъ кругамъ не было по вкусу то, что мы обнаружили знаки преуспѣянія, и вся благотворная дѣятельность общества была замята. Книги, изданныя обществомъ, были изгнаны изъ школъ и замѣщены книгами съ какимъ-то никогда не бывалымъ, незнакомымъ у насъ, украино-мадьярскимъ нарѣчіемъ. — А вотъ нѣкоторымъ оказалось уже и сего много для насъ, днесь зачались уже появлятися брошюрки съ небывалымъ до сихъ поръ словацко-русскимъ нарѣчіемъ, съ латинскими буквами и съ неслыханнымъ до сихъ поръ въ мірѣ мадьярскимъ правописаніемъ! Вопрошаю теперь: — Среди такого хаоса возможенъ-ли успѣхъ, возможно-ли преуспѣяніе? Не чудо-же, что среди такихъ разнообразныхъ, часто противурѣчащихъ образовательныхъ покушеній, что среди такой путаницы народъ, да и сами просвѣтители его, не знаютъ, чего держатися, и бѣдный народъ всегда коснѣетъ въ своемъ древнемъ невѣжествѣ и служитъ предметомъ презрѣнія и поруганія со стороны прочихъ народовъ нашего отечества!»[2]).

Мы нарочно приводимъ полностью этотъ скорбный вопль карпаторусскаго патріота, такъ какъ онъ исчерпывающе разсказываетъ о томъ злоумышленно-провокативномъ направленіи карпаторусской школы, которое поддерживалось мадьярскимъ министерствомъ просвѣщенія вплоть до паденія самой державы.

---

[1]) Приводимъ примѣры подобнаго перехода на мадьярскую транскрипцію въ учебникахъ. „Otecsesztvo nase mnohoraz ochranil ot turkov i velyo raz ich prevityazsil...“ (Dr. Szémán István: Rutén Olvasókönyv, Eperjes, 1917, стр. 3). „O krajach Izrailyszkich. Szaul sznacsala dosztojnöm pokazalszja szvojeho izbranija, i poka on Boha bojalszja, i Hoszpody dal jemu pobidü na vrahov...“ (Joann Kizak: Malaja Biblija, Пряшевъ, 1916, стр. 97).

[2]) См. «Листокъ», 1894, стр. 218—219.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Какъ сложна и настойчива была попытка министерства просвѣщенія въ созданіи языковаго хаоса въ школахъ и искорененіи русскаго языка, видно изъ того, что уже съ 1909 г. въ церковныхъ школахъ Пряшевской епархіи находимъ учебники, приноровленные не только къ діалекту обще-карпато-русскому, но и по округамъ — шаришскому, земплинскому и т. д. Создался роковой кругъ; русскій литературный языкъ, конечно, былъ недопустимъ, какъ «чуждый» и «москальскій», украинскую «кулишовку» мадьяры тоже не одобряли, такъ какъ въ этомъ обнаруживалась прямая связь между Подкарпатьемъ и Галиціей: достаточно вспомнить, какъ мадьярская пресса отнеслась къ факту сотрудничества Митрака и Кралицкаго въ львовскомъ «Словѣ». Оставался мѣстный діалектизмъ — жаргонъ, то приближающійся къ русскому литературному языку, то къ искусственному галицкому украинскому, наполовину польскому жаргону, то къ полумадьярскому жаргону Чопея. Неудивительно, что экспериментація съ языкомъ на Подкарпатской Руси къ концу XIX вѣка сдѣлалась дѣломъ настолько привычнымъ, что за нее брался каждый, и не только составляющій учебники въ надеждѣ получить одобреніе и награду отъ правительства, но и труженики въ области церковной литературы. А. Митракъ, давая отповѣдь на такія экспериментаціи съ церковными книгами, указываетъ на «невинное дѣтское простодушіе» такого реформаторства, когда авторъ «самъ не зная о томъ — дѣлается поборникомъ направленій украинцевъ и вступаетъ на путь раскольниковъ». При этомъ Митракъ весьма недвусмысленно заканчиваетъ: «Въ недалекой перспективѣ всѣ станемся поклонниками золотого тельца».

Къ числу такихъ «невинныхъ» реформаторовъ относится Игнатій Рошковичъ (1822—1892[1]), каноникъ, человѣкъ трудолюбивый и немало способствовавшій проникновенію восточнаго обряда въ мадьярскую среду. Въ 1862 году онъ напечаталъ «Молитвенникъ для православныхъ «Ó-hitü imádságos és énekeskönyv, Debreczen, 1762.» въ переводѣ на мадьярскій языкъ. Для мадьяръ-же выпустилъ онъ и спеціальный «Катехисисъ для угорскихъ православныхъ каѳоликовъ». Что касается его сочиненій, написанныхъ по русски, слѣдуетъ отмѣтить «Малый Катехізм» (Ужгородъ, 1881), «Прислуженіе на литургіи», предназначенные для русскихъ школьныхъ дѣтей, и «Нравоученіе» (Ужгородъ, 1885), какъ учебникъ для богословской семинаріи. Писалъ Рошковичъ по церковно-славянски, но съ уклономъ въ діалектизмы, вѣрнѣе въ безграмотный жаргонъ, на которомъ говорила омадьяренная карпаторусская интеллигенція. Но въ 1886 г. честному и трудолюбивому старику взбрело на умъ заняться реформою языка и объединить въ одно цѣлое всѣ тѣ его домыслы, что встрѣчались случайно и въ предшествующихъ изданіяхъ.

[1]) «О образахъ», статья въ «Мѣсяцословѣ на 1891 г.», Ужгородъ, 1890, стр. 119—120; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 29.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ 1886 году онъ началъ печатать свой «Толковый Молитвенник» («Толкованіе общих частей Вечерни, Утрени и Службы»), вводя въ нѣкоторыя слова фонетическое правописаніе («Царейца наша Маріе», «прибѣгаймъ» и т. д.), удаляя ъ, замѣняя въ иностранныхъ словахъ *и* на *і* (Хрістос, катехізм, стіх, вінo) и мѣсто й, пользуясь і (сеі, простираяі, радуіся) и т. д. Все это было сдобрено непослѣдовательностью и вообще безграмотностью.

Сообщеніе о подобной реформѣ каноника И. Рошковича вызвало рѣзкую отповѣдь со стороны Е. А. Фенцика и И. А. Сильвая. Виновникъ шума пытался оправдываться, но безуспѣшно, такъ какъ своими оправданіями онъ вскрылъ и свою безграмотность въ русскомъ языкѣ вообще и филологическую узость, вродѣ того, что печатаніе книги съ ъ — «по мнѣнію ученаго нѣмца Шлетцера» — удорожаетъ печать на 5%, а потому этотъ ъ нужно исключить, умалчивая о томъ, что ни мадьяры, ни нѣмцы, ни другіе народы, имѣющіе въ своей азбукѣ двойныя и тройныя буквы, отнюдь не проявляли склонности къ удешевленію своего національнаго достоянія. И. Рошковичъ въ своей защитѣ дѣлаетъ многочисленныя ссылки на Остромірово евангеліе, Богорича, Добровскаго, Буслаева, Лучкая и др., а параллельно съ этимъ, самымъ своимъ текстомъ, обнаруживаетъ вообще незнаніе и церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

«Въ просвѣтители народа нашего, — писалъ Ставровскій-Попрадовъ по поводу языковыхъ экспериментаторовъ, — пхаются люди-самоучки, которые не хотятъ видѣти, какъ преуспѣваетъ міръ, которые берутъ себѣ въ голову какую-то фиксу-идею, и такъ себѣ представляютъ, что въ приведеніи въ дѣйствительность такой идеи и кроется весь успѣхъ просвѣщенія!»

Покровительствуемое свыше школьно-учебное разноязычье, конечно, вскорѣ привело къ тому, что каждый грамотѣй брался за реформу языка и правописанія. Одинъ отрицалъ ъ, но признавалъ *и* и *і*; другой отрицалъ ъ и *і*, но считалъ нужнымъ *и*; третій вводилъ вм. *й* — *і*; четвертый считалъ ненужнымъ *і* и всюду пользовался *и*; пятый отрицалъ кириллицу и предлагалъ латинку съ мадьярской транскрипціей и передавалъ *ы* посредствомъ *y*; шестой дѣлалъ то-же, но *ы* передавалъ черезъ ö, и т. д. Еще большій хаосъ создавался въ словарѣ, гдѣ вмѣсто русскихъ словъ въ изобиліи начали появляться то мадьяризмы, то словакизмы, то полонизмы.

Но не столь легка была и задача тѣхъ, кто брался составлять учебники, учитывая оффиціальныя пожеланія. Имъ приходилось выполнять и заданія по діалектизаціи литературной рѣчи, принятой карпаторусской литературой и одновременно не отпугивать консервативную въ этомъ отношеніи массу: имъ приходилось быть своего рода лакмусовой бумагой, т. е. впитывать оффиціальныя вѣянія, то краснѣть, то синѣть

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

и въ то-же время не утрачивать званія національнаго вождя.

Колебанія такого политико-національнаго барометра ярко запечатлѣны въ дѣятельности одного изъ несомнѣнно усердныхъ поставщиковъ оффиціальныхъ учебниковъ — А. И. Волошина.

Августинъ Ивановичъ Волошинъ (а позднѣе Авґустин Волошин[1]) родился въ с. Келечинѣ (Мараморошъ) въ 1874 г. Гимназію онъ окончилъ въ Ужгородѣ, а въ частности русскій языкъ проходилъ подъ руководствомъ Е. И. Сабова. Въ 1892 г. по окончаніи гимназіи Волошинъ недолго пробылъ въ Будапештѣ, изучая теологію, но затѣмъ возвратился въ Ужгородъ и въ 1896 г. окончилъ богословскую семинарію. Въ дальнѣйшемъ Волошинъ посвятилъ себя всецѣло педагогической дѣятельности.

Въ 1901 году выходитъ его «Методическая грамматика угро-русского литературного языка для народныхъ школъ»[2]), которая и была дѣйствительно учебникомъ языка карпаторусской литературы. Почти одновременно вышла и его «Читанка для угрорусской молодежи», а въ 1904 г. «Азбука», которую, однако, министерство не приняло за ея русскій духъ. Вѣроятно это произвело впечатлѣніе на автора, такъ какъ уже въ 1907 году онъ выпускаетъ по мадьярски «Грамматику малорусскаго языка» («Gyakorlati kisorosz (ruthén) nyelvtan»), но уже въ самомъ заглавіи пытаясь забарикадировать себя отъ упрековъ въ москвофильствѣ и съ этою цѣлью кромѣ «kisorosz» — малорусскій, ставитъ въ скобкахъ «ruthén» т. е. по тогдашнему смыслу этого слова — «русинскій»[3]), пользуясь въ самомъ учебникѣ, правда непослѣдовательно, діалектическими формами и мадьяризмами[4]). По выраженію В. Бирчака, именно въ этой грамматикѣ «Авґустин Волошин выплыває на чисту воду», такъ какъ начинаетъ отличать «руську мову» отъ «російскоѣ» и «церковно-славяньскоѣ», какъ съ точки зрѣнія фонетики и морфологіи, такъ и въ отношеніи синтаксиса. К. И. Стрипскій эту грамматику «для мадьярскихъ читателей» называетъ двусмысленной, носящей на себѣ печать политики Л. Чопея. Судя по вступленію можно заключить, что А. Волошинъ стремился, какъ того и желало правительство, отмежеваться и отъ русскаго языка и отъ украин-

---

[1]) «Авґустин Волошин єго житя и дѣяльнôсть з нагоды ювилею 50 лѣтных уродин и 25 лѣтноѣ праґцѣ», изд. Т-ва «Просвѣта», № 43, Ужгородъ, 1924; К. И. Стрипскій: Языкъ литерат. традиціи Подкарп. Руси, стр. 8—11. A. Hartl: Literární obrození..., стр. 8—11.

[2]) «Написалъ: Августинъ Ив. Волошинъ, священникъ епархіи Мукачевской, профессоръ пѣвцо-учительской семинаріи Унгварской. Часть 1-ая. Матеріалъ II-го класса народной школы. Цѣна: 20 филлировъ. Унгваръ,: Изданіе О-ва св. Василія Великаго, стр. 32 («конь», «волъ», «что», «русскій», «былъ», «Мукачевской», «семинаріи»).

[3]) Фактически-же «ruthén» произошло изъ «ruthenus», т. е. «русскій».

[4]) «Кôнь», «пôшовъ», но «бокъ»; «по руськи»; мадьяризмы: «комѣсный», «касарня», «кертикъ» и т. д.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

скаго одновременно, а о фонетическомъ правописаніи послѣдняго выражается крайне рѣзко, утверждая, что оно дѣлаетъ языкъ непохожимъ на самого себя. Возставая, однако, противъ фонетическаго письма, авторъ самъ имъ пользуется въ учебникѣ. Въ 1916 г., когда русская азбука была изъята изъ школъ, Волошинъ даетъ рядъ учебниковъ, писанныхъ латинкой въ мадьярской транскрипціи («Azbuka uhro-rusz'koho jazöka» и др.), также пользуясь діалектическими формами. Въ 1919 г., когда внезапно прекратился краткій и публично не проявившій себя «русько-краинскій» періодъ и когда повѣяло русскимъ возрожденіемъ въ общественно-политической жизни, Волошинъ тотчасъ-же возвратился къ своей позиціи 1901 года и издалъ учебникъ: «Методическа граммматика карпато-русского языка для народныхъ школъ»[1]). Оффиціальная ситуація вскорѣ измѣнилась и въ 1923 году выходитъ — «Методична граматика карпато-руського языка для низших клас народных школ»[2]). Далѣе въ 1926, 1927 и 1930 гг. послѣдовали три грамматики, постепенно переходящія въ отношеніи фонетики, морфологіи, синтаксиса отъ русскаго діалектизма къ искусственному діалектизму галицко-украинскаго жаргона[3]). Если подобныя превращенія пережи-

---

[1]) «Написалъ Августинъ Ив. Волошинъ, директоръ учительской семинаріи Ужгородской. Часть I. Для I и II классовъ народной школы» (32 стр.). То-же: «Часть II. Для III и IV классовъ народной школы». (Стр. 96). Ужгородъ, 1919. («Школъ», «конь», «русскій»; «что»; «былъ» и т. д.).

[2]) «Написав Августин Волошин, директор учителъскоѣ семинаріѣ в Ужгородѣ. Изд. III». (Єдин Бôг», но «числовник», «замѣняєся», «быв», «будемо»; «закарпатскѣ русины»; «что»; «предлогъ» = «присловник»; «междометіе» = «чувственник»; «глаголъ» = «дѣєслово»; «неизмѣняємѣ части рѣчи»).

[3]) 1926 г. — «Практична граматика руського языка. Написав Августин Волошин». («Он», «гôр», «вѣв», т. е. (велъ), «нес» («нюс», «нїс», «нѣс»); «числôвники»; «в литературном малоруськом (украинском) языцѣ»; «давно минувший час»: «я був робив»; «страдальный стан творимо з дѣєприложника страдального минувшого часу и одповѣдных форм дѣєслова»: «я быв (був) битый»; «що»; «неодмѣннѣ части мови» (т. е. неизмѣняемыя части рѣчи).

Въ 1927 г. — «Практична граматика руського языка для народных, горожанских и середних школ. Зредаґовав: Авґустин Волошин. Часть II. Складаня (Синтаксисъ)». («Школ», «Бог», но «слôв», «пôдмет», «котрôм»; «бул», «була»; «що», «присловник» = мѣстоимѣніе, «злучник» = союзъ, «оклик» = междометіе).

Въ 1930 г. — «Методична грамматика руського языка для низших клас народных шкôл. Написав Авґустин Волошин, директор учительскоѣ семинаріѣ в Ужгородѣ. Выданє VI. В четвертôм выданю допущена до уживаня, як учебник руського языка розпорядженєм Шкôльного Оддѣла Цив. Управы Пôдкарпатськоѣ Руси з дня 16 августа 1924. ч. 20.325/24. В другôм выданю одобрена правительством епархіѣ Мукачевскоѣ пôд ч. 19.963/23. («Бог», но «шкôл»; стр. 30 — «числôвник», стр. 31 — «числôвником», стр. 109 — «числовник»; «єдно крещєніє»; «быти», «быв»; «Закарпатскѣ русины и поодинокѣ из пôдкарпатско-руських говорôв вмѣсто быв (-ла, -ло) употребляють був, була, було и вмѣсто будеме уживають форму будемо. — И сѣ формы суть правильнѣ»; «чтобы», «что»; «неизмѣняємѣ части рѣчи»).

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вать присяжный составитель грамматикъ, а одно время и законодатель школьнаго языка, то естественно, что не только ученики не успѣвали въ грамотѣ, но и составители другихъ учебниковъ не поспѣвали приспособиться къ «новому уклону» и даже предугадать — куда будетъ дуть вѣтеръ — не то что въ новой грамматикѣ, но и въ слѣдующемъ изданіи старой! Параллельно А. Волошинъ выпустилъ и рядъ другихъ школьныхъ учебниковъ[1]), которые въ своемъ словарѣ и грамматикѣ столь-же измѣнчивы и непослѣдовательны, какъ и грамматики.

Все это необходимо учесть, чтобы сопоставить литературную дѣятельность А. Волошина, протекавшую независимо отъ школъ и связанную не съ оффиціальными требованіями, но народными.

Съ 1903 г. Волошинъ принялъ на себя редакцію газеты «Наука» и «Мѣсяцослововъ». Нечего и говорить, что оба изданія пользовались общерусской грамматикой съ допущеніемъ только самыхъ незначительныхъ діалектизмовъ. Оба изданія по духу ничего сепаратистическаго въ національномъ отношеніи не имѣютъ, а подчасъ и рѣзко выступаютъ въ защиту національнаго единства. Словарь обоихъ изданій довольно пестрый, въ зависимости отъ языка авторовъ, но въ общемъ въ немъ явно чувствовалось желаніе посредствомъ необходимыхъ словарныхъ діалектизмовъ подойти къ народу, но въ то-же время не оторваться и отъ русскаго литературнаго языка. Изъ работъ самого А. Волошина въ «Мѣсяцословахъ» слѣдуетъ особо отмѣтить статьи о Духновичѣ, Фенцикѣ и Сильваѣ, а кромѣ того и статью-некрологъ о Е. А. Фенцикѣ въ послѣднемъ №-рѣ журнала «Листокъ» (1903, № 23—24), вышедшемъ послѣ смерти его славнаго издателя. Эти статьи даютъ цѣнный біографическій матеріалъ, восторженную и патріотическую оцѣнку творчества писателей и написаны на правильномъ литературномъ языкѣ. Даже при наличіи нѣкотораго уклона въ языковый діалектизмъ, А. Волошинъ выступаетъ рѣзко противъ галицкаго сепаратизма. Въ «Мѣсяцословѣ» на 1909 г. онъ рѣзко выступаетъ противъ американскаго епископа Ортынскаго, который пытался было украинизировать американскихъ русскихъ[2]).

---

[1]) «Азбука» (1904); «Magyar ABC és Olvasókönyv»; «Азбука и перва читанка» (I изд. 1905: II изд. 1913); «Азбука» (1916); «Мала Библія» (1904); «Kis Biblia» 1909); «Наука о числах» (3 кн. — 1919); «Физика» (1921); «Наука стилизаціи» (1923); «Педагогика и дидактика» (1923); «Исторія педагогики» 1923) и т. д.

[2]) «Тоту страшну заразу вікраінізма и радикализма, котра въ Галичинѣ въ послѣднихъ часахъ такъ сильно разлютилася, котра завела постоянну борьбу, русина отчуждае отъ церкви, отъ языка, даже отъ имени руского, котра мниму правду свою не любовью, но страшною ненавистью ширитъ, сесю заразу перенесъ Ортынскій въ Америку». — «Ортынскій передався въ опеку украинцевъ, котрыхъ добрѣ знавъ нашъ народъ якъ такихъ, у котрыхъ головное дѣло политична ненависть противъ всѣхъ, не принимаючихъ ихъ науку, особливо же противъ тѣхъ русиновъ, котріи твердо прилѣпляючися къ своему

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ 1904 г. А. Волошинъ издалъ 4 небольшихъ книжечки «Поучительное чтеніе», своего рода народную библіотеку («Праздники», «Робинзонъ», «Сорокъ сказокъ», «Ицко и Янко), а въ 1914 г. въ изданіи «Читальня» сокращеніе извѣстной повѣсти «Фабіола», пользуясь церковно-славянскимъ шрифтомъ, какъ извѣстнымъ народу, благодаря церкви. Въ 1910 г. вышли его «Пять рѣчей вѣры», рядъ проповѣдей на темы объ основахъ религіи. Послѣ переворота А. Волошинъ до второй половины 1919 г. стоитъ во главѣ русскаго движенія и обращеніе отъ имени Русскаго Клуба въ Ужгородѣ (28 IV 1919) подписываетъ «Августинъ Ивановичъ Волошинъ», но затѣмъ рѣзко измѣнилъ свою національную платформу и въ литературѣ и сталъ во главѣ украинофильскаго теченія («руського», «народовецького»). Съ этимъ періодомъ связана его книжка «О письменном языцѣ Подкарпатских Русинов», гдѣ онъ, имѣя ввиду рѣшеніе Чсл. Академіи Наукъ и связывая его съ пресловутымъ «постановленіемъ» Петроградской Академіи Наукъ, доказываетъ необходимость образованія для карпатороссовъ діалектическаго литературнаго языка, а въ частности приближенія его къ галицко-украинскому жаргону. Къ этому-же разряду національныхъ экспериментаторовъ слѣдуетъ отнести и Г. Н. Стрипскаго, о которомъ, въ силу удобства изложенія, мы будемъ говорить ниже.

Если въ теченіи пятидесяти лѣтъ такъ обстояло со школой, которая имѣетъ къ литературному творчеству не только прямое, но и обязательное отношеніе, конечно, расцвѣта писательской дѣятельности въ это время ожидать не приходится. Однако, въ это время начинается явленіе чрезвычайной важности: карпаторусская литература въ своемъ традиціонномъ развитіи не только не усваиваетъ школьной тенденціи, но и прямо идетъ въ разрѣзъ съ нею. Это явленіе обусловлено было не только интеллигенціей, частнымъ порядкомъ изучавшей русскій языкъ, но главнымъ образомъ широкой народной массой, которая въ реформахъ правописаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка, видѣла измѣну своему прошлому.

21. Отъ 90-хъ годовъ XIX ст. и до переворота. Національное удушеніе. Періодическія изданія. Научные труды. Юрій Жатковичъ. Е. И. Сабовъ. В. Н. Гаджега. Эмиграція въ Будапештъ: А. Годинка, Г. Н. Стрипскій, А. А. Бонкалло и др.

Оправившись послѣ пораженія въ 1849 году, мадьяры, благодаря національной сплоченности и указывая на славянскую опасность, которая грозила двуединой монархіи, уже къ

историчному письму, языку, обряду, не хотятъ боротися противъ кровныхъ своихъ».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

70-мъ годамъ достигли того, что Вѣна согласилась предоставить въ ихъ полное распоряженіе національныя судьбы части румынъ, всѣхъ словаковъ и карпатороссовъ. Территоріи, подвластныя Австріи, имѣли различныя права. Наиболѣе независимой была Чехія, имѣвшая большой историческій опытъ въ борьбѣ за свою національность, политическое прошлое и высокій культурный уровень. Національными привиллегіями пользовались поляки и въ полномъ безправіи перевоплощался галицко-русскій народъ въ новую національную единицу — украинскую. Изъ земель, входившихъ въ вѣдѣніе Венгріи, автономіей пользовались только хорваты и словинцы (славонцы); прочія-же народности были обречены къ постепенной и прямолинейной денаціонализаціи. Конечно, въ первую очередь ей подлежало малочисленное и матеріально бѣдное карпаторусское племя. Въ это время и опредѣлилась разница въ національныхъ судьбахъ русскаго народа въ Галиціи, съ одной стороны, а на Подкарпатской (Угорской) Руси — съ другой. Австріи было важно, чтобы галичане воспылали ненавистью къ россіянамъ и тѣмъ самымъ создали не только національно-шовинистическій арьергардъ въ борьбѣ съ Россіей, «поработительницей украинской націи», но и, на всякій случай, выработали наступательную психологію; съ этой цѣлью начинаетъ пропагандироваться и спеціальная идея о «Великой Украинѣ», какъ національной, а затѣмъ и политической, единицѣ. Съ другой стороны, предоставить Галицію полонизаціи было невыгодно, такъ какъ этимъ усиливалась-бы польская опасность. Внушая систематически посредствомъ школы и литературы украинскую идею, Австрія одновременно достигала того, что русскіе въ Галиціи, перевоспитываясь въ украинцевъ и, даже перенявъ чуть не половину польскаго словаря, не только не отожествляли себя съ поляками, но были съ ними то въ обостренныхъ, то въ натянутыхъ отношеніяхъ, а русскіе въ Россіи отожествлялись съ «великорусскимъ» владычествомъ, слыли, какъ москали-поработители, кацапы и пр. Въ это-же время фабрикуется и идея, что подлинно-русскіе — это украинцы или дипломатически созданные «руськіе» (въ цѣляхъ не устрашить народную массу внезапнымъ отрывомъ отъ русской традиціи); они хранятъ завѣты Руси и сопротивляются Москвѣ и москалямъ, племени фактически «финской крови». Этой идеѣ сочувствовала и Германія, а затѣмъ ей началъ локально покровительствовать и Ватиканъ, очевидно, не желая противорѣчить католической Австріи въ ея политикѣ и видя въ ней выгодную мѣру противъ православія.

Иное положеніе было на Подкарпатской Руси. Венгрія отнюдь не была склонна къ сближенію карпатороссовъ съ галичанами; къ участію карпаторусскихъ писателей въ галицкой прессѣ относилась отрицательно (Митракъ, Кралицкій), пропагандной украинской литературы и вообще не допускала и

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

покровительствовала мѣстному — «рутенскому», «русинскому» — патріотизму. Такъ какъ традиція русской культуры карпаторосовъ и сама по себѣ рѣзко отрицала украинскій экспериментъ, то въ отношеніи ея принимались мѣры только періодически: важно было, чтобы карпатороссы, отрицательно относясь къ галичанамъ-украинцамъ, постепенно мадьяризировались. Здѣсь третья національная идеологія, «русинская», играла роль не цѣли, а только средства; она была тѣмъ запаснымъ путемъ, куда въ минуту опасности можно было направить общественно-національное теченіе карпаторосовъ. Право на русскій языкъ въ школѣ, а особенно въ средней, достигнутое послѣ 1848 г., вскорѣ было сокращено до минимума: такъ на русскомъ языкѣ разрѣшалось давать уроки Закона Божія греко-католикамъ и преподавался русскій языкъ, конечно литературный, какъ необязательный предметъ. Всякія попытки преподавателей расширить значеніе русскаго языка въ школѣ кончались инквизиціей[1]).

Въ 1871. г. въ Угорской Руси большинство школъ было съ русскимъ языкомъ преподаванія (353) и меньшинство (265) съ двумя языками, или только съ мадьярскимъ. Въ 1907 г. вышелъ законъ Аппонія, который признавалъ учителей вѣроисповѣдныхъ (церковныхъ) школъ государственными служащими, изъялъ ихъ отъ прямого вліянія церковной администраціи и назначилъ имъ награду за успѣхи въ обученіи мадьярскому языку. Въ результатѣ въ 1910—1912 гг. изъ 634 школъ по мадьярски вели обученіе 553, въ 1914—1915 году школъ, гдѣ еще удержался русскій языкъ оказалось 18 съ 1672 ученниками, въ то время какъ свыше 8.500 русскихъ дѣтей обречены были посѣщать мадьярскую школу.

Карпаторусская печать, влачившая жалкое существованіе на средства патріотически настроенной общественности, конечно, опасности не представляла, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рамки національной мысли ей ставила или цензура, или только оклики въ мадьярскихъ газетахъ.

Послѣ смерти Н. Ю. Гомичкова прекратился выходъ «Карпата» (1886 г.) и остался единственный русскій журналъ — «Листокъ», который по мѣрѣ силъ обслуживалъ національные интересы народа и церкви, но не могъ освѣщать общественную жизнь въ должной мѣрѣ. Учитывая, что правительство не только не склонно поддерживать, но и одобрять новую русскую газету, Юлій Дрогобецкій, консисторіальный совѣтникъ Мукачевской епархіи а затѣмъ епископъ Крижевацкій, человѣкъ энергичный и дальновидный, организовалъ въ 1888 г. изданіе органа, защищающаго интересы «греко-каѳоликовъ Угорщины» — «Келетъ» („Kelet“), на мадьярскомъ языкѣ. Конечно, эта

[1]) Такимъ преслѣдованіямъ подверглись преподаватели Сиберъ, Широкай, Бодроги, Ширгеръ, Мазухъ и др. См. «Листокъ», 1889 г., «Budapesti Hirlap», №№ 218 и 222, 1889 г.; «Magyar Allam», отъ 17/VII. 1889 г.; «Kelet», № 34, 1889 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

уступка мадьяризаціи съ точки зрѣнія національной прессы была ощутительна, однако существеннымъ доводомъ было и то, что защищаться нужно было отъ мадьярскихъ посягательствъ, а это можно было успѣшнѣе выполнять на мадьярскомъ языкѣ. Въ 1891 г. Е. А. Фенцикъ начинаетъ выпускать, какъ приложеніе къ «Листку» — «Додатокъ» для народа. Въ 1889 г. Дрогобецкій, желая дать народу хотя-бы одну книгу для чтенія на родномъ языкѣ, начинаетъ выпускать «Крестный Мѣсяцословъ» въ 9—12 печ. листовъ съ разнообразнымъ и богатымъ, сравнительно съ календарями О-ва св. Василія Великаго, содержаніемъ — «на духовную пользу подкарпатскаго гр. кат. народа». Въ 1902 году подъ вліяніемъ «всякихъ нападеній и непріятностей» закрылось бездѣйствовавшее О-во св. Василія Великаго, а вмѣсто него было организовано «новое совсѣмъ торговельное и невинное братство» — акціонерное общество «Уніо»[1]). — «Коли рѣшено было основаніе акціонернаго Общества, названнаго «Унія», собравшіи члены развязали Общество св. Василія Великаго и сесимъ удовлетворили желаніе министерства, которое не хотѣло подтвердити уставъ О-а св. Василія, и удовлетворили совѣту духовной власти обѣихъ епархій, которыя въ интересѣ церкви и народа такожъ желали, чтобы лишило Общество давную, такъ непріятную еще изъ временъ абсолютизма, форму (!) и ради доброй цѣли въ акціонерномъ братствѣ сохранити средства». Въ этой путанной фразѣ заключается подлинный смыслъ преобразованія, вынужденнаго свыше. Во главѣ «Уніи», какъ ея предсѣдатель, оказывается Викторъ Каминскій, директоръ учительской препарандіи и Августинъ Волошинъ, профессоръ той-же препарандіи, какъ ея письмоводитель. Прямая цѣль «Уніи» была издавать книги и журналы на русскомъ языкѣ во имя цѣлей національнаго просвѣщенія, что она по мѣрѣ силъ и средствъ и выполняла, но формулировано это было болѣе «невинно»: быть «просвѣтительнымъ братствомъ подкарпатскихъ грекокаѳоликовъ, т. е. вѣрниковъ русскаго обряда». Изъ періодическихъ изданій «Уніи» выходили: 1) «Наука», духовная, поучительная и общественная газета для угро-русскаго народа, какъ изданіе еженедѣльное, подъ редакціей А. Чучки, В. Гаджеги и А. Волошина; 2) «Слово Божіе», выборъ лучшихъ проповѣдей, выходилъ разъ въ два мѣсяца; редакторъ Петръ Гебей; 3) «Мѣсяцословъ» выходилъ, какъ продолженіе изданія «Мѣсяцослововъ» О-ва св. Василія Великаго, редакторъ А. Волошинъ; 4) «Görögkatholikus Szemle» («Греко-каѳолическое Обозрѣніе») — еженедѣльная газета по мадьярски — «для защиты нашего обряда и народа», редакторами ея были Алексѣй Дулишковичъ и Викторъ Каминскій; наконецъ 5) «Görögkatholikus Naptár» («Греко-католическій Календарь»). по мадьярски,

[1]) Объ организаціи и дѣятельности «Уніи», см. періодическіе отчеты въ ея «Мѣсяцословахъ» на 1903, 1904, 1905, 1906, 1907 и т. д. годы.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ставлялъ его Юлій Меллешъ и др. Всѣ эти изданія выходили вплоть до переворота, кромѣ «Gör. kath. Szemle», которая прекратилась въ 1922 г., такъ какъ въ это время цѣлый рядъ типографій принялись издавать еженедѣльныя газеты мѣстнаго значенія и, конечно, предоставляли мѣсто для обсужденія интересовъ греко-каѳолической церкви.

Съ 1898 г. и до 1919 г. Михаилъ Врабель выпускаетъ въ Будапештѣ газету «Недѣля», предназначенную, какъ и «Наука», для простонародья. Она имѣла, сравнительно, большой успѣхъ, ее читали русскіе на Угорщинѣ, въ Галиціи и въ районѣ поселеній Бачки. Но и «Недѣля» и «Наука» имѣли скорѣе поучительно-воспитательное значеніе, нежели идейное и освѣдомительное, а потому оказывалось, что не только для художественной литературы, но и для статей научнаго значенія не было своего органа. Это и было причиной того, что карпаторусскіе писатели этого времени, поскольку это было возможно, пользовались или галицкими изданіями, или печатали свои статьи по мадьярски въ мадьярскихъ газетахъ.

Однако, несмотря на отсутствіе достаточной прессы, несмотря на поголовную мадьяризацію карпаторусской интеллигенціи, все-же и въ этотъ періодъ національнаго удушенія можно говорить о нѣсколькихъ выдающихся представителяхъ карпаторусской литературы и многочисленныхъ ея сотрудникахъ по мѣрѣ силъ, способностей и возможности. Это массовое выступленіе пишущихъ по русски, и почти исключительно для народа, явленіе чрезвычайно характерное. Чувствовалось, что интеллигентская масса была потеряна, а та часть ея, которая непосредственно соприкасалась съ простонародьемъ, видѣла именно въ немъ свою надежду и утѣшеніе. Нельзя сказать, что въ это время угасаетъ національная интеллигентская мысль, но она излагается или по мадьярски, или публикуется по русски по мѣрѣ нахожденія средствъ въ каждомъ случаѣ. Въ это время преобладаетъ научно-изслѣдовательскій трудъ, или популярное изложеніе для народа.

Къ числу крупныхъ писателей этого времени относится Юрій Жатковичъ[1]) сынъ учителя въ Ужгородѣ, а затѣмъ въ Великихъ Лучкахъ и Дравцахъ. Родился Ю. Жатковичъ въ 1855 году, первое обученіе получилъ отъ отца, въ 1867 году поступилъ въ гимназію въ Ужгородѣ, гдѣ прошелъ пять классовъ, затѣмъ перешелъ въ Великій Варадинъ, но, ввиду отсутствія матеріальныхъ средствъ, по окончаніи шестого класса долженъ былъ въ 1873/74 году оставить временно ученье и поступить на мѣсто частнаго учителя въ Воловцѣ. Послѣдніе

[1]) В. Гнатюкъ: Юрій Жатковичъ, «Дѣло», Львовъ, № отъ 4 XII 1896; Емиліанъ Мустяновичъ: Юбилей литературной дѣятельности О. Юрія Жатковича,, «Мѣсяцословъ» на 1907 г., изд. «Уніо», Ужгородъ, стр. 62—66; Е. И. Сабовъ: Очеркъ..., стр. 31; Юрій Жатковичъ (некрологъ), «Календарь», изд. «Уніо» на 1921 г., Ужгородъ, стр. 44—47; В. Бирчакъ: Литерат. Стремлѣня, стр. 87—89.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

классы гимназіи Жатковичъ снова проходилъ въ Ужгородѣ, гдѣ въ 1876 году былъ принятъ въ духовную семинарію, которую окончилъ въ 1881 г. и затѣмъ былъ священникомъ въ Великомъ Раковцѣ, Изѣ и Стройно, гдѣ онъ исполнялъ должность свалявскаго декана и умеръ въ 1920 году.

Литературную дѣятельность Жатковичъ началъ, еще будучи ученикомъ гимназіи. Въ 1874 году, учительствуя въ Воловцѣ, онъ перевелъ на мадьярскій языкъ и напечаталъ разсказъ И. С. Тургенева «Пѣвцы»[1]). Еще будучи ученикомъ гимназіи и семинаріи, онъ увлекался научными изслѣдованіями и неоднократно получалъ преміи въ состязаніяхъ самообразовательнаго кружка. Въ 1877 году самообразовательный кружокъ клериковъ издалъ первую книгу юнаго ученаго, по мадьярски, — «Ünnepeink Magyarázata», («Толкованіе Праздниковъ»). Въ 1883 году мадьярское Историческое Общество объявило конкурсъ на соисканіе преміи, и Жатковичъ предложилъ свою обширную работу на тему «Вліяніе ягерскихъ епископовъ и борьба противъ него въ мукачевской епархіи» и получилъ похвальный отзывъ. Въ 1884 году она была напечатана въ журналѣ О-ва[2]) и вызвала нареканія нѣкоторыхъ ученыхъ. Но историческая правда поколеблена не была, и Жатковичъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Историческаго Об-

Ю. Жатковичъ.

---

[1]) «Magyarország», 1874, № 20.
[2]) «Egri befolyás kora», — «Századok», 1884, №№ 8, 9 и 10.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

щества въ Будапештѣ и почетнымъ членомъ Церковно-Литературнаго Кружка въ Ужгородѣ.

Въ 1888 г. Жатковичъ публикуетъ, также по мадьярски, обширное изслѣдованіе — «Історія протоархимандріи св. Архангела Михаила въ Грушевѣ»[1]) и переводъ съ латинскаго на русскій языкъ сочиненія І. Чурговича — «О разводѣ брака по причинѣ чужеложства[2]). Когда въ 1888 году Ю. Дрогобецкій начинаетъ издавать «Kelet», Жатковичъ становится ревностнымъ его сотрудникомъ. Въ этомъ году слѣдуетъ особо отмѣтить его статьи «Основной дипломъ Коріатовича» и «Происхожденіе епархіи Мукачевской». Въ 1889 г. онъ печатаетъ рядъ очерковъ, освѣщающихъ исторію епархіи, и статью «Епископы Мараморошскіе», которая позднѣе печаталась и по русски въ журналѣ «Листокъ»[3]). Въ 1890 г. появилась по мадьярски статья «Історія исторіографіи угорскихъ Русиновъ[4]), а въ 1894 году онъ составляетъ учебники по исторіи, географіи и гражданской наукѣ, которые передаетъ епархіальному начальству для одобренія, но послѣдняго не получаетъ по неизвѣстнымъ причинамъ[5]).

Совершенно исключительный интересъ представляетъ этнографическій трудъ Жатковича — «Этнографическій очеркъ Угорскихъ Русскихъ», который былъ опубликованъ въ оффиціальномъ журналѣ Мадьярской Академіи[6]), а затѣмъ переработанъ на русскомъ языкѣ и предложенъ къ напечатанію Т-ву им. Шевченка въ Львовѣ. Появился онъ въ значительно сокращенномъ видѣ и на украинскомъ языкѣ[7]). Очеркъ начинается общими свѣдѣніями о карпатороссахъ, говоритъ объ ихъ дѣленіи на верховинцевъ, бляхъ или дичковъ, занимающихъ среднюю полосу, и долишнянъ, а также и объ отличіяхъ ихъ говоровъ. Затѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія о «чернокнижникахъ», т. е. о первыхъ составителяхъ и переписчикахъ книгъ, находящихся при церквахъ, и о народныхъ воззрѣніяхъ на писательское ремесло. Чрезвычайный интересъ представляетъ отдѣлъ о народномъ календарѣ, гдѣ авторъ описываетъ народныя повѣрья и обычаи, пріуроченныя или къ святымъ извѣстнаго дня, или къ праздникамъ, а затѣмъ даетъ описанія обычаевъ, связанныхъ съ рожденіемъ, свадьбой и похоронами человѣка. Далѣе онъ сообщаетъ свѣдѣнія о народныхъ способахъ леченія болѣзней, объ одеждѣ, пищѣ и хозяйствованіи, попутно излагая народныя воззрѣнія. Особый интересъ

---

[1]) «Magyar Sion, 1888, №№ 5, 6 и 7.
[2]) «Листокъ», 1888, отъ стр. 3 и далѣе въ теченіи всего года.
[3]) «Листокъ», Ужгородъ, 1892.
[4]) «Századok», 1890, №№ 7 и 8.
[5]) В. Гнатюкъ полагаетъ, что учебники не были одобрены потому что, «мова тыхъ учебниковъ не є народна», рекомендуетъ автору, чтобы онъ «впровадивъ въ нихъ живу народню мову, а тодѣ старавъ ся о затверджене ихъ».
[6]) «Budapesti Szemle», 1895, №№ 4 и5.
[7]) Етнографічній Збірник Т-ва Шевченка, т. II, Львовъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

представляетъ глава, посвященная выясненію отношеній карпаторусскаго простонародья къ иностранцамъ, религіямъ, а въ частности къ еврейству. Въ концѣ авторъ приводитъ образцы изустнаго народнаго творчества карпатороссовъ. Можно только пожалѣть, что русская переработка статьи не была отпечатана въ полномъ видѣ и на русскомъ языкѣ, какъ ее предложилъ Жатковичъ, такъ какъ въ украинской передѣлкѣ утрачено значеніе точныхъ записей многочисленныхъ народныхъ поговорокъ, повѣрій-присказокъ и обрядовыхъ пѣсенъ[1]). Многочисленныя этнографическія замѣтки, написанныя по мадьярски, были помѣщены въ газетахъ «Kelet», «Ungvári Közlöny, «Bereg», Máramoros» и др. Ихъ данными воспользовался и д-ръ Орестъ Сабовъ въ своемъ сборникѣ «О мадьярскихъ Русскихъ»[2]). Жатковичъ перевелъ также и сочиненіе Эдуарда Эгана, о которомъ мы упоминали выше, подробно и правдиво описывающее соціально экономическое положеніе карпатороссовъ[3]).

Изъ многочисленныхъ статей, написанныхъ по русски, касающихся исторіи церкви и народа, отмѣтимъ слѣдующія: «Отношеніе нѣкоторыхъ епископовъ крижевацкихъ къ епархіи Мукачевской»[4]) и помѣщенныя въ «Мѣсяцословахъ»: «Нѣсколько словъ о русскихъ, живущихъ въ Угорщинѣ» (Кр. Мѣс., 1890), «Іоаннъ-Іосифъ Де-Камелисъ» (Крест. Мѣс. на 1893), «Михаилъ-Мануилъ Ольшавскій» (Мѣс. на 1894), «Тысящь лѣтъ» (Мѣс. на 1897), «Іоаннъ Брадачъ» (Мѣс. на 1898), «Григорій Тарковичъ» (Мѣс. на 1902), «Воеводство Крайнянское» (Мѣс. на 1903), «Василій Тарасовичъ» и «Князъ Францискъ Раковцій» (Мѣс. на 1904), «Рукоположеніе въ епископы Георгія-Гавріила Блажовскаго» (Мѣс. на 1905), «Исторія мо-

---

[1]) На экземплярѣ оттиска этого очерка Жатковича, очевидно присланнаго автору Товариществомъ Шевченка, и въ настоящее время имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, имѣется нижеслѣдующая приписка, сдѣланная рукою Жатковича: «A munka a mi magyarországi orosz nyelvünkön ethymologiával volt irva, s legnagyobb bámúlatomra és bosszuságomra jelent meg a galiciai orosz nyelven és phonetice. A szerző». (т. е. «Работа была написана на нашемъ угро-русскомъ языкѣ и къ моему величайшему удивленію и возмущенію появилась на языкѣ галицко-русскомъ, при томъ фонетикой. Авторъ»). Такимъ образомъ, неоднократныя указанія В. Бирчака, что Жатковичъ «старався завести народню мову в руське письменьство Пôдк. Руси — и то его найбôльша заслуга» — рѣшительно ни на чемъ не основаны. Статьи Жатковичъ писалъ, приближаясь къ русскому литературному языку, а въ разсказахъ для народа, какъ и Духновичъ, пользовался народнымъ стилемъ, отличая его отъ галицкаго жаргона и не искажая грамматики общаго русскаго языка.

[2]) O. Szábó: A magyaroroszokról, Budapest, 1913.

[3]) Издана Т-вомъ Шевченка во Львовѣ въ 1901 году въ переводѣ на украинскій языкъ подъ заглавіемъ: «Економічне положеня руських селян на Угорщині».

[4]) «Листокъ», Ужгородъ, 1890, стр. 29 и 53.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

пастыря Грушевскаго» (Мѣс. на 1906[1]), «Михаилъ Лучкай» (Мѣс. на 1919) и т. д.

Изъ прочихъ трудовъ Жатковича, написанныхъ по мадьярски, слѣдуетъ еще выдѣлить его двѣ значительныя статьи «Исторія русской церкви въ Мараморошѣ» и «Исторія заселенія Мараморошa», опубликованныя въ столичной монографіи.

Спеціальнаго образованія въ области исторіи и этнографіи Жатковичъ не получилъ, однако, это нисколько не умаляетъ его ученыхъ трудовъ. Онъ былъ изслѣдователемъ по натурѣ; скромный, осторожный въ сужденіяхъ, любящій рыться въ пыли библіотекъ, записывать и систематизировать, Жатковичъ являетъ образъ ученаго новаго времени. Онъ не стремится воспользоваться историческими данными для патріотическихъ цѣлей, но считаетъ патріотизмомъ самый фактъ постепеннаго изслѣдованія родного края, его исторіи и быта.

Въ области художественной литературы Жатковичъ проявилъ себя только косвенно: онъ переводилъ съ русскаго и украинскаго на мадьярскій («Пѣвцы» Тургенева, «Грицева шкільна наука» Ив. Франка), и нѣкоторые разсказы украинскихъ писателей перелагаетъ для «Мѣсяцослововъ», что относится уже къ болѣе позднему времени (1912—1917 г. г.[2]).

---

[1]) Эта-же статья появилась и въ переводѣ на украинскій въ «Науковом Збірнику посвяченом проф. Михайлови Грушевському», Львовъ, 1906 — подъ заглавіемъ «Нарис історіі Грушівського монастиря на Угорскій Руси».

[2]) «Игла» (1913 г.), переложеніе «Голка» О. Стороженка; «На торзѣ») 1917 г., переложеніе разсказа О. Маковея того-же имени; «Отецъ Василь (1912), «Грѣхъ» (1914), «Ксантипа» (1916), «Брехачъ» (1917) и др., вѣроятно, тоже только переложенія. Перекладывая, Жатковичъ удалялъ слово «Украина» и вносилъ исправленія въ языкъ и орфографію. Однако, сравнивая языкъ статей Жатковича, помѣщенныхъ въ томъ-же — «Мѣсяцословѣ» до 1912 г., когда на его титульной страницѣ появилось вмѣсто обычнаго «составилъ А. Волошинъ» — «составивъ А. Волошинъ», мы склонны предполагать, что языкъ разсказовъ Жатковича послѣ 1912 г. исправлялся редакціей по своему, какъ это было и съ языкомъ статей въ изданіяхъ Т-ва им. Шевченка.

Относительно украинофильства Жатковича имѣются любопытныя данныя. Въ 900-хъ годахъ Т-во им. Шевченка во Львовѣ черезъ В. Гнатюка, который предпринялъ 6 поѣздокъ на Угорскую Русь, стремится привлечь карпаторусскихъ дѣятелей въ качествѣ членовъ Т-ва, а тѣмъ самымъ склонить ихъ въ галицко-украинскій лагерь. В. Гнатюкъ обратился къ ряду писателей съ письменнымъ предложеніемъ по этому поводу, указывая, впрочемъ, какъ намъ сообщалъ покойный Д-ръ Симеонъ Андреевичъ Сабовъ, не на украинскую оріентацію, а только на важность общей работы во имя достиженія правъ. Попытка кончилась неудачей. В. Гнатюкъ самъ опубликовалъ отвѣты на свои предложенія, которыя мы считаемъ умѣстнымъ привести въ подлинныхъ отрывкахъ.

Д-ръ С. Сабовъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 11 XII 1895 г. пишетъ:

«Но я уже тутъ на передѣ долженъ изъявити, что я вашъ чоловѣкъ не могу быти, понеже мои начала съ взоромъ русской письменности a radice противныя суть тымъ, которыя общество Шевченка распространяти старается... якъ и вы мали испытати, языкъ того общества намъ совсѣмъ чужій и непонятный есть, мы его не разумѣемъ. У насъ бы высмѣяли чоловѣка, если бы вашимъ ипольще-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ этотъ-же періодъ начинаетъ свою дѣятельность и несторъ карпаторусской литературы, а затѣмъ и культурно-на-

нымъ и испорченнымъ жаргономъ пробовалъ говорити, либо писати. Мы не мѣняеме наше нарѣчіе за вашу выкручену мову. То есть мы, доки насъ благословитъ милосердный Господь подержати, останемся р у с с к и м и и не перемѣнимся въ не р у с с к и х ъ».

И. А. Сильвай (Уріилъ Метеоръ) въ письмѣ отъ 7 XI 1897 г. пишетъ:

«По сю сторону Карпата нѣтъ ни одного образованного русскаго человѣка, который увлекался бы вашою самостійною правописью и самородными мріями. Понапрасну станете вы утверждать ужь хоть бы съ клятвою, что вы русинъ, васъ всѣ будутъ считать полякомъ, портителемъ прекрасного русскаго языка. Издаваемой вами книги вы мнѣ не посылайте, мнѣ довольно муки причинило одно прочтеніе вашего самостійнаго письма, а не то еще цѣлой самостійной книги. Между нами не можетъ быть никакого общаго дѣла, потому оставьте меня въ покоѣ».

Обширный отвѣтъ прислалъ Ю. А. Ставровскій-Попрадовъ (17 V 1897 г.), гдѣ протестуетъ противъ украинскаго радикализма, подрывающаго авторитетъ церкви и духовенства, а затѣмъ высказываетъ и свое мнѣніе о языковомъ экспериментѣ:

«Ваша партія употребляетъ и развиваетъ такой русскій языкъ, котораго ни украинскіе, ни галицкіе, ни угорскіе Русскіе не употребляютъ и трудно понимаютъ; кромѣ того употребляется у Васъ орѳографія неестественная, научной этимологіи и лингвистикѣ противная. Если бы Вы писали соотвѣтно правиламъ этимологіи и тысячелѣтнему преданію, тогда бы и Галичане и наши Руснаки лучше поняли Васъ. У насъ употребляютъ языкъ и орѳографію Духновича, а Ваше нарѣчіе и фонетика намъ трудны и чужды. Если нашъ грамотный народъ читаетъ напримѣръ; «наріднїх дїятелїв», то онъ думаетъ, что это писано по сербски, а не по русски. Изъ этого слѣдуетъ, что Вы всѣхъ насъ, не принимающихъ Вашего радикализма и Вашей орѳографіи, считаете якбы врагами государства и что Вы стоите въ солидарности съ Поляками и даже подъ покровительствомъ Поляковъ, которые внушаютъ Вамъ всѣ эти высше изчисленныя стремленія». (См. Літературно-Науковий Вістник, Львовъ, 1899, кн. IX, стр. 167—170).

Несомнѣнно, что въ это-же время В. Гнатюкъ познакомился съ Жатковичемъ и сдѣлалъ ему аналогичное предложеніе въ цѣляхъ общей работы давать свои статьи въ «Записки Т-ва Шевченка». Такъ какъ Гнатюкъ при всемъ его украинствѣ былъ дѣйствительно выдающимся собирателемъ этнографическаго матеріала, возможно, что Жатковичъ сдѣлалъ попытку такой общей работы во имя науки, но отнюдь не измѣняя своего національнаго убѣжденія, такъ какъ и в общеніи съ украинцами онъ всегда говоритъ о «малорусскомъ» и, какъ мы видѣли (см. прим. [1]), на стр. 255), возмущался передѣлкой своихъ статей на украинскій ладъ. Въ своей статьѣ, передѣланной по украински — «Угорські Русини а ювилейний рік 1898» («Привіт Д-ру Івану Франку», Львовъ, 1898, стр. 188) онъ пишетъ: «Угорські Русини л и ш е в о с т а т н и х д в о х - т р о х р о к а х зачали по троха знайомитися з малоруським письменством, та в числі инших малоруських письменників також з сучасним трудеником Іваном Франком. За се знайомленя угорських Русинів треба подякувати п. Володимирови Гнатюкови, що збираючи етнографичні матеріяли на Угорской Руси в 1895 і 1896 намагався по змозі знайомити угорських Русинів з народними справами і з литературними відносинами галицьких Русинів». Далѣе Жатковичъ сообщаетъ, что «завдяки заходам, а по части и матеріяльним жертвам п. В. Гнатюка» онъ отважился написать для мадьярской публики краткую исторію украинской литературы и перевести рядъ разсказовъ Ивана Франка. В. Гнатюкъ со своей стороны проявилъ стараніе обезпечить симпатіи Жатковича и въ 1896 г. напс-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ціональный вождь — Евменій Ивановичъ Сабовъ[1]). Родился онъ въ 1859 году въ селѣ Вербяжъ, на Верховинѣ, въ семьѣ священника, о. Іоанна Антоновича, родного брата Кирилла А. Сабова, о которомъ мы говорили выше. Крестнымъ отцемъ мальчика былъ извѣстный историкъ І. Дулишковичъ. Такимъ образомъ, и родство и кумовство семьи Сабовыхъ уже было связано съ дѣятелями національнаго возрожденія послѣ 1848 года, что несомнѣнно слѣдуетъ учитывать въ дальнѣйшей судьбѣ мальчика. Народную школу Е. И. Сабовъ началъ посѣщать въ Вербяжѣ, а затѣмъ, когда его отецъ былъ переведенъ въ Ивановцы близъ Мукачева (1876 г.), то продолжалъ свое первое образованіе въ мѣстной школѣ. Среднее образованіе Сабовъ получилъ послѣдовательно, переходя изъ класса въ классъ, въ четырехъ гимназіяхъ и немудрено, что въ своихъ воспоминаніяхъ онъ перечисляетъ имена 22 профессоровъ, которымъ онъ былъ благодаренъ за созданный ими національный фундаментъ. І-й классъ онъ проходитъ въ Ужгородѣ, II-й въ Мукачевѣ, III-V — въ Пряшевѣ, VI-й — въ Левочѣ, VII и VIII — снова въ Ужгородѣ. Если къ этому присоединить, что его преподавателями были столь выдающіеся патріоты своего времени, какъ Н. Ю. Гомичковъ, І. Мондокъ, К. А. Сабовъ, В. Кимакъ, М. и Н. Валковскіе, П. Янкура, І. Рубій, В. Шашъ, И. Медвѣдь и др., то будетъ ясно, что уже за время гимназическаго обученія Е. И. Сабовъ объѣхалъ весь русскій школьный міръ и всюду воспринялъ и радость и горе русскаго дѣла и его дѣятелей. Въ 1877 г. Сабовъ выдержалъ спеціальный экзаменъ по русскому языку и русской литературѣ, затѣмъ поступилъ въ богословскую семинарію въ Ужгородѣ, окончилъ ее, въ 1886 г. принялъ священническій санъ и началъ свою духовную дѣятельность въ селѣ Ардановѣ. Однако, уже осенью того-же года Сабовъ получаетъ назначеніе быть замѣстителемъ преподавателя русскаго языка въ ужгородской гимназіи (вмѣсто заболѣвшаго о. Ройковича), а въ 1887 г. утверждается на этой должности дефинитивно и въ теченіи 12 лѣтъ съ успѣхомъ обучаетъ юношество этому необязательному предмету. Въ 1896/97 учебному году въ гимназіи было 246 греко-католиковъ, т. е. русскихъ, а посѣщало не-

---

чаталъ въ львовскомъ «Дѣлѣ» о немъ похвальную статью.

Такимъ образомъ, Жатковичъ, несомнѣнно уважалъ и И. Франка и В. Гнатюка, какъ ученыхъ и собирателей матеріаловъ, пошелъ имъ навстрѣчу въ смыслѣ ознакомленія съ ихъ произведеніями мадьярской публики, однако, самъ рѣшительно ни въ чемъ личной симпатіи къ украинской идеѣ и тѣмъ болѣе языку — не проявилъ.

[1]) Д-ръ І. В. Каминскій: Е. И. Сабовъ, Календарь О-ва им. А. В. Духновича на 1927 г., Ужгородъ, 1926, стр. 85—94; Евм. Ив. Сабовъ, сборникъ ко дню 70-лѣтняго юбилея, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 60, стр. 1—70; Н. С. (Е. Недзѣльскій): Е. И. Сабовъ, «Центральная Европа», 1929, № 4; П. Федоръ: Очеркъ..., стр. 66—68; Antonín Hartl: Literární obrození Podkarpatských Rusínů v letech 1920—1930, оттискъ изъ «Slovanského Přehledu» (roč. XXII), Прага, 1930, стр. 56—57.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

обязательные уроки русскаго языка 167 человѣкъ, т. е. большая половина, а кромѣ того были въ числѣ слушателей и протестанты и кальвинисты, то есть нѣмцы и мадьяры. Хотя О-во св. Василія Великаго въ 90-хъ и 900-хъ годахъ весьма слабо проявляло свою дѣятельность, однако, Сабовъ записывается его членомъ, считая это своимъ національнымъ долгомъ. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи акціонернаго Т-ва «Уніо» и является однимъ изъ учредителей газеты «Наука». Въ 1898 году, ввиду разстроеннаго здоровья, Е. И. Сабовъ переселяется въ Севлюшъ, гдѣ получаетъ мѣсто благочиннаго, затѣмъ консисторскаго совѣтника и, наконецъ, архидіакона угочской столицы. Послѣ переворота Сабовъ становится во главѣ русскаго культурно-національнаго движенія и его важнѣйшей институціи — «Русскаго Культурно-Просвѣтительнаго О-ва им. Александра В. Духновича», сначала въ качествѣ выборнаго, а затѣмъ пожизненнаго предсѣдателя. Человѣкъ исключительной скромности, прямодушія и стойкости въ убѣжденіяхъ, Сабовъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Въ 1929 г. О-во им. А. В. Духновича торжественно отпраздновало его семидесятилѣтній юбилей со дня рожденія, при чемъ виновникъ торжества получилъ привѣтствія изъ 9 странъ отъ русскихъ, чехословацкихъ и французскихъ культурныхъ и національныхъ дѣятелей и учрежденій[1]).

Литературная дѣятельность Е. И. Сабова началась типично для времени: онъ выступилъ съ учебникомъ: «Русская грамматика и Читанка литературнаго языка Угро-русскихъ»[2]). Вопреки самому безпочвенному и неоформившемуся діалектизму (фактически это были жаргоны), принятому въ оффиціальныхъ учебникахъ и усердно поставляемому ихъ «дѣлателями». Сабовъ далъ грамматику русскаго литературнаго языка, стремясь сохранить только с т и л ь его, выработанный карпаторусской литературой, т. е. пользовался нѣкоторыми церковно-славянскими терминами и переходными формами, а также и привычнымъ словаремъ (т. е. «конь» вм. «лошадь», «очи» вм. «глаза», «сей» вм. «этотъ» и т. д.). Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Сабовъ самъ указывалъ, что въ читанкѣ онъ фактически пользовался образцами русскихъ хрестоматій, измѣняя въ нихъ только нѣкоторыя формы и слова, дабы сошло все это за «мѣстное» и не было упрековъ въ «москальствѣ».

Въ 1891 г. вышелъ его молитвенникъ для дѣтей — «Ангелъ-Хранитель».

О «Христоматіи церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ» мы подробно говорили выше[3]). По своему матеріалу она распадается на пять отдѣловъ. Въ

---

[1]) См. указанный юбилейный сборникъ въ изд. О-ва им. А. В. Духновича (№ 60).

[2]) Изданіе автора, Ужгородъ, 1890.

[3]) См. «Введеніе», стр. 6. Изданіе книгопечатнаго фонда Епархіи Мукачевской, Ужгородъ, 1894.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

первомъ приводятся тексты книгъ церковныхъ; начинаются они отрывками изъ Остромирова Евангелія, далѣе слѣдуютъ отрывки изъ книгъ, или изданныхъ на Подкарпатской Руси (вѣрнѣе для обихода Подкарпатской Руси), или бывшихъ въ обиходѣ изданій. Во второй части имѣются тексты епископскихъ распоряженій, проповѣдей, книгъ богословскаго и моральнаго характера. Въ третьей — образцы литературнаго творчества XIX вѣка. Далѣе слѣдуютъ статьи о церковнославянскомъ языкѣ (Эммануила Рошковича) и очеркъ историко-литературнаго характера Е. И. Сабова, который и былъ въ сущности до послѣднихъ дней единственнымъ руководствомъ къ изученію карпаторусской литературы. Въ концѣ приведены тексты діалектической записи народныхъ сказокъ.

Въ 1894 г. вышла «Церковно-славянская грамматика» Сабова («Egyházi szláv nyelvtan») на мадьярскомъ языкѣ, какъ пособіе при изученіи языка церкви для достаточно уже омадьяренныхъ въ то время священниковъ, а въ 1897 г. небольшая популярная брошюрка «Что за край Бразилія?»[1]), знакомящая карпатороссовъ съ условіями той страны, куда одно время направлялась переселенческая волна. Послѣ переворота было напечатано нѣсколько рѣчей маститаго патріота, которыя одновременно являются и программою русскаго движенія на Подкарпатской Руси и цѣнными историческими трудами. «Рѣчь по поводу открытія общаго собранія О-ва им. А. В. Духновича 27. XII. 1923 г.»[2]), «Рѣчь по поводу юбилея Т. Г. Масарика, и отрывки рѣчей, напечатанные въ отчетахъ О-ва им. А. В. Духновича, при множествѣ цѣнныхъ историческихъ справокъ могутъ быть названы программами культурно-національной работы на Подкарпатской Руси. О-во им. А. В. Духновича воздвигло четыре памятника своимъ національнымъ дѣятелямъ и писателямъ, и при каждомъ торжествѣ Е. И. Сабовъ держалъ рѣчь. Блестящій ораторъ, Сабовъ въ каждой изъ этихъ рѣчей обрисовываетъ не только личность А. В. Духновича[4]), Е. А. Фенцика[5]), А. И. Добрянскаго[6]) и А. А. Митрака[7]), но и даетъ обширный матеріалъ къ установленію характера и условій эпохи, приводитъ факты изъ общественно-національной жизни, давая основаніе для исторіи

---

[1]) Унгваръ, типографія Сейкеля и Иллейша.
[2]) «Карпатскій Свѣтъ», Мукачево, 1923, №
Масарика»[3]) и отрывки изъ рѣчей, напечатанные въ отчетахъ
[3]) Отчетъ о дѣятельности О-ва им. А. В. Духновича за 1930 г., изд. О-ва № 77.
[4]) «Рѣчь по случаю открытія памятника А. В. Духновичу въ Севлюшѣ, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 14, Ужгородъ, 1925.
[5]) «Рѣчь по случаю открытія памятника Е. В. Фенцика», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 21, Ужгородъ, 1926.
[6]) «Сборникъ статей, посвящ. памяти А. И. Добрянскаго, по поводу открытія его памятника въ Ужгородѣ», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 70, Ужгородъ, 1929, стр. 15—16.
[7]) «А. А. Митракъ, къ открытію его памятника въ Мукачевѣ», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 103, Ужгородъ, 1931.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

культурнаго, національнаго и общественнаго движенія второй половины прошлаго столѣтія. Статью объ А. А. Митракѣ слѣдуетъ особо выдѣлить, такъ какъ она въ сущности является образцовымъ критико-біографическимъ очеркомъ.

Въ цѣломъ рядѣ изданій, начиная съ 1922 г., Е. И. Сабовъ помѣщалъ свои «Воспоминанія»[1]). Здѣсь описаны событія изъ личной жизни, встрѣчи, отдѣльные эпизоды изъ жизни школъ, наконецъ, просто анекдотическія событія изъ исторіи карпаторусской общественности, и все это объединено желаніемъ выявить существо національныхъ стремленій родного края. И любопытно то, что, описывая наиболѣе безотрадную эпоху, связанную съ подавленіемъ національнаго чувства карпаторосовъ, Сабовъ ни однимъ словомъ не укоряетъ поработителей, понимая, что у нихъ были свои цѣли, оправдываемыя с в о и м ъ національнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ и объ уродливыхъ явленіяхъ въ видѣ возрастающаго оппортунизма, но зато любовно, а порою и вдохновенно, повѣствуетъ о томъ, что было сдѣлано русскими наперекоръ судьбѣ, какъ проявлялся скрытый огонекъ національнаго чувства, какъ пѣвались въ уединенныхъ комнатахъ чуть слышно русскія пѣсни, какъ студентъ, рискуя балломъ за поведеніе, отвѣчалъ своему профессору по русски, а тотъ, тоже не безъ риска, принималъ отвѣтъ... «Воспоминанія» насыщены патріотической радостью, которая заражаетъ читателя и вводитъ его въ тотъ потайной міръ, гдѣ оказывались безсильными всѣ репрессіи и ненужными и мелочными проявленія сверхъ-лояльности въ духѣ еп. І. Панковича, Л. Чопея и дѣлателей оффиціальныхъ учебниковъ съ десятками грамматикъ и правописаній.

Е. И. Сабовъ былъ однимъ изъ учредителей и ближайшихъ сотрудниковъ газеты «Наука»[2]), сотрудникомъ «Карпаторусскаго Вѣстника» (Ужгородъ), американскихъ изданій «Просвѣта» и «День»[3]). Нѣкоторыя его статьи печатались въ газетѣ «Русскій Вѣстникъ» (Ужгородъ) и журналѣ «Карпатскій Свѣтъ» (Ужгородъ).

Уже въ 90-хъ годахъ Ю. А. Попрадовъ-Ставровскій приходилъ въ отчаяніе, видя упадокъ національнаго чувства въ рядахъ карпаторусской интеллигенціи. Въ 900-хъ годахъ условія были еще болѣе тяжелыя, однако, у Сабова, глашатая идеи русскаго культурно-національнаго единства, мы напрасно будемъ искать признаковъ унынія и разочарованія. Причины тому — двѣ. Первая коренится въ самомъ существѣ маститаго

---

[1]) «Календарь греко-каѳ. церковныхъ братствъ» на 1922, 1923, 1924, 1925 и 1926 гг., статьи подписаны псевдонимомъ «Е. Ивановъ»; Календарь «О-ва им. А. В. Духновича» на 1927 г.; А. А. Митракъ..., изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 103, въ концѣ помѣщены замѣтки «Изъ воспоминаній».

[2]) См. письмо каноника Ю. Станкая въ «Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича 1922—1926», изд. О-ва, Ужгородъ, 1926, стр. 82—83.

[3]) Въ американскихъ газетахъ Е. И. Сабовъ пользовался псевдонимомъ «Е. Ивановъ».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

историка, который считаетъ напраснымъ проливать слезы тамъ, гдѣ пропитана ими каждая пядь земная. Влюбленный въ свой край, въ свой народъ, бѣдный и бѣдствующій, отвергнутый культурой, но естественно-мудрый, Сабовъ всегда стремится «порадоваться, если, кромѣ свѣжаго воздуха, есть на что порадоваться.» И эта возвышенная радость, обрѣтаемая въ краю непрерывныхъ страданій, удовлетворяетъ не только ея апостола, но и всѣхъ, кто внимаетъ его словамъ. И неудивительно, что Сабовъ, человѣкъ совершенно чуждый демагогіи, исключающій всякаго рода идейныя фантасмагоріи, воспитанный тяжелымъ опытомъ и продумавшій его, — оказался народнымъ вождемъ: вѣдь онъ первый и, пожалуй единственный, кто не сѣтовалъ, что на ученической маёвкѣ пѣлись мадьярскія пѣсни, но отмѣтилъ и порадовался тому, что случайно удалось въ чужой репертуаръ вставить и одинъ русскій номеръ — пропѣть и русскую пѣсню. Другая причина отсутствія у Сабова унынія и разочарованія зависитъ отъ того, что онъ, пережившій разгромъ карпаторусской интеллигенціи въ національномъ отношеніи, наблюдавшій черту ея паденія, не переоцѣнивалъ интеллигентской дѣеспособности вообще. Сабовъ убѣжденъ въ томъ, что національная идея органически заложена въ самую толщу народа, въ его традицію, бытъ, въ его языкъ, въ его творческое начало. Интеллигенція — то латинизировалась, то мадьяризировалась, то пробуждалась къ національной жизни, чтобы снова стать игрушкой судьбы и условій времени, а народная масса, лишенная школы правительства, но учась отъ жизни, не только не утрачивала чувства національнаго достоинства, но и неоднократно принуждала интеллигенцію возвращаться въ русло національной жизни. Проникновеніе въ душу простого народа и было для Сабова утѣшеніемъ и радостью, исходомъ изъ отчаянія, формулированнаго Попрадовымъ въ его «Lasciate ogni speranza».

Это важно отмѣтить въ томъ отношеніи, что въ 900-хъ годахъ патріотическая часть интеллигенціи вообще загорается желаніемъ опереться въ своей національной дѣятельности на народную массу, однако, мыслитъ это по разному. Одни, во главѣ съ Е. И. Сабовымъ, сами стараются возродиться при «уходѣ въ народъ», конечно, не отрицая ни обще-русскаго, ни общечеловѣческаго культурно-національнаго прогресса вообще, — другіе-же, идя въ народъ, уже предполагали себя въ роли культуртрегеровъ и, присваивая себѣ наименованіе «народовцевъ», въ сущности навязывали ему то, что ему и вовсе не принадлежало. Именно объ этомъ уклонѣ и выразился Кириллъ А. Сабовъ, что его литература, писанная «по народному» — «пахнетъ мадьярщиною». Впослѣдствіи это «народовское» теченіе мѣняло свою идеологію по пути наименьшаго сопротивленія.

Что касается языка сочиненій Сабова, то его можно назвать не только литературнымъ, но и художественнымъ. По-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ыклонникъ широты и гибкости русскаго литературнаго языка, Сабовъ достигъ въ своихъ научныхъ и публицистическихъ сочиненіяхъ того, что въ сущности и можетъ быть названо идеаломъ для писателя-карпаторосса. Соблюдая всѣ правила грамматики, онъ сумѣлъ въ своемъ стилѣ и словарѣ соблюсти и то, что характеризуетъ карпаторусскую традицію: стремленіе приблизиться къ русскому литературному языку и не отрываться отъ собственныхъ лексическихъ и стилистическихъ корней, поскольку они не привнесены изчужа.

Другой выдающійся ученый этого времени, д-ръ Василій Николаевичъ Гаджега[1]) происходитъ изъ Русской Поляны въ Мараморошѣ, родился въ 1864 г., гимназію прошелъ въ Ужгородѣ и Левочѣ, въ 1881 г. поступилъ въ богословскую семинарію въ Ужгородѣ, а въ 1883 перешелъ въ центральную семинарію въ Будапештѣ. Въ 1887 г. Гаджега получилъ званіе доктора богословія въ Вѣнѣ, принялъ священническій санъ и въ теченіи десяти лѣтъ былъ сотрудникомъ въ Мараморошскомъ Сиготѣ, Уйгелѣ и др. мѣстахъ. Затѣмъ онъ получилъ назначеніе въ Ужгородѣ при епископской резиденціи, окончательно посвятилъ себя педагогической дѣятельности, состоя директоромъ конвикта и профессоромъ богословской семинаріи.

Литературную дѣятельность В. Гаджеги можно разбить на два періода. Въ началѣ онъ разрабатывалъ почти исключительно вопросы, связанные съ церковной жизнью, при чемъ писалъ и по мадьярски и по русски. Такъ какъ русскіе органы въ это время носили исключительно популярный характеръ, то, естественно, что и сочиненія, напечатанныя въ нихъ («Покровъ Пресв. Богородицы Дѣвы Маріи», «Святой Георгій», «Жизнь св. Василія Великаго», «Соборъ Ефезскій» и др.) были предназначены главнымъ образомъ для народнаго пониманія. Въ «Мѣсяцословахъ» (на 1903—1911 гг.) опубликована болѣе обширная работа популярно-догматическаго характера, а именно толкованіе Символа Вѣры. Въ это-же время по русски въ «Наукѣ» и по мадьярски въ «G. K. Szemle» появляются первыя статьи В. Гаджеги, касающіяся національнаго вопроса, а въ связи съ этимъ обращающіяся къ документамъ прошлаго.

Послѣ переворота В. Гаджега далъ цѣлый рядъ крупныхъ научно-историческихъ изслѣдованій, обнаруживающихъ въ авторѣ исключительное усердіе въ смыслѣ собиранія матеріаловъ. Въ 1922 г. имъ опубликованы «Додатки к исторіи русинов и руських церквей в Мараморошѣ»[2]), а вслѣдъ за этимъ появились аналогичные «Додатки» касательно исторіи

---

[1]) «Д-ръ Василій Ник. Гаджега», Мѣсяцословъ на 1902 г. изд. О-ва св. В. В., Ужгородъ, 1901, стр. 61—65; A. Hartl: Literární obrození Podk. Rusínů v letech 1920—1930, Прага, 1930, стр. 39.

[2]) Науковый Зборник Т-ва «Просвѣта», Ужгородъ, 1922, т. I, стр. 140—226.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

жупъ ужанской[1]), угочской[2]) и земплинской[3]). Въ началѣ «додатка» В. Гаджега излагаетъ исторію жупы (столицы, комитата), а затѣмъ публикуетъ сводки матеріаловъ церковныхъ визитацій, обрисовывающія условія жизни каждой парохіи (прихода) въ XVIII-в. Эти матеріалы имѣютъ огромное значеніе для историка-карпатовѣда вообще, такъ какъ косвенно они выясняютъ не только церковную, но и соціально-экономическую и культурную жизнь края. Въ монографическомъ трудѣ «М. Лучкай»[4]) авторъ пытается возстановить біографію одного изъ крупнѣйшихъ писателей XVIII вѣка, при чемъ даетъ и цѣлыя картины жизни епархіи того времени. Аналогичная попытка сдѣлана В. Гаджегой и въ отношеніи жизнеописанія І. Фогарашія[5]). Далѣе слѣдуетъ отмѣтить научныя статьи: «Перва спроба исторій греко-кае. мукачевскоѣ епархіѣ»[6]). «Два найдавнѣйшѣ наши привилеѣ»[7]), гдѣ приведены грамоты Матвѣя І. (1479 г.) и Владислава II. (1498 г.), «О переселеню кн. Ѳ. Коріатовича до Мадьярщины»[8]), какъ попытку оправдать дату подложной грамоты 1360 г., «Вытяги з лѣтописа Анонима»[9]) и др. Не со всѣми общими заключеніями автора можно согласиться, однако, его труды не теряютъ своей крупной цѣнности, благодаря публикаціи обширныхъ историческихъ и архивныхъ матеріаловъ, источники которыхъ всегда указаны въ примѣчаніяхъ.

Языкъ, которымъ пользуется В. Гаджега не русскій литературный, но и не украинскій; это типичная смѣсь, какъ въ смыслѣ словарномъ, такъ и грамматическомъ, на которомъ говорила городская интеллигенція Подкарпатской Руси прошлаго столѣтія, видѣвшая свое спасеніе въ культурномъ объединеніи съ Галиціей, но не принимавшая въ цѣломъ украинскую сепаратистическую доктрину. Съ идеологической точки зрѣнія В. Гаджега является несомнѣннымъ патріотомъ, защитникомъ своей мѣстной исторіи, какъ національной, такъ и соціально-правовой.

Въ силу продолжительной жизни совмѣстно съ мадьярами, съ силу отсутствія значительныхъ не только ученыхъ, но и культурныхъ центровъ на Подкарпатской Руси, естественно, что часть карпаторусской интеллигенціи, не связанная служебно съ роднымъ краемъ, принуждена была искать поприще дѣятельности на полѣ мадьярской науки, пользуясь, впрочемъ, и матеріалами и темами касательно Подкарпатской Руси. Мы подробно останавливались на творчествѣ карпаторос-

---

[1]) Тамъ-же, 1923, т. II, стр. 1—64 и 1924, т. III, стр. 155—239.
[2]) Тамъ-же, 1925, т. IV, стр. 117—176 и 1926, т. V, стр. 1—62.
[3]) Тамъ-же, т. VII—VIII, 1931, стр. 1—167.
[4]) Тамъ-же, 1927/28, т. VI, стр. 1—128.
[5]) Подкарпатска Русь, 1928, стр. 207—224.
[6]) Науковый Зборник, 1924, т. III, стр. 1—27.
[7]) Тамъ-же, 1927/28, т. VI, стр. 267—274.
[8]) Подкарпатска Русь, 1929, № 7.
[9]) Тамъ-же, 1929, № 8—9.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

совъ, эмигрировавшихъ въ Россію; А. Годинку, Г. Н. Стрипского и А. А. Бонкало съ такимъ-же правомъ можно назвать эмигрантами въ Венгрію со всѣми послѣдствіями, вытекающими отсюда. Ихъ творчество, хотя оно только косвенно касается Подкарпатской Руси, а во многомъ обнаруживаетъ и предвзятую точку зрѣнія, должно быть учтено въ томъ смыслѣ, что оно принадлежитъ карпатороссамъ по происхождению, принявшимъ, однако, не только мадьярскую культурную, но и политическую платформу, правда, въ различной степени. Отличіемъ же ихъ отъ эмиграціи въ Россію является то обстоятельство, что послѣдняя не только не утрачивала своей національной идеологіи, но и успѣшно развивала ее, оказывая вліяніе и на родное свое племя, въ то время какъ эмигранты въ Венгрію, въ большей или меньшей степени, должны были воспринять и новый политическій подходъ къ самой жизни на Подкарпатской Руси, не говоря уже о безкорыстномъ служеніи культурѣ своего народа.

Наиболѣе значительнымъ ученымъ является Антонинъ Годинка (род. 1865 г.), родомъ изъ с. Ладомирова въ восточной Словакіи, состоящій въ настоящее время профессоромъ университета въ Будапештѣ[1]). Пишетъ онъ исключительно по мадьярски и только въ видѣ исключенія по латыни. Изъ его сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ Подкарпатской Руси слѣдуетъ отмѣтить два капитальныхъ труда: «Исторія греко-каѳолической мукачевской епархіи» («A munkácsi görög katholikus püspökség története», Budapest, 1910.) и «Архивъ мукачевской епархіи» («A munkácsi püspökség okmánytára», Ungvár, 1911). Далѣе, за исключеніемъ нѣсколькихъ статей касательно исторіи греко-каѳолической церкви на Угорщинѣ, всѣ его труды относятся къ церковной и политической исторіи южныхъ славянъ, особенно въ отношеніи ихъ къ Венгріи[2]).

Александръ Александровичъ Бонкало (О. Раховскій, род. 1880 г.[3]), сынъ учителя въ Раховѣ, окончивъ гимназію и духовную семинарію въ Ужгородѣ, посвятилъ себя изученію славянской филологіи, сначала въ Будапештѣ, затѣмъ въ Вѣнѣ и, наконецъ, въ Петербургѣ. До 1917 г. состоялъ преподавателемъ гимназіи въ Дёндёши, затѣмъ съ 1919 г. и по 1924 г. занималъ кафедру русской («русинской») литературы и языка

---

[1]) См. «Hodinka Antal» въ «Irodalmi lexikon», Будапештъ, 1927; «Hodinka Antonín» въ «Doplňcích Ottova naučného slovníku, Прага; Antonín Hartl: «Literární obrození..., стр. 56.

[2]) «Отношеніе сербскаго княжества къ Венгріи» («A szerb fejedelemség viszonyai Magyarországhoz» 1889), «Борьба нашей церкви съ босенскими богумилами» («Egyházunk küzdelmei a bosnyák bogomilokkal»), «Источники и первый періодъ сербской исторіи» («A szerb történelem forrásai és első kora»), «Грамоты итальянскихъ архивовъ, относящіяся къ Венгріи» («Magyarországra vonatkozó oklevelek olasz levéltárakból») Hartl: Literární obrození..., стр. 55—56. и др.

[3]) «Bonkáló Sándor» въ «Irodalmi lexikon», Будапештъ, 1927; Ant. Hartl:

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ Будапештскомъ университетѣ, а когда кафедра была уничтожена, ушелъ въ пенсію.

По русски Бонкало написалъ небольшую статью описательно-этнографическаго характера «Изъ околицы Вышной Гисы»[1]) и составилъ нѣчто вродѣ хрестоматіи подъ заглавіемъ «Виімки из угорсько-руського письменства XVII—XVIII вв.»[2]), являющейся, въ сущности говоря, случайнымъ собраніемъ отрывковъ изъ памятниковъ, опубликованныхъ уже ранѣе. Изъ прочихъ работъ, написанныхъ по мадьярски или по нѣмецки, имѣющихъ отношеніе къ карпатороссамъ, слѣдуетъ отмѣтить статьи «Угорскіе русины» («Die ungarländischen Ruthenen»[3]), гдѣ на основаніи діалектологіи авторъ пытается пояснить картину переселенія русскихъ въ Венгрію, «Дополненія къ украинскому словообразованію» («Beitrage zur ukrainischen Wort forschung»[4]), объясняющую нѣкоторые карпаторусскіе діалектизмы, какъ заимствованія изъ мадьярскаго языка, «Фонетическое описаніе малорусскаго нарѣчія изъ околицы Рахова» («A rahói kisorosz nyelvjárás leíró hangtana», Gyöngyös, 1910) и др.

Славянское и русское чувство въ научной дѣятельности А. А. Бонкало проявилось и въ рядѣ его другихъ работъ. Ему принадлежитъ «ознакомительная» работа подъ заглавіемъ «Славяне. Славянскіе народы и славянскій вопросъ»[5]); имъ написаны — «Исторія украинскаго движенія»[6]) и «Исторія русской литературы[7]), являющаяся вкладомъ не только въ литературу пропаганды русскаго творчества, но и въ науку о русской литературѣ вообще.

Значительно болѣе непосредственную и активную роль играетъ въ карпаторусской литературѣ Гіадоръ Николаевичъ Стрипскій (Ядоръ, Біленькій[8]), обратившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ галицкихъ ученыхъ къ систематизаціи и печатанію памятниковъ средняго періода карпаторусской литературы. Въ 1907 г. онъ издаетъ брошюру «Старша руська письменность на Угорщинѣ» (Унгваръ), гдѣ, въ сущности говоря, только учитываетъ все то, что до сихъ поръ было найдено и отчасти опубликовано изъ рукописной литературы на Подкарпатской Руси, при этомъ высказываетъ идею, что въ XVII вѣкѣ писали значительно ближе къ народному языку, чѣмъ

---

[1]) Мѣсяцословъ на 1906 г.,
[2]) Подробнѣе см. ниже въ главѣ 22.
[3]) Archiv für slav. Philologie, т. 36.
[4]) Ung. Jahrbücher, I — 1921.
[5]) A Szlávok. A szláv népek és a szláv kérdés ismertetése. 1905.
[6]) Az ukrán mozgolomtörténete, Будапештъ, 1922.
[7]) Az orosz irodalom története, Будапештъ, 1926.
[8]) В. Бирчакъ: Литер. стремлѣня, стр. 89—91; A. Hartl: Literární obrození..., стр. 54—55; Ю. А. Яворскій: Литературные отголоски «русько-краинскаго» періода въ Закарпатской Руси 1919 г., «Карпаторусскій Сборникъ», изд. ПНС, Ужгородъ, 1931, стр. 79—87.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

это дѣлаютъ писатели въ XIX в., а въ частности И. Сильвай. Это заявленіе совершенно справедливо, но отсюда не слѣдуетъ, что послѣ литературнаго расцвѣта въ теченіи XIX вѣка слѣдуетъ возвращаться къ древнимъ временамъ. Какъ увидимъ ниже, Стрипскій предполагалъ вообще «вышкрабати» изъ карпаторусской литературы всѣхъ писателей XIX вѣка во главѣ съ Раковскимъ, Фенцикомъ и др., совершенно произвольно говоря, что «они не наши». Подобное утвержденіе, впрочемъ, диктовалось не только склонностью автора къ украинско-галицкой идеологіи, но и желаніемъ Будапешта создать на Подкарпатской Руси свою, особую «краину»-украину, оторванную и отъ обще-русской и отъ галицко-украинской культуры, что онъ и началъ воплощать послѣ переворота, оказавшись въ министерствѣ для народныхъ меньшинствъ, которое спѣшно поручило ему выработать «русько-краинскую» идеологію, такъ и не вышедшую въ свѣтъ[1]).

Но каковы-бы ни были взгляды Г. Н. Стрипскаго до 1924 года[2]), ему принадлежитъ заслуга публикаціи цѣлаго ряда старшихъ карпаторусскихъ памятниковъ. Въ статьѣ «Угроруські лїтописні записки»[3]) онъ напечаталъ текстъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ записей, а въ томъ числѣ и Гукливскую лѣтопись; въ статьѣ «Із старшоі письменности Угорськой Руси»[4]) останавливается на литературномъ движеніи въ эпоху XVIII в.; имъ начата была публикація сочиненія Николая Ѳеодоровича — «Помощникъ оу домувствѣ», о которомъ мы говорили выше[5]). Наконецъ, послѣ переворота имъ была издана особая брошюра «Гдѣ документы старшой исторіи Подкарпатской Руси[6]), гдѣ онъ, кромѣ руководства къ собиранію названій селъ, урочищъ и пр., какъ матеріала исторіи вообще и языка въ частности, самъ приводитъ немало матеріаловъ по этому поводу.

Во время войны Г. Н. Стрипскій издавалъ въ Будапештѣ по мадьярски журналъ «Ukránia» («Украина»). Ему-же принадлежитъ и цѣлый рядъ трудовъ, написанныхъ по мадьярски[7]). Подъ всевдонимомъ «Ядоръ» писалъ онъ также и стихи.

А. Годинка, А. А. Бонкало и Г. Н. Стрипскій могутъ быть названы мадьярскими учеными, а въ политическомъ отноше-

---

[1]) См. ниже въ описаніи «русько-краинскаго» періода.

[2]) Въ письмѣ отъ 8 II 1924 г. къ своему племяннику проф. К. И. Стрипскому въ Мукачевѣ Г. Н. Стрипскій пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Чтобъ украинствующихъ наворотить на дорогу истины, надо-бы намъ имѣть треязычный подручный словар: украинскій-польскій-русскій. Читатель сейчасъ узнаетъ изъ сопоставленія, что украинское слово совершенно укрывается польскимъ, а третій столбъ (русскій) само собою рекомендуется для разрѣшенія колыбаній: я этотъ словарь составлю» ...

[3]) Записки Наук. Т-ва Шевченка, Львовъ, 1911, т. CIV, стр. 74—81.

[4]) Тамъ-же, т. CXVII—CXVIII.

[5]) См. стр. 63.

[6]) Ужгородъ, 1924.

[7]) Sztripszky-Alexics: Szegedi Gergely énekeskönyve, Будапештъ, 1911.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ніи и мадьярскими идеологами или проводниками идей, карпатороссами только по происхожденію. Ихъ научныя данныя могутъ быть приняты въ расчетъ, но съ ихъ національными утвержденіями особенно считаться не слѣдуетъ, такъ какъ они диктовались выгодами не карпаторусскаго народа, а подчасъ и прямо противорѣчили имъ[1]).

22. Народническое движеніе. М. А. Врабель. М. Немешъ. І. Мигалка. И. А. Поливка. В. Е. Матяцковъ. Ю. А. Чучка. И. І. Легеза. Учебники. И. Ѳ. Кизакъ. Общественно-патріотическая дѣятельность. Д-ръ С. А. Сабовъ. В. І. Каминскій. Церковная литература.

900-ые годы и начало XX. столѣтія въ отличіе отъ предшествующаго періода въ карпаторусской литературѣ порождаютъ новое явленіе. Въ это время еще заканчиваютъ свой литературный путь крупные писатели въ лицѣ Е. А. Фенцика, И. А. Сильвая, А. А. Митрака, а параллельно начинаетъ выступать писатель многоименный, чаще всего вышедшій изъ народа и пишущій для народа — обо всемъ, что народу полезно. Это теченіе нельзя назвать, съ точки зрѣнія психологической, чѣмъ-то цѣльнымъ, исповѣдующимъ принципъ позитивизма въ искусствѣ; скорѣе оно было просто результатомъ условій самой жизни, и только историкъ въ состояніи отличить его какъ своеобразное теченіе, вынужденное условіями и сложившееся въ нѣчто цѣльное.

Органами печати въ это время были, какъ мы указывали, популярныя газетки «Наука» и «Недѣля», гдѣ требовались небольшія статейки популярнаго характера, разсказы и стихи для народа. Въ «Мѣсяцословахъ», кромѣ указаннаго, можно было печатать популярныя изложенія религіозныхъ темъ и жизнеописанія современныхъ національныхъ и духовныхъ тружениковъ. Изъ книгъ могли появляться только тѣ, которыя получили-бы сбытъ на весьма бѣдномъ книжномъ рынкѣ, т. е. въ первую очередь книги церковныя, или имѣющія отношеніе къ народной религіозной жизни, учебники и пѣсенники. На-

---

[1]) В. Бирчакъ, желая въ силу своихъ соображеній доказать тенденцію карпаторусской литературы къ «сближенію до народноѣ мовы», пользуется именами Ю. Жатковича, А. Волошина и Г. Н. Стрипскаго. О первыхъ мы говорили подробно; что-же касается Г. Н. Стрипскаго, то онъ, какъ и А. Волошинъ, прошелъ многочисленные національные уклоны, правда, въ обратномъ порядкѣ, — отъ украинскаго языка и до отрицанія его въ пользу русскаго литературнаго. Поскольку всѣ эти уклоны совпадали съ оффиціальными требованіями и выгодами, едва-ли на нихъ можно обосновывать литературный періодъ. Фактъ несомнѣнный, что въ XX вѣкѣ литература уходила въ народъ, переходила на діалектъ и избѣгала національныхъ вопросовъ, но фактомъ является и то, что языкъ этой литературы гораздо болѣе ближе стоитъ къ русскому литературному, нежели языкъ оффиціальныхъ учебниковъ, созданный очередными ихъ дѣлателями, въ томъ числѣ и самого Г. Н. Стрипскаго.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ціональная интеллигенція изсякала, переходила на мадьярскій языкъ, единственнымъ потребителемъ оставался народъ, поскольку онъ нуждался въ книгѣ, посѣщая церковь, обучаясь грамотѣ и развлекаясь на досугѣ пѣснями. Если и было въ это время что напечатано для интеллигенціи, то только книги, имѣющія прямое отношеніе къ церковному обиходу, т. е. предназначенныя для священства, которое должно было блюсти во имя общенія съ вѣрующими церковно-славянскій и русскій языкъ, и для массы вѣрующихъ. Самыя темы разсказовъ и стихотвореній не оригинальны; въ большинствѣ онѣ являются только передѣлкой народныхъ сказокъ, анекдотовъ и пѣсенъ, а кромѣ того многіе авторы обращались и просто къ переводамъ съ мадьярскаго, нѣмецкаго и словацкаго языка, или-же къ передѣлкамъ безъ указанія источниковъ.

Мы не будемъ останавливаться на каждомъ изъ писавшихъ въ это время литературнаго измельчанія и упадка, такъ какъ для огромнаго большинства это было скорѣе посильнымъ и случайнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія, нежели отвѣтственной работой писателя; отмѣтимъ только тѣхъ, кто этотъ долгъ исполнялъ систематически, кто во всякомъ случаѣ почиталъ литературу, какъ свое прикладное ремесло, служащее народной пользѣ.

Большую роль въ это время сыгралъ Михаилъ Андреевичъ Врабель[1]), учитель по профессіи, а затѣмъ редакторъ газеты «Недѣля», выходившей въ Будапештѣ. Въ 1892 г. онъ издалъ собраніе карпаторусскихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ «Русскій Соловей». Сборничекъ былъ расчитанъ на простонародье, пѣсни записаны болѣе или менѣе съ діалектическими особенностями того края, гдѣ ихъ пѣли, и имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Это побудило Врабеля отнестись къ дѣлу собиранія болѣе серіозно, и въ 1901 г. вышли его «Угро-русски спѣванки», собранныя главнымъ образомъ на Мараморошѣ. Въ 1898 г. онъ издаетъ «Букварь»[2]), стремясь придерживаться возможно ближе русскаго литературнаго языка и считая, что для народа нужно не изобрѣтать языкъ письменности, но по возможности стиль уже готоваго языка сдѣлать ему понятнымъ. Этотъ букварь былъ принятъ карпатороссами съ большимъ сочувствіемъ и воспиталъ не одно поколѣніе. Стиль, а не языкъ, стремился приспособить къ понятію народа и Врабель-редакторъ. Его «Недѣля», издаваемая въ Будапештѣ, неизмѣнно защищала «милозвучный мало-русскій языкъ» съ этимологическимъ правописаніемъ въ отличіе отъ украинской фонетики. Врабель періодически печаталъ въ своей газетѣ письма читателей съ десятками подписей, которые протестовали противъ «фонетики», а въ сущности говоря противъ украинскаго жаргона, который развился въ Галиціи и къ которому было склон-

---

[1]) Е. И. Сабовъ, Очеркъ..., стр. 31; В. Бирчакъ, Лит. стремлѣния, стр. 86.

[2]) Изданіе О-ва св. Василія Великаго, въ Ужгородѣ, 1898 г., стр. 88.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

но и мадьярское оффиціальное мнѣніе, правда безъ соотвѣтствующей идеологіи. Врабелю принадлежитъ и рядъ популярныхъ статей, какъ въ «Недѣлѣ», такъ и въ «Листкѣ», «Мѣсяцословахъ» и др. изданіяхъ.

Одновременно съ Врабелемъ къ собиранію фольклора обращается Михаилъ Немешъ[1]), пѣвцоучитель въ Углѣ, скромный сотрудникъ «Свѣта», «Карпата», «Науки» и ряда мадьярскихъ изданій. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей историческаго и этнографическаго характера, изъ которыхъ отмѣтимъ «Углянское епископство» (1902), «Описаніе народной свадьбы въ Углѣ» (1891) и «Народнѣ суевѣрнѣ приказки» (1911[2]), написанныя по русски. Одновременно онъ собираетъ и публикуетъ народныя пѣсни[3]). Въ 1895 г. онъ былъ избранъ членомъ «Мадьярскаго Этнографическаго Общества» («Magyar néprajzi-társaság»).

Ревностнымъ сотрудникомъ «Науки» и «Мѣсяцослововъ» былъ Іоаннъ Мигалка (род. 1863 г.[4]) пѣвцоучитель въ Терновѣ, а затѣмъ школьный инспекторъ. Мигалка не только собиралъ и публиковалъ народныя пѣсни, но и самъ пытался имъ подражать, стремясь внести въ простонародный бытъ поэзію, приспособленную къ различнымъ случаямъ. Ему принадлежитъ сборникъ «Великій Цвѣтословъ», гдѣ собраны пѣсни на праздничные дни и особые случаи сельской и семейной жизни (поздравленія, привѣтствія и др.), а также и собраніе спеціально церковныхъ пѣснопѣній («Церковныя пѣсни»). Въ своихъ прозаическихъ вещахъ Мигалка пользуется народными былями, анекдотами, перерабатываетъ ихъ, дополняетъ поучительнымъ элементомъ и стремится передать мѣстный бытовой юморъ. («Якъ научился Гриць жену честовати», «Гриць-спѣвакъ—жидовскій слуга» и др.). Ему принадлежитъ составленіе «Угорско-русскаго учебника», предназначеннаго для низшихъ школъ.

Въ «Наукѣ», а затѣмъ въ «Русской Землѣ» изрѣдка писалъ Иванъ Андреевичъ Поливка (1866—1930), другъ и издатель А. И. Павловича, пѣвцоучитель, а впослѣдствіи школьный инспекторъ[5]). Поливка писалъ въ двухъ направленіяхъ; съ одной стороны, выступалъ, какъ смѣлый русскій патріотъ, а въ частности въ защиту того литературнаго языка, который установился въ карпаторусской письменности, кото-

---

[1]) «Михаилъ Немешъ», Мѣсяцословъ на 1900 г., стр. 33—35.

[2]) См. въ «Мѣсяцословахъ» на указанные годы.

[3]) Печатались разрозненно въ различныхъ изданіяхъ, а въ качествѣ небольшого собранія имѣются въ «Мѣсяцословѣ» на 1900 г. - «Народнѣ спѣванки».

[4]) «Іоаннъ Мигалка», Мѣсяцословъ на 1900 г., стр. 37—39; Ant. Hartl: Literární obrození Podkarpatských Rusínů 19.0—1930, Прага, 1930, стр. 51.

[5]) «Ив. Анд. Поливка», Карпатскій Свѣтъ, 1930, Ужгородъ, стр. 1033 1034; «Молодая Русь», Прага, 1930, № 7—8; некрологъ въ «Русской Землѣ», 7 X 1930 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

рый имѣетъ «общерусскую правопись, термины литературнаго русскаго языка», а кромѣ того допускаетъ и «свободное пользованіе особенностями нашего малорусскаго нарѣчія». Этотъ языкъ и изданныя на немъ книги «понятны были не только образованному, ученому, но также и малообразованному и только грамотному русину» «отъ Попрада ажъ до Тисы». «Кромѣ того его понималъ всякій русскій — «и закарпатскій русскій братъ нашъ, такъ галичанинъ, какъ и россіянинъ, хотя-бы и самый коренный москвичъ». Однако, этотъ языкъ въ корнѣ отличается отъ «выдуманной, странной письменности» «братьевъ нашихъ сепаратистовъ украинцевъ»[1]). Это утвержденіе чрезвычайно характерно для всей группы писателей-народолюбцевъ предвоеннаго времени, отстаивающихъ, хотя-бы и съ мѣстными особенностями (что въ сущности и понятно при ихъ желаніи спасти низшую школу), но русскій языкъ. Съ другой стороны, Поливкѣ принадлежитъ цѣлый рядъ статей и отдѣльныхъ брошюръ популярнаго характера[2]). Имъ-же былъ составленъ и универсальный учебникъ «Учебная книга реальныхъ наукъ для Подкарпатскихъ — угро-русскихъ-народныхъ школъ повседневнаго и повторительнаго ученія»[3]) въ 2 книжкахъ и 6 частяхъ, обнимающихъ свѣдѣнія по исторіи, географіи, физикѣ, естествовѣдѣнію, хозяйству и письмоводству. Книги эти получили широкое распространеніе не только на Подкарпатской Руси, но и въ районѣ поселеній въ округѣ Бачки. Большое количество сочиненій и трудовъ Поливки осталось неопубликованными. Изъ нихъ мы особо отмѣтимъ его статью съ параллельными текстами — «О карпаторусскихъ и словацкихъ пѣсняхъ», гдѣ онъ доказываетъ широкое обоюдное заимствованіе. Кромѣ того имѣется и собраніе народныхъ пѣсенъ карпаторусскихъ вообще (около 140). Учительствуя въ теченіи 22 лѣтъ въ Вышнемъ Свидникѣ, И. А. Поливка пользовался пѣсеннымъ обиходомъ именно этого района, гдѣ карпатороссы тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ восточнымъ словакамъ[4]).

Въ это-же время тексты народныхъ пѣсенъ публиковали Петръ А. Долинай, одновременно переводившій нравоучительные разсказы съ нѣмецкаго и итальянскаго, Августинъ И. Гегедюшъ, священникъ въ Сачуровѣ, Павелъ Бѣгунъ, въ то время богословъ, Іоаннъ Паппъ, пѣвцоучитель въ Стройно, Александръ Шерегій, священникъ въ Мѣдяницѣ, напечатавшій и небольшое собраніе пословицъ, Исидоръ Бѣлакъ и др. Имъ же принадлежатъ и популярныя статьи,

---

[1]) Въ статьѣ «Средній путь — правый путь», «Русская Земля», Ужгородъ, 1928.

[2]) Подъ его редакціей въ О-вѣ им. А. В. Духновича вышло 6 книжечекъ «Народной Библіотеки» популярнаго характера (№№ изданій 3, 4, 5, 6, 9 и 10).

[3]) Пряшевъ, 1890.

[4]) Рукописи хранятся у Ивана Шлепецкаго въ Вышнемъ Свидникѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

главнымъ образомъ религіознаго или историческаго содержанія.

Наиболѣе оригинальнымъ писателемъ этой эпохи эклектизма былъ Василій Е. Матяцковъ[1]), священникъ по профессіи и диллетантъ, увлекающійся поэзіей вообще. Такъ какъ въ это время въ мадьярской, и особенно нѣмецкой литературѣ, обозначилось модернистическое теченіе, обращавшее вниманіе особенно на форму стиха, въ частности на ритмику и композицію образовъ, то и Матяцковъ въ своихъ стихахъ въ извѣстной мѣрѣ пытается быть чистымъ лирикомъ эстетическаго уклона. Въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Солнце», «Весною», «Хожу-брожу», «Расцвѣли цвѣты» онъ передаетъ свои личныя переживанія по примѣру импрессіонистовъ. Лиричность преобладаетъ и въ его религіозныхъ пѣсняхъ («О, Маріе...», «Пресвятая дѣва», «Ты моя крѣпость, Господи» и др.). Лирика модернистовъ вообще пренебрегала патріотическимъ и національнымъ чувствомъ, а на Подкарпатской Руси и внѣ зависимости отъ нея насталъ періодъ замалчиванія подлинно-вдохновеннаго патріотическаго чувства въ силу внѣшнихъ политико-національныхъ условій. Въ это время новое поколѣніе, не переживавшее временъ расцвѣта надеждъ 50 и 60-хъ годовъ, видѣвшее только постоянно суживающійся кругъ національныхъ правъ, и не безъ достаточнаго основанія начинаетъ говорить о національномъ окольными путями; вмѣсто «русскій народъ» встрѣчается невинное — «нашъ народъ», а иногда и болѣе двусмысленно — «греко-каѳолическій народъ» и т. д. Въ результатѣ приходилось считать патріотическимъ фактомъ самое наличіе скудной, но русской печати. К. П. Сабовъ, помнившій время національнаго энтузіазма, оцѣнивая «Науку», восклицалъ: «Какъ не одобрять, когда она печатается русскими буквами!». И вотъ В. Е. Матяцковъ изъ новаго поколѣнія и былъ единственнымъ поэтомъ, вспомнившимъ о Руси. Въ своемъ стихотвореніи «На годовщину смерти бл. п. Владиміра (Е. Фенцика) и Уріила Метеора», обращаясь къ почившимъ патріотамъ, онъ говоритъ о «смертной тишинѣ», наступившей «вмѣсто блеска жизни», о боли, сжимающей «всѣхъ русскихъ грудь» и о безысходности, въ которой оказалась «злополучна мати Русь». Тотъ-же мотивъ изсякающей Руси звучитъ и въ его стихотвореніи «О, стройте, братья...». По примѣру прочихъ народолюбцевъ, Матяцковъ писалъ популярныя статьи на религіозныя темы, а также небольшіе поучительные разсказы («Якъ изучился хлѣбопродавецъ «Отче нашъ» у», «Короткія поучительныя приключенія» и др.), но темы ихъ не оригинальны.

Прочіе поэты-диллетанты этого времени — Александръ Вашковичъ, А. Келлій, Иванъ Чабинякъ и др. да-

[1]) В. Бирчакъ, Литературнѣ стремлѣня, стр. 82.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

вали почти исключительно переводныя вещи — съ нѣмецкаго, мадьярскаго и словацкаго языковъ.

Не лучше дѣло обстояло и съ художественной прозой. Она тоже была или передѣлкой народныхъ сказокъ и былей, или вольнымъ переводомъ съ другихъ языковъ.

Изъ прозаиковъ особо слѣдуетъ отмѣтить Юлія А. Чучку съ его «исторической повѣстью» «Василь Пузнякъ» и живо написаннымъ бытовымъ разсказомъ «Кого сорока на хвостѣ принесла«. Авторъ ихъ, будучи редакторомъ «Мѣсяцослововъ». въ достаточной мѣрѣ владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ, но въ разсказахъ, желая придать имъ мѣстный колоритъ и сохранить живость простонародной рѣчи, онъ воспользовался многими діалектическими формами, что, дѣйствительно, слѣдуетъ у него признать художественнымъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію повѣствовательный даръ Чучки остался незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ.

Краткія бытовыя исторійки и анекдоты писалъ Иринеій Іосифовичъ Легеза[1]) (1861—1929), приходскій священникъ въ Кленовѣ, а затѣмъ Турья Пасѣкѣ съ титуломъ намѣстника. По существу это былъ типичный защитникъ своего народа. Исполняя свою священническую должность, онъ постоянно входилъ въ нужды своихъ селянъ и затѣвалъ реформы. Организовывалъ кредитныя кассы, кооперативы, братства трезвости, закупалъ участки земли на десятки и сотни тысячъ коронъ для пользованія всего села. Благодаря этому онъ былъ въ постоянномъ конфликтѣ съ помѣщиками, но, зная свою правоту, передавалъ дѣло въ судъ и десятками лѣтъ отстаивалъ народные интересы. Во время войны И. І. Легеза, какъ патріотъ и народолюбецъ, былъ арестованъ, приведенъ въ Ужгородъ, гдѣ подвергся издѣвательствамъ со стороны мадьярской черни, а затѣмъ препровожденъ въ тюрьму въ Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ. Послѣ переворота возвратился въ Турьянскую Пасѣку и продолжалъ священствовать.

Разсказы Легезы написаны съ діалектическимъ колоритомъ и всегда имѣютъ поучительный элементъ. («Бочка съ сливами», «Скупый Ицко» и др.). Темы ихъ не всегда оригинальны, однако, авторъ умѣлъ придать имъ мѣстныя черты и подробности, что, въ сущности, и составляетъ ихъ цѣнность. Его многочисленныя статьи касаются самыхъ разнообразныхъ воспросовъ, какъ духовной, такъ и хозяйственной жизни простого народа.

Популярныя статьи для народа писали: Іоаннъ Торма, учитель изъ Зарѣчева[2]), а затѣмъ неутомимый Якубянскій (Іоаннъ Бакошъ); Юлій А. Чучка и Константинъ Невицкій, бывшіе нѣкоторое время редакторами «Мѣсяцослововъ».

---

[1]) См. о немъ «Мѣсяцословъ» на 1911 г., стр. 67—69; некрологъ въ «Карпатскомъ Свѣтѣ», Ужгородъ, 1929, № 7—8—9, стр. 638.

[2]) Мѣсяцословъ на 1906 г., Ужгородъ, см. статью «Іоаннъ Торма».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Юлій Дрогобецкій[1]), впослѣдствіи епископъ крижевацкій и Петръ Гебей[2]), впослѣдствіи епископъ мукачевскій; Иванъ Фленьковъ, Ѳеодоръ Легеза[3]), Михаилъ Мейгешъ, Михаилъ Скубеничъ[4]) и многіе другіе.

Значительный интересъ, какъ мы видѣли, проявляется и въ области школьно-учебной литературы. Кромѣ колеблющагося, но несомнѣнно много поработавшаго въ этой области Волошина, кромѣ Врабеля, Поливки и Мигалки, слѣдуетъ указать труды — Михаила А. Валковскаго, профессора пряшевской гимназіи, издавшаго «Исторію Угорщины для употребленія въ народныхъ училищахъ епархіи пряшевской»[5]) каноника Александра Ройковича, автора «Географіи для народныхъ школъ»[6]), Михаила Григашія, сельскаго учителя, составившаго «Простонародное Естествознаніе»[7]), а особенно Іоанна Федоровича Кизака (1856—1929[8]), каноника и архидіакона въ Пряшевѣ, который, состоя надзирателемъ церковныхъ народныхъ школъ, немало способствовалъ вообще національному просвѣщенію своего округа. І. Ф. Кизакъ былъ составителемъ и издателемъ пряшевскихъ «Мѣсяцословъ», поэтомъ, писавшимъ патріотическіе по духу стихи для учащейся молодежи и для народа, составителемъ и издателемъ популярныхъ библій и молитвенниковъ и авторомъ или редакторомъ цѣлаго ряда учебниковъ для народныхъ школъ[9]). Послѣ переворота Кизакъ былъ центромъ національнаго движенія въ Пряшевщинѣ, организаторомъ «Русскаго Клуба» и основателемъ «Русскаго Народнаго Дома«.

Въ связи съ общей патріотической дѣятельностью Кизака, слѣдуетъ упомянуть о д-рѣ Симеонѣ Андреевичѣ Сабовѣ (1863—1929), каноникѣ-прелатѣ въ Ужгородѣ[10]). Какъ писатель, онъ работалъ только въ области церковной догмы, но его національная стойкость выразилась въ томъ, что онъ передалъ О-ву им. А. В. Духновича въ Ужгородѣ денежный фондъ (40.000 кч.) со спеціальной цѣлью — ежегодно устраивать литературные конкурсы на соисканіе преміи, подчеркивая, что представленныя работы должны быть написаны на русскомъ

---

[1]) См. Мѣсяцословъ» на 1893 г., стр. 100—104.

[2]) См. «Мѣсяцословъ» на 1907 г., стр. 58—61; на 1913 г., стр. 45—48; «Карпатскій Свѣтъ», Ужгородъ, 1931, № 3—4, стр. 1176—1177.

[3]) «Мѣсяцословъ», стр. 53—55.

[4]) См. «Мѣсяцословъ» на 1913 г., стр. 81—83.

[5]) Пряшевъ, 1880, стр. 64.

[6]) Пряшевъ, 1880.

[7]) Львовъ, 1883.

[8]) См. некрологъ въ «Карпатскомъ Свѣтѣ», Ужгородъ, 1929, №№ 7—8—9, стр. 636—637.

[9]) Его направленіе характеризуютъ: «Букварь для народныхъ школъ епархіи пряшевской», вышедшій въ 3 изданіяхъ (1919—1921); «Руководство къ фономимическому букварю», Пряшевъ, 1920; «Мѣсяцословы» на 1919—1923 гг. и др.

[10]) Симеонъ Андр. Сабовъ», изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 53, Ужгородъ, 1929.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

языкѣ и служитъ интересамъ русскаго народа. Имъ же оставленъ и фондъ для ежегоднаго вспомоществованія двумъ русскимъ студентамъ[1]).

Такой-же патріотической личностью являлся и Викторъ Іосифовичъ Каминскій (1854—1929[2]), директоръ учительской семинаріи въ Ужгородѣ и послѣдній директоръ О-ва св. Василія Великаго. Въ сущности говоря, если бы не проявился пламенный патріотизмъ Каминскаго, требовавшій открыто защищать идеи основателей О-ва противъ травли мадьярскихъ газетъ, то О-во закрылось бы еще въ 1897 году. Впослѣдствіи онъ былъ однимъ изъ основателей О-ва «Уніо» и его директоромъ, редакторомъ «Görög-katholikus Szemle», какъ органа защищающаго греко-каѳолическіе, т. е. фактически карпаторусскіе интересы, ближайшимъ сорудникомъ «Науки» и, наконецъ, просто борцомъ за права русской традиціи. Когда во время войны возникли вопросъ о реформѣ календаря и намѣреніе «отстранить» кириллицу, Каминскій подалъ епископу Антонію Паппу обширный меморандумъ, въ которомъ прямолинейно заявилъ, что нельзя безъ согласія и воли народа, только въ цѣляхъ мадьяризаціи, порывать съ церковной и культурной традиціей. Извѣстенъ Каминскій, какъ издатель проповѣдей І. Чурговича. о которыхъ мы говорили выше.

Продолжалась дѣятельность и въ области церковной литературы. Въ 1876 г. каноникъ Александръ Ройковичъ издалъ «Сокращенный Катехисъ», а затѣмъ «Молитвенникъ для восточныя церкви православныхъ христіанъ». Обѣ книги вышли въ Будапештѣ. Илья Дубай, священникъ пряшевской епархіи, перевелъ на русскій языкъ (т. е. на церковно-славянскій) «Библію» Родера. Особенно-же церковная литература начала развиваться послѣ организаціи О-ва «Уніо», которое имѣло къ тому типографію. Особенно въ этой области потрудился д-ръ Александръ Микита, каноникъ-протоіерей въ Ужгородѣ[3]), Ю. Мелле шъ[4]), каноникъ, а затѣмъ спископъ Петръ Ге-

---

[1]) Изъ фундац. акта литературн. фонда: «Издаваемое сочиненіе всегда должно служить цѣли культурнаго подъема и укрѣпленія народнаго сознанія, что русскій народъ — единъ, какъ единъ его языкъ...» Изъ фундац. акта школьнаго фонда: «Право получити (помощь) имѣютъ, во первыхъ, мои родственники по плоти, греко-каѳолической вѣры и сознательны русскіе люди, т. е., которы умѣютъ и чувствуютъ по русски. Если-же бы таковыхъ не оказалось, въ томъ случаѣ стипендіи можно будетъ дати и чужимъ, но всегда только русскимъ... Украинствующіе-же Подкарпатской Руси на стипендію рефлектовати не могутъ».

[2]) Е. Ивановъ (Е. И. Сабовъ): Викторъ Каминскій, «Мѣсяцословъ» на 1898 г., стр. 25—27; некрологъ въ «Карпатскомъ Свѣтѣ», Ужгородъ, 1929, №№ 7—8—9, стр. 633—635.

[3]) О А. Микитѣ, см. статьи въ «Мѣсяцословахъ» на 1906 г., стр. 42—45 и 1911 г., стр. 85—90. Издалъ онъ малую и великую «Литургику», малую и великую «Церковную исторію», малый, средній и великій «Катехизмы», «Церковный Типиконъ и по латыни «Патрологію». Болѣе мелкихъ изданій не перечисляемъ. Изд. «Уніо».

[4]) См. о немъ «Мѣсяцословъ» на 1907 г., стр. 28—30; «Церковна исторія» и «Литургика» въ изд. «Уніо».

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

бе й[1]), Эммануилъ Р о ш к о в и ч ъ[2]), д-ръ Георгій Ш у б а[3]). Эмиліанъ Ж е л т в а й[4]), Конст. Невицкій[5]) и др. Особо слѣдуетъ отмѣтить Эмиліана М у с т я н о в и ч а[6]), который кромѣ книгъ церковно-религіознаго значенія писалъ также и статьи историческаго характера, изъ которыхъ отмѣтимъ «Юбилей литературной дѣятельности Ю. Жатковича» (1907) и «Епископъ В. Поповичъ» (1911[7]). Эмиліанъ К у б е к ъ въ 1905 г. издалъ обширный «Церковный Словарь», въ которомъ имѣются толкованія церковно-славянскихъ словъ на русскомъ, мадьярскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Выше мы говорили о трудахъ въ этой области Е. А. Фенцика, Игнатія, Рошковича, д-ра Василія Гаджеги и др. Подробно на этой области литературы останавливаться мы не будемъ, такъ какъ въ это время она является только параллельнымъ движеніемъ, сопровождающимъ художественное и научное творчество, въ достаточной мѣрѣ характеризующее эпоху.

23. 1914—1917 годы. «Русько-краинскій» періодъ. Присоединеніе къ Чехословацкой Республикѣ. Замѣчанія о современной литературѣ. Изустная народная литература.

Война застигла карпаторусскую литературу уже въ достаточно удушенномъ состояніи. Все поприще къ публикаціи ограничивалось двумя, изъ года въ годъ тощающими и обезцвѣчивающимися, газетками для народа («Наука» и «Недѣля»), да «Мѣсяцословами» О-ва «Уніо», съ 1910 года все больше и больше переходившими на галицко-украинскій жаргонъ, однако безъ идейныхъ признаковъ этого перехода въ содержаніи. По справедливому замѣчанію К. А. Сабова, все національное значеніе этихъ изданій заключалось только въ томъ, что печатались они еще русскими буквами. Художественно-литературныя произведенія изсякали совершенно, а наука и публицистика переходили на мадьярскій языкъ.

Война оставила карпатороссамъ только одинъ «Мѣсяцословъ», который въ періодъ съ 1915 и по 1919 гг. старался писать о чемъ угодно, только не о современности. Въ школьныхъ учебникахъ былъ воспрещенъ русскій алфавитъ и предложено было пользоваться латинскимъ съ мадьярской транс-

---

[1]) «Слово Божіе», проповѣди на всѣ недѣли и праздники года, изд. «Уніо».

[2]) См. о немъ «Мѣсяцословъ» на 1897 г., онъ издалъ молитвенники «Хлѣбъ душевный», «Ангелъ Господенъ» и «Малый Сборникъ».

[3]) «Проповѣди на праздники» въ изд. «Уніо».

[4]) См. о немъ «Мѣсяцословъ» на 1907 г., стр. 130—132; издалъ «Краткое Богословіе пастырское» (1890).

[5]) «Благовѣстникъ», проповѣди катехитичніи.

[6]) «Церковная исторія», «Литургика», переводъ «Библіи» Іосифа Гергеля и др.

[7]) Напечатаны въ «Мѣсяцословахъ» на указанные годы.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

крипціей. Пять лѣтъ карпатороссы жили изустно и при этомъ каждый за себя.

Осенью 1918 года Австро-Венгерская имперія распалась. Національно-сплоченные народы, обладающія національнымъ и политическимъ опытомъ въ прошломъ, смыкали свои ряды во имя свободной національной государственности, наспѣхъ выставляли ряды защитниковъ завоеванныхъ и еще ранѣе осознанныхъ и формулированныхъ правъ.

Національно недобитый, а соціально-экономически нищій, карпаторусскій народъ, конечно, не могъ — ни выявить свою волю, ни воспрянуть вѣрою въ свои силы. Вѣковое сожительство съ мадьярами, кромѣ политической общности, создало у карпаторусской интеллигенціи цѣлый рядъ родственныхъ и имущественныхъ узъ. Съ другой стороны, мадьяры вовсе не были склонны безъ боя уступать территорію Подкарпатской Руси и, по опыту прошлаго, рѣшили пріобрѣсти симпатію карпаторусской интеллигенціи миражемъ автономной области — «Руськой Крайны»[1]). Создалась эта «краина» по волѣ 150 лицъ, приверженцевъ мадьяръ, которые и представляли въ Будапештѣ учредительное собраніе. Былъ назначенъ губернаторъ «краины» и полномощный министръ, но о самой автономіи и ея конкретныхъ мѣропріятіяхъ вообще не было рѣчи. «Руська Краина» просуществовала недолго и послѣ коммунистическаго переворота въ Венгріи превратилась въ «народное комиссарство».

Не только народъ, но и карпаторусская интеллигенція до самаго послѣдняго времени не имѣли и представленія о томъ, какого рода культурно-національная платформа заготовлялась въ Будапештѣ для «автономной» краины. Въ настоящее время, благодаря трудамъ Ю. А. Яворскаго, мы узнаемъ о тѣхъ учебникахъ и книжкахъ, которые прекратили свое существованіе въ типографіи.

Во главѣ поспѣшно и безосновательно созданной явочнымъ порядкомъ просвѣтительной комиссіи въ Будапештѣ оказался Г. Н. Стрипскій. Онъ-же былъ и редакторомъ газетки «Русько-Країнська Правда». Ему-же принадлежитъ и «Читанка для дорослих»[2]), гдѣ авторъ воплощаетъ уже и ранѣе высказанную имъ идею созданія спеціальнаго «русинскаго» или «русько-краинскаго» языка на основѣ мѣстныхъ нарѣчій съ фонетическимъ правописаніемъ. Относительно карпаторусскихъ кориѳеевъ — Духновича, Материна-Митрака, И. Сильвая, Раковскаго, Добрянскаго, Яновича и Фенцика — апо-

---

[1]) См. Ю. А. Яворскій: «Литературные отголоски «русько-краинскаго» періода въ Закарпатской Руси 1919 года», «Карпаторусскій Сборникъ», изд. ПНС, Ужгородъ, 1931, стр. 79—87. Тамъ-же указана и литература, относящаяся къ этому періоду.

[2]) Изъ типографіи не вышла. Полное заглавіе: «Русько-країнська Бібліотека. Число 1. Читанка для дорослих. Уложив Ядор. Мукачово. 1919», стр. 80.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

столъ «русько-краинской» идеологіи выражается, что ихъ нужно «вышкрябати изъ нашої літературы, бо они не наши». Взамѣнъ этихъ «вышкрябаныхъ» Стрипскій предлагаетъ для «Русько-Краінцôв» — Стефана Тесловича, Ѳеодора Дулишковича и Михаила Андреллу — «се наша славна тройця літературы «Русько-Країнськоі!». Однако, изъ этой «славной троицы» два первыхъ были только владѣльцами книгъ, а не писателями ихъ, а М. Андрелла, какъ мы указывали, самъ возражалъ противъ писанія «спросту»[1]).

Одновременно Стрипскій покусился издавать и «Памятки русько-країнськоі мовы и літературы», гдѣ началъ публикацію «Помощника оу домувствѣ» Н. Ѳеодоровича[2]).

Въ качествѣ руководства къ изученію «русько-краинской» литературы составилъ случайную выборку изъ литературы старшаго періода другой карпаторосс ъ — Д-ръ А. А. Бонкало (О. Рахівський) — «Виімки из угорсько-руського письменства XVII—XVIII вв.»; книжка вышла на правахъ рукописи, изобилуетъ опечатками, а съ педагогической точки зрѣнія и вообще представляетъ куріозъ.

Какъ справедливо отмѣчаетъ Ю. А. Яворскій, вся эта литература, а вмѣстѣ и газета, проникнуты были «специфической «русько-краинской», т. е., въ сущности, просто «украинской тенденціей, которою новая мадьярская, все равно — «автономная» или «совѣтская» — власть, повидимому, предполагала подъ шумокъ просвѣтить и осчастливить застигнутый врасплохъ карпаторусскій народъ».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1919 г. началась частичная оккупація Подкарпатской Руси румынскими и чехословацкими войсками. 8 мая 1919 г. произошло объединеніе пряшевской, ужгородской и хустской народныхъ радъ въ одну Центральную Русскую Народную Раду, которая и рѣшила, что Подкарпатская Русь добровольно присоединяется къ Чехословацкой Республикѣ, какъ автономная единица[3]). Это рѣшеніе было подтверждено 10 сентября того-же года въ Санъ-Жермэнѣ.

20 II 1920 г. была опубликована конституціонная грамота Чехословацкой Республики, по которой Подкарпатская Русь была признана «нераздѣльной слагаемой частью» всего государства, «самоуправляемой областью», которой «будетъ обезпечена широчайшая автономія, согласующаяся съ единствомъ Чехословацкой Республики» (гл. I, § 3, п. 1). Во главѣ Под-

[1]) Стефана Тесловича Стрипскій путаетъ со Стефаномъ Тесловцёвымъ, владѣльцемъ сборника указаннаго нами на стр. 57 — (5). Ѳ. Дулишковичъ также былъ только владѣльцемъ учительнаго евангелія, указаннаго на стр. 55. Подробно см. въ указанной статьѣ Ю. А. Яворскаго.

[2]) Выдае Українське Выдавниче Товариство «Час». Томъ I. Впорядив и пояснив Др. Гіядор Стрипський. Будапешт, Унїверзитетська Печатня. 1919, стр. 4 непум. + 16. См. стр. 63.

[3]) Вообще о дѣятельности Ц. Р. Н. Р. см. І. Каминскій: Дѣятельность Центр. Русской Народной Рады, Ужгородъ, 1927.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

карпатской Руси долженъ стоять губернаторъ, назначаемый правительствомъ и отвѣтственный передъ сеймомъ (п. 6). Сейму-же дается право рѣшать о дѣлахъ языковыхъ, школьныхъ, религіозныхъ, мѣстнаго самоуправленія и иныхъ, которыя ему установятъ законы республики (п. 4).

На этомъ, собственно говоря, кончается исторія карпаторусской литературы и открывается ея современность, проте-кающая въ совершенно новыхъ условіяхъ, которая можетъ быть предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Если прошлое, не только карпаторусской литературы, но и вообще судебъ карпаторусскаго народа, умышленно и неумышленно отходило въ область забвенія, дошло до нашихъ дней скорѣе въ видѣ преданій, нежели подлинныхъ матеріаловъ, то карпаторусская современность, въ силу измѣненія государственности и ея отношеній къ подвластнымъ ей народамъ, вызвала и широкій интересъ и свободную о ней дискуссію. Не говоря уже о томъ, что прошлое Подкарпатской Руси открыто современностью, но ея жизнь, бытъ и творчество, какъ они слагаются въ наши дни, являются предметомъ научныхъ, описательныхъ и критическихъ трудовъ. Правда, не всѣ утвержденія этихъ трудовъ могутъ быть приняты исторической наукой, такъ какъ, во первыхъ, современность всегда пристрастна; во вторыхъ, отсутствіе установившагося и систематизированнаго понятія о прошломъ, конечно, отражалось не только на трудахъ критиковъ, но и на сущности самаго процесса развитія творческой карпаторусской мысли. Это необходимо имѣть ввиду при учетѣ современной литературы о Подкарпатской Руси и о ея современномъ культурномъ и литературномъ творчествѣ въ частности[1]).

Къ современной литературѣ слѣдуетъ отнести и творчество карпатороссовъ, эмигрировавшихъ, начиная съ 1872 г., въ Америку и нынѣ проживающихъ въ С. А. С. Ш. въ числѣ 400.000 человѣкъ. Карпатороссы въ Америкѣ имѣютъ цѣлый рядъ культурно-національныхъ организацій, прессу, а слѣдовательно и писателей, но все это совершенно не учтено и ни-

---

[1]) Общіе труды о современной Подкарпатской Руси разнообразны по своимъ точкамъ зрѣнія. Главнѣйшіе изъ нихъ: «Podkarpatská Rus», сборникъ статей, изд. «Orbis», Прага, 1923; «Восемь лекцій о Подкарпатской Руси», изд. «Чешской Школы Политическихъ Ученій», Прага, 1925 (на русскомъ и на чешскомъ языкахъ); «Карпаторусскія Достиженія», сборникъ подъ ред. А. В. Попова, Мукачево, 1930.

Наиболѣе полныя данныя къ учету современнаго карпаторусскаго литературнаго творчества имѣются въ статьяхъ: Antonín Hartl: Literární obrození Podkarpatských Rusínů v letech 1920—1930, «Slovánský Přehled», Прага, 1930, III—VII (имѣется и особый оттискъ); Е. Недзѣльскій: Десять лѣтъ карпаторусской литературы», «Центральная Европа», Прага, 1929, №№ 12—13; то-же перепечатано въ вышеуказанномъ сборникѣ «Карпаторусскія достиженія»; его-же: Desať rokov karpatoruskej literatury, «Slovenské Pohľady», Турч. св. Мартинъ, 1929, № 6—7, стр. 503—506; П. Федоръ: Очерки..., стр. 17, 70—76; Романъ Русинъ: О карпаторусской литературѣ, «Русская Земля», 1931, іюнь.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

гдѣ не описано надлежащимъ образомъ. Литературное творчество тамъ начало развиваться главнымъ образомъ въ самомъ концѣ XIX вѣка и началѣ XX-го съ полнымъ соблюденіемъ традицій «стараго края», т. е. въ русскомъ національномъ духѣ и съ сознаніемъ національной значимости восточнаго обряда.

Имѣется также небольшая карпаторусская колонія въ округѣ Бачки въ Югославіи, старшее литературное творчество которой нами было отмѣчено. Изучить современное творчество этой колоніи и творчество колоніи въ Америкѣ мы не имѣли технической возможности.

Впрочемъ, оно должно быть включено главнымъ образомъ въ періодъ современной литературы, а по своему характеру не вноситъ рѣшительно никакихъ измѣненій въ національную и литературную традицію стараго края. Пожалуй, эти частныя главы только подчеркнутъ необычайную національную живучесть русскаго народа, который выслушивалъ «всякъ золъ глаголъ», переносилъ политическія, національныя, религіозныя гоненія, вынужденъ былъ оставлять родной старый край въ поискахъ средствъ къ существованію, предпочиталъ «глубокій сонъ» и нищету чужеязычному — «мондокающему» — просвѣщенію, но не измѣнялъ своему національному преданію и чувству.

А. Л. Петровъ († 5. I. 1932), всегда столь осторожный въ обобщеніяхъ, въ послѣдней — передъ смертью — научной работѣ, въ предисловіи къ «Древнѣйшимъ грамотамъ . . .» высказалъ мысль, что фактически единственнымъ національнымъ героемъ карпаторусскаго народа — былъ самъ народъ. Это въ полной мѣрѣ подтверждается и на основаніи фактовъ культурно-національной и литературной жизни. Многократно интеллигенція нарушала народную традицію, отклонялась и измѣняла ей. Но, поскольку эта интеллигенція по своимъ служебнымъ обязанностямъ должна была общаться съ народомъ, косвенно зависѣла отъ симпатій народа (священники, учителя), она должна была отъ линіи наименьшаго сопротивленія по отношенію къ властямъ (свѣтскимъ и духовнымъ) переходить въ разрядъ упорствующихъ. Это было въ тягость для интеллигента, но для него не было другого исхода! И награда, обѣщанная закономъ Аппонія, и фіолетовый коларъ изъ рукъ еп. Панковича предполагали, что награждаемый пользовался извѣстной симпатіей народной массы, такъ какъ въ противномъ случаѣ самая награда теряла свой смыслъ. Къ чести карпатороссовъ-интеллигентовъ слѣдуетъ сказать, что многіе изъ нихъ не только поддѣлывались въ общеніи съ народомъ къ его сугубой вѣрности національно-религіозной традиціи, но и понимали душу народную, роднились съ нею и, отвергая и награды и «колары», защищали — кто русскую школу, кто букву ъ, кто восточный обрядъ, кто бороду . . . Защищали по разному: Михаилъ Андрелла Оросвиговскій — неистово, какъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

протопопъ Аввакумъ, истощая себя въ гнѣвѣ, презрѣніи и прямодушіи до святости; А. И. Павловичъ со смиренной любовью къ «эрарному» простолюдину; А. И. Добрянскій умомъ, доводами ума и дипломатическимъ тактомъ; Ю. И. Попрадовъ до истерическаго отчаянія; а Е. А. Фенцикъ отечески вдохновляя, наперекоръ стихіямъ, замалчивая личное свое отчаяніе. Все это дѣлалось на благо русскаго племени подъ Карпатами и во имя русской національной идеи, которая коренилась въ душѣ простолюдина.

Чѣмъ очаровывала и чѣмъ прельщала интеллигенцію народная душа? Мы привыкли слышать и читать о нищенской бѣдности карпаторусскаго простолюдина, который питается чуть-ли не круглый годъ картошкой и то безъ хлѣба. Эта бѣдность не только внѣшняя, но и условная. Стоитъ только путешественнику забрести на Подкарпатскую Русь, гдѣ проѣхать, а гдѣ и только пройти изъ села въ село, какъ онъ начинаетъ приходить въ изумленіе отъ своихъ впечатлѣній: какъ возможенъ въ центрѣ Европы край непочатый естественной красоты и оригинальности? Тѣ деревянныя церковушки, то съ двухъ и трехъ-ярусными крышами, то съ остроконечными, взлетающими ввысь, крытыми гонтой башнями («турнями»), которыя еще сохранились на сѣверѣ Россіи, какъ образцы деревянной архитектуры, можно найти чуть не въ каждой деревушкѣ на Верховинѣ. Если учесть своеобразіе народнаго платья и особенно вышивокъ, то этотъ малый клочекъ земли приходится разбить на 16 областей! И каждая вышивка разлагается на строго установленныя детали: «на звѣздочки», «на кривульки», «на клинцы», «на очка», «на ковбанчики», «на зирницы», «на зиркати очка съ грабельками» и т. д. Бѣдность колорита вышивки въ районѣ Ужка смѣняется у Нижнихъ Верецокъ изумительной элегантностью самой композиціи рисунка съ синимъ и краснымъ цвѣтомъ на бѣломъ фонѣ; кроваво-красныя или синія сплошныя, строгія вышивки у Волового (на 3, 4, 6 и 8 «завѣйхвостовъ») въ Раховѣ и Ясѣнѣ переходятъ въ многоцвѣтныя съ преобладаніемъ теплыхъ тоновъ. Здѣсь-же носятъ и кожаные пояса шириною въ $^1/_4$ метра, а у Вел. Бочкова тѣ «штаны шире Чорнаго моря» о которыхъ писалъ Гоголь, что у него было принято за гиперболу. А между тѣмъ гиперболы въ этомъ нѣтъ, такъ какъ не внизу слѣдуетъ производить измѣреніе, но у пояса: здѣсь полотняные штаны собраны на мотузъ мельчайшими складками, а если ихъ распустить, то окажется, что окружность ихъ равна отъ 4 и до 6 метровъ. На Верховинѣ-же носятъ узкія, тоже полотняныя, «гати», которыя, не разувшись, нельзя ни одѣть, ни снять. У пастуховъ встрѣтите трубу — «трембиту» длиною въ $2^1/^2$—3 метра; ими «пастырь» скликаетъ овецъ и козъ, подпаски-же играютъ на сопѣлкахъ. Здѣсь-же вы узнаете, что «палицы», которыми бились древніе богатыри, являются обыкновенными рѣзными «на смеречки» палками въ $1^1/_2$—2 метра изъ твердаго

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

бука съ узломъ — сучкомъ на верхнемъ концѣ. Есть села, гдѣ хоронятъ «на саняхъ», есть села, гдѣ въ присутствіи покойника принято играть въ игры... Невольно приходитъ на мысль спящая красавица, которая укололась веретеномъ и проспала въ центрѣ Европы, незамѣчаемая, сотни лѣтъ.

Поражаетъ богатство народнаго творчества, этническое своеобразіе. За послѣдніе годы въ области собиранія и изученія народнаго искусства кое-что сдѣлано. Отчасти изобразительное бытовое народное искусство и этнографическія матеріалы собраны[1]). Но остается совершенно неизслѣдованной область изустнаго народнаго творчества, какъ такового.

Въ настоящемъ очеркѣ мы неоднократно указывали на случайныхъ собирателей карпаторусскаго фольклора, однако, то, что собрано и напечатано, представляетъ только самую ничтожную часть того, что еще бытуетъ на Подкарпатской Руси. Намъ удалось познакомиться съ нѣкоторыми частными записями сказокъ, повѣрій, преданій, пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, заклинаній, причётовъ, но разсматривать эти богатѣйшія по количеству и качеству произведенія въ видѣ краткой главы мы не рѣшились. Эта область должна составить вторую часть карпаторусской литературы, самостоятельную по своему смыслу и значенію. Если позволятъ условія, мы постараемся пополнить и этотъ пробѣлъ въ русской наукѣ. Здѣсь-же останавливаемъ вниманіе читателя на изустномъ творчествѣ съ тою цѣлью, чтобы при учетѣ литературы, созданной карпаторассами и указанной въ настоящемъ очеркѣ, онъ подходилъ съ точнымъ критеріемъ. Письменная литература карпаторосовъ была сторожевымъ постомъ въ борьбѣ за русскую національность, за душу народную; творческое богатство этой народной души запечатлѣно въ изустномъ народномъ творчествѣ.

---

[1]) Dr. Zdeněk Wirt: Dřevěné církve Podkarpatské Rusi, Прага, 1928. С. К. Маковскій: Народное искусство Подк. Руси, изд. «Пламя», 1924; P. Bogatyrev: Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique, изд. L'Institut d'études slaves, Парижъ, 1922; K. Kochannyj Horaľčuk: Katalog sbírek «Umění a život Podkarpatské Rusi»,

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Азарій Петръ: 185, 195.
Аксаковъ И. С.: 135, 179.
Андрейковичъ Павелъ: 241.
Андрелла Михаилъ Оросвиговскій: 66, **67—70,** 79, 278, 280.
Аристовъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ: 7, 133, 137, 146, 155, 156, 158, 198.
Артимъ Андрей: **195.**
Артимъ Іоаннъ: 182, 185.

Базиловичъ Іоанникій: 83, **90—91,** 96, 99, 128, 155, 192.
Балудянскій Андрей: 131, 166, **175—176.**
Балудянскій (Балугьянскій) Мих. Александровичъ: 107, 109, 110, 112, **113—115,** 117.
Бакошъ Іоаннъ (Якубянскій): **273.**
Бальбинъ Богуславъ: 103.
Барановъ П.: 113.
Баратынскій Е. А.: 195.
Бачинскій Андрей, епископъ: 48, 72, 83, **85—88,** 90, 108, 181.
Бачинскій Ириней: 237.
Бережанинъ Иванъ см. Фогарашій Іоаннъ.
Бескидъ Михаилъ: 131, **168,** 222.
Бескидъ Николай Александровичъ: 9, 131, 146, 148, 153, 156, 221, 225.
Бизанцій Георгій, епископъ: 46, 48, 81.
Билевичъ Ив. Вас.: **117.**
Билевичъ Мих. Вас.: 109, **117.**
Біленький см. Стрипскій Гіадоръ Николаевичъ:
Бирчакъ Володиміръ: 8, 17, 18, **92,** 93, 101, 106, 156, 171, 189, 191, 198, 205, 212, 220, 241, 245, 252, 255, 268, 272.
Блажовскій Георгій-Гавріилъ, еп.: 255.
Боборыкинъ П. Д.: 13.
Богатыревъ Петръ Гр.: 64, 282.
Богоричъ: 103, 244.
Бодроги: 250.
Бонкало Александръ Ал.: **265—266,** 267, 277, 278.
Бопланъ Ш. 121.
Боршакъ Илья: 145.
Брадачъ Іоаннъ, епископъ: 48, 81, 85, 86, 255.
Брауне,ъ Франтишекъ: 142.
Броневскій В.: 7.
Будиловичъ А. С.: 7, 133, 179.
Будиловичъ Е. А.: 154.
Буслаевъ Ѳ. И.: 197, 244.
Бѣгунъ Павелъ: **271.**
Бѣлакъ Исидоръ: 271.

Вайнгартъ Милошъ: 57.
Валій Іоаннъ, еп.: 168.
Валковскій Мих. А.: 182, 258, **274.**
Валковскій Ник.: 258.
Вальковскій Андрей: **89—90.**
Вальтеръ Вацлавъ: 131.
Василій, пресвитеръ Никольскій: 36.
Вашица Я.: 52.
Вашковичъ Александръ: **272.**
Венелинъ (Гуца) Юрій Ив.: 107, 109, **118—123,** 173, 191.
Вергунъ Дим. Ник.: 8, 9, 101, 228, 232.
Верхратскій И.: 7.
Виртъ Зденекъ: 282.
Висаникъ Іоаннъ: **89.**
Висаникъ Мих.: 129, 132.
Вислоцкій Иванъ: 131, 167.
Войтковскій В.: 153, 179.
Вознякъ Михайло: 7, 55, 115, 116.
Воленскій Несторъ: 232.
Волошинъ Августинъ Ивановичъ: **7, 232,** 233, **245—248,** 251, 256, 268.
Врабель Матѳей: 39, 40.
Врабель Мих. Андр.: 252, 268, **269—270.**

Гавличекъ-Боровскій Карелъ: 142.
Гавріилъ куръ, протъ горы Аѳонскія: 37.
Гагинецъ Іосифъ, еп.: 129, 131, 143, 152, 161, 198.
Гагатко А.М.: 219.
Гаджега Вас. Ник.: 9, 97, 101, 105, 251, **263—264,** 276.
Гаджега Юлій Петр. (Ю. Русакъ): 9, 55, 118, 181, 186, 187, 189, 237.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Ганка Вацлавъ: 142.
Гартлъ Антонинъ: 9, 245, 263, 265, 266, 270, 279.
Гашпаръ Я.: 234.
Гебей Викторъ Андр.: 184, 234, 236, **237,** 239.
Гебей Петръ, еп.: 251, **274,** 275—276.
Гегедюшъ Авг. Ив.: **271.**
Гейстъ Каэтанъ: 238.
Геровскій Г. Ю.: 9, 97.
Геровскій Ю. М.: 136.
Глинка Ѳ.: 7.
Гнатюкъ Володиміръ: 7, 53, 59, 64, 65, 66, 73, 77, 252, 254, 256, 257.
Гнѣдичъ Н. И.: 172.
Гоголь Н. В.: 13, 112.
Годинка Антонинъ: 81, **265,** 267.
Годя Михаилъ: 66.
Головацкій Иванъ Ѳ.: 124.
Головацкій Ѳеод.: 124.
Головацкій Яковъ Ѳедор.: 124, 146, 149, 153, 155, 163, 166, 168, 175, 176, 197, 210.
Гомичковъ Ал-дръ Юліан.: 167, 185, **189—190.**
Гомичковъ Ник. Юліан.: 184, 226, 234, **237—239,** 250, 258.
Гончаровъ И. А.: 13.
Горбянскій Михаилъ Стеф.: 51, **53—54,** 69, 79.
Горзовъ «бояринъ»: 74.
Городинській Ярославъ: 105.
Грабарь Ольга: 136, 143, 162.
Гребенка Е. П.: 13.
Гребенщиковъ Г.: 13.
Грегръ Юлій: 142.
Григашій М. 72.
Григашій Мих.: **274.**
Григоровичъ Д. В.: 13.
Гротъ Я.: 9, 133, 179.
Грушевскій Мих.: 256.
Гряделевичъ Иванъ: 66, 77.
Гурбанъ-Ваянскій Свѣтозаръ: 142.
Гушалевичъ Іоаннъ: 168.

Дакснеръ С. М.: 142.
Данилевскій Г. П.: 13.
Даніилъ, архимандритъ: 75.
Даниловичъ Ив. Ив. (Корытнянскій): 185, **192—194.**
Деволанъ Г. А.: 5.
Демко Михаилъ: 146.
Державинъ Г. Р.: 148, 153, 157, 158, 172, 178, 229.
Дешко І.: 168.
Димитрій, Попа Ѳоминъ сынъ Вакѣю: 67.
Добей І.: 168.
Добровскій Іозефъ: 98, 102, 106, 197, **244.**
Добрянскій Адольфъ Иванович: 8, 129, 131, **132—145,** 146, 158, 160, 162, 163, 166, 179, 180, 181, 183, 187, 189, 197, 214, 215, 221, 222, 260, 277, 281.
Добрянскій Викторъ Ив.: 131, 132.
Довговичъ Василій: 83, **92—94,** 95, 96.
Долинай П. А.: **271.**
Дочинецъ Митро: 65.
Дрогобецкій Юлій: 74, 250, 251, **274.**
Дрожжинъ Д.: 158.
Дубай Илья: **275.**
Дудровичъ Ал-дръ Ив.: 109, **117.**
Дулишковичъ Алексѣй: 251.
Дулишковичъ Іоаннъ: 7, 100, 185, **191—192,** 258.
Дулишковичъ Ѳеодоръ: 55, 278.
Духновичъ Александръ Васильевичъ: 8, 89, 111, 124, 130, 131, **145—158,** 160, 161, 163, 164, 167, 168, 169, 173, 175, 178, 180, 181, 197, 203, 204, 214, 247, 260. 277.
Дѣдицкій Б.: 124.

Жатковичъ Юрій: 8, 61, 96, **252—257,** 269, 276.
Желтвай Эмиліанъ: 177, **276.**

Заплеталъ Франтишекъ: 133.
Зейканъ И. А. 112.
Земанчикъ Иванъ: 109, **118.**
Златарскій В. Н.: 118.
Злоцкій Ѳеодосій: 158, 182, 185, **195—197.**
Зубрицкій Д.: 166.
Зубрицкій Конст.: 131.

Игнатковъ Эм.: 225.
Игнатковъ Юр. Юр.: 173, 182, 185, 187, **189.**
Истоминъ Каріонъ: 12.

Калинякъ Илья: **178.**
Камелисъ-де, Іосифъ, епископъ: 45, 46, 69, 70, 80, 255.
Каминскій Викторъ Іос.: 96, 251, 268, **275.**
Каминскій Іос. Викт.: 258, 278.
Капишовскій Іоаннъ: 52.
Карамзинъ Н. М.: 106, 111, 178, 210.
Катковъ М. А.: 135.
Каяловичъ М. О.: 232.
Келлій Алексѣй: **272.**
Кельнеръ Петръ: 131.
Кеппенъ П. И.: 7.
Кизакъ Иванъ Ѳеод.: 242, 268, **274.**
Кимакъ Викторъ Фед.: 167, 173, 175, 182, 183, 185, **186—187,** 189, 258.
Кинахъ Глѣбъ: 78.
Ковалицкій Андр.: 131.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Колесса Олександеръ: 9, 33, 39, 40, 55, 61, 70.
Колларъ Іозефъ: 123, 180.
Кольцовъ А. В.: 158.
Кондратовичъ Ириней Мих.: 41, 46, 47, 80, 81, 85.
Корницкій Іоаннъ: 80.
Корытнянскій см. Даниловичъ И. И.
Копитаръ Варѳоломей: 98, 100, 102.
Короленко В. Г.: 13.
Котляревскій Иванъ: 17.
Котрадовъ Мих.: 185, **194.**
Коханный (-Горальчукъ) К. В.: 282.
Коцакъ Арсеній: **78—80,** 128, 203.
Кралицкій Анатолій Ѳедоровичъ: 7, 8, 29, 38, **75,** 76, 88, 90, 124, 148, 153, 154, 167, 175, 182, 186, 191, **197—205,** 206, 238, 243, 249.
Крижаничъ Юрій: 10.
Кричфалуши Георгій: 88.
Крыловъ И.. А.: 172.
Кубекъ Эмиліанъ: 276.
Куйбѣда Григорій: 57.
Курбасовъ Ив.: 111.
Кустодіевъ К. Л.: 89, 154, 173, 179.
Кукольникъ Вас. Григ.: 107, 109, 110, 112, **116—117.**
Кукольникъ Н. В.: 111, 116.
Кутка Іоаннъ: **92,** 93.

Лавровскій Н. Д.: 111, 116.
Ладомірскій Викторъ: 131.
Лапортъ А.: 233.
Лацко отъ Моцещи: 37.
Левицкій И. Е.: 90.
Легеза Ириней Іос.: 268, **273.**
Легеза Ѳеодоръ: **274.**
Лелекачъ М.: 66.
Леманинецъ Иванъ: 66.
Лермонтовъ М. Ю.: 178, 195.
Линде С. Б.: 103.
Лодій Петръ Димитр.: 107, 109, 110, **115—116,** 117.
Ломоносовъ М. В.: 13, 106, 153, 156, 157, 178, 188.
Лопухинъ М.: 7.
Лучкай Мих. Ив.: 8, 83, 93, 94, **96—100,** 101, 103, 104, **105—106,** 128, 153, 155, 156, 192, 244, 256, 264.

Майковъ А. Н.: 157.
Мазухъ: 250.
Маковей О.: 256.
Маковскій С. К.: 282.
Макъ-Карти: 112.
Маминъ-Сибирякъ Д. Н.: 13.
Марковъ Дм. А.: 133.
Марковъ Ос. А.: 133.
Марковъ Ос. Ос.: 133.
Маркошъ Мих.: 168, **178.**
Мартыновъ: 168.
Масарикъ Т. Г.: 260.
Матяцковъ Вас. Ем.: 268, **272.**
Махалъ Янъ: 9, 89, 101.
Мегай Ив.: 131.
Медвѣдь И.: 258.
Мейгешъ Михаилъ: **274.**
Меллешъ Юлій: 252, **275.**
Мельниковъ-Печерскій П. И.: 13.
Мигаличъ Александръ: 83, **106—107.**
Мигалка Іоаннъ: 158, 268, **270.**
Микита Ал-дръ: **275.**
Миллеръ О. Ф.: 232.
Митракъ Ал-дръ Андреевичъ: 41, 167, 175, 182, 197, 199, **205—210,** 222, 223, 238, 240, 243, 249, 260, 261, 268, 277.
Молнаръ И. И.: 118, 119, 120.
Молчаній Мих.: 182.
Мондокъ Іоаннъ Ильичъ: 7, 95, 166, 167, 181, 182, **185—186,** 236, 237, 258.
Моравчикъ Янъ: 131.
Мразовичъ: 93, 153.
Мудронь: 142.
Мункачій Михаилъ (Ѳ. Шовгоръ): 66.
Мустяновичъ Стефанъ: 166, 168, 175, **176—177.**
Мустяновичъ Эмиліанъ: 252, **276.**

Надеждинъ Н. И.: 7.
Нарѣжный В. Т.: 13.
Наумовъ Н. И.: 13.
Невицкій Конст.: **273,** 276.
Недзѣльскій Е. Л.: 9, 133, 258, 279.
Некрасовъ Н. А.: 157, 158, 172, 178.
Немешъ Мих.: 268, **270.**
Новиковъ Н. И.: 96.
Нодь Иванъ см. А. Ѳ. Кралицкій:
Нодь Николай: **131, 166, 167, 177—178.**
Носакъ Богумилъ: 131.
Носекъ Богданъ: 131.

Огоновскій О.: 7, 115.
Ольшавскій Михаилъ-Мануилъ, епископъ: 46, 48, 75, 83, 85, 86, **88,** 255.
Ольшавскій Симеонъ-Стефанъ, епископъ: 46, 48.
Орлай Иванъ Семеновичъ: 74, 102, 103, 107, 109, **110—113,** 120, 124.
Орнатовскій И.: 13.
Оросвиговскій Мих. Андрелла см. Андрелла Мих.

Павловичъ Ал-дръ Ив.: 8, 89, 131, 143, 157, 166, 167, 168, **169—175,** 180, 196, 222, 270, 281.
Павловичъ Конст. Пав.: 109, **117.**
Павловичъ Лазарь: 130.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Палацкій Франтишекъ: 133, 174, 180.
Панасъ Ив. Онуфр.: 128.
Панковичъ Іосифъ, епископъ: 15, 162, 165, 173, 183, 185, 187, 188, 193, 214—215, 218, 220, 226, 236, 261, 280.
Панькевичъ Иванъ: 9, 53, 61, 68, 71, 75, 77, 78, 101, 197.
Паппъ Іоаннъ: **271.**
Парыловичъ Ал-дръ: 168.
Пастелій-де Іоаннъ, еп.: 193.
Пастелій Іоаннъ: 77, **89.**
Перфецкій Е. Ф.: 9.
Петрикъ Ив.: 131.
Петрикъ Степанъ: 131.
Петровъ Алексѣй Леонидовичъ: 7, 9, 22, 26, 28, 30, 32, 36, 37, 38, **49**, 51, 53, 55, 63, 65, 67, 68, 72, 74, 81, 97, 280.
Петрушевичъ А.: 29, 65.
Плавянскій Стефанъ: 55.
Плицка Іосифъ: 94.
Повчій Алексѣй, епископъ: 95, 97, 192.
Погодинъ М. П.: 123.
Погорѣловъ Валерій Александровичъ: 8, 9, 97, 98.
Покровскій Ѳ. И.: 36.
Поливка Ив. Андр.: 78, 157, 169, 172, 175, 268, **270—271.**
Полянскій П.: 101.
Поповичъ Андрей Вас.: 131, 166, **168—169,** 182, 241.
Поповичъ Василій, еп.: 129, 147, 154, 161, 276.
Поповичъ Вас. Дм.: 125.
Поповичъ Димитрій: 88.
Поповъ Ал-дръ Вас.: 9, 133, 146, 153, 156, 158, 212, 219, 221, 225, 279.
Попрадовъ см. Ставровскій-Попрадовъ:
Посошковъ И. Т.: 10.
Проць Михаилъ: 58, 66.
Пухачъ Манассія: 74.
Пушкинъ А. С.: 157, 158, 178, 201, 230.
Пыпинъ А. Н.: 7.

Радлинскій Андрей Андр.: 142, **180.**
Раевскій М. Ф.: 154, 179.
Раковскій Ив. Ив.: 8, 124, 152, 153, **158—166,** 177, 181, 182, 183, 185, 186, 189, 191, 197, 208, 212, 213, **214,** 235, 267, 277.
Рацъ Димитрій: 203.
Ревай Юлій: 99.
Ригеръ Фр. Лад.: 142, 174, 180.
Ройконичъ Ал-дръ: **274,** 275.
Ройконичъ Вл. Эдуард.: 133.
Рошковичъ Игнатій: 7, 92, 220, 233, **234, 243—244,** 276.
Рошковичъ Эммануилъ: 260, **276.**
Рубій І.: 258.
Ружицкій Ив.: 131.
Русакъ Юлій см. Гаджега Юлій.
Русинъ Романъ: 279.
Рыжковъ Мих.: 168.
Рѣпай Андрей: 185, **194—195.**

Сабовъ Евменій Ивановичъ: **6,** 17, 41, 67, 68, 75, 80, 81, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 95, 97, 99, 101, 168, **169,** 172, 174, 176, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 198, 205, 209, 212, 221, 226, 228, 232, 234, 237, 239, 241, 243, 245, 252, **258—263,** 269, 272, 275.
Сабовъ Кириллъ Ант.: 172, 182, 185, **187—189,** 226, 237, 258, 276.
Сабовъ Симеонъ Андр.: 256, 268, **274—275.**
Сасинекъ Фр.: 233.
Свѣнцицкій Иллар. С.: 7, 74, 89, 102, 111, 118, 121, 122, 123, 151, **154,** 155.
Седлачекъ Янъ: 131.
Секей Михаилъ: 133.
Семанъ Ст.: 242.
Сиберъ: 250.
Сильвай Иванъ Антоновичъ (Уріилъ Метеоръ): 8, 19, 168, 175, 182, 193, 201, **210—220,** 223, 237, 239, 244, 247, 257, 267, 268, 272, 277.
Симовичъ Василь: 97.
Скубеничъ Мих.: **274.**
Сладковичъ Андрей: 173.
Смотрицкій Мелетій: 79, 80, 98.
Снѣгурскій І., еп.: 102.
Снѣтина Вацлавъ: 131.
Созаньскій Иванъ: 156.
Соколовъ И. И.: 32.
Соловьевъ С. М.: 135.
Спасовичъ В. Д.: 7.
Срезневскій И. И.: 7.
Ставровскій-Попрадовъ Юлій Ив.: 191, 208, **220—225,** 226, 233, 241, 242, 257, 261, 281.
Станкай Юлій: 261.
Станюковичъ К. М.: 13.
Стороженко О.: 256.
Стрипскій Гіадоръ Ник.: 7, 33, 51, 71, 88, 248, 265, **266—68, 277—278.**
Стрипскій Конст. Ив.: 9, 87, 104, 239, 245.
Студинскій Кириллъ: 146, 166.
Сумароковъ А. П.: 178.

Танъ (Богоразъ): 13.
Тарасовичъ Василій, епископъ: 44, 255.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

Тарасовичъ Георгій: 77, **89.**
Тарковичъ Григорій, еп.: 147, 255.
Терлецкій Владиміръ: 5, 152.
Теслевцёвый Стефанъ: 57, 278.
Тимковскій И.: 13.
Тихій Франтишекъ: 8, 9, 40, 78, 89, 101, 173.
Товтъ Николай, еп.: 143.
Толстой А. К.: 158.
Томасековъ Павелъ: 131.
Томашевскій С.: 7.
Торма Іоаннъ: **273.**
Тредьяковскій В. К.: 10.
Тургеневъ И. С.: 188, 253, 256.
Туринскій Мих.: 58, 66.
Тютчевъ Ѳ. И.: 157.

Фатѣевъ Аркадій Ник.: 9, 113, 115.
Франко Иванъ Як.: 7, 52, 57, 59, 61, 65, 76, 89, 256, 257.
Францевъ Влад. Андр.: 7, 9, 89, 149, 158, 163, 166, 168, 179.
Францисци Янъ: 142.
Федоръ Павелъ Степановичъ: 9, 85, 95, 133, 158, 169, 205, 212, 221, 228, 258, 279.
Феерчакъ Петръ: 5.
Фенцикъ Евг. Андр.: 5, 7, 8, 15, 175, 184, 185, 188, 190, 193, 201, 222, **226—234,** 236, 238, 244, 247, 251, 260, 267, 268, 272, 276, 277, 281.
Фенцикъ Степанъ Андр.: 180.
Фесторій Іосифъ: 225, 234, **241.**
Филевичъ П. П.: 7.
Фленьковъ Ив.: 274.
Флоровскій Антоній Вас.: 9, 112.
Фогарашій Іоаннъ (Иванъ Бережанинъ): 74, 83, 96, 97, 100, **101—106,** 111, 124, 128, 235, 264.
Фонвизинъ Д. И.: 193.

Ханатъ Ириней Ив.: 133.
Херасковъ М. М.: 153, 157.
Хомяковъ А. С.: 157, 158, 172, 178.

Чабинякъ Ив.: 272.
Чопей Антоній: 166, **177.**
Чопей Ласловъ: 14, 92, 209, 234, **239—241,** 245, 261.
Чопей Ѳеодоръ: 104.
Чурговичъ Іоаннъ: 83, **95—96,** 97, 130, 185, 236, 254, 275.
Чучка Ю. А.: 251, 268, **273.**

Шафарикъ Павелъ: 99, 102, 180.
Шашъ Варѳол.: **178,** 258.
Шверубовичъ А. И.: 116.
Шевченко Т. Г.: 158.
Шерегелій Ал-дръ: **271.**
Ширгеръ: 250.
Широкай: 250.
Шкультеты Іос.: 142.
Шлепецкій Ив.: 271.
Шолтысъ Георгій: 131, 167.
Шолтысъ І.: 132.
Шуба Павелъ: **276.**
Шугайда Макарій: 74, 75, 88.

Щавницкій Михаилъ: 109.
Щербина Н.: 172, 178.

Эганъ Эдуардъ: 127—128.

Яворскій Юліанъ Андреевичъ: 7, 8, 9, 10, 17, 32, 34, 36, 37, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 62, 70, 71, 78, 89, **90,** 92, 95, 102, 111, 113, 115, 118, **146,** 198, 266, 277.
Яковичъ Петръ: 131.
Якубянскій см. Бакошъ І.
Яницкій Александръ: 132.
Янкура П.: 167, 258.
Яновичъ Петръ: 166, 168, **178,** 277.
Яромисъ Андр.: 131.

Ѳеодоровичъ Николай: **63,** 67, **267,** 278.

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе — — — — — — — — — — — — 5— 18

I. Древній періодъ.

1. Общія свѣдѣнія о древнемъ періодѣ карпаторусскаго (угро-русскаго) народа — — — — — — — — 19— 32
2. Литературные памятники древняго періода — — — 32— 41

II. Средній періодъ.

3. Положеніе карпатороссовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ — 42— 50
4. Памятники XVII—XVIII вѣковъ. Учительныя евангелія. Учительные сборники. Легенды и апокрифы. Суевѣрно-магическія сочиненія (заклинанія, толкованія сновъ, гадательныя книги). Духовные пѣсенники — — — — 50— 66
5. Полемическія сочиненія. Михаилъ Андрелла Оросвиговскій. Лѣтописи. Интерполяціи. Путешествія. Стихотворенія. Грамоты, циркуляры, облеченки. Печатныя книги — 66— 82

III. Новый періодъ.

6. Латинско-мадьярская эпоха (переходное время). Еп. Андрей Бачинскій. Іоанникій Базиловичъ. Василій Довговичъ. Іоаннъ Чурговичъ. Михаилъ Лучкай. Иванъ Фогарашій (Иванъ Бережанинъ). Александръ Мигаличъ — — — 83—107
7. Латинско-мадьярскій періодъ: денаціонализація интеллигенціи и національный протестъ. Эмиграція въ Россію. И. С. Орлай. М. А. Балудянскій. П. Д. Лодій. В. Г. Кукольникъ. Ю. И. Венелинъ (Гуца) и др. — — — — — 107—125
8. Культурно-національное возрожденіе послѣ 1848 года. Характеристика политическихъ, національныхъ, культурныхъ и общественныхъ условій — — — — — — 125—132
9. А. И. Добрянскій — — — — — — — — — — 132—145
10. А. В. Духновичъ — — — — — — — — — — 145—158
11. И. И Раковскій — — — — — — — — — — 158—166
12. Первыя группировки писателей. Андрей Поповичъ. И. А. Павловичъ. Андрей Балудянскій. Петръ Яновичъ. Николай Нодь. Стефанъ Мустяновичъ. Антоній Чопей. Славянофильство и славянскія вліянія — — — — — — 166—180
13. Общество св. Василія Великаго — — — — — — 181—185
14. Іоаннъ Мондокъ. Викторъ Ф. Кимакъ. Кириллъ А. Сабовъ. Юрій Ю. Игнатковъ. Александръ Гомичковъ. Іоаннъ Дулишковичъ. Михаилъ Котрадовъ. І. Даниловичъ. Іоаннъ Артимъ. А. Рѣпай. Петръ Азарій. Ѳеодосій Злоцкій — — — — — — — — — — — 185—197

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса" 07.2015

15. А. Ф. Кралицкій — — — — — — — — — — 197—205
16. А. А. Митракъ — — — — — — — — — — 205—210
17. И. А. Сильвай (Уріилъ Метеоръ) — — — — — — 210—220
18. Ю. И. Ставровсікй — Попрадовъ — — — — — — 220—225
19. Е. А. Фенцикъ (Владиміръ) — — — — — — — 226—234
20. Оппортунизмъ и оппортунисты. В. Гебей. Н. Ю. Гомичковъ. Ласловъ Чопей. І. Фесторій. Языковая экспериментація. И. Рошковичъ. А. И. Волошинъ — — — — — 234—246
21. Отъ 90-хъ годовъ и до переворота. Національное удушеніе. Научные труды. Юрій Жатковичъ. Е. И. Сабовъ. В. Н. Гаджега. Эмиграція въ Будапештъ: А. Годинка, Г. Н. Стрипскій, А. А. Бонкало — — — — — — — 246—268
22. Народническое движеніе. М. А. Врабель. М. Немешъ. І. Мигалка. И. А. Поливка. В. Е. Матяцковъ. Ю. А. Чучка. И. І. Легеза. Учебники. И. Ф. Кизакъ. Общественно-патріоческія дѣятельность. Д-ръ С. А. Сабовъ. В. І. Каминскій. Церковная литература — — — — — — — — 268—276
22. 1914—1917 годы. «Русько-краинскій» періодъ. Присоединеніе къ Чехословацкой Республикѣ. Замѣчанія о современной литературѣ. Изустная народная литература — 276—282
Алфавитный указатель именъ — — — — — 283—287

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ УжгородѢ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
9	9 снизу	Ант. Гартла: Deset let podkarpatského pisemnictví	Ант. Гартла: Deset let podkarpatského pisemnictví (отд. оттискъ — Literární obrození Podkarpatských Kusinů 1920—1930.)
55	26 сверху	Стефана Дулишковича	Ѳеодора Дулишковича
187	20 сверху	Василій Федоровичъ Кимакъ	Викторъ Федоровичъ Кимакъ
224	2 сверху	Lasciate agni	Lasciate ogni